

ВИКТОР
КОСЕНКОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКИЕ НАВСЕГДА

Виктор Косенков

Русские навсегда

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156110

Русские навсегда: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-20824-1

Аннотация

В недалеком будущем политическая ситуация в мире обостряется до предела. Судьбы мировых держав могут зависеть от компьютерных дисков, которыми вместо резидента иностранной разведки случайно завладевает группа русских программистов. На «похитителей» государственной тайны открывается смертельно опасная охота, в которой участвуют российские спецслужбы, зарубежные разведки и мафиозные группировки. Однако русских голыми руками не возьмешь, особенно если среди них есть хотя бы один матерый волк – допустим, бывший разведчик, прошедший почти все горячие точки мира.

Содержание

0.	8
1.	12
2.	16
3.	22
4.	26
5.	35
6.	43
7.	54
8.	64
9.	77
10.	90
11.	95
12.	107
13.	113
14.	119
15.	126
16.	133
17.	138
18.	145
19.	152
20.	153
21.	154
22.	155

23.	158
24.	164
25.	172
26.	176
27.	183
28.	190
29.	197
30.	208
31.	215
32.	228
33.	241
34.	253
35.	258
36.	267
37.	283
38.	295
39.	309
40.	323
41.	343
42.	350
43.	360
44.	368
45.	370
46.	388
47.	401
48.	407

49.	411
50.	420
51.	426
52.	433
53.	441
54.	447
55.	453
56.	460
57.	471
58.	478
59.	486
60.	493
61.	505
62.	512
63.	519
64.	523
65.	529
66.	531
67.	533
68.	536
69.	542
70.	555
71.	564
72.	568
73.	574
74.	578

75.

582

76.

586

77.

609

78.

624

Виктор Косенков

Русские навсегда

Русские не ушли.

Русские – навсегда.

0.

Щелчок. Каналы сменяются мгновенно.

– Перенос производства в страны третьего мира дает не только выгоду в экономическом плане, но и приносит пользу в социальной сфере.

Толстый. Благодушный.

Полные влажные губы и гладко выбритые щеки.

Микрофон закреплен на воротничке белой рубахи, небрежно расстегнутой на груди. Жарко. Кожа блестит. Почти физически ощущается дыхание моря. Теплого. Доброго моря. Острова...

– Повышение уровня занятости в этих странах ведет к повышению уровня стабильности не только в производственных регионах, но и во всей Европе. Достаточно посмотреть статистику, чтобы понять, что эмиграция сейчас во многом зависит от повышения или понижения биржевых котировок тех корпораций, которые активно размещают производство в отсталых регионах Земли. Перенос производства – это вопрос не экономики, но глобальной безопасности.

Снова щелчок.

– Проблема религиозной нетерпимости в пригородах Лондона требует...

Щелк!

– Мэрия категорически отвергла обвинение в продаже

Эйфелевой башни шиитской общине. Утренние молитвы, фаджр или же саят ассубх совершались на Эйфеле только в рамках ежегодной недели ислама, которая традиционно проходит в Париже.

Щелк!

– Экологическая ниша не может пустовать. Любая пустота сразу же заполняется существами более приспособленными к выживанию в условиях неблагоприятной городской среды. Например, крысами...

Щелк!

– Очередная манифестация гомосексуалистов и лесбиянок была приурочена к годовщине основания Евросоюза. Ликующие, красочно разодетые толпы прошли по всем крупным городам Европы. Манифестации возглавляли представители мэрий столиц...

Люди. Целующиеся мужчины.

Чьи-то голые волосатые ляжки, торчащие из-под юбки.

Толстуха в розовом костюмчике феи лезет в камеру. Ярко накрашенные губы расползаются по экрану.

Праздник.

Их праздник.

Щелк!

– Согласно данным Международного энергетического агентства, разработка месторождений в пределах арктического биозаповедника на Аляске привела к значительному увеличению процента добычи нефти в США. Снятие кон-

сервации с ряда скважин однозначно выводит Соединенные Штаты Америки в лидеры по нефтедобыче. В то же время наблюдатели ОПЕК сообщают, что, по их мнению, запасы нефти в России не соответствуют заявленному в январе этого года уровню. Сегодня баррель нефти стоит 400 долларов.

Щелк!

– После размещения в Прибалтике передвижных ракетных установок для крылатых ракет нового поколения напряженность в отношениях между странами Северо-Атлантического альянса и Российской Федерацией только усилилась. Несмотря на заявления Президента США о...

Щелк!

– Нынешний мир держится на трех слонах. Это – Капитал, Глобализация и Общечеловеческие Ценности. Однако все три слона прочно стоят на одной большой черепахе, на панцире которой написано – Нефть!

Самоуверенный, улыбчивый, седоволосый, в провокационном оранжевом галстуке. Такому позволительно говорить с экрана все, даже глупости.

– Сегодня у нас в студии...

Щелк!

Желаете познать мир? Что может быть проще?! Просто переключайте каналы телевизора. Щелк. Щелк. Щелк.

Нигде не задерживаясь. Не останавливаясь на рекламу. Не вдумываясь.

Переключайте каналы.

Вы ловите обрывки фраз. Куски предложений. Обрывки смысла. Части речи.

И из огромной, разноцветной, пестрой мозаики на ваших глазах выстроится картина, в которой можно будет увидеть весь, не такой уж и большой, мир. Некогда, может быть, полный тайн и удивительных открытий, но не сейчас. Сегодня не нужно двигаться вперед, рваться к горизонту, терпеть лишения и горечь ошибочных дорог. Нужно просто переключать каналы телевизора.

Щелк. Щелк. Щелк.

1.

Человек, сидящий напротив, улыбался приветливо. Понимающе.

От этой улыбки становилось тошно и хотелось выть.

И если бы не конвертик, лежащий на голубом пластике стола, можно было бы смело встать, развернуться и выйти из прокуренной забегаловки. Да еще выпалить что-нибудь эдакое, соответствующее случаю и пафосное.

Или дать ему в харю!

Но нельзя...

Забегаловка была забита до отказа. В помещении, прованявшем мокрой одеждой, улицей и табаком, толпились люди. Раскрасневшаяся повариха за стойкой раздраженно толкала в толпу тарелки с парящими пельменями. «И сотенку беленькой плесни, хозяйка! И сотенку беленькой...» – хрипло гудел какой-то работяга с красным широким лицом.

В этой толчее никто не обращал внимания на двух мужчин, пристроившихся за маленьким, почти микроскопическим столиком, на котором уместился только бумажный конверт из плотного картона да две нетронутые чашки с остывшим чаем. Первый мужчина, точнее, молодой человек, на вид лет тридцати, был одет в потертую кожаную куртку, синие джинсы и держал в руках небольшой чемоданчик, видимо, для ноутбука. Второй, постарше, – в сером, длинном

пальто, широкий шарф небрежно переброшен через плечо. И если первый сидел сжавшись и скрестив руки на груди, словно пытаясь согреться, то второй чувствовал себя более раскованно, нога закинута на ногу, губы сложены в улыбке.

– Так что же вы решили, Вениамин Сергеевич? – после долгого молчания поинтересовался мужчина в пальто. – Вы, конечно, интересный собеседник, но у меня, видите ли, есть еще кое-какие дела.

Внимательный слушатель мог бы различить в его голосе легкий акцент.

– Я должен подумать, – первый, зажатый и испуганный, отвел глаза в сторону. – Такие вопросы с кондачка не решаются.

– Верно. Все верно, – согласился человек в сером пальто. – Я понимаю ваше желание. Тогда я покину вас. И, чтобы вам лучше думалось, конечно же, оставлю вам этот конверт. С копиями, как вы сами понимаете.

– Понимаю. – В горле у Вениамина вдруг запершило.

– Всего хорошего. Мы с вами свяжемся. Позже.

– Да, разумеется...

– Подумайте над нашим предложением. Всего хорошего. – Мужчина в сером пальто поднялся.

– Постойте. Как вас зовут? Вы даже не представились. – Вениамин вдруг засуетился. – И я... Я же должен знать, как вас называть?

– А зачем вам меня называть? – с холодом в голосе поин-

тересовался его собеседник. – Вениамин Сергеевич, ай-ай-ай, уж не собираетесь ли вы пойти...

– Нет-нет, что вы?... Просто я не могу... Так.

Человек в сером пальто улыбнулся.

– Ну, раз не можете так... То зовите Карел. Удобно вам будет звать меня Карел?

– Вполне.

– Тогда прощайте.

Карел вышел.

На его место мигом плюхнулся какой-то мужичок в затасканном пуховике и принялся уплетать пельмени.

– Чего кислый такой? – обратился мужичок к Вениамину. – Вдарь по маленькой и полегчает!

– Спиться боюсь, – прошептал Вениамин.

Он встал и, понуро опустив голову, двинулся через толпу.

– Эй! Конвертик, конвертик забыл!

Вениамин сморщился, развернулся и грубо схватил конверт, будто бы тот один был виноват во всех свалившихся на него бедах. От резкого движения клапан раскрылся, и содержимое вывалилось на грязный, мокрый пол. Глянцевые, яркие, кричащие фотографии.

– Черт! – Веничка кинулся подбирать разлетевшиеся бумаги. – Черт!

Он почувствовал, как к лицу прилила краска, как сердце гулко застучало где-то у самого горла.

Наконец, собрав все, до чего смог дотянуться, Вениамин

выбежал из кафе.

Мужик в пуховике посмотрел под стол, куда залетела одна из фотографий, презрительно усмехнулся:

– Пидор.

2.

Однако Вениамин Сергеевич Риттер педерастом не был. В свои тридцать пять он работал в зеленоградском Архиве. Так называлась секретная контора, куда сходились данные с четырех таких же секретных НИИ. Обмен информацией шел непрерывно.

Большинство работников Архива не имели допуска к содержанию материалов, но подписка о неразглашении связывала всех единой круговой порукой.

Архив был щедро опекаем ФСБ. Так что, кроме штатных «особистов», в Зеленограде постоянно «работали» внештатные сотрудники. Строгий внутренний распорядок, контроль и ощущение «колпака» способны поломать и более устойчивую психику, а Веничка такой похвастаться и вовсе не мог. Риттеру иногда казалось, что дышать в Архиве совершенно нечем. Будто воздух сгустился, сжался, стал клейким, а спину сверлит чужой внимательный взгляд.

Веничка рос без отца, мать зашивалась на двух работах сразу, пытаясь дать ребенку все возможное. Она и давала, эта старательная, отчаянная в своей материнской заботе женщина. Ей удалось дать сыну хорошее образование и тот материальный уровень, который позволил бы Вениамину иметь увлечения, ставшие основой для личного развития. Единственное, чего не смогла дать мать своему ребенку, – это

уважение к порядку и понимание того, что любое наказание за большие или маленькие грехи – не просто самодурство власть предрежащих, а вынужденная мера.

Проще говоря, Веничку в детстве не пороли.

И теперь его либеральное воспитание требовало протеста, освобождения от жестких рамок, в которые попадает каждый, прикоснувшийся к государственной тайне.

А еще Вениамин Сергеевич Риттер был жутким бабником. И имел связь с Леночкой, несовершеннолетней дочкой директора Архива. Он закрутил этот роман, повинувшись нелепому желанию фрондировать, глотнуть воздуха свободы, которого ему так не хватало.

Теперь, когда неведомый фотограф прихватил Веничку на горячем со всеми подробностями, Риттеру хотелось выть от страха. Впереди был скандал, увольнение, да еще оскорбленный в лучших чувствах папаша наверняка раскрутит это дело в органах. Кому какое дело, что Леночка рано созрела и по своей опытности могла дать фору любой проститутке? Все решали цифры. А они неумолимо говорили: четырнадцать лет – это растление несовершеннолетних, остальное не имеет значения. Цифры неумолимо говорили – статья. Паршивая статья, с такой на зоне несладко.

Теперь будущее рисовалось Риттеру в исключительно черных тонах.

Если, конечно...

Всего этого – скандала, увольнения и статьи могло бы и

не быть...

– Чего заснул-то?

– А? – Веничка обернулся, от неосторожного толчка на пол шлепнулись папки с бумагами.

– Точно заснул, – Дима Цветиков, курьер, радостно заулыбался. – Пойдем курнем?

– Не, – Веничка насупился. – Работы вон сколько...

– Да ладно! – Цветиков засмеялся. Это был на удивление жизнерадостный молодой человек. Во всем Архиве не было, наверное, большего оптимиста, чем Дима. В любом, даже самом безвыходном положении он мог увидеть что-то положительное. Мог ободрить человека одним своим присутствием. В Архиве считалось, что встретить курьера в начале трудового дня – хороший знак. – Ты что, забыл, кто тебе работу приносит? Вон у тебя две папки. Раскидаешь по каталогам быстренько. Успеешь еще. Вообще, сегодня шеф в отъезде, так что гуляй, пока молодой. Пошли курнем!

– Ну хорошо, – вздохнул Веничка. – Курнем так курнем.

День только начинался, а после бессонной ночи, проведенной в липком страхе за свое будущее, Риттер был тот еще работник. Чем черт не шутит? Может быть, перекур в компании с вечно веселым Цветиковым что-то изменит?...

В курилке было пусто и стоял застарелый запах прогоревшего табака.

Цветиков неторопливо затянулся. Задержал дыхание и выпустил облако дыма.

Под потолком лениво шуршал вентилятор.

– Ну давай, – Дима неопределенно махнул рукой.

– Чего?

– Рассказывай. У тебя что-то случилось. Сразу видно.

– Да ну, брось, – Веничка усмехнулся. Получилось неубедительно. – Все у меня хорошо. Не выспался только.

Цветиков вопросительно поднял брови.

– Соседи орали всю ночь, – на ходу придумал Риттер. – Идиоты. Сначала скандалили, потом мирились... Потом снова скандалили.

Курьер понимающе покачал головой.

– А у меня, представляешь, в соседях наш особист.

– Ожегов?

– Он самый. Никакой личной жизни. Все время кажется, что за мной присматривают. Как говорится, все под колпаком. У Ожегова.

– Да ну... За тобой-то чего присматривать? Ты ж курьер, а не какой-нибудь старший научный сотрудник.

– Много ты понимаешь. – Пепел с Диминой сигареты упал на рукав халата. – Вот черт... Теперь менять придется.

– Так чего там? – Веничка неожиданно почувствовал интерес к разговору.

– Где?

– Ну, с Ожеговым...

– А! – Цветиков весело засмеялся. – Прелюбопытнейший мужик наш особист! Он ко мне пару раз заходил чаю попить.

Что характерно, спиртного ни грамма в рот не берет. Я предлагал. Нет, говорит. И не по здоровью, а так... из убеждений. Мол, не хочу терять контроль.

– А как же он расслабляется? Так ведь крыша съедет.

– Я тоже спросил. Медитацией, говорит. Оказывается, исключительно пробитый на Восток человек. Йогу изучает. Прикинь! При мне ногу на шею забросил, а лет ему... наверное, под сорок пять. Так-то!

– Забавно.

– А еще рассказывает много чего интересного. У него, сам понимаешь, опыт жизненный ого-го какой.

– Ну да, ну да... – Почему-то в этот момент Риттер насто-рожился. – А что, например?...

– Ой... Много... Как в Анголе воевал, рассказывал. Про Ирак тоже...

– А про нас? – неожиданно для самого себя спросил Веничка. – Про нашу контору чего-нибудь говорил?

– Про нашу... – Цветиков задумался. Снижать градус беседы не хотелось, казалось бы, он только-только сумел заинтересовать собеседника, но и врать Дима не любил. – Ну, сам понимаешь, он мне много не расскажет. Но догадаться можно.

– О чем? – Вениамин перешел на шепот.

Дима сделал круглые глаза. Наклонился вперед.

– Мы очень... Очень! Секретная контора!!!

– Тьфу на тебя! – Риттер затушил окурок и под веселый

хохот курьера выскочил из курилки.

Придя на свое рабочее место, Веничка обнаружил, что к двум папкам, ожидавшим его с самого утра, прибавились еще три. Предстояло написать два отчета, собрать данные по двум запросам и продолжить нуднейший процесс каталогизации одного архива. Работы более чем достаточно.

И удивительно... открыв первую папку, Вениамин обнаружил, что уже не думает о страшном конвертике с похабными фотографиями, о беде, нависшей над ним, об опасностях и угрозах. Это чувство было настолько приятным, настолько окрыляюще легким, что ему захотелось петь и улыбаться.

Чувство освобождения от страха.

Риттер и не знал, что именно в этот момент в его голове созрело и оформилось, может быть, еще не до конца, то решение, которое толкнет его к смерти.

3.

– Знаете, мы сами справились, – секретарша Леночка мило дернула оголенным плечиком. – Так что вы уж извините за беспокойство. Видимо, мы не нуждаемся в ваших услугах. Спасибо. Юрий Алексеевич сказал, что аванс вы можете оставить себе.

Повисшая в офисе тишина должна была дать понять визитеру, что разговор окончен и он может покинуть помещение.

Однако посетитель не торопился. Он долго с интересом рассматривал офис, подмечая неточности, ошибки и то, что эти ворюги выдали за «свой стиль».

Украдено было почти все. От основной идеи до материалов.

– Так, значит, – наконец произнес посетитель. – Юрий Алексеевич сейчас в отъезде?

– Да, совершенно верно. Будет не скоро. Может быть, через неделю.

Посетитель кивнул.

– А, простите за нескромный вопрос, кто занимался разработкой дизайна?

– Мы сами... – уклончиво ответила секретарша.

– Вы уверены?

В его голосе было нечто такое, что заставило Леночку подумать перед ответом.

– Нам помогала небольшая фирма, они предложили более выгодные условия. Вы понимаете.

– Понимаю, – посетитель кивнул и поежился, будто от холода. – А название фирмы вы не помните?

– Это наша внутренняя информация, – Леночка решительно покачала головой. – Внутренняя.

– Хорошо, – неожиданно просто согласился посетитель и направился к двери. – Передайте Юрию Алексеевичу, что я зайду через недельку.

– Да, конечно...

Хлопнула дверь.

Секретарша облегченно вздохнула.

Через некоторое время из своего кабинета показался начальник.

– Ушел?

– Ушел, Юрий Алексеевич. Обещал через неделю...

– Да я слышал, – начальник досадливо поморщился. – Во народ, ну обошли тебя, так успокойся... Нет, будет ходить, просить...

– Станный он.

– Да ну... Все эти художники тронутые. С этим ничего не поделаешь.

Тем временем «тронутый художник» стоял на улице под падающими хлопьями мокрого снега и задумчиво рассматривал окна «кинувшей» его конторы.

Это был молодой, высокий и худой человек, одетый в кожаный длинный плащ и шляпу. Через плечо небрежно переброшен широкий черный шарф. Плоский футляр для электронной планшетки легкомысленно зажат под мышкой.

Звали молодого человека Сергей Васильевич Столяров, ему было двадцать восемь лет, и на жизнь он зарабатывал дизайном. Работа его шла не так чтобы особенно хорошо, но и не плохо. На кусок хлеба, иногда даже с маслом, вполне хватало.

И больше всего на свете Сергей Васильевич не любил, когда его обворовывали. Особенно, если обворовывали нагло. А сейчас был именно тот случай.

Три недели Сергей работал над проектом дизайна для туристической фирмы «Лихарев и К°». Еще две занимался подгонкой и учетом пожеланий заказчика. И в день сдачи обнаружил, что его обворовали.

«Лихарев и К°» уже закончили реновацию сети своих офисов. И, более того, слизали все идеи с его сырого еще проекта. Слизали грубо, без учета особенностей и деталей. Получилось гадко, но это не радовало. Сергей рассчитывал на гонорар, да и загубленного времени было, мягко говоря, жаль.

– Кто же меня так прокатил? И главное, как?... И что делать? – Сергей огляделся по сторонам, словно ища ответа на свои вопросы. Улица была пуста. Где-то далеко гудели машины, город жил своей жизнью, но небольшой переулочек,

в котором располагался головной офис злосчастной турфирмы, был погружен в тишину.

– Что делать и кто виноват? – повторил Сергей.

Он еще раз взгляделся в освещенные окна «Лихарев и К°», плюнул и двинулся к ближайшему метро, попутно вставляя в ухо гарнитуру сотового.

– Михалыч? – донеслось из-за плотной снежной тишины. – Ты вообще где сейчас?

4.

Прихожая, в которую вошел Сергей, поражала воображение обилием самых разнообразных, часто несовместимых друг с другом предметов. Тут соседствовала голова антилопы и вмурованный в стену системный блок шут знает какого потертого года, блестящая круглая фара и хищным когтем изогнутый малайский керамбит, автоматный рожок и шаманский бубен. Множество мелких, на первый взгляд, незначительных, но способных многое рассказать о своем хозяине деталей пряталось за крупными вещами. Какие-то бусы, амулеты, черно-белые фотографии, рисунки на салфетках, удостоверения, чья-то посмертная маска, сделанная откровенно любительски...

– Дал бы ты мне тут покопаться, – пробурчал Сергей. – Я б тебе такой дизайн забабахал, отпадный.

– Ты всегда это говоришь, – отозвался из-за его спины хозяин квартиры. – Проходи дальше. Не выстуживай.

– Извини, Михалыч. – Сергей сделал шаг в глубину прихожей. – Всегда поражаюсь твоей квартире.

Загорелся свет.

Хлопнула дверь. В темноте «предбанника» Михалыч воевал с засовами и ругался под нос. Наконец, совладав с многочисленными защелками, хозяин вошел внутрь и закрыл вторую дверь. Щелкнул замок.

– Ты давно зуб на мою коллекцию точишь.

– Только ты не поддаешься. – Сергей снял плащ и повесил его на вешалку, целиком состоящую из рогов. – И совершенно зря...

– Иди ты, – улыбаясь, прогудел Михалыч. – Испортишь только.

Это был большой человек. Высокий (чтобы не биться головой, Михалыч увеличил дверные проемы), с широкими плечами и объемистым животом. Казалось, что хозяин квартиры излучает здоровье и благодушие.

– Чего тут портить? – Сергей махнул рукой. Этот спор имел давнюю историю. Душа дизайнера требовала вмешательства в хаос этого жилища. Но хозяин, чья непростая биография отражалась в удивительной коллекции, всегда сопротивлялся.

Действительно, за свои сорок лет Антон Михайлович Лаптев, для друзей просто – Михалыч, успел многое. Начиная от работы военным советником при правительстве Рохани в Иране и заканчивая организацией сафари и научных экспедиций в труднопроходимые районы. Отовсюду он привозил какие-то вещи, непонятные постороннему человеку, совсем чужие для европейского глаза. Но за каждым из этих предметов была история, случай, событие из его богатой, полнокровной жизни.

– Как что портить? – удивился Михалыч, провожая гостя в большую комнату. – Тут же половина вещей проходит под

грифом «Совершенно секретно!». Вон та фара, видишь?...

– Стояла на любимом автомобиле Бен Ладена, – заученно ответил Сергей.

– Вот ты мне не веришь, а совершенно зря. Чай, кофе или кальяном побалуемся? – Михалыч похлопал широкой ладонью по огромному серебряному кальяну, стоящему в углу зала. Колба отозвалась мелодичным звоном.

– Чай, чай... Эта твоя бандура все одно не работает.

– Напрасно ты так думаешь! Я в ней почти все дыры законопатил... После того раза...

Они засмеялись. Оба помнили «тот раз», когда друзья попытались запустить огромный и декоративный агрегат. Залили внутрь воды, несколько ведер. Кальян постоял некоторое время, а потом вдруг дал такую обильную течь, что пришлось выяснять отношения с нижними соседями на предмет протекающего потолка.

– А я уж думал, что это не кальян, а дуршлаг.

– В общем, я тоже... Так... – Михалыч указал на кресло. – Садись, отдыхай, я сейчас. Машка с детьми к родителям махнула на каникулы, так что я холостякую.

– Может, я лучше сам чай сделаю? – с опаской поинтересовался Сергей.

– Поговори у меня... – проворчал бывший «черный полковник» и удалился на кухню.

Сергей некоторое время посидел в кресле, нервно барабанил пальцами по тугим кожаным подлокотникам. По-

том встал. Прошелся вдоль книжных полок, осторожно ведя пальцем по корешкам. Погладил по носу чучело ворона, стоящее на телевизоре, и направился вслед за другом.

Михалыч возился с заварным чайником, что-то бормоча себе под нос. Чай у него тоже был особенный, по крайней мере таких этикеток Сергей не встречал ни в одном магазине.

Столяров остановился в дверях, привалился к косяку.

– Проблема у меня, Михалыч.

– Ну, это я догадался, – спокойно ответил полковник в отставке. – У тебя лицо было такое...

– Какое?

– Такое... – Он задумался. – Какое бывает, когда у человека проблема.

– Логично. Не знал, что ты такой матерый физиономист.

– Ну, нюх у меня на людей с проблемами.

Михалыч залил в заварной чайник кипяток, накрыл плотным полотенцем. Затем выставил на стол небольшие чашечки и три маленькие пиалушки с вареньем.

– Тут малина, кленовый сироп и чуть-чуть твоего любимого.

– Кедровое? – Сергей почувствовал, что невольно начинает улыбаться.

– Оно самое. В Москве, в это время года, не встречается.

– Мне даже неудобно...

– Да ладно, – Михалыч хлопнул друга по спине, отчего тот едва не слетел со стула. – Не зашиб?

– Не очень, – Сергей поморщился.

– На самом деле у моей Машки родня в Сибири. Они там эти кедровые шишки собирают, как мы тут груши. Присылают. Так что ешь не тушуйся.

– Спасибо.

Сергей аккуратно зачерпнул ложечкой густой, коньячного цвета жидкости. Положил на язык. Запахло хвоей, лесом.

– Здорово, правда? – Михалыч тем временем разлил по чашечкам не менее ароматный чай. – Вот так и надо решать проблемы. За чаем, в хорошей компании. Это правильно. В одиночку и с водкой никогда ничего путного не выходит. Ну давай, говори, что там у тебя?

– Кинули меня, Михалыч. Кинули и обворовали.

– Каким образом?

– Да очень просто. Рабочий процесс обстоит так: я получаю, условно говоря, задание, исследую объект, потом некоторое время сижу за своими программами.

– Ну да, это я как раз видел. Ты там чуть ли в бубны не стучишь.

– Шаманю, одним словом. Потом приношу клиенту решения. Обычно несколько вариантов, но в пределах одной заранее обговоренной темы. Проекты эти – сырые. Их надо дорабатывать, что-то переделывать. На это тоже требуется время. При хорошем раскладе – месяц-полтора. Из учета материалов, финансовых возможностей и так далее, понимаешь?

– Естественно.

– Потом мы подписываем готовый проект. И субподрядчики, какая-нибудь бригада строительная, таких сейчас навалом, работает согласно проекту. Все просто.

– Да.

– Однако есть хитрость. Работа субподрядчиков, при наличии более-менее толкового проекта, занимает недели две. А доработка сырого проекта это, как я говорил, месяц. Ну, минимум три недели.

– И?

– Так вот, если проект на этой стадии перехватить и отдать рабочим, то я остаюсь с носом, даже сам об этом не зная. Сижу, работаю, а кто-то в это время рубит капусту. И всем хорошо! Я работаю и ни о чем не знаю. Строители работают. А кто-то получает деньги за мой проект. Правда, сырой и кривой, но зато сразу. Прибыль стопроцентная. Потому что времени на то, чтобы украсть, нужно значительно меньше, чем на то, чтобы все это создать! Ну, логика понятна? Делим прибыль на время, потраченное на ее получение, и выходит...

– С этим ясно. Дальше давай.

– В общем, какие-то ребята круто наварились. Пока я с чистым сердцем правил и переделывал проект для одной конторы, они сперли его у меня. И толкнули. За полцены той самой конторе. Их директор согласился. Рабочие все собрали.

– А договор?

– А с договора директор спрыгнул. Через запасной люк на

тему, что, мол, фирма имеет право отказаться от договора, оставив мне аванс. А что мне аванс? Я времени на эту работу убил столько...

– А в суд?

Сергей исподлобья посмотрел на Михалыча.

– Не хочу в суд...

– А-а-а... – понимающе протянул Михалыч. – Это другое дело.

– Тогда как?

Михалыч заулыбался, словно чеширский кот, и, чтобы скрыть ясно видимое удовольствие, поднял чашечку с чаем, заслонил ею губы.

– Чего радуешься? – поинтересовался Сергей.

Михалыч пожал плечами.

– Да что-то тихо стало в последнее время. Я даже забеспокоился. Знаешь, когда ничего не происходит, это настораживает. Все время кажется, что затишье вот-вот закончится и ка-а-ак даст! Лучше немного напрягаться по небольшим вопросам, чем редко, но с размахом. Так что не переживай, я дам тебе «парабеллум».

– Кстати. – Сергей с видимым сожалением отодвинул от себя пиалу с вареньем. Хотелось еще, но надо было и честь знать, тем более что варенья осталось на доньшке. – Кстати, у тебя не было такого... Предчувствия?

– Чего? – Полковник удивленно приподнял бровь.

– Ну... Предчувствия. Знаешь, как будто перед войной?

Ну, как в песне у Окуджавы. «Вы слышите, грохочут сапоги и птицы оголтелые летят...»

– Ошалелые.

– Что?

– Ошалелые, а не оголтелые. Оголтелые у нас журналисты, а они не летают. Что хорошо, иначе они бы метали помет прям сверху. С фонарных столбов. Нет, знаешь, предчувствий у меня не бывает. У меня все на рефлексах.

– Хорошо тебе. А у меня вот бывает... Настораживает, знаешь ли. Потому идея о «парабеллуме» хоть и приятна, но...

– Спокойно. Все будет хорошо. Поверь мне, твои предчувствия не из этой оперы.

– С чего ты взял?

– Это просто. Что такое ноосфера, знаешь?

– Вернадский, – пожал плечами Сергей. – И все. По-моему, никто не знает.

– Доподлинно никто, но одно из толкований – сумма всех знаний всего человечества. Так вот предчувствия можно рассматривать как пробой из ноосферы. Вот и прикинь, насколько велика вероятность, что из совокупности всех знаний тебя пробьет предчувствие на тему мелкой, в общем-то, разборки?

– Ну... Не велика.

– Точно. А вот в глобальном смысле... это может быть.

– Ты хочешь сказать...

– Что нас ждут великие потрясения. Новости смотришь?
Рекомендую.

– Удивил...

– Точно. Я тебе даже больше скажу. Эти чертовы перемены ждут нас всегда. Поэтому плюнь на любые предчувствия. С колокольни. – Михалыч налил еще чаю. – У тебя есть задача, ее надо выполнить.

– Какая?

– Ну, – отставной полковник развел руками. – Ты даешь! Главная задача – уцелеть!

И Михалыч весело засмеялся.

– Что-то ты сегодня особенно весел, – обиженно пробормотал Сергей.

– Ладно, ничего страшного. Давай лучше займемся твоими проблемами. Звони нашему компьютерному гению и всей его гнусной братии. Но учти, если они у меня, как в прошлый раз, повеселятся, трупы будешь убирать сам.

5.

Гриша, играя всем телом, сделал полшага влево, затем полный шаг вправо, одновременно разворачиваясь на хайкик левой ногой, чтобы после этого встретить противника на фронткик, в простонародье – пинком в брюхо. Задумано было неплохо и даже могло получиться. Но в самый ответственный момент что-то с треском врезалось в левую скулу. Опорная нога ослабла, и ринг начисто вышиб дыхание из груди.

Последними о татами ударились ноги.

– Етить твою мать, – услышал Гриша. Перед его глазами моталось цветное переливающееся одеяло, пространство вокруг было наполнено гулким звоном колоколов. – Етить твою мать конем до селезенки!

– Мама... – выдохнул Гриша и застонал. Во рту было солоно, перекатывалось что-то твердое, и было очень трудно говорить. – Ой, бля...

– Бля – это не то слово, – снова сказал кто-то задумчивый и невидимый через разноцветное одеяло. – Что ж вы, соколы? Так вас разэдак, дубьем до горла...

Способность соображать вернулась к Грише не сразу. Он понял, что озабоченно-задумчиво-матерный голос – это тренер, соленое во рту – кровь, а твердое и катается – лучше сплюнуть. Потому, что это зубы.

Однако сплюнуть не получилось. При попытке сложить губы в трубочку и резко выдохнуть челюсть отзывалась такой болью, что цветная круговерть перед глазами резко потемнела, а утихнувшие было колокола в ушах ударили с новой силой.

«Челюсть сломана, – равнодушной черточкой букв проплыла на фоне цветного марева мысль. – Ну надо же...»

Неожиданно в ноздри ударил острый, хлесткий запах. Кто-то поднес ватку с нашатырем.

Гриша изогнулся, стараясь уйти от удушающей вони, отвернуться. Но кто-то невидимый все тыкал и тыкал ватой в ноздри.

– Ну едрит ежа косматого, против шерсти волосатого! – возмутился тренер. – Мало того, что вы его срубили, как сосну, так теперь еще удушить намереваетесь, обезьянья шишка дутая?! Что ты ему запихиваешь в нос, будто тампоны с крыльями?! Одного раза нюхнуть хватит.

Наконец завеса из пятен поредела, расплзлась в стороны, и Гриша увидел столпившихся вокруг коллег-программистов. Все как один бритые, покрасневшиеся, потные, у кого-то по скуле расплывается свеженький синяк.

– Гришка, блин, ты извини. Я не хотел, – пробасил Леша. – В общем, совпало как-то. На прямой налетел. Я...

– Помолчи уж, лисья кочерыжка. – В поле зрения протолкался тренер с баллончиком и обратился к пострадавшему: – Глаза закрой. Лечить тебя будем.

Гриша послушно зажмурился. Слева зашипело, брызнуло чем-то холодным. Щека моментально онемела, боль съезжилась, исчезла. Показалось, что челюсть по-дебильному отвисла вниз и с нее стекает слюна.

– Руками не трогать, – предупредил тренер. – Глаза можешь открыть. Сейчас мы тебя к врачам доставим, едрит-мадрид. Встать сможешь?

Гриша окаменевшим, едва ворочающимся языком вытолкнул два зуба.

– Что это? – нахмурился тренер. – О-о-о...

– Это он зубы выплюнул, Василь Романович, – пояснил кто-то из молодежи.

– А то я не знаю! Женилка махровая! Давайте поднимайте его.

Сильные руки аккуратно приподняли Гришу за плечи. Усадили.

– Ну как?

Гриша кивнул.

– Поднимаем дальше.

Сидеть было легче, но обстоятельства требовали, и Гриша попытался устоять на ватных, подгибающихся ногах. Наконец, с третьей попытки, он смог удержать равновесие, чуть наклонившись всем корпусом вперед.

Тренер тем временем внимательно заглядывал ему в глаза.

– Зрачки в норме, кругов под глазами нет, прозрачная

жидкость из носа и ушей... – Василий Романович Жуков, тренер секции по кикбоксингу, осмотрел голову пострадавшего. – Не наблюдается. В общем... Легко отделался. Давайте, ребята, ведите его в машину. Вот вы двое...

Случайно выхваченные из толпы Рома и Семен подхватили Гришу под руки и потащили с ринга.

– А остальные работайте, работайте! Чего застыли?! Кочергой вас дери! Рамиль! Займись ребятами!

Помощник тренера, долговязый Рамиль, кивнул и пошел по парам, раздавая задания. Тренировка, прервавшаяся на минуту, пошла своим чередом.

Уже в машине в кармане Гришиной куртки зазвонил сотовый.

– Давай я возьму, – проворчал тренер. Гриша был ему благодарен.

– Да! – Ответил Василий Романович. – Кто это? А это тренер Григория. Да.

Некоторое время он молчал, а потом обратился к Грише.

– Ты Серегу Столярова знаешь?

– Ыгы, – промычал Гриша.

– Знает, – удовлетворенно произнес в трубку тренер. – И чего? Сейчас? Ну... Он не может сейчас. Совсем. Да. У него травма. Почему руки, нет, не руки. И не ноги. Да. Голова. Работа?

Тренер покосился на Гришу.

– Нет, на его работе эта травма не скажется. На фига ему голова на работе? Он же программист. Что передать? Чтобы подъезжал к Михалычу вместе с ребятами?

Жуков лихо выкрутил одной рукой руль на повороте, поджал его коленом и переключил передачу. Машина пошла ровнее. Пострадавший программист-кикбоксер побледнел.

– Подъедешь?

Гриша энергично закивал.

– Он подъедет. Сразу из больницы. Когда? – Василий Романович покосился на Гришину челюсть. – Ну... Часа через четыре. Не раньше.

– О! – поднимая палец вверх, коротко воскликнула полногрудая медсестра. – Наш клиент!

Гриша с подозрением покосился на нее и попробовал что-то промычать. Не получилось. Тренер, видимо, перебрал с заморозкой, которая за время дороги успела сковать не только челюсть, но и все лицо и горло. Глотать было невероятно трудно, и Гриша все время боялся подавиться собственной слюной. Говорить и даже мычать просто не получалось.

– Мы тут его... – Василий Романович неуверенно прочистил горло. – Немного подлечили... Вот... Да...

Гриша с удивлением посмотрел на тренера. Всегда громкий, нахальный и грубый, Василий вдруг стушевался, смотрел в пол, что-то мямлил.

– То есть, конечно, мы немного переборщили, видимо, но

вы понимаете... Волновались... Молодое дарование... С целью... Так сказать...

– Молодое дарование вижу, – подтвердила медсестра. – Воспитываете молодежь?

– Ну, – тренер едва ножкой не закрутил по полу. – В меру сил, конечно, в меру сил...

– Сил, видимо, немало? – поинтересовалась медсестра, рассматривая челюсть Гриши.

– Нет, нет, – поспешно ответил Василий Романович. – Это не я.

– Надеюсь. Ладно, пойду подготовлю все. Вам надо бы рентген сделать... Вот направление, в тот кабинет, пожалуйста. – Она указала рукой. – Сами доберетесь? Или каталочку?

– Дойдем-дойдем! – замахал руками тренер. – Спасибо!

Он по возможности аккуратно поднял Гришу и повел в сторону указанного кабинета.

– Видел, Гриня, какая женщина, а? – прошептал Василий Романович на ухо своему воспитаннику. – Какие формы!

Гриша только головой покачал.

После рентгена, где веселые врачи в просвинцованных фартуках, с шуточками и прибауточками добавили к организму пострадавшего пару-другую рентген, их снова приняла та же медсестра, теперь в компании с седеньким доктором.

– Общество «Трудовые резервы»? – поинтересовалась

медсестра.

– Нет-нет, клуб «Крэш-Тест». Программистов учим.

– Кого?

– Ну... Знаете там, компьютеры, периферия, программирование, сидячая работа, живот там, избыточный вес... Ну и, чтобы избежать разных проблем со здоровьем, есть мы. Специальная секция, спортивная.

– Проблем со здоровьем избежать, – задумчиво повторил доктор. – Это хорошо. Это правильно. Гиподинамия – страшная штука. Да. Так что у нас там за больной? Карточка есть? Карточка?

Медсестра протянула старичку пластиковую карту. Тот провел ею через считывающее устройство и взгляделся в монитор.

– Что у нас тут. Григорий Федорович Афанасьев. Ага... Угу... Перелом ноги... Проникающие травмы брюшной полости. Не болит, кстати? Нет? Что еще... Ушибы, ну это мелочи. Почки отбили, нехорошо, конечно... Да... О! Пулевое ранение в предплечье! Да... История болезни впечатляет.

Доктор перевел взгляд на Гришу.

– Программист, говорите?

– Ну, – вступился тренер. – Время какое было? Вы посмотрите на даты, на даты посмотрите. Переходный период. Волнения там... По улицам же ходить страшно было. Ну, посмотрите. Вот там...

– Да я вижу, вижу. Последняя травма год назад. Кстати,

ровно, без двух дней. Это ж надо, целый год – и никаких повреждений. Давайте, милейший, в операционную...

Гриша вздохнул.

6.

– Боже мой, какие лица... – скорее простонал, чем проговорил, Антон Михайлович. – Какие типажи... Да.

Люди, стоявшие на пороге, более напоминали команду погромщиков, чем группу инфотехнологически продвинутой молодежи. Тонкие папки ноутбуков выглядели лишь нелепой насмешкой в руках этих бритоголовых, широкоплечих молодчиков.

– Не подкалывай, Михалыч, – чуть виновато пробасил один гость. – Мы не хотели.

– Оно понятно, – развел руками Михалыч. – Если б хотели, он бы сейчас на носилках лежал. Заходите. Что с вами поделаешь?...

Трое протиснулись в коридор.

– Ничего не изменилось с того раза... – пробормотал кто-то.

– Про тот раз лучше не вспоминайте! – с угрозой в голосе отозвался Михалыч. – Давайте. Одежду долой и в комнату. Там чай, варенье, булочки... Впрочем, кое-кому это все не пригодится.

Гриша, с перемотанной физиономией, грустно посмотрел на полковника и вздохнул.

– Ничего-ничего, – подбодрил его тот. – Теперь кашка жиденькая, никаких колбас, мяса. Только здоровая пища. Бу-

десь в форме. Всегда готов, и все такое. Проходи, не задерживай.

– Красиво, – приветствовал Гришу Сергей. – Этот вопрос тебе, наверное, еще не надоел, так что я спрошу: где это тебя так?

Гриша показал средний палец.

– Выразительно, – прокомментировал Сергей. – Работать-то хоть можешь?

– Может, – радостно ответил один из пришедших с Гришей парней. – Это он всегда может. Вообще мы случайно. На тренировке шмякнули, ну и вот. Что тут поделаешь?...

Он налил в кружку чай, насыпал сахару, бухнул туда же несколько ложек варенья.

– Не слипнется?

– Нет, – уверенно ответил паренек. – Меня Рома зовут. А его Тимоха.

– Очень приятно. А меня Сережа...

– А мы виделись, – сказал Тимофей. – В прошлом году, в этом месте. Отдыхали...

– А... – протянул Сергей. – Ну да, конечно. Это многие помнят.

Гриша тронул его за плечо.

– А?

Гриша развел руками, говори, мол, чего звал.

– Ах да, правильно, – Сергей хлопнул себя по лбу. – В общем слушай, случилась у меня неприятность. Обворова-

ли меня. При этом я не до конца разобрался, откуда пошла утечка. Вот Михалыч подозревает, что макет – у меня макет дизайнерский подрезали, – так вот, макет поперли из моего же компа. Ты знаешь, у меня сетевая машина, так удобней, но...

Гриша гадко сморщился, выражая свое мнение по поводу сетевых компьютеров.

– Ну да, я знаю. Но мне так удобней. – Сергей развел руками. – Да и безопасность до сего момента была на уровне.

Гриша сделал непонятный жест.

– Чего? Ты на ноуте набери... – Сергей встал, чтобы видеть, что пишет на экране друг.

– Кто тебе предоставляет СК?

– Сетевой компьютер у меня... Сейчас... – Сергей потер лоб. – Надо припомнить. Через «Батут» я захожу.

– Говно, – лаконично выразился Гриша. – Перебирайся на «Лопух».

– На Лопухе места мало, а мне под проект надо минимум гигабайт двадцать-тридцать. В любом случае, сейчас на это денег нет. Расчет был на гонорар, но его у меня увели.

– Что надо искать?

– Следы кражи. Если б я знал, что искать...

– Когда украли?

– Месяца два-три назад.

– А точнее?

– Фиг его знает.

– Блин.

– Емко, справедливо, но ничего поделаться не могу. Пропадаю. Выручай!

Гриша махнул рукой. Отвали, мол. Ткнул локтем Рому. Тот, в свою очередь, уставился в плоский, не толще альбомного листа, монитор.

– Ну, знаешь, – Рома всплеснул руками. – Это не по моей части! Я никогда...

Гриша показал другу кулак.

– Это насилие, кстати, над личностью, – Рома что-то прочел на экране. – И еще оскорбление!

– Давай делай, умелец, – прихлебывая чай, посоветовал Тимоха. – Я даже в экран не глядел, а знаю, чего он хочет?

– Чего это?

– Спорим?

– Спорим. На что?

– На сто отжиманий.

– Пойдет! – Рома азартно протянул руку. Тимофей схватил ее, а Гриша, не отрывая глаз от компьютера, «разбил». – Ну давай!

– Нудное сканирование баз «Батута», создание фальш-запросов, регистраций и эмулирование ошибок. Флудить систему будешь, в общем. Как профессиональный флудер.

– Блин...

– Чудной ты, Рома, – Тимофей пожал плечами. – Знаешь же, что первое дело в нашем случае – это затопить систему,

а уже потом начинается настоящая работа.

– Но почему я?!

– Потому, что ты и есть флудер. Такая у тебя карма, – при этих словах Гриша пожал Тимохе руку и кивнул. Его глаза при этом не отрывались от монитора.

– Блин... – снова протянул Роман, он был явно расстроен. – Ладно тогда. Я пошел...

– Куда? – удивился Сергей.

– Отжиматься.

– Это потом, чучело, – проворчал Тимофей. – Сначала работа, потом развлечение.

– Ничего себе развлечение, – вздохнул Рома, но планшетку ноутбука открыл, выдвинул сбоку рамку голографической мышки. – Ну, поехали. Что сначала?

– Сначала найди живого админа. И не трогай его. Работай только с программой. Никаких обращений к настоящему администратору до поры до времени.

– Понятно.

Гриша жестом подозвал к себе Сергея и указал на монитор.

– А ради чего мы это все делаем? – После строчки стоял большой жирный знак вопроса.

Сергей дотянулся до клавиатуры и написал:

– Ради мести.

– Какова концепция? – настучал на клавишах Гриша. – Давай, у меня есть время, пока эти двое со своей работой

справятся.

Сергей немного подумал, сел рядом и пододвинул к себе ноутбук. Сзади к ним подсел Михалыч с кружкой чая.

– Месть, – написал Сергей. – Это... как сформулировал когда-то Ювенал: «Месть есть наслаждение души мелкой и низкой». Этому автору принадлежит несколько неплохих афоризмов, но к человеку, написавшему, что «запах прибыли приятен, от чего бы он ни исходил», мы прислушиваться не станем. Другой мудрец считал, что «лучшая месть – это забвение, оно похоронит врага в прахе его ничтожества». Хороший человек. Но слишком неземной. Про субъективное восприятие реальности, видимо, не слышал ничего. Вообще, множество разных философов обращалось к теме мести с негативной стороны. Что, в общем-то, понятно, так как большинство мыслителей часто слабы. Как физически, так, чаще всего, и духовно. Отчего и рождались разного рода либеральные идеологии, философия упадничества, декаданс и тому подобное. Для слабого духом отомстить – это пройти мимо и «забыть». Понятно, что при такой жизни «забывать» придется все чаще и чаще. Или же забыть, напрочь забыть про любой рост. Потому что поживиться на дармовщинку, безо всякой ответственности, найдется уйма желающих. И Закон в этой ситуации не поможет. Потому что в реальном мире Закон помогает только тому, кто старательно помогает себе сам. Не говоря уж и о том, что обращение к Закону уже само по себе часть мести. Таким образом о благодущии

«великомудрых» мы можем уверенно забыть, раз и навсегда приняв одну основополагающую добродетель – Мечь.

Мечь может быть скорой. Отложенной. Медленной. Жестокой. Хитрой. Мягкой. Уничтожающей. Милосердной. Мечь может быть любой. Главное – она должна быть!

Мы обязаны мстить.

Обязаны себе. Своему развитию.

Мы хотим сделать шаг вперед? Значит, мы должны быть готовы к мести тем, кто станет сопротивляться нашему движению.

Желающие нагреть руки за чужой счет должны раз и навсегда понять, им в нашем огороде слишком накладно. Не их кормушка.

Только понятие личной мести способно поднять человека на должный уровень. Так же, как угроза Атомного Армагеддона сдержала мир от опасностей ядерной войны, так угроза мести должна удерживать нечистоплотных людей от каких-либо агрессивных действий в отношении нас. Мы готовы к мести так же естественно, как мы готовы к взаимовыгодному сотрудничеству.

Любой вор или бандит, любой горский террорист должен понимать, что за смерть чьих-то близких будут отвечать его родные и он сам. Так должно быть!

Это достойно.

Убийца, посаженный в тюрьму, будет убит, как только выйдет из нее. Пусть через десять, через пятнадцать лет. Ему

должны будут отомстить дети тех, чью кровь он пролил.

Мсть – это не агрессия!

Мсть – это защита. Это оборона. Это наша броня.

Страховка, если хотите.

Мсть – это добродетель. И к черту разглагольствования слабых. Их мир или уже кончился, или так и останется в будущем.

И слава богу...

– Готово, – сказал в напряженной тишине Роман. – А чего это вы замолчали? *Я* что-то пропустил?

Программисты оторвались от экрана и подошли посмотреть на результаты Роминого труда.

Гриша втянул носом воздух и хлопнул себя по бедрам. Затем уставился в потолок.

– А чего не так? – удивился Рома, наблюдая с некоторой опаской эту пантомиму. – Чего не так-то?

– Не так? – спокойно поинтересовался Тимофей. – Все не так.

И, обращаясь к Грише, спросил:

– Ударить его?

Гриша энергично закивал головой.

– Эй, я...

Договорить Роман не успел.

Тимоха резко присел и вогнал кулак ему в солнечное сплетение.

Рома захрипел и упал под стол.

– Ну, начинается, – удовлетворенно проронил Михалыч и сел в кресло. – Давайте, парни. Давно я ремонт не делал.

– Тебе что говорили? – зло шипел Тимофей, прижав Ромку к полу. – Тебе что говорили, удолбок?! Тебе говорили не трогать живого админа! Не трогать! Понимаешь, ты?!

Роман хрипел, кашлял. Его лицо покраснело.

Гриша склонился над ноутбуком и что-то рассматривал. Потом похлопал Тимофея по плечу и сделал какой-то жест.

– Ага! – Тимоха поднял Романа, сунул коленом в живот и зашвырнул его за диван. – Идиот...

– Ребят? – осторожно позвал Сергей. – А чего случилось?

Гриша махнул рукой и забарабанил по клавиатуре.

– Этот баран, – ответил Тимофей, – дал себя надуть и ухитрился нахамить живому админу. Вместо того, чтобы разбираться с софтом, попер на живого человека.

– И что теперь?

– Теперь нас просекли и держат.

– И что? Соскочить никак?

– Теперь, понятное дело, уже никак! Если бы этот кретин не повелся, как идиот, на разводы и не базарил бы с админом, пока они нас высчитывали... Теперь, в общем, поздненько метаться. Отвечать надо.

– Отвечать?

– Ну да. Чего ты думаешь, админы там какие-то другие? Или мы с Гришей особенные? Нет. Все та же мафия. Никто не любит, когда у тебя по серверу шарятся какие-то засран-

цы.

Его в бок ткнул Гриша. Указал на монитор.

Сергей подошел ближе и тоже заглянул в светящуюся рамку.

– Ничего не понимаю. Какие-то цифры.

– Это методика, какой они нас просчитывали, – пояснил Тимофей. – Остроумно, нечего сказать.

Из-за дивана со стоном выполз Роман.

– Ребята... Ну простите... Я не думал, что он так шифруется. Я думал – это программа.

– Ага. Программа. Ламер. Если у нас следующий раз будет, я тебе ногу сломаю.

– Так все серьезно? – спросил Сергей.

– Ну, типа того, – Тимофей развел руками. – Нам на стрелку идти. А у нас...

Он указал на перекошенную Гришину физиономию.

– Ну так... мы... То есть я, с вами.

– И меня заодно припишите, – подал голос Михалыч. – Я, конечно, староват, но для массовки сойду.

– А Маша?... – поинтересовался Тимофей.

– Без жены обойдемся, – отмахнулся Михалыч. – Это ж дальнобойная артиллерия. Да и к тому же она у родственников сейчас. Когда стрелка-то?

– Завтра.

Гриша щелкнул пальцами и показал на монитор.

– Возможно, это кстати. – Его пальцы выбили на клавиату-

ре стремительную барабанную дробь. – Поскольку через их сервер уплыла информация, то, может быть, получится раскрутить батутцов на информацию вполне легально. Только надо как-то представить тебя...

И Гриша ткнул пальцем в Сергея.

– Пиар тебе нужен грамотный. Есть у тебя рекламщик какой-нибудь, фрилансер?

Сергей почесал затылок.

– Ну, вроде есть один парнишка. Условно выражаясь, конечно, парнишка. Псих полный, но зато бесплатно может. Его контузило в армии. С тех пор паренек со странностями.

– Звони. Бесплатно – это то, что нам нужно.

7.

– Не, ребята, вы, конечно, молодцы, но сейчас никак, – фрилансер стоял на пороге и жался, одетый лишь в семейные трусы с маленькими «плейбойскими» зайчиками. В подъезде жестоко дуло, многие окна были повывбиты, на лестнице лежал снег.

– Ты ж еще не знаешь, зачем мы пришли, – удивился Сергей.

– Тоже мне, загадка. Хотите от меня чего-нибудь. С какой другой радости вы бы завалились ко мне на ночь глядя? Так вот, чтобы отместить сразу ненужные надежды и ожидания... Ну, вы понимаете, мне очень жаль, но ваша проблема на данный момент времени не имеет возможных вариантов решения... – с этими словами фрилансер неторопливо закрыл дверь.

– Впечатляет, – покачал головой Михалыч. – Умеет парень себя подать. То, что нам нужно.

– Да елки-палки! – Сергей разозлился. – Что он мне мозги морочит?!

Он забарабанил кулаком в дверь.

– Олег! Открывай, блин!

– И незачем так надрываться, – донесся из-за двери приглушенный голос пиарщика.

– Скотина, ты меня не узнал, что ли?!

– Нуу... А кто это?

– Я!

– Я бывают разные, – подсказал Михалыч.

Сергей плюнул под ноги.

– Серега это! Серега! Ну, блин, Красноярск помнишь?

За дверью что-то зашебуршалось, потом наступила задумчивая тишина.

– Столяров, что ли?

– Да!

Щелкнул замок. Дверь распахнулась. На пороге стоял все тот же мужчина в трусах. Длинные волосы были всклокочены и торчали в разные стороны. Один глаз прикрыт, второй с некоторым скепсисом оглядел пришедших. Должно быть, увиденное удовлетворило фрилансера, он сонно кивнул, посторонился и сделал приглашающий жест. Проходите, мол.

– Раздевайтесь, проходите, – пробормотал он, зажигая свет. – Меня зовут Олег, если кто не знает. В общем, давайте, почувствуйте себя, как дома.

И он ушел в комнату.

– Аня, вставай, у нас гости.

– Опаньки, – хмыкнул Тимофей, рассматривая разбросанные вокруг детали женского гардероба. – Мы его, по ходу, сорвали...

– Ничего, – проворчал Сергей. – Не помрет!

– Ну, проходите там! – крикнул из комнаты Олег.

– А удобно? – поинтересовался Михалыч, появляясь в

дверном проеме. – Ой, извините...

Обнаженная девушка стояла посреди комнаты, задумчиво наматывая на палец ажурный чулочек.

– Ерунда, – она махнула рукой. – Олежка, где мои трусики?

– Не помню, – Олег натягивал узкие кожаные штаны. «Молния» не застегивалась, трусы с «плейбойскими» зайчиками все время лезли в замок. Наконец, справившись со злокозненным изобретением шведа Суидбака [Изобретение застежки-«молнии» запатентовано шведом Гидеоном Сундбаком в 1913 году.], Олег облегченно выдохнул и спросил с легким удивлением: – А они вообще были?

– Точно! – Девушка звонко и весело засмеялась. – Не было!

– Ну вот, видишь. Все просто. Вы заходите, заходите!

Пришедшие гурьбой столпились в дверях. Девушка тем временем без всякого стеснения продолжала одеваться.

– Может, вам чаю сделать? – спросила она, натянув коротенький сарафанчик, из-под которого высовывалась резинка чулок.

– Сделать, сделать, – кивнул Олег. – Иди, Анька, не смущай людей.

Аня хмыкнула и упорхнула на кухню, оставив после себя разобранную кровать и легкий запах чего-то сладкого, то ли духов, то ли женского тела.

– Ну, так и будем в дверях стоять? – поинтересовался

Олег. – Мало того, что из постели выдернули, так еще и молчат. Давайте рассаживайтесь, кто где упадет.

Сергей вошел первым, накинул на кровать покрывало и сел на краешек. Рядом пристроился Михалыч. Остальные плюхнулись прямо на пол, около стены.

– Итак. Слушаю, – Олег выжидательно посмотрел на Сергея.

– Тебе коротко или подлиннее?

– Сначала коротко. А потом видно будет.

– Если просто, то меня кинули на бабки.

Олег кивнул и прищурился. Теперь оба его глаза были одинакового размера. И здоровый, и тот, что остался парализованным после контузии и полностью не открывался никогда.

– Ребята вот, – Сергей указал на своих друзей. – Мне помогали. Но столкнулись с проблемой. Завтра нам на стрелку ехать. И... И... – Тут Сергей замолчал, не зная, как сформулировать суть проблемы.

– И ему надо подобрать имидж, чтобы он выглядел солидней, – пришел на помощь Михалыч. – Потому что завтра мы едем разговаривать с админами сервера, который... Черт. Теперь и я застрял. Выручайте, программмеры.

– В общем, админы должны понять, что Серега у нас человек серьезный и уважаемый. Ну вот такой, – Тимофей растопырил пальцы. – А его обидели, и все такое.

– Классно, – тряхнул нечесаной гривой Олег. – А я тут

при чем?

– Ну как? – Сергей развел руками. – У меня никого, кроме тебя, в этой теме нет.

– В какой теме? Позвольте поинтересоваться...

– Ну, в пиаре.

Некоторое время Олег молчал, задумчиво рассматривая гостей.

– Это пять, – наконец выдохнул он. – В пиаре, значит. На кой черт тебе пиар?

– А что тогда?

– Визажист.

– Кто?

– Вот она, – Олег показал на вошедшую в этот момент Аню с подносиком. В дополнение к коротенькому сарафанчику на ней появился еще и маленький беленький передничек, от чего она стала очень похожа на игривую французскую горничную.

– Вот я, – подтвердила Аня, ставя поднос на низенький столик, для чего ей пришлось нагнуться. – Тут сахар, молоко и печенье. Что-нибудь еще?

– Поручик, молчать, – пробормотал Михалыч, но его никто не услышал.

– Еще, – подтвердил Олег. – Вот этому нахалу, которого я, впрочем, очень люблю, нужен визажист. И стилист.

– Этому? – Аня, изящно ступая босыми ножками, длинными, словно у олененка, подошла к Сергею и растрепала

ему волосы. – Он и так милый, чего нужно сделать?

– Вот именно, что нужно, чтобы он был не милый. То есть совсем не милый.

Аня скорчила забавную физиономию и потянула Сергея на себя. Поставила посреди комнаты. Обошла вокруг. Посмотрела на лицо в профиль. Потом анфас. И в три четверти.

– Выпрямись, – она хлопнула его по пояснице. – Плечи вот так.

Ее тонкие пальцы забрались в его волосы, уложили так, смяк, снова разлохматили.

– Ты хочешь, чтобы он был brutальный мачо?

– Я? – Олег удивленно раскрыл правый глаз. – Я вообще ничего не хочу, кроме как выспаться.

– Даже не надейся, – Аня хихикнула.

– А вот он, – Олег снова указал на Сергея, – он хочет.

– Ну, мачо, может быть, не стоит... – чувствуя неведомо откуда взявшуюся робость, сказал Сергей. – Но надо как бы... Чтобы вышло так... ну...

Он растопырил пальцы.

– Ах вот как! – Аня даже присела от радости. – Это можно. Правда, придется тебе выполнить ряд моих требований и указаний.

– Это он с радостью, – ответил за Сергея Михалыч. – Хотя простой прической тут не обойтись. Антураж нужен.

– Антураж... – начал было Олег, но Аня его опередила:

– Антураж – это к нему. Он у нас большой специалист по

антуражу! Большой выдумщик. Правда, милый?

Олег, который так и застыл с открытым ртом, устало опустил руку, которой, видимо, собирался перекинуть «стрелки» на свою подругу.

– Верно. Успела. Давайте мне вводные. И будет вам антураж. Что у нас есть?

– Мы, – Михалыч развел руками. – Эти трое программисты. Вот тот, что с челюстью, Гриша, тот, что справа, Тимофей, слева Роман. Я – Михалыч. Программеры идут за бойцов. Я за массовку и на подхвате. Серега как бы вне драки.

– Хорошо. Дальше.

– наших бойцов запалили в момент, когда они ломали базу Батута. Тамошние админы обиделись. Забили стрелку. Наша игра на том, что мы не хамы, а за правду.

– А в чем правда, брат?

– Правда в том, что уважаемого человека, – Михалыч ткнул пальцем в Сергея, которого в этот момент Анечка уводила в ванную, – обидели какие-то уроды. И они, уроды, подставили батутовцев.

– Понятно.

– Тем более что это все почти правда. Чуть-чуть акценты надо сместить. И все.

– А что из себя представляют админы этого... каната?

– Батута?

– Ага.

– Ну, посмотри на наших программеров. То же самое с

незначительными вариациями.

– Только, – вмешался в разговор Тимофей, – у них работа официальная, а значит, и фичей больше.

Отвечая на вопросительный взгляд Олега, Михалыч перевел:

– Материальная база выше.

– А по количеству?

– Тоже много, – подтвердил Тимофей.

– Понятно, – вздохнул Олег. Он встал, подошел к шкафу, вытащил откуда-то из-за ровных рядов дисков расческу и принялся остервенело драть свою шевелюру. В тишине было слышно, как потрескивают, обрываясь, волосы.

В комнату забежала Аня, открыла тумбочку, порылась в ней, выудила какой-то платок и снова ускакала.

– Не опасаясь? – поинтересовался Рома, провожая девушку взглядом.

– В смысле? – не понял Олег.

– Ну, одни они там...

– Дурак ты, Рома, – прокомментировал Тимофей.

– Не боюсь, – Олег совершенно не удивился постановке вопроса. – Я Серегу знаю давно. Он в этом плане безопасный. Более стеснительного человека я в жизни не видел.

– Ну, в тихом омуте...

– Эти черти, видимо, в наиболее глубоком месте засели.

Так что... – Олег встряхнулся. – На чем я остановился?

Он собрал волосы в хвост. Стянул их резиночкой.

– Ах да... В общем понятно. Надо по количеству бить качеством. Иначе у нас вариантов нет вообще. Что с челюстью?

– Трещина, – ответил Тимофей.

– Повязку можно снять?

Гриша кивнул.

– Но говорить нельзя, – снова влез Тимофей. – И драться, в общем-то, тоже.

– А и не надо будет. Будешь проходить в качестве комода.

Гриша удивленно вскинул брови и что-то промычал.

– Ничего-ничего, – успокоил его Михалыч. – Для дела, надо.

В комнату снова влетела Аня.

– Итак! Воспринимайте!

В коридоре смущено кашлянули, и в дверь вошел мужчина лет тридцати пяти, с длинными, черными, прилизанными и забранными в хвост волосами, в черном пиджаке, белой майке и черных штанах. На ногах у него оказались неведомо откуда взявшиеся остроносые ботинки со шпорами. На щеках двухдневная щетина.

– В анфас не смотри, – шепотом подсказала Аня.

Сергей дернулся и повернулся в три четверти.

– Так?

– Да. И запомни, только так. Иначе у тебя вид дурацкий, а это за полчаса не убрать.

– Кого-то мне это напоминает, – нахмурился Михалыч. – Еще бы вспомнить, кого...

– Ой, мальчики, – запрыгала на месте Аня. – Как мне все это нравится!!!

От прыжков ее сарафанчик чуть задрался, и мальчики беспокойно заерзали.

– Ой попса, ой попса... Ну неужели ничего более оригинального нельзя было выдумать? – простонал Олег.

– Ну, знаешь! – Аня возмутилась и топнула ножкой. – Какая фактура, такой и результат!

– Ладно, ладно, – примирительно произнес Олег. – Типаж стандартный. Сейчас мы с вами сценарий накидаем. И делаем пару звонков.

Он подошел к Сергею, поправил платочек, чтобы тот как бы неряшливо высовывался из кармана, и прошептал:

– А с тебя, засранец, бесплатная разработка оформления моей халабуды. Сколько уже обещаешь?!

– Будет! – твердо ответил Сергей.

8.

Утро было пасмурным. Ночью что-то в природе изменилось. Воздух потеплел, и снег превратился в редкий дождь. За окнами автомобиля, покрытыми крупными каплями, качались черные голые ветви.

Машины стояли на большой поляне, со всех сторон окруженной кустарником и высоченными елями. Место тихое, удобное как для семейного пикника, так и для разборок. По какой-то удивительной случайности дорожные патрули, заезжая на эту территорию, всегда включали сирены на полную громкость, заранее оповещая о своем приближении. Вероятно, поэтому район дурной славой не пользовался. Здесь никогда и никого не ловили. К тому же поляна имела два удобных подъезда с разных сторон.

Гриша тяжело вздохнул. Челюсть, освобожденная от повязок, болела и иногда будто бы отвисала. Гриша обеспокоенно трогал щеку, словно убеждаясь, что все в порядке.

– Не дергайся ты, – проворчал Тимофей, протирая боковое стекло от обильно выступившей на нем влаги. – На месте твои зубы, на месте.

– А зубы, кстати, не совсем, – подал голос с заднего сиденья Роман. – Зубы он еще вчера выплюнул.

Гриша многозначительно покосился в его сторону, и Рома смущенно замолчал.

– Может, пойдём? – не выдержал угрюмый парнишка, которого на всякий случай выдернули из «Крэш-теста» для поддержки. – Сил нет торчать тут. Давайте, как в прошлый раз, бац, и понеслась!

– В прошлый раз нас больше было, – ответил Тимофей. – И вообще мы в своем праве были. А сейчас другой расклад. Ты главное запомни. Если стрельба пойдет, падай на землю и не отсвечивай. Понял? Не твои это разборки. Ты только для кулаков тут. Понял, спрашиваю?

– Да понял я, понял... просто адреналин уходит. Елки.

– Может, и не понадобится.

В это время на поляну с другой стороны подкатили два «Хаммера».

– Ого, – выдохнул Рома, хотел было что-то сказать, но ступешевался.

– Кажется, они, – шепнул Михалыч.

– Они, – утвердительно ответил Тимофей, а Гриша грустно кивнул.

«Хаммеры» встали поперек дороги, перегородив возможные пути к отступлению.

– Решительно действуют, – с сожалением проронил Тимофей. И, обращаясь к Михалычу, спросил: – Твои связи не подведут, а?

– Не должны, – ответил Михалыч, поглядывая на часы. – Сценарий пойдет минуты через две.

– Сидим ждем. Пусть первые вылезают.

В «Хаммерах» тоже не спешили. Через приоткрытое окно слышалось, как бухает музыка в подъехавших машинах.

– Накручиваются.

– Интересно, сколько их там? – снова высунулся сзади Рома.

– Вот тебя бы им отдать, точно бы выяснил. Гад, – буркнул Тимофей. – Засохни, если еще раз тебя услышу, убью.

Роман засох.

– Время подходит... – забеспокоился Михалыч.

В этот момент все двери «Хаммеров» широко распахнулись, и на поляну выпрыгнули рослые, в переливающихся куртках парни.

– Пошли! – скомандовал Тимофей, и команда выскочила наружу. – Идем на сближение.

Сходились решительно.

В какой-то момент Тимофею показалось, что разговора не будет, а вот так прямо с разгона сшибутся и все ухищрения и хитрости пойдут прахом.

«Ввязался же!» – мелькнула паническая мысль.

Однако, не дойдя десятка шагов, основная масса бойцов остановилась. Движение продолжал только один. Тимофей сделал знак своим и дальше пошел в одиночестве.

– Ты отвечать будешь? – поинтересовался лидер батутинских.

– А ты предъявлять?

– Ну.

– Тогда я и отвечу.

Батутинский хрустнул шеей и уже начал было разворачиваться в стойку для драки, но Тимофей поднял руку.

– Эй, эй, погоди. Вот так сразу не пойдет.

– А чего? – удивился его противник. – Тред будем разводить? Тут флудить не о чем, брат. Чатить не к месту. Или у тебя есть чего слить?

– Есть, – Тимофей резко развел руками и отметил, как за спиной у батутинского лидера кто-то дернулся.

«Все-таки дрейфят, – подумалось ему. – То ли справки навели, то ли узнали. Потому и две тачки пригнали. Дрейфят!»

– Инфа мастхэвная[Мастхэвная – от **must have**(англ.), то есть «нужная». Слова и выражения взяты из неформального околокомпьютерного сленга.]. Это тебе не свап на ящик кидать.

– Ну валяй, я тебе открою аксес. Но учти, если пойдет битый битрейт, извини, забаню без базара.

– Договорились. Только с кем я говорю, ты скажи сначала.

– Коля.

– Тема, – так же коротко отозвался Тимофей.

– Так скажи мне, Тема, в нашей базе вы копались?

– Мы...

– Как ламеры, как ламеры, – Коля покачал головой и усмехнулся. Зубы у него были белые, блестящие и, видимо, фарфоровые.

«Удобно, – подумал Тимофей. – Выбили, поставил, лишь

бы челюсть была цела».

– Да чайник работал, чайник. Не уследили, верно. Молодой, глупый. Но ты пойми, на ваш дефенс только молодого и пускать. Любой продвинутый там со скуки умрет.

Улыбка сползла с лица Коли, он прокашлялся.

– Ты следи за потоком. Если есть что по делу сказать, то и говори. На кой черт вы вообще в нашу арею влезли?! Мы и за меньшее раскатывали! Флудеры!

– Не гони. Я про то и хотел сказать. В общем, ребята, не правы вы.

– Мы? – Коля ударил себя в грудь и наклонился вперед, подставляя ухо поближе. – Ну-ка повтори? Я что-то слышать стал плохо.

Тимофей поборол желание засветить с правой по любезно подставленной голове и повторил:

– Вы не правы, ребята. Seriously. Это не кик, братва, это баном пахнет.

– Да ну?! – Глаза у Коли от такой наглости оппонента сделались круглыми. – Да ты хоть знаешь, под кем мы ходим? Ты сам-то...

– Да знаю я, знаю! Мы все мелкомягкому отчисляем, потому нечего меня пугать. Если бы мы с тобой из разных контор были, то тут не мы бы разговаривали! Так что разводящих не будет. Понимаешь? Это наше с тобой дело. Никто не будет в него лезть, особенно сверху. Это, я надеюсь, понятно? Так что рассказывать мне про лицензию не надо. И если

бы не ваши чайники, которые на сервере сидели, все вообще было бы тихо-мирно. Мы скандала не хотели, ей-богу. Мы без шума и пыли хотели найти уroda, который вас подставил.

– Чего ты мне грузишь?! Какого урода?! Кто подставил?! Твои придурки ломали мою, слышишь, мою базу! И теперь ты, лично ты, мне втираешь про какого-то козла, который меня подставил? Ты признал, что вы копались у меня на сервере. И сейчас спрыгнуть хочешь? Нет, братец, отвечать за свои дела надо!

– Я отвечу! – вдруг заорал Тимофей. – Я отвечу! Хоть сейчас!

Он развел руки в стороны.

– Давай! Вали меня прямо тут. Мои вмешиваться не будут! Давай! Не ссы! Делов на копейку! Хлоп! И закопал! Только потом!... – Тимофей снизил накал. – Потом тебя уже никто не прикроет. Потому что прокололись твои орлы. Ой как прокололись! Может, мне им сказать перед тем, как ты меня грохнешь, во что они влипли?

Коля покачал головой, вздохнул, посмотрел куда-то вверх, в падающий с неба дождь, и заявил спокойным тоном, гораздо более страшным, нежели крик:

– Ты меня достал! Или лей инфу, конкретную. Или хватит флуд разводить.

– Хорошо, – легко согласился Тимофей. – Инфу так инфу. В общем, слушай, с твоего сервера дернули данные. Целый массив. Как вы упустили такой поток, я вообще не по-

нимаю, но это ты сам разбирайся. Да еще наследили там, как слоны. Куда твои парни смотрят?... Твое дело, не лезу. Сам найдешь, при случае, там проще простого.

– Ну и что? – Коля был прав. Конечно, мало какому админу приятно, что у него из-под носа воруют данные, но ничего сверхнеобычного в таком происшествии не было. Когда все, буквально все вокруг, нашпиговано процессорами, банками памяти, дисками, программами, нет ничего удивительного в том, что происходит постоянный обмен информацией. А уж легальный или нет...

– А то, что массив этот принадлежал одному очень серьезному человеку.

– Да ну, – Коля насторожился, но не поверил. – На «Батуте»? Серьезный человек?! Ты гони, да смотри куда! Серьезные, сам знаешь, где сидят. Гонщик!

– Как знаешь, как знаешь, можешь не верить, но тем не менее. Факт остается фактом. Он вообще псих, конкретный. Хрен его знает... В общем, если честно, то такие долго не живут. Может, он больной или еще что-то. Но с работы сутками не вылезает. Псих, я говорю. Таблетки жрет. Мы хотели по-тихому.

– А ты-то его как знаешь?

– Случайно. – Тимофей услышал, как вдалеке за лесом взревел мотор. – По знакомству. Знаешь, как бывает. Седьмая вода на киселе и все такое. Я не знаю, как тебе, но для меня это шанс. Или пан, или пропал. Ты сам видишь, я сюда

не всех притащил. Мне до фени, кто теперь меня замочит. Или ты, или он. Но если мы сейчас договоримся, то шанс появится у всех.

Коля помолчал, взвешивая услышанное.

Потом сплюнул под ноги Тимофею.

– Ты обоссался от страха, ламер. Потому и гонишь пургу эту зеленую. Твои геморрои меня не волнуют. Понял?! Твои баги – это твои баги. Нехер их на меня грузить. Ты тут отвечаешь за то, что в мои базы лез! Понял?!

Рев приближался.

Что-то рычало, густо, басовито, тяжело.

Коля замолчал, обернулся. Его люди зашевелились, волнуясь.

Из-за ближайших деревьев уже слышался треск сучьев. Пару раз ощутимо вздрогнула земля.

Водитель «Хаммера», почувствовав неладное, завел двигатель и начал осторожно откатываться в сторону. Второй не успел даже завестись.

На поляну, как взбесившийся кабан, как почуявший кровь медведь, не разбирая ничего на своем пути, вылетел БМП. И, не снижая хода, рванул к собравшимся.

На дороге ему попался «Хаммер», водитель которого не успел завести мотор, зато сумел выпрыгнуть. Страшный удар в скулу, и могучий внедорожник отлетел в сторону, будто картонная игрушка. Второй машине повезло больше, она умотала в кусты своим ходом.

– Я ж говорил, псих! – воскликнул Тимофей. – Только не дергайся! Всех же положит, сука!

БМП затормозил буквально в пяти метрах от людей. Колеса мощно сорвали дерн, двинув его перед собой черной волной земли и жухлой травы.

Верхний люк откинулся, и из него выскочил Сергей.

– Суки! – не дав никому опомниться, заорал он. – Говно! Где этот урод!

– Ты че меня подставляешь?... – прошипел Коля.

– Стой, не дергайся, – точно так же, уголком рта прошипел Тимофей. – Стой, не дергайся...

Сергей соскочил с брони и, оскальзываясь на слякоти, кинулся к Тимофею.

– Где он?!

Во время бега Сергей старался держаться так, как его учила Анечка. В три четверти. Получалось довольно по-идиотски, но в сочетании со словами Тимофея о том, что «клиент чокнутый», смотрелось впечатляюще.

– Там, там! – испуганно завопил Тимофей, указывая пальцем в сторону Гриши.

Сергей на ходу развернулся и кинулся к отступающему в сторону автомобиля Грише.

– Я тебя порву! – орал Сергей. – Порву! Ты меня в говне! В говне, сука, вымарал! Я порву...

Гриша только жалостно мычал и строил страшные гримасы, стараясь не слишком двигать челюстью.

Наконец Сергей его настиг, опрокинул в грязь и набросился сверху. Закрыв телом Гришино лицо, он раз за разом вгонял кулак куда-то в землю. Заранее припасенный пакетик с краской лопнул в рукаве, щедро залив «кровью» всю руку.

– Немого бьет, – всхлипнул Тимофей. – Это ведь он твой сервак ломанул... Молодой ведь... был. Немой...

Измочалив Гришу до состояния актера, загримированного под фильм ужасов, Сергей поднялся, тяжело дыша. Изогнулся. Захрипел.

Тут же из БМП выскочил Олег в сером костюмчике и опрометью кинулся к Сереге.

– Таблеточки, таблеточки забыли, господин Серегин. Таблеточки...

– Я тебе... – хрипел Сергей. – Я тебе не Серегин!... Я... Я... Чума... Чума меня...

– Простите, простите, господин Чума! Простите. Таблеточки. – Олег лебезил вокруг, старательно подсовывая пакетик с витаминами.

– Суки... – Господина Чуму «отпускало». Он проглотил пару витаминных облаток и отошел от тела Гриши. Тот тяжело ворочался в грязи.

Сергей сделал несколько шагов в сторону. Потом, словно бы что-то вспомнив, вернулся. Достал пистолет. И два раза выстрелил Грише в грудь. Пули выбили из тела фонтанчики крови. Ноги жертвы скрутила конвульсия.

– Пришьет, – снова всхлипнул Тимофей. – Как есть при-

шьет.

На лице Коли читалась нерешительность, с одной стороны, он был готов к разборкам и к любым последствиям, но, с другой стороны, подышать от руки какого-то сумасшедшего...

«Ведь действительно пальнет, и все. И кончено, – промелькнуло у Коли в голове. – Сам он сдохнет. Это ясно. Вон как колеса глотает. Но мне с того не легче будет...»

– Тимоха, – ласково позвал Сергей. – Тимоха...

– Да? – Тимофей добавил дрожи в голос. – Чума...

– Какой я тебе Чума? – Сергей покрутил пистолетом перед лицом. – Я тебе не Чума. Я тебе господин Серегин... Подойди... Подойди...

Тимофей сделал несколько шагов и остановился.

Сергей сам подошел ближе, обнял Тимофея за шею и шумно зашептал на ухо.

– Если завтра! Завтра! У меня не будет этого козла! Этого уродя, который меня кинул! То вместо него я разберу на запчасти тебя. Или кого я должен разобрать? Может быть, его?

Сергей ткнул стволом в Колю.

– Нет, нет... – пролепетал, откашлявшись, Тимофей. – Его не надо. Мы с ним уже договорились. Обо всем. Так ведь?

– Так... – неуверенно ответил Коля.

– О чем? – ласково поинтересовался Сергей.

– А вот ребята нам добровольно помогут. И передадут

данные на этого гада.

– На этого урода, – поправил его Серега.

– Да, да. На урода.

– А когда?

– Буквально... Сейчас... – Тимофей посмотрел на Колю.

Тот колебался.

В этот момент БМП вдруг ожил и повел башней из стороны в сторону. Пушка опасно опустилась.

– Да, – твердо заявил Коля. – Легко.

Тимофей махнул рукой, и к ним прибежал Рома с коробочкой ноутбука.

– Сейчас все будет. Все будет...

– Господин Сергеев, господин Сергеев... – Олег снова обнаружился неподалеку. – Таблеточки вот... И вам нельзя так волноваться... В машинку бы.

– Ну, в машинку так в машинку... – великодушно согласился Сергей, пряча пистолет.

«Труп» Гриши спешно и аккуратно был упакован в полиэтилен и заложен в багажник.

Господин Серегин-Сергеев-Чума позволил себя препроводить в БМП под руку.

– Вот тут доступ нужен, – бормотал Тимофей, подсказывая Коле необходимые действия. – И здесь неплохо было бы посмотреть... Да... Может, и не понадобится. Может, он ласты склеит раньше. Сам же видишь, псих. Но при бабках и крутой. Отмороженный. И сюда тоже надо... Да. Таких мало

осталось.

Коля все делал на автомате. Адреналиновый приход уже отпустил, и на его место пришла апатия.

Когда машина, в которой лежал упакованный в целлофан Гриша, тяжело раскачиваясь на колеях, оставленных броневиком, уехала с поляны, Коля подошел к изуродованному «Хаммеру». Удивительно, но машина пострадала не сильно. Колеса остались на месте, движок, правда, заводиться отказался напрочь. В остальном – смятое железо, пустяки.

Пока парни цепляли пострадавшую машину ко второму внедорожнику, старший администратор «Батута» отозвал своего заместителя в сторону.

– Ты мне этих вот орлов с танком найди. И запомни. И чтобы в любое время дня и ночи, спросонья и с похмелья, ты мог мне сказать, где они и что делают. Это понятно?

9.

– Гришу из багажника достаньте! – радостно кричал Тимофей, дробно выстукивая что-то по клавиатуре. – Я тут без него не разберусь.

– Да ладно! – Рома повис у него на плечах. – Ты был крут! Как ты его?! А?! Я вообще! Я вне себя был. Это же песня! Это, как в кино! Это круче, чем в кино! Михалыч!

Роман хлопнул Михалыча по плечу. Тот утомленно вздохнул.

– Михалыч! Ну как? Как ты достал БМП? А? Ну скажи?! Мне надо, я к подруге приеду! Прикинь? Раз так! И на БМП! Круто же! Круто! Михалыч!

– Куда ты к ней приедешь? В школу? Тебе самому туда надо бы...

– Да ладно вам! Это ж круто! Это вообще! – Роман радостно забарабанил в крышу машины кулаками. – Круто!

– Стучит вроде что-то, – озабоченно обратился Михалыч к водителю. – Может, колесо?

– Если вы этого придурка успокоите, то, может быть, и я услышу...

Тимофей ткнул локтем Романа, тот замолчал, и все прислушались.

– Откуда-то сзади барабанит, – заметил водитель.

– Елки-палки! – выдохнул Михалыч. – Ромка, слазь с си-

дня.

Они вместе опрокинули спинку и увидели покрасневшее и мокрое лицо Гриши. Тот возмущенно мычал и грозил Роме кулаком.

– О! А мы про тебя и забыли! – восторженно продолжат трещать тот.

Гриша соорудил выразительную гримасу, я, мол, так и понял.

– А как тебя застрелили! Как застрелили! Бам! Бам! Круто!

– Да заткнись ты!!! – рявкнул наконец Тимофей. Водитель хоть и вздрогнул от неожиданности, но посмотрел на него одобрительно. Затянувшаяся Ромина истерика достала уже всех. – Гриш, посмотри сюда. Я чего-то не разберусь...

Вместе они нагнулись над ноутбуком.

Защелкали клавиши.

Михалыч достал телефон, прилепил гарнитуру к уху.

– Сережа? На следующем повороте направо. Там машину заберете, а водителя с БМП отпустите. Все хорошо. Бойцы разбираются. Щелкают чего-то там. Все.

Потом набрал другой номер.

– Тимур, это Михалыч. Да. Нет. Все хорошо. Ну, как ты и просил. Да. Боекомплект не использовали. Стены не ломали. Все в порядке. Нет, не стреляли. Ну, честное слово, что, ты меня не знаешь. Ну да, так, по мелочи. Слегка краску подсодрали со скулы. Да закрасишь, я тебя знаю. Или ска-

жешь что-нибудь... Обычно, как всегда. Если что... ты знаешь. Спасибо, в общем. Сильно помог. Удачи.

– Связи? – поинтересовался Рома.

– Много будешь знать... – проворчал Михалыч и обратился к Грише: – Что там у вас? Может, по горячим следам пойдём?

Гриша кивнул.

– Можем, – подтвердил Тимофей. – Это не Коля с батутовцами. Любители работали. У нас уже все есть. Три точки.

– БМП я не рано отпустил?

– Нет, что ты?! С броневиком – это из пушки по воробьям. Сами теперь, сами.

– Тогда меня домой забросьте.

– Не вопрос. – Тимофей хлопнул водителя по плечу и назвал адрес. – А вообще знаете, ребята, нам сильно повезло. Я, если честно, до сих пор не верю, что все обошлось. Удача это, ребята, чистой воды удача. Я этого Колю знаю. Видать, парень усталый был... Не иначе. Просто повезло.

И он тяжело вздохнул.

Когда дверь квартиры номер шестнадцать со скрипом отворилась, на пороге появилось существо неопределенного пола и возраста. Именно это и удержало Тимофея от того, чтобы нанести удар сразу. Бить женщину, даже в таком запущенном состоянии, было как-то не с руки. Хорошо было бы сначала прояснить половую принадлежность...

– Кого надо? – поинтересовалось существо прокуренным хриплым голосом.

– Дюбеля. Он дома?

– Ну, дома, – хмуро пояснило существо, откидывая густую челку назад. – Я Дюбель.

– Хорошо, – улыбнулся Тимофей, чуть присел на одно колено и выстрелил кулаком существу в грудь.

Дюбель беззвучно влетел внутрь. Следом за ним вошли Тимофей, Гриша и Роман с Сергеем.

Гриша махнул рукой в глубь квартиры.

Роман все понял без слов, быстро обежал комнаты и никого не обнаружил.

– А хорошо живет, козявка, – прокомментировал он, закрывая дверь спальни. – Квартирка-то старая. Такие сейчас в Москве на вес золота. Видать, коренной. Не лимита какая-нибудь. Вот это хоромищцы!

– А ведет себя нехорошо... – Тимофей покачал головой. – Сажаем...

Вместе с Гришей они подняли вяло сопротивляющегося Дюбеля и усадили его в большое кресло с высокой спинкой. Руки примотали к резным подлокотникам липкой лентой. Рот заклеивать не стали. Никто не планировал задерживаться тут надолго.

– Давай, Дюбель, говори, – Тимофей похлопал парня по щекам. – Подъем!

– Иди в жопу... – прохрипел Дюбель. Тимофей уже нала-

дился снова «пробить фанеру», но Гриша остановил его, положив руку на плечо.

– Ладно, – согласился Тимофей. – Будем бить чуть позже. Я сейчас тебе объясню, в чем дело. Ты и твои два засранца обокрали Батут. Чем сильно обидели его админов. Отрицать будешь?

– В жопу!

Тимофей покосился на Гришу, но тот снова покачал головой. Роман присел перед связанным и посмотрел тому в глаза.

– Ребята. Он же накуренный. Или... обколотый. И щуплый какой-то... Помните, мы его засекли, он сутками в сети болтается, как дерьмо в проруби? Стимуляторы, что ли, жрет...

– Плевать, – отмахнулся Тимофей и отстранил Романа. – Слышь, растение, мозги не просрал еще? Слушай меня. Так вот, админы Батута люди серьезные. Они понимают, что ты только исполнитель. И они хотели бы знать, какая скотина захотела залезть в чужой карман. Ты и сам понимаешь, что информация сейчас – это не просто циферки. Это деньги. А деньги, сопляк, – это время. А время – это еще большие деньги. Так что ты банкрот, времени у тебя нет совсем. И сейчас или ты скажешь, кто вас нанял, и распрощаешься с нами, или я буду тебя прессовать по полной программе. Потому что времени у нас мало.

– Слушай, – просипел «сопляк». – Я тебе еще не сказал

одной важной вещи. Я пытался, но ты не слушал.

– Ну давай, давай.

– Так вот... – Дюбель набрал в грудь воздуха и заорал: –
Пойди ты в жопу!!!

Прежде чем Гриша успел его остановить, Тимофей ударил Дюбеля по ушам. Тот завыл, сжался, задергался, пытается отодрать руки от подлокотников.

– В жо-о-опу! – выл Дюбель, раскачиваясь в кресле с закрытыми глазами. Вены на его шее от напряжения вздулись, весь он покраснел, скривился.

– Упорный клиент, – сказал Рома, доставая липкую ленту. – Пакуем? А то еще приедет кто... Вряд ли он один в этих хоромах живет.

– Не хочется, – поморщился Тимофей. – Я бы его тут отпрессовал... Да и как его выведешь из подъезда? Не ночь на дворе. Бабулька увидит, стукнет, нас через час уже накроют. Похищение, рэкет... В общем... Надо было вечером приезжать.

– Вечером он бы точно не один был, – сказал Сергей, нервно прохаживаясь по коридору. Ему было страшно. Одно дело смотреть про такие дела по видео, читать в книжках, а другое дело участвовать. Бить живого человека. Хоть и гада полного... – Кстати, а как вы выяснили, что он дома?

– У него машина в онлайн и активность... В общем, долго объяснять. Для профессионала, – в этот момент Рома поймал выразительный взгляд Гриши и слегка стушевался. – Не

проблема, короче... Ламер! Что с него взять? Даже не шифруется.

– А остальные?

– Остальные поумнее, – ответил Тимофей. – Один отключился, второй все время локацию меняет.

Гриша тем временем залепил Дюбелю рот скотчем, чтобы не орал, и принялся отвешивать тому размашистые пощечины. Голова парня моталась из стороны в сторону, Сергей то и дело видел ошалелые, выкаченные глаза.

– Память ему не отбей...

В ответ Гриша только хмыкнул.

– Это проблема, кстати, – поделился соображениями Тимофей. – Оставить его тут мы не можем, он нас сразу заложит остальным, и такой халявы не получится.

– Так, может быть, его шлепнуть? – спросил Сергей, подойдя ближе к Дюбелю. Убивать никого он не собирался, ему показалось, что это удачный ход, напугать парня.

Однако тот пугаться и не подумал. Выставил средний палец и попытался пнуть Сергея ногой. По пальцам он, впрочем, тут же получил каблуком.

– Время теряем, – Тимофей решительно подошел к связанному. – Сейчас ты у меня похочешь...

– А компьютер у него включен? – поинтересовался Сергей, и Тимофей, уже начавший душить Дюбеля, замер.

– А это мысль...

Все четверо кинулись рыскать по комнатам в поисках

включенного компьютера. Тот обнаружился в маленькой комнатухе около туалета, чуть ли не в шкафу.

– Как он тут умещается?

Программисты бодро забарабанили по клавишам обнаруженной машинки.

– Должны же быть следы. Деньги же он откуда-то получал!

– Смотрим, смотрим, смотрим...

– Ребята, – сказал Тимофей. – Я один не справлюсь. Подключайтесь и вы. Но учтите, если сорвется, то потеряем все напрочь. У него тут какая-то охранка стоит, можем не успеть.

В прихожей что-то загремело, но увлеченные своим делом программисты не обратили на это внимания. Сергей решил проверить, тем более что в стремительном мелькании окошек, строчек с цифрами и именами он ничего не понимал.

Когда он вышел в прихожую, его поджидал сюрприз.

Посреди обломков кресла стоял Дюбель, почему-то зубами сдирающий остатки липкой ленты с запястий. В левой руке Дюбель держал... обрез.

«Как сумел?» – в ужасе подумал Сергей, но потом его взгляд наткнулся на пустые ременные петли, прикрученные снизу к сиденью разломанного кресла, и все стало ясно.

– Я же сказал, в жопу! – рыкнул «сопляк», ухватываясь поудобней за обмотанную синей изолентой рукоять. Дюбель сморщился, видать, надавали ему «коллеги» от души, но на курок все же нажал.

Падая, Сергей успел увидеть какие-то пустые медицинские коробочки, то ли от шприцев, то ли от ампул. «Ну, точно наркоман!» – мелькнула мысль, а потом...

От грохота заложило уши. В коридоре повисло облако дыма. Косяк двери, где только что стоял Сергей, разлетелся мелкой щепой.

– Парни!!! Атас!!!

В коридор выскочил Тимофей с круглыми глазами.

– Ты одурел, что ли?! Что за грохот?!

– Сюрприз! – противным писклявым голосом проорал сзади Дюбель.

– Твою мать! – Тимофей нырнул в сторону, Сергей просто упал лицом вниз.

БУХ! Треск, град осколков. Что-то сыпется сверху. БУХ! Из стены вылетело белое облако гипса.

– Задержи его! – Тимофей поднял Сергея за грудки, потрянул и толкнул в сторону Дюбеля, который с удивительной сноровкой и стремительностью перезаряжал обрез. – Нам немного осталось!

– Сдурели?!

Но Тимофея рядом уже не было. Он нырнул за поворот коридора и скрылся в камерке с компьютером.

Обычно в такой ситуации говорят, что время для главного героя остановилось. Но нет. Правильнее будет сказать, что сам Сергей неожиданно ускорился. Он успел заметить, что обрез хоть и не самое удобное в перезарядке оружие, но Дю-

бель справляется с этим явно быстрее, чем Сергей успеваает до него добраться. Две бумажные охотничьи гильзы шлепнулись на пол, обрезанные стволы с тихим щелчком вернулись в боевое положение. Хорошо смазанный механизм, долгие тренировки и стимуляторы. Может быть, даже какая-нибудь армейская химия, которой сейчас много ходило по Москве.

Столяров рыбкой нырнул в ближайшую дверь, больно стукнувшись плечом. Перекатился через голову.

Дверь позади буквально взорвалась. Дюбель выстрелил только из одного ствола. «Сопляк», хоть и был полным психом, но полным идиотом не являлся. Выскочи сейчас Сергей на перехват, заряд дробы в брюхо был бы обеспечен.

Пользуясь секундной паузой, он завертел головой. Комната, в которую Сергей попал, была спальней. Огромная, как и все в этой сумасшедшей квартире, кровать, какие-то столбы, красные шторы. Масса явно лишних, с точки зрения дизайнера, статуэток, ваз, горшков.

– Дорогая! – Дюбель толкнул дверь ногой. – Я дома!

Сергей прыгнул на кровать, перекатился, упал на пол, ожидая выстрела.

Дюбель засмеялся и ласково позвал:

– Рыбка, рыбка!

Сергей слышал, как парень двигается по паркету.

– Хватит музыки, – слышалось с той стороны кровати. –

Теперь только наверняка...

Столяров лихорадочно озирался, вжавшись в пол.

Ничего подходящего.

Стул далеко. Вазочки на полке над кроватью. Не достать. Сама кровать слишком огромная, тяжелая, на высоких, толстенных, витых ножках. Под кроватью только пыльный паркет.

Скользкий...

Раздумывать было некогда. В тот момент, когда Дюбель вспрыгнул на смятое покрывало, Сергей ухватился за края кровати и что было сил потянул на себя. По паркету, как по катку, он скользнул в пыльную темноту. Уперся ногами, толкнулся.

– Куда?! – завопили сверху. Оглушительно бухнуло. И там, где только что были ноги Сергея, матрас лопнул ватой, пружинами и поролоном. Дюбель дико взвыл, заверещал.

Еще ничего не понимающий Столяров вынырнул из-под кровати, грязный и напуганный до полусмерти.

Парень прыгал на матрасе, поджимая окровавленную ногу.

– Сука! – выл Дюбель. – Сука!

«Этот идиот прострелил себе стопу! – сообразил Сергей. – Но сколько было выстрелов? Два или один?» Он подхватил ближайшую к кровати вазу и швырнул ее в психа.

Болевого шока для парня явно не существовало. «Дурь», которую глотал этот удивительный уродец, работала на все сто. Дюбель оказался шустрее на долю секунды и отбил обрезом летящий в него снаряд. В момент удара ружье выстре-

лило. С полок посыпались черепки, и Сергей, не тратя драгоценного времени, кинулся на противника. Сбил с ног. Упал сверху, неумело молотя кулаками.

Однако Дюбель, несмотря на щуплое телосложение, оказался силен. Удар коленом едва не вышиб из Столярова дух. Затем паренек откинул голову назад, мотнулась немытая челка, на какой-то миг Сергей увидел злые, налитые кровью глаза и суженные зрачки, а потом... все вокруг вспыхнуло разноцветным, скула мигом онемела, перед глазами поплыла муть. Удара под ребра он уже не почувствовал, только мешком свалился набок.

«Боднул меня, – эта мысль почему-то сильно удивила Сергея. – Как баран. Боднул».

Через долгие, очень долгие полминуты разноцветного беспомыслия он услышал щелчок.

«Пиздец», – сообразил Столяров.

Однако Дюбель почему-то медлил.

«Чего же он ждет?»

По щекам мягко похлопали. Кто-то поднес к разбитым губам прохладное. Струйка воды полилась на шею, за рубашку. Столяров открыл рот, подавился, закашлялся.

– Живой, – констатировал знакомый голос.

– Валить надо, – сочувственно произнес Рома, когда Сергей все же открыл глаза. – Такой шухер подняли. Сваливаем...

Рядом в осколках большой, под «династию Мин», вазы ва-

лялся Дюбель. Его руки совершали странные плавательные движения.

10.

Как спустились по лестнице, Сергей не помнил. Только мелькали пролеты, и кто-то крепко держал его под руки. Из рассеченной губы сочилась кровь, глаз заплыл.

В какой-то момент на площадку выскочила бабулька, которую вежливо, но твердо задвинули обратно.

– Стреляют, бабушка, псих какой-то. Наркоманы проклятые. Совсем страну довели! – скороговоркой обрисовал ситуацию Тимофей.

Старушка заохала, всплеснула руками.

– Ироды... – донеслось из-за спины.

Холодный воздух улицы запершил в горле, глаза болезненно сощурились.

– Машина, машина где?... Твою мать!

Коротко рыкнула мотором синяя «Тойота», взвизгнули покрышки, и вот уже все четверо ввалились на заднее сиденье.

– Гони, родной, гони, – задавленно крикнул Тимофей, оказавшийся в самом низу. – Сейчас от ментов уходить будем.

Водитель ничего не ответил, тронулся плавно, аккуратно вышел через арку на проезжую часть, точным движением вогнал машину в соседний ряд, между ржавым «жигуленком» и приземистой «лягушкой» неопределенной марки. Через

несколько десятков метров совершил по всем правилам разворот, ушел на соседнюю улицу и вскоре затерялся в потоке автомобилей, исчез в каменных кишках огромного города.

Где-то далеко-далеко завывли сирены.

– Давайте как-нибудь рассортируемся, а? – полузадушенно предложил Тимофей. – Мне тут как-то не того.

Клубок тел распался. Кто-то осторожно перелез на переднее сиденье. Сергея усадили в середине на заднем. Роман достал аптечку и начал чем-то холодным обрабатывать рану. Попробовал было сунуться к Грише, которому в свалке двинули в челюсть, но тот отмахнулся, держась одной рукой за щеку.

– Круто, – прокомментировал Тимофей, оборачиваясь назад. – В общем, Серега, ты молодец. Спасибо.

– Помогло хоть?

– Помогло. По крайней мере, имя заказчика мы знаем. Странные это ребята, в общем. Никогда бы не подумал, что так можно работать. Грубо, очень грубо. Ни маскировки, ни черта. Куда мир катится! Скажи, Гриш, мы такими не были в их возрасте.

Гриша покачал головой. У него болела челюсть.

– Вломились в базу. Уперли. Наследили. Вообще странно, что их этот Коля, мордоворот, не попалил. Как считаете?

Гриша покосился на Рому, тот сделал вид, что полностью занят раной Сергея.

– Хотя да. – Тимофей тоже кинул взгляд на Романа. – Чай-

ники чайниками, а на такую дешевку не попали. Надо отдать должное.

– Да психи они, ненормальные! – проворчал Рома.

– Это точно, – Тимофей кивнул. – Как я понял, Дюбель у них был чем-то вроде защиты. Безбашенный совсем.

– А кто меня обокрал? – спросил Сергей. – Этих нашли? Или мы сейчас малолетнюю банду прессовать начнем по очереди?

– Шут с тобой! – замахал руками Тимофей. – Малолетка-ми пусть кто-нибудь другой занимается. Молодое поколение отморозенное пошло совсем. Мы с батутотцами – динозавры. Понятия. Стрелки. Базары.

– Между прочим, ты предлагал Дюбеля в лес вывезти, – напомнил Роман.

– Я не с той целью предлагал. Мне надо было его изолировать, психа, пока я его дружков буду на чистую воду выводить. Не все же они такие, как кремень!

– А знаете, чего я думаю, – вдруг оживился Рома. – Этот Дюбель у них вроде ловушки был. Потому и в онлайн все время. На него выйдут, мол, да на нем и ломаются.

– Черт его знает... Слишком сложно, по-моему. Ты ноут его захватил хоть?

– Естественно! – Рома даже обиделся.

– Хорошо.

– Блин. Кто меня обокрал?! – Сергей повысил голос. Сразу же к горлу подкатил комок. В голове зазвенело.

– Такое имя, как Борис Карасик, тебе чего-нибудь говорит?

– Говорит.

– Живет в Зеленограде. Банковские реквизиты... Почтовые адреса... Можно банк ломануть.

Гриша энергично замотал головой.

– Чего? Не надо банк?

Гриша кивнул.

– Ну, тогда извини, – Тимофей обратился к Сергею. – Банк мы не можем сейчас. У нас что-то полоса пошла не того цвета.

Гриша снова кивнул и указал на челюсть.

– Вот, как ему зубы повышибали, так пошло-поехало.

Гриша молча пожал Тимофею руку. Понимаешь, мол.

– А мне банк и не надо. Устанешь бегать потом.

– Точно. Контора солидная...

– Так что только беседа с глазу на глаз.

– Ага. – Рома наконец залепил ссадину на лице Сергея пластырем. – Тебе сейчас только так. С глазу на глаз. Потому как глаз у тебя еще долго будет один.

– Да и есть одна сложность, – добавил Тимофей. – У нас работа имеется. И на ней было бы неплохо появляться. Хотя бы иногда. Так что мы тебе Ромку дадим. Для разговора и поддержки. Ну, а если что не так пойдет, ты нас сдерни.

Он посмотрел на Гришу.

– Какой-нибудь отпуск нам положен?

Тот неопределенно пожал плечами.

11.

За городом было холодно. Несмотря на то что факт глобального потепления был окончательно доказан несколько лет назад, природа все же иногда брала свое. Иногда, на несколько дней, зима все же становилась зимой, а не подмороженной версией осени. Особенно сильно ее холодное дыхание чувствовалось вдалеке от городских лабиринтов, энергоцентралей, машин, дорог. От всего этого теплого, вечно тающего, посыпанного разномастными реагентами поля, на котором росли год от года людские муравейники.

Снег опускался на голые ветви берез, превращая их в толстые белые лапы, клонящиеся к земле, словно деревья опускали беспокойные руки, наслаждаясь моментами тишины и зимнего покоя. В оглушающей тишине с шуршанием падали снежинки.

Человек стоял на засыпанной белой крупой поляне. Белый пар его дыхания поднимался из-за поднятого ворота пальто. Глаза закрыты. Густая черная шапка волос, облепленная снегом. Морщины.

Человеку было плохо. Тошно на душе. К тому же его мучила неистребимая изжога.

Неподалеку стояла женщина, она осторожно, чтобы снег не слишком скрипел, притоптывала на месте, стараясь согреться. Модельная обувь, пусть даже зимняя, не слишком

подходила для подобных поездок. Однако женщина знала, что в такие моменты мужчину лучше не беспокоить.

Все равно не ответит и раньше определенного срока не уйдет.

Мужчину звали Борис Карасик. Занимался он дизайном. И около месяца назад воспользовался ворованными чертежами, чтобы заработать денег. Деньги были потрачены на новую машину, модельную обувь для женщины и красивый блестящий пистолет. Последнее приобретение было скорее случайностью. Точно определить, на кой черт ему оружие, Борис не мог. Просто, как всякий гражданин Российской Федерации, он имел на него право.

Нельзя было сказать, что Борис мучился угрызениями совести. Нет.

Украденный проект был не первым и, видимо, далеко не последним. Об авторах этих разработок Карасик старался не думать. «На то и щука в озере, чтобы карась не дремал», – любил повторять он в такие моменты. Нехитрый каламбур «карась-Карасик» его даже веселил.

То, что заставляло Бориса страдать, было выше простой совести. Это были муки уязвленного самолюбия. Столь же самокритичный, насколько и честолюбивый, Карасик ясно сознавал собственную творческую импотенцию.

Он прекрасно работал в команде, когда-то даже возглавлял группу разработчиков промышленного дизайна. Чувствовал меру, стиль, всегда понимал поставленную задачу и

умело балансировал на грани между стилем и пошлостью. Все, что касалось разработок чьих-то идей, администрирования, управления, – получалось у Бориса великолепно. Но... Но Карасику хотелось большего. Ему хотелось творить, создавать, извлекать из небытия, из хаоса ноосферы нечто оригинальное, настоящее, новое. То, с чем уже другие, в сущности, такие же, как он сам сейчас, будут работать, восхищаться, обрабатывать грани тех алмазов, что предоставит им он, Борис.

Копирайтер, чьи разработки никому не нужны.

Более того. Копирайтер, бездарность работ которого понимает он сам.

Человеку менее честолюбивому на это было бы наплевать. Есть возможность рубить фишку, есть возможность зарабатывать, есть возможность делать свое дело, пусть не так блестяще, но на кусок хлеба с маслом хватает. Чего еще нужно?

Нет.

Стремление к высокому основательно портило Борису жизнь.

Его не понимал никто. Ни друзья, ни клиенты, ни женщины.

По крайней мере, сам Борис так думал, играя и сознавая свою игру в непризнанного гения.

– Может, пойдем? – тихонько подала голос окончательно замерзшая женщина. – А?

Борис обернулся и долго смотрел на нее ничего не выра-

жающими глазами.

– Холодно... – неуверенно пожаловалась женщина.

– Замерзла? – с не менее холодным сочувствием в голосе поинтересовался Борис.

– Да.

– Тогда пошли. Пошли тогда.

Каким-то особенным, исключительным тоном он сумел, сказав всего четыре слова, привить ей чувство вины.

Молча они вернулись по своим следам к автомобилю. Новенький «Сузуки Витара-Дуо» приветливо мигнул габаритами.

Борис сел за руль, ввел идентификационную карточку в приборную панель. Двигатель коротко рыкнул, завелся, выбросив облако синеватого дыма.

– Ну что, поехали? – непонятно к кому обращаясь, спросил Карасик.

– Поехали... – тихо прошептала женщина. Когда за окнами понеслись дорожные столбы, она окончательно утвердилась в решении оставить Бориса. Без всякого уважительного повода. Просто бросить. И все.

Что она и сделала этим же вечером.

Собрала какие-то вещи, избегая касаться того, что он когда-то дарил ей. Не из желания казаться скромной и честной, не будучи ни той ни другой, просто от сложного, подсознательного омерзения. Зашвырнула какие-то тряпки, белье, зубную щетку, безделушки, пару любимых дисков, докумен-

ты, все в кучу, в одну спортивную сумку. Неловко пожала плечами. Буркнула что-то, не то «Прости», не то «Прощай». Кинула ключи от квартиры на столик и хлопнула дверь.

Все это время Борис сидел на незастеленной кровати и смотрел на нее понимающе, от чего на душе у женщины становилось еще более мерзко. Хотелось скандала, ссоры, криков, битья небьющейся посуды. Но повода не было. Поэтому она ограничилась лишь хлопком дверью.

– Дрянь, – произнес в пустоту квартиры Борис. – Дрянь и дура.

Он встал, подошел к зеркалу.

– А чего ты хотел? – спросило отражение. – Любви до гроба? Они жили счастливо и умерли в один день?

– Нет, – ответил Борис. – Я на это не рассчитывал.

– Ну, так чего разнылся?

– Я?

– Ну да. Ты. Тут есть кто-то еще? Нет. Это все ты. Разговариваешь сам с собой и занимаешься самобичеванием.

– Как последний идиот.

– Точно. – Ну и в жопу тогда.

Борис отвернулся от зеркала, дошел до кухни, вытащил из-за стола сложенный картонный ящик. Развернул его. Аккуратно проклеил швы липкой лентой. И пошел по комнатам, собирая все следы пребывания женщины в коробку. Все свои подарки, забытые вещи, духи, платье. Все, что когда-то дарил.

Вскоре коробка стала тяжелой, он поставил ее в центре, на кровать, и начал методично обшаривать квартиру на предмет поиска ее вещей. Набравшуюся кучу тряпок умял, придавил сверху, чтобы не вылезала, какой-то вазочкой или статуэткой. Не разбирая, кидал туда книги, журналы, диски. Когда коробка была заполнена доверху, принес еще одну и с каким-то жестоким восторгом продолжал собирать и собирать вещи.

Второй ящик был заполнен до половины, когда Борис наконец остановился, тяжело дыша от поднявшейся пыли, открыл окно, всей грудью вдохнул влажный, холодный воздух.

– Вот так.

Борис заклеил коробки и с трудом подтащил к окну. Чтобы выпихнуть их наружу, пришлось открывать вторую створку.

Внизу было темно. Фонарь устал освещать летящий снег и черный, вечно мокрый асфальт и погас.

– Эй! Бомжары! – заорал Борис, чувствуя, как холодный воздух заставляет кожу на груди собраться пупырышками. – Бродяги, мать вашу! Секонд-хэнд! Халява!

Где-то в темноте зашевелились. Или только показалось?

– Налетай, подшевелело! – крикнул напоследок Борис и что было сил толкнул коробку от себя.

Потом поднял вторую, уже более легкую. Зло швырнул ее в темноту.

Уже дрожа и стуча зубами, захлопнул окно.

Добрался до бара. Налил себе «Джека Дэниэлса». Хотел было разбавить его тоником, но плюнул и хлопнул виски залпом.

Пока он сосредоточенно надирался, под окнами к выброшенным вещам сползли окрестные бродяги.

Сейчас уже немногие жители Зеленограда помнили те времена, когда на улицах этого, тогда еще закрытого, города невозможно было встретить бомжей, бродяг и вообще личностей с неопределенным социальным статусом. Москва разрасталась, включая в свою границу многие и многие городки, города, поселки. Лишая их самостоятельного статуса. То же случилось и с «советской силиконовой долиной» – Зеленоградом. Сначала город перестал быть закрытым, потом начал приобретать сомнительные черты окраины современного мегаполиса. Линии улиц, усилиями столичных архитекторов, утратили строгость. Расплылись границы кварталов, микрорайонов, дворов. И вскоре город был захвачен армией бомжей, плодящейся день ото дня.

В Зеленоград пришли трущобы.

Удивительно, но при этом наукоемкие предприятия и научно-исследовательские институты никуда не делись. Оставаясь могучими оазисами порядка в столичном хаосе.

Можно было сказать, что, обзаведясь всеми сомнительными признаками задворков мегаполиса, Зеленоград сумел выдержать традиционную для него обособленность. От всего.

Картонные коробки были вскрыты. Вещи лихорадочно

вытаскивались, передавались по рукам, каждый старался ухватить то, что казалось необходимым ему. А поскольку вещей, годных в экстремальном бродяжьем быту, было немного, то до драки не доходило. Большинство предметов осело в мешках тех, кто подрабатывал, продавая на рынках разномастное барахло.

Бомжи старались не мусорить. Потому что ссориться с гильдией дворников боялись. Жизнь научила их выживать и находить компромиссы.

– Ну-ка, мужики, посторонись, – сказал кто-то из темноты.

Городская рвань дрогнула, но не отступила.

На голос обернулось несколько наиболее крепких бомжей.

– А тебе чего тут? Не звали.

– Да уж, всяко. – Мужчина, вполне прилично одетый, подошел ближе.

– Шел бы ты... – ответили из толпы, пока беззлобно. – Своей дорогой. Чего, барахла не видел?

– Да не возьму я ваши тряпки, – ответил мужчина. – Надо больно. Давайте так. Я посмотрю, а вам пузырь.

– Покажь.

Мужчина вытащил из-за пазухи бутылку.

– Початая... – протянул кто-то.

– А ты целый ящик хотел увидеть? – раздраженно ответил мужчина. – Ну, согласны?! Мне об вас просто мараться

неохота. Но я могу и потерпеть.

– Да ладно. – Перед мужиком образовался коридор. –
Смотри...

Незнакомец подошел к коробкам. Пошевелил какие-то шмотки. Вытащил незамеченную коробочку с духами, понюхал.

– Однако.

Бегло осмотрел содержимое другой коробки.

Ткнул в толпу флакон духов.

– Тоже можете выдуть. Со спиртом.

– Вот еще, – хрипло огрызнулась какая-то старуха. – Я на себя вылью! Может, мужичка подцеплю приличного!

И она засмеялась лающим, грубым хохотом. Соседи отодвинулись, видимо, опасаясь связываться.

– Все, ребята, – сказал мужчина, отходя от коробок. – Сосите ваш пузырь. Как договаривались.

Он ткнул початую бутылку какому-то мужичку и ушел в темноту. За спиртное тут же разгорелась небольшая потасовка, бесшумная, словно крысы сцепились за кусок сала, и такая же злая. Потом пузырь достался самому сильному и авторитетному.

– Ша! Всем хватит!

Мужчина тем временем вернулся в подъезд дома напротив, из которого и вышел.

– Дай погреться, Михалыч, – обратился к нему Роман.

– Нету, – Михалыч развел руками.

– Опа! А где?

– Там, – Михалыч махнул в сторону копошащихся в снегу темных теней.

– Ох елки! – Рома прильнул к стеклу узкого подъездного окна. – Ты что же?! Бомжам коньяк отдал?! Е-мое...

Затем Рома сделал неправильные выводы.

– Или отобрали? – Он дернулся, было, вниз, на улицу, но рука Михалыча его остановила.

– Сам отдал. К вещам пускать не хотели.

– Так ты б дал им раза...

– На хрен надо, блох потом выводить. Они ж больные все. Да и... знаешь... мы тут коньячком греемся, а они в шмотках да мусоре роются. Какое-то чувство социальной справедливости разыграло. Отдал я, на фиг. Пусть дернут. Мы, поди, не подохнем?

Михалыч, словно бы за поддержкой, посмотрел на Сергея.

– Не сдохнем, Михалыч. Не сдохнем, – подтвердил тот.

Роман промолчал.

– Чего там в коробках было? – поинтересовался Сергей.

– Барахло. Женские шмотки. Духи там. Пеньюары. Пара дисков, книги. Статуэтка какая-то. Одно слово – барахло.

– Н-да...

– Надо было мне идти, – пробормотал Рома. – Я бы им бутылку не отдал. Тем более шмотки бабские...

– Тебе, – Михалыч усмехнулся. – Они бы тебя сожрали там, с костями. Не слышал, год назад люди в Бутово пропа-

дали?

– Да ладно...

– Натурально пропадали. Так потом выяснилось, что их бомжи жрали. Ага.

– Ладно заливать!

– Жрали, ответственный товарищ мне сказал, ну. Из органов. – Михалыч сделал большие страшные глаза и постучал себя в грудь. – Страшное дело было, кошмар. Целая секта была, Крысами назывались.

– Ну, а скандал был бы какой?! – Роман неуверенно отмахнулся. – Газеты, все такое...

– Какие газеты? Ты чего? Совсем маленький? Ты представь, что могло начаться? Гражданские беспорядки. Крысоловы всякие повылазили бы. Паника. Так что органы все верно сделали. По-тихому разогнали всех, кого пристукнули на месте, кого в тюрьму определили. А большинство разбежалось. Да. Так-то. А ты говоришь, тебе надо было идти. Коньяку пожалел. С бомжами шутки плохи, парень.

Судя по серьезному лицу, Роман наполовину купился на эту развесистую клюкву.

– Грузите вы мне какой-то левый софт, – неуверенно заявил он и снова прильнул к окну. – Коньяк, опять же...

– Так что, – не обращая внимания на ворчание, обратился Сергей к Михалычу, – у нашего друга житейские катаклизмы?

– Ну, в любое другое время никто выбрасывать женские

вещи из окон не станет. А та блондинка в шубке, что в такси прыгнула так шустро, по ходу дела, бывшая хозяйка этих вещей. Так что, скорее всего, наш друг сейчас один-одинешенек. Визит нанесем?

Сергей откашлялся.

– Знаешь. Что-то я не готов к визитам. Только-только морда заживать стала. На чужую квартиру соваться... После этого... Дюбеля. Нет никакого желания, покамест. Может, лучше завтра и как планировали?

– Риска больше, свидетелей возможных тоже. Но интуиция в нашем деле – штука полезная. Ее слушать надо. Завтра так завтра.

Через некоторое время они вышли из подъезда и направились в расположенную неподалеку гостиницу «Даун-хаус». Которую Роман классифицировал, как нечто среднее между благоустроенной ночлежкой и общагой. Документов там не спрашивали, к постояльцам не присматривались, что было очень удобно.

12.

Лифты Борис не любил. Со времени изобретения первого лифта, казалось, прошло достаточно времени, чтобы человечество успело адаптироваться к этому явлению, но... Видимо, идея движущейся в вертикальной плоскости платформы претила мозгу примата. Хотя, может быть, и это более вероятно, Борис страдал легкой формой клаустрофобии. О чем и сам не догадывался.

Однако спускаться вниз по лестнице сегодня почему-то не хотелось еще больше.

Что-то изменилось в его сознании за прошедшую ночь.

То ли виски оказалось слишком крепким, то ли привычное самоедство довело психику до той грани, за которой всякие мелкие отклонения от нормы становятся критическими. В любом случае, сейчас полумрак погашенных ламп казался Борису подозрительным. Он подошел к перилам, ограждающим провал лестницы. Посмотрел вниз. Где-то далеко, семью этажами ниже, виднелась едва освещенная площадка. Черно-белая клетка истертой плитки. Первый этаж был ярко освещен. Однако другие этажи тонули в зимнем сумраке. Борису вдруг показалось, что кто-то несколькими этажами ниже высунулся в пролет, вот так же, как он, только лицо было обращено вверх. Черные пустые глазницы, оскал приоткрытого рта.

Борис испуганно отшатнулся. Сделал несколько шагов назад. Сердце бешено колотилось.

Вдруг, очень сильно, захотелось вернуться в квартиру. Выключить звонок, телефон, запереться, закутаться в одеяло и ждать. Чего?... Борис не знал.

Он сделал еще несколько шагов в сторону двери. Потом еще. И наконец кинулся назад. Выронил ключи, всхлипнул, дрожащими руками сумел поднять и даже вставить металлическую пластинку в щель замка. И только влетая на полном ходу в квартиру, позволил себе обернуться.

Там, на полутемной площадке, стоял человек. Черная тень.

Борис вскрикнул, захлопнул дверь и щелкнул замком.

Он стоял, тяжело дыша и прижавшись лбом к косяку. Что-то влажное, щекоча, потекло по подбородку. Борис провел рукой по лицу и увидел, что она мокрая.

«Слюна. Я слюну пустил», – подумал он.

От этой мысли сделалось смешно. Борис визгливо хихикнул, но, закрыв рот ладонями, сумел задавить в себе поднимающуюся истерику.

– Чего испугался-то? – собственный голос прозвучал чуждо. – Ну, человек... Сосед, наверное, сверху. Или там... Монтер. И внизу тоже. Почудилось. Почудилось, и все.

Борис отошел от двери. Посмотрел в зеркало.

– Нечего сказать, хорош. – Из зеркала на него смотрел бледный, с темными кругами под глазами человек. Совер-

шенно незнакомый. Бориса даже передернуло от того, что он не может найти в отражении ни одной знакомой черты. Ни единой.

Словно стремясь подтвердить, уверить самого себя в том, что он контролирует ситуацию, Карасик провел рукой по волосам. Отражение повиновалось. Оно так же послушно повторило все действия Бориса. Подпрыгнуло. Развело руки в стороны. Присело. Поклонилось. И даже улыбнулось.

От этой вымученной улыбки стало только хуже. Более всего улыбка напоминала оскал смертельно испуганного животного.

– Что-то ты, братец, сегодня не в образе. – Борис погрозил зеркалу рукой. – Мятый какой-то. Нельзя так...

И он снова улыбнулся, покровительственно так, мол, смотри у меня... Но получилось плохо. Борис вдруг понял, что отражение ни при чем. Это он. Только он сам не в образе, мятый, испуганный... Внезапно накатило понимание, что когда он гримасничал, прыгал и приседал перед зеркалом, то искал не подтверждения подчиненности отражения. Нет. Совсем наоборот. Откажись тот, зеркальный человек, исполнять его волю, Борису было бы легче. Он – не я, вот чего искал Борис.

И не нашел.

– Что же это?... – Борис закрыл глаза ладонями, а когда снова открыл их, то в ужасе отпрыгнул от зеркала. Там, в глубине прихожей, что-то было не так. Подсознание, обострен-

ное параноидальным психозом, отметило неправильность раньше, чем сознание обработало полученную информацию.

Стоя за стеной кухни, Борис, с бешено колотящимся сердцем, осознал причину своего страха.

Ручка входной двери была повернута вниз. Кто-то... Кто-то С ТОЙ СТОРОНЫ пытался открыть дверь.

– Бред, бред, бред. Почудилось. Почудилось. Почудилось. – Борис твердил эти слова, как молитву, заклинание, заговор. Что угодно, лишь бы не рушилась картина мира, не разваливалась у него на глазах. – Почудилось.

Он высунулся в коридор. И сжал зубы, чтобы не заорать в полный голос. Только визг, тонкий и едва слышный, вырвался через плотно сжатые зубы.

Ручка двери медленно возвращалась в исходное положение.

Не показалось.

– Господи. – Борис медленно сполз на пол кухни. – Что им от меня надо? Господи? Что им от меня надо?...

Некоторое время его просто трясло. Колотило нервной дрожью.

Удивительно, но эта истерика ему помогла. Вероятно, сработали какие-то потаенные предохранители, встроенные в сознание человека природой, и Борис начал мыслить более здраво.

– Ну, хорошо, пусть так. Пусть там человек. – Он снова посмотрел на входную дверь. – Человек? Человек. Человек.

Чудовища не имеют смысла. Хуже человека ничего и не придумать. Так что пусть будет человек. Да. Ключей у него нет. Нет. Иначе бы он вошел. Он не вошел. Значит, нет ключей. Хорошо. Чего ему от меня надо? Чего? Кто бы это мог быть?

Борис перебрал в памяти всех знакомых, с кем когда-либо ссорился.

– Не знаю. Может быть, она?! – Борис вскочил, дернулся к двери, но остановился и снова вернулся на кухню. – У нее есть ключи. Или нет? Нет. Оставила. Вчера оставила. Я не выбросил? Нет. На столике. Лежат. Значит, кто-то другой. Сосед? Может быть. Не знаю. Ладно. Что он мне может сделать? Может... побить. А я?

И тут он вспомнил то, что резко придало ему уверенности. Пистолет! Большой, блестящий пистолет!

Там. В комнате.

Борис метнулся в комнату, расшвырял какие-то коробки, пакеты, бумаги. И нашел!

Он схватил оружие, прижал его к груди, плача от счастья. Отпустило.

Тяжелый, заряженный смертью кусок металла внушал спокойствие. Словно кто-то невидимый, верный, сильный говорил: «Не бойся, хозяин. Я с тобой».

Борис погладил пистолет. Каждый рычажок. Каждый винтик. Вытер слезы.

Непослушные пальцы отщелкнули обойму.

Тупые, золотистые головки глянули на него через прорезь

магазина. Ровно двенадцать верных друзей. Неплохая компания, что и говорить...

– Вот так-то, братцы. – Борис вставил обойму в пистолет, но досылать патрон в ствол не стал. – Надо дома посидеть.

13.

– Ну и? – непонятно у кого спросил Роман, рассматривая запертую дверь.

Сергей решил, что вопрос ориентирован ему, и пожал плечами.

– На психа смахивает. Может, его Михалыч напугал?

– Да ладно, – Михалыч махнул рукой. Он стоял у лестничного пролета и смотрел вниз. – Я только спустился, а он как дернет... Может, у него с психикой не все в порядке?

– Без понятия, как сейчас, но раньше все было нормально. По крайней мере, мы тогда ничего не замечали. Экстраординарного.

– А где вы с ним пересеклись?

– Работали вместе. – Сергей подошел к Михалычу. – Проектировали городок для одной корпорации.

– Городок?

– Да так, одно название, что городок: пара десятков коттеджей, в соответствии с корпоративной идеей... В общем, бред. Работа плевая, но времени жрет массу.

– Вдвоем?

– Нет. Там целая группа работала. Как раз этот Карасик и осуществлял координацию проекта. Администратор он неплохой.

– А чего это он на ворованное потянулся?

– Козел потому что, – зло ответил Сергей и обернулся к Роману: – Ты звонить пробовал?

– Пробовал, – ответил Роман. – У него отключено все. Я еще ручку подергал.

– И как?

Если бы можно было в этот момент сместить точку зрения парой метров к северу или сделать дверь квартиры Бориса прозрачной, они бы увидели, как объект их преследований стоит в прихожей и целится в дверь из блестящего пистолета.

Роман опустил ладонь на дверную ручку. Надавил.

Палец Бориса напрягся на спусковом крючке. Повел его на себя. Молоточек ударника сдвинулся со своего места.

– Оставь, – сказал Михалыч. – Оставь его, может, понос у человека. С чего бы еще так в квартиру бежать?

– Ну. – Роман в нерешительности посмотрел на дверь. За ней в сосредоточенном ожидании замер Борис. С пистолетом. – Ладно.

Рома подошел к Сергею с Михалычем.

– Делать чего будем?

Сергей пожал плечами.

– Козел он... Но отступать уже поздно. Он меня кинул. Знал он, что это я, или не знал. В нашем случае значения не имеет. Мечь тем и страшна, что, начав ее, остановить можно, только окончательно отомстив. Иначе ты будешь растоптан теми силами, которые вызвал к жизни.

– Мистика... – усмехнулся Роман.

– Психология, – возразил Сергей. – Только психология. И все. Отступи мы сейчас, что получится?

– Ну... Ничего не получится.

– Ничего – это положительно. Это означает, что мы ничего не потеряем. Но это не так, – его слова гулко разносились по пустоте утреннего подъезда. Дом медленно оживал. Иногда включался лифт. Где-то хлопали двери, но редко, люди еще спали, нежась в теплой защищенности постелей. – На самом деле мы теряем. Как минимум – время. Затраченное время и усилия. Мы искали, рисковали, тратили время. А время – это не только деньги, но и силы. Силы, которые могли бы быть потрачены на что-то более созидательное, чем беготня от маньяка с обрезом по огромной квартире, чем гонки на БТРе и рискованные, на грани фола, разборки с бандитами.

– С администраторами, – поправил Роман. – И на БМП.

– Какая разница? – Сергей попробовал отмахнуться, но Роман перебил его с серьезным видом:

– С бандитами такие варианты не прокатили бы. А БТР – это такая штука с гусеницами...

– Ладно, черт с ним, пусть будет так. С админами разборки. Один черт потрачено время, силы и деньги. И если нет результата – то все это потрачено впустую. Это уже плохо.

– Да и хер бы с ним...

– Точно. Да не совсем. Поскольку мы потратили впустую силы, мы проиграли. А если мы проиграли, то мы кто? Лу-

зеры. Неудачники. Жалкие, никчемные существа, которых может прокатить кто угодно, как угодно и когда угодно.

– Да и ладно бы... Никто ж не узнает.

– Вот уж нет. Во-первых, лузера даже ты определишь с первого взгляда. По походке, по фигуре, по глазам, наконец. И это ты, а что говорить про людей, у которых на неудачников развито профессиональное чутье? Бандиты, кидалы и прочие «граждане». Лузер не потому неудачник, что его все кидают. Нет. Его кидают, потому что он лузер. И выпасть на эту планку не приведи господи. Один раз опустившись, подняться почти невозможно. Нужны сверхусилия. Именно поэтому надо трижды подумать, прежде чем приводить в действие механизм мести. Сможешь ли ты справиться с тем, что обвалится на тебя? Стоят ли результаты таких жертв? Имеет ли ценность то, ради чего ты решил рисковать? И что будет, если ты простишь обидчика?

– А во-вторых? – поинтересовался Михалыч.

– Что?

– Ну, ты сказал, во-первых. Меня интересует, что же после такого обстоятельного первого пункта будет вторым?

– Ну, – Сергей помялся. – Знаешь, я об этом даже как-то не подумал. Во-вторых... Во-вторых, ребята, у меня нет денег. Если я из этого мудака свою долю не выбью, то мне придется туго. Обижен я сильно, вот что. Я до конца идти должен. Вы, если хотите, можете соскочить. А я пойду до конца.

– Ну, а занять, что ли, нельзя? – спросил Роман.

– Можно, – Сергей кивнул. Где-то наверху хлопнула дверь. Быстрые девичьи каблучки простучали по лестнице. Загудел лифт. – Все можно. И занять, чтобы на плаву продержаться, и новый проект подхалтурить, чтобы сроки ужать. Но если честно, мне было важно сделать именно то, что мы делаем.

– Отомстить?

– Да. Потому что теперь, если я доведу это до конца, то буду знать, кто я.

– Достоевщина...

– Почему бы и нет? Кто сказал, что Достоевский был дураком? Он тонко, по-настоящему понимал и чувствовал человеческую природу и натуру. Так-то. Если я сейчас смогу, то смогу и в другой раз. И если кто-то Другой сможет один раз, то и другой раз не спасует. И тогда каждая тварь будет знать, что есть люди, обижать которых смертельно опасно. Для себя, для своих Друзей, для своей семьи.

– А обратной вендетты не боишься?

– Я ему, он мне, и так до бесконечности?

– Да.

– Не боюсь. Мечь – это благородное дело. Даже если ее ведет дикарь. В мести, как и в дуэли, есть свои законы.

– Интересно, а тот, который поперет на тебя в ответ, про эти законы знает?

– Конечно. Иначе он не стал бы мстить, – уверенно отве-

тил Сергей. – Но, кстати, идея интересная. Надо бы заняться культпросветом.

– В смысле?

– Ресурсик надо бы сварганить... В Сети. Поможешь?

– Почему я? – удивился Роман.

– Ну, как?... Ты же у нас тут единственный специалист по компьютерам... Кто же еще?

– Ну... – Рома важно насупился. – Это дело надо обдумать. И все такое.

– Обдумай.

Они замолчали.

Михалыч по-детски плюнул вниз, с любопытством проводил плевков взглядом.

– Однако проблема все еще остается. Клиент заперся в квартире и носа наружу не кажет. Может, позвонить?

– Может. А, кстати, сколько он собирается дома торчать?

– Ну, пока продукты не кончатся, – Рома пожал плечами. – Жрать-то надо...

– Гениально, – прошептал Михалыч. – Осажденная крепость. Классика жанра. Теперь все зависит от того, насколько у него забит холодильник.

14.

Когда нервы несколько поуспокоились, Борис обрел способность более-менее здраво рассуждать.

– Дано, – начал он. – Острый приступ паранойи. Причины: шестое чувство, какие-то люди на площадке, ручка двери поворачивалась несколько раз, так что случайность исключена. Что нужно этим людям, я не знаю. Кто они такие, не знаю. Звонить в милицию? Что я им скажу? На моей лестничной площадке трутся незнакомые люди? Пошлют к черту. А если не пошлют, но приедут, а там никого... свезут в дурку. Зато живой...

Он некоторое время серьезно обдумывал возможность уехать «на лечение», однако не было никакой гарантии, что неизвестные люди не заявятся в дурдом. Да и не мог Борис припомнить, чтобы кому-то от этого «лечения» полегчало.

– Нет. Лучше в дурку не ложиться. В милицию надо звонить, когда все уже будет ясно. Кстати... – Борис посмотрел на пистолет. Осторожно взял его в руки, поставил на предохранитель, вынул обойму, передернул затвор. На ковер вывалился неиспользованный патрон. Карасик аккуратно поднял его и защелкнул обратно в обойму. – Кстати, о милиции. Не будем, без необходимости, превышать пределов допустимой самообороны. А то ведь страшно сказать...

Он подошел к большому зеркалу в коридоре. Привычка

говорить с отражением создавала иллюзию, будто он разговаривает не сам с собой. Собеседник из зеркала был не ахти, но все же...

– Страшно сказать, – погрозил Борис отражению пальцем. – Чуть через дверь палить не начал. А вдруг там дети хулиганят? Или кто ошибся... Да даже если и не ошибся, поди потом доказывай. Так что стрелять не будем. Просто так... Только по делу. Может, и не придется.

Успокоив себя таким образом, он направился на кухню.

Там, разбив в сковородку два яйца, с неудовольствием понял, что дома нет колбасы. Да и вообще на предмет «пожрать» было как-то не очень. Борис вспомнил, что поднялся в такую рань исключительно из-за самодурского желания оливок. С утра и с перепоею вдруг захотелось. Да так, что желудок скрутило. Заодно решил пополнить запасы еды, подошедшие к концу.

– Так, ну и что же мы будем делать теперь? Что же будем делать? – В воздухе ощутимо запахло жареным. – Горит еще что-то... Твою мать!!

Яичница больше всего напоминала пресловутый «завтрак шахтера». Угольная корочка снизу, сморщенные желтки сверху. Выбирать, однако, не приходилось.

Приблизительно через час сосредоточенных метаний из угла в угол Борис нашел, как ему показалось, удачный выход из ситуации.

Интернет. Заказ на дом.

Дороговато, но выбирать в данном случае не приходилось.

Все, что нужно, принесет посыльный. Оплата по кредитке. Контактировать с посыльным, кстати, необязательно. Положит все на столик, и конец делу.

Это там, на лестнице, он уязвим, а дома... Дома и стены помогают.

Борис кинулся к компьютеру. Проекционный экран высветил на белой стене линию доставки ближайшего супермаркета.

– Мне нужно, мне нужно... Вот это... – Борис бормотал под нос, ставя галочки напротив интересующих его товаров. – И вот это... И пусть еще будет это. Сразу два.

Где-то, восемью этажами ниже, в подвале, сидели около ноутбука три человека. Синий свет монитора делал лица плоскими.

– Чего он делает? – поинтересовался Михалыч. – И можно как-то побыстрее?

– Поспешешь – людей насмешишь. И потом, не от меня зависит, – ответил Рома. – Мы всего лишь его сигнал перехватываем. Как он решит, с такой скоростью все и будет.

– За сигнализацию опасаюсь.

– Ты ж вроде отключил...

– Ну. – Михалыч с сомнением посмотрел на вырванные с корнем провода. – Я, конечно, эту модель знаю, но все же... Нагрянут менты, я, например, не знаю, что ответить в этой

ситуации. Сидят трое с ноутбуком в подвале. Ловят чей-то сигнал...

– Палево, – с удовольствием произнес Рома.

– А действительно, что он там делает? – нервно спросил Сергей.

– Жратву заказывает!

– Пять баллов, – Сергей кивнул. – А зачем?

– Зачем-зачем?! Ну ты даешь, Достоевский! Жрать нечего! Сам не хочет выходить на улицу. Посыльный... Понял?

– Понял. – Сергей кивнул. – Кстати, жрать действительно хочется.

Курьер с продуктами появился буквально через полчаса. Это был молодой, курносый парнишка в фирменной красной куртке с лейблом супермаркета на левом нагрудном кармане. В руках он тащил два тяжелых пакета.

– Помочь? – поинтересовался Роман, встречая его на лестничной площадке.

– Нет, – парень испуганно покосился на подошедших сзади Сергея и Михалыча. – Я сам...

– Не дрейфь, не обидим. Ты просто постой тут, в сторонке.

– Я...

Сзади парню руку на плечо положил Михалыч.

– Сказано постой. Значит, постой. Тебя никто не обидит, если ты сам себя не обидишь. Какие инструкции были от покупателя?

– Никаких...

– И хорошо. – Роман аккуратно взял пакеты. – Курточку одолжи...

Посыльный испуганно повиновался.

– Не мой размер, – пожаловался Рома, просовывая руки в рукава. – Не мой... Ты бы спортом занялся, что ли...

Он постучал в дверь.

– Кто? – глухо поинтересовались из квартиры.

– Посыльный. Заказ принес.

Щелкнул замок. Изнутри послышался топот.

Роман осторожно нажал на ручку, дверь бесшумно отворилась.

– Поставьте сумки и уходите! – прокричал Борис из глубины квартиры. Он высовывался откуда-то из кухни, стараясь разглядеть вошедшего. В невидимой из коридора руке плясал пистолет.

– Надо расписаться... – Роман пожал плечами, ставя сумки в угол. – Тут, в бумагах. Подпись.

– Оставь бумаги на столике, я подпишу, потом войдешь и заберешь.

– Да елки... – вздохнул в коридоре Сергей.

Он толкнул начавшую закрываться дверь и вошел в коридор.

– Боря! Это я... Ты меня знаешь...

– Кто?! – Борис прицелился в темноту коридора. – Кто?! Я никого не звал! Что вам надо?! Убирайтесь! Я буду стре-

лять! Это вторжение! Кто?!!

– Меня зовут Сергей Столяров. – Сергей осторожно на-шел выключатель и зажег свет. – Мы с тобой работали. Пом-нишь?

– Нет! Я... Я ничего не помню! Убирайтесь!

– Я уйду. Но нам надо поговорить. Просто по-хорошему поговорить.

– К черту! Я никого не звал!

– Так вот... Давай сделаем так... Я оставлю номер теле-фона тут на столике. А ты позвонишь по нему и назначишь место, хорошо? Где ты мог бы со мной поговорить. Какое хочешь, такое и назначь. Поверь, Боря, нам очень надо по-общаться. Очень.

Сергей осторожно, стараясь не делать лишних движений, положил на столик бумажку с номером. Мобильный с номе-ром был специально для этой цели куплен за какие-то несер-ьезные деньги в ближайшем магазине.

– А теперь мы уходим. Уходим, Боря... Вот еще бума-ги тут, подписать надо посыльному. Ты подпиши... А то неудобно получается.

Борис молчал.

Первым вышел Роман, за ним, осторожно прикрывая дверь, выскользнул Сергей.

– Ну вот, – сказал Рома, стягивая с себя куртку. – А ты боялся!

Паренек взял одежду и вопросительно посмотрел на Сер-

гея.

– Чего? – удивился тот.

– Бумаги.

– Сказал же я... Подпишет и отдаст.

В этот момент дверь на мгновение открылась.

Михалыч оттолкнул Сергея с предполагаемой линии огня и притянул к себе парня из доставки, скрываясь за поворотом коридора.

Дверь хлопнула.

– Вот и бумаги, – прошептал Рома, осторожно выглядывая из-за канализационной трубы, за которую ухитрился проскользнуть, подобно осьминогу.

15.

– Вот какая бодяга вышла, – сказал Сергей. – Чтобы тебя найти, я перетряс половину Москвы. Громко звучит, но ты не поверишь, на что мне пришлось пойти, чтобы только раздобыть твой домашний адрес. А ведь всего лишь пару недель назад я мог бы спокойно взять свой гонорар, заскочить в пару мест на предмет будущих проектов и еще полгода спокойно работать, не думая о деньгах. И посмотри на меня сейчас. Злой, небритый, грязный, замерзший. И без денег. А самое обидное знаешь, что? Я совершенно не знаю, что тебе сказать. С одной стороны, у меня опыта таких разговоров нет, и надо бы найти какого-нибудь разводилу. Хотя бы по объявлению. На тебя и такого хватит... Но, с другой стороны, это мое дело. И плохо-хорошо, а решать его мне.

– Чего надо? – выдавил из себя Борис. Его руки, которые он старательно прятал под столом, тряслись.

Сергей щелкнул языком.

– В этом-то и проблема. В два слова не скажешь. Требуется раскрыть тему. Представь, скажу я тебе просто, денег надо. И что? Ты сразу мне доступ к своему счету сделаешь? Нет. Упрешься рогом в землю и стоять будешь до последнего. Пока мои ребята тебя на ремни не начнут резать. И при этом буду не прав я, а не ты. Смешно ведь, разве нет? Ты не прав, а сволочью выгляжу именно я.

– С чего это я не прав?

– С того. Ведь это ты месяц назад делал работу для «Лихарев и К°»?

– Ну... Делал.

– А проект ты, гадина, откуда взял? – Сергей наклонился вперед, пристально глядя Борису в глаза. – Проект? Помнишь, откуда проект взял? У кого ты его взял, знаешь? Сколько я над ним корпел, ты знаешь? А ты всего-то связался с уродами, качнул – и готово! При бабках.

Хлопнули двери. В зал вошел мужчина в черном костюме. Сергей кинул в его сторону быстрый взгляд и снова вернулся к собеседнику, тщетно пытаясь заглянуть ему в глаза.

Вошедший нервно осмотрелся и двинулся к зарезервированному столику. Как из-под земли появился похожий на пингвина официант. Мужчина что-то сказал ему, тот коротко поклонился, снял со столика табличку, отодвинул стул.

– Желаете что-нибудь выпить до заказа? – донеслось до слуха Сергея.

– Да, минеральную... Пожалуйста.

Сергей прокашлялся.

Утром на оставленный вчера номер ему позвонил Борис и назначил встречу в небольшом ресторане, в центре города. Ресторанчик назывался «Богемия» и располагался на восьмом этаже здоровенной, недавно выстроенной высотки, где верхние этажи отводились под квартиры и офисные помещения, а внизу все было отдано под торговлю. Огромный, в

несколько уровней супермаркет в окружении более мелких контор, туристических, аптек, кафешек и различных кондитерских.

Восьмой этаж полностью отводился под ресторан, попасть в него можно было по нескольким эскалаторам, проходящим через весь огромный торговый ад.

Карасик выбрал людное место, однако, по странному стечению обстоятельств, в ресторане не было ни души. Несколько столиков было зарезервировано. Скучали официанты.

Разгар рабочего дня. До обеда еще далеко, а для делового завтрака уже поздно.

– Чего молчишь? – обратился он к Борису.

– А что говорить?

– Ну, наверное, что-нибудь надо. Вроде того, что ты не виноват. Что ты не воровал. Что ты в своем праве. Что щука в озере только для того, чтобы карась не дремал. Что ты ничего не знаешь и ничего не ведаешь. Какую-нибудь глупость скажи. А то мне как-то неудобно. Вроде бы я с пустым местом разговариваю или с подростком каким-нибудь, который яблоки у меня в саду уворовал и теперь мучается угрызениями совести. На подростка ты не похож. Отвечать придется по-взрослому.

– А чего ты хочешь?

– Ну, вероятно, понимания. Для начала. – Сергей пожал плечами. – Понимания того, что ты сделал плохо. И за это ты отвечаешь.

– Отвечаю, – прошептал Борис.

– А если отвечаешь, то давай думать, как ты можешь компенсировать нанесенный мне ущерб. И моральный и материальный.

– Денег нет, – снова прошептал Борис.

– Хорошо, – Сергей удивленно поднял брови. – Многообещающее начало. И куда же ты дел такую кучу бабла?

В зал вошел еще один человек. Поманил проходившего мимо официанта пальцем, о чем-то пошептался с ним. Официант показал на столик, за которым сидел мужчина в черном костюме с минералкой.

Вошедший поблагодарил и направился к тому же столику.

– Машину купил. В лизинг. Бабе ботинки. И еще... В общем... – По какой-то причине говорить про ствол Борис не стал. – Нет денег. В общем.

– А живешь ты, интересно, на что? – сделал удивленное лицо Сергей.

– Живу... Ну... У меня есть небольшой счет, с которого я снимаю проценты. На которые я... – Борис выставил перед собой руки. – Нет, погоди, но если я тебе сейчас это отдам, на что я жить стану? Это не гонорар, это стабильный доход, небольшой, в общем-то. Только-только хватает.

– Вот-вот. То, что мне и нужно. Небольшой, стабильный доход. И машина.

– Так, – Борис нервно ухмыльнулся. – Это несерьезно.

– Да ты что? – голос Сергея стал походить на шипение

змеи. – Несерьезно?! Ты меня обокрал, подонок. Ты меня в говно головой макнул. Ты меня кинул. И думаешь, что я говорю несерьезно?!

– А я?! – Борис повысил голос.

– А «я» – это последняя буква в алфавите! – отрезал Сергей. – Меня не волнует, что ты будешь делать. Потому что, когда ты воровал у меня мою собственность, ты не думал, даже ни минутки не подумал о том, как же там будет выживать тот, кого ты ограбил. На что он будет жить, как он будет есть, как он себя, наконец, будет чувствовать после этого! Сука ты! Гнида! Брюхо свое...

Сергей с трудом подавил желание схватить Бориса за горло. В висках тяжело бухало. На скулах играли желваки.

– В общем так. Прямо сейчас, вот здесь и сейчас, ты переводишь на меня свои финансы. И сейчас же, отсюда, мы с тобой идем и переписываем твою машину на нового владельца.

– А я? – пискнул Борис.

– А ты живешь дальше. Согласись, что это не так уж и мало. Работать пойдешь, наконец! Потянешь какой-нибудь проект. У тебя это получалось неплохо когда-то. Воровать, конечно, проще, но, как видишь, может выйти боком.

– Меня. – Борис опустил руку в карман. Ребристая рукоять пистолета придала наглости. – Меня это не устраивает! Сергей откинулся на спинку стула.

Такого оборота событий он не ожидал.

Беседа зашла в тупик. Сейчас надо было либо идти на попятную, торговаться и пересматривать условия «сделки», либо... Либо вежливо прощаться и убивать Бориса. Как это сделать, Сергей пока не представлял. В подъезде? На улице? Дома? Следить, стрелять... Нанимать убийц...

Ситуация, казалось бы, уже склонившаяся в его сторону, резко вышла из-под контроля.

«Вот тебе еще одна глава на тему мести, – подумал Сергей. – Называться она будет как-нибудь типа: «Крайние меры». Интересно. Что произошло? Он же у меня в руках был. Или не был? Или играл? Что произошло? Что? Будто он силы нашел... Откуда?»

– А что тебя устраивает, интересно знать? Может быть, извинения? Извини, Сережа, я тебя кинул на бабки. Ну, так получилось. Ничего личного, это такой бизнес? Старик, так не пойдет. Ты это понимаешь?

– Я... Я не собираюсь извиняться.

– Даже так?

– Нет, ты не понял. Я не про извинения. Я... Просто я считаю, что можно найти другой какой-то выход из ситуации. Может быть...

– Ну-ну? – Сергей кивнул. – Давай. Что, может быть?

Борис молчал. Нахлынувшая было уверенность растворилась бесследно. Он неожиданно понял, что ничего не может предложить в качестве компенсации.

– Ну, я бы мог... По частям... – выдавил он из себя, с

надеждой глядя на Столярова.

– Что? – Сергей сделал вид, что не расслышал. – Как?

Борис опустил глаза. Пистолетная рукоять вдруг стала горячей.

«Всего-то дел, один выстрел... – Эта мысль была неожиданной, острой и страшной. – Один выстрел – и нет проблемы. Нет человека, нет проблемы».

Он исподлобья посмотрел на Сергея.

И тишина, повисшая в ресторане, вдруг стала особенной. Такой тишиной в старину фиорды встречали вражеский драккар.

– Меня не устраивает...

16.

Веничка Риттер и сам не заметил, как вышло то, чего он, собственно, и не хотел.

Все оказалось просто.

Даже слишком.

Нужная папка обнаружилась в архиве буквально сразу. На какой-то момент Вениамину показалось, что она даже была выдвинута из общего ряда таким образом, чтобы взгляд сам зацепился за нее. Вот она, бери! Неслышный посыл, сообщение. Чей?

«Дело № 56/17. Результирующий отчет по системе «обратного» крекинга. Схемы. База».

Толстенькая, из зеленого пластика, папка, заполненная дисками и несколькими листиками с индексом дисков. Вот и все. Собственно. Что за отчет? Что за дело номер пятьдесят шесть дробь семнадцать? Кого это вообще волнует?

На какой-то момент рука Вениамина задрожала, коснувшись поверхности папки. Снова накатил страх. Но Риттер переборол себя, вытащил из номерного окошка бумажку с цифрами, заменил ее на заранее заготовленную другую и положил папку на тележку. В компанию других таких же, но из другого отдела.

– Куда везешь? – поинтересовалась Катенька, молоденькая девушка, сидящая на выписке в архиве. Перед ней ле-

жали разложенные папки с дисками, по плоскому монитору пробегали строчки.

– Копирование по каталогу. – Риттер пожал плечами. – Как всегда.

– После этого копирования такой бардак все время, – пожаловалась Катя. – На место никто папки не ставит.

– Я поставлю, – улыбнулся Вениамин и положил перед Катенькой шоколадку. – Список сверять будешь? А то тут за три недели накопилось.

– Срочно?

– Как всегда.

– Давай. – Катя глянула в предложенную бумажку и вздохнула. – Номер тридцать два-сорок...

Веничка стукнул по корешку ногтем.

– Здесь!

– Так... – Катенька игриво стрельнула на Риттера глазками. – Теперь... Номер тридцать три-пять.

– Тоже...

– Хорошо...

Через некоторое время Риттер расписался в ведомости о получении и покатил тележку в копировальную.

Ирония заключалась в том, что Вениамин, кроме смены номера на интересующей его папке, не сделал ничего противозаконного. Проверять содержимое, в теории, должна девушка на выписке, но всему Архиву известно, что на выписке работы всегда завал, а копирование должно проходить

быстро. Кто ж виноват, что технический отдел не смог справиться с какой-то там проблемой в парке машин, и образовалась очередь в три недели? Кто-то, конечно, виноват. Этот кто-то недополучит премию. Но дело уже сделано...

Вениамин и сам не знал, случайно это получилось или какие-то люди Карела постарались. Но все складывалось на редкость удачно. Скопировать ценную информацию вместе со второстепенной – это все равно что спрятать алмаз в куче стекла.

Наверное, это был самый трудный этап работы.

Сделать копию. Не подставляться самому, но так, чтобы все было сделано силами самой организации.

Вынести же... это дело техники. Техники, которую предоставил Карел.

Вениамин потрогал легкий, невесомый пакетик, лежащий у него в кармане. Чтобы быть уверенным в том, что на проходной не случится непредвиденной ситуации, он вчера протестировал подарок Карела. Внес и вынес пару дисков с какими-то безобидными картинками. Детектор на выходе даже не пискнул.

– Привет, ребята, – крикнул Вениамин мрачным техникам. – Работа привалила!

– Чего б ты радостного сообщил, – пробурчал старший техник, заправляя в аппарат, больше всего напоминающий комбайн, секцию с пустыми дисками.

– Да ладно! – Риттер с деланным равнодушием подтолкнул

тележку в очередь. – Работа есть, и хорошо.

– Хорошо, – пробурчал техник. – Только вот много ее чего-то.

– Ну, что поделать, – Веничка развел руками. Подхватил с низенького столика яблоко. Провел пальцем по следу от кружки. – Кофе пьете?!

– Кричи еще громче...

– Да, да... Нехорошо. Нехорошо. Нарушаем, значит, режим!

– Ладно орать-то. Вон там кружку возьми, да наливай. Шантажист.

– Вот, другое дело.

Вениамин положил яблоко на место, взял из шкафчика чистую кружку. Развел руками.

– Ну, и где?

– Вон... – Техник ткнули пальцем в соседний шкафчик с дверцей, завешенной плакатом с рабочим, прижимающим палец к губам. Ниже, по краю, шла плохо различимая надпись.

– Не пи... – начал было вслух читать Риттер, но вовремя остановился. – Ну, ребята, вы даете. Шеф же увидит...

– Он и повесил.

– Весело у вас. – Веничка открыл шкафчик и обнаружил там кофейный автомат, плеснул полкружки горячего напитка. – Как вы запах маскируете, я понять не могу?...

– Вытяжку видишь? – гордо ответил кто-то из молодых. –

Личная разработка...

– Что? – Вениамин пригляделся. – Ага...

Сзади к шкафам подходил гибкий рукав вентиляции.

– А есть вообще какая-нибудь часть режима, которую вы не нарушаете, а?

Старший техник тяжело вздохнул, отвесил подзатыльник молодому, взял кружку и тоже налил себе кофе.

– Ты сам-то чего хочешь, троглодит? – спросил старший у Вениамина.

– Ничего, – весело ответил Веничка. – Работать хочу. Жить вот тоже... Хорошо тут у вас. Спокойно. Кофе. Плакаты. Посижу еще, если вы не против, может, чего интересного обнаружу.

– Ага. – Старший придвинул тележку, привезенную Риттером, поближе к молодому. – Ну, Женя, пусти-ка его поднос в первую очередь. А то этот блюстититель порядка отсюда до завтрашнего вечера не уйдет.

Веничка довольно засмеялся.

17.

– Вениамин Сергеевич, здравствуйте, – голос в телефонной трубке буквально лучился дружелюбием, словно Карел искренне радовался тому, что наконец дозвонился до Риттера. Впрочем, может быть, он действительно радовался, тем более что повод имелся. – Как поживаете?

– Вполне, спасибо, – сдержанно ответил Веничка. Это «вполне» далось ему с трудом, потому что именно это слово и было кодовым. – Голова иногда болит.

– А помните, я вам таблеточки советовал? Помогли?

– Помогли. Да.

«Господи, – подумал Риттер. – Какие-то детские шпионские игры. Их самих это не напрягает?»

Кого он точно имел в виду, сказать было трудно. Может быть, гипотетических шпионов, разведчиков. Дело в том, что почти каждое слово было запротоколировано въедливым Карелом. Все эти «таблеточки», «помогли», «вполне» и «голова болит» имели второе, скрытое значение. Этот момент Вениамина сильно нервировал. Ему все время казалось, что он сейчас ляпнет что-нибудь не то и собеседник поймет его не так, все разрушится, развалится и произойдет катастрофа.

«Почему нельзя было ограничиться чем-то стандартным? Типа «товар», «делка», «необходимо встретиться»? – Вениамин раздраженно стукнул пальцами по столу. – Нет же, на-

до все с ног на голову поставить. Небось, и с начальством своим так же беседует. Через шифровальщика».

Время, прошедшее с первой встречи, сильно помогло Веничке. Он больше не воспринимал происходящее с ним как некую трагедию. Более того, иногда ему даже казалось, что все случившееся к лучшему. Карел несколько раз делал Риттеру небольшие, но приятные подарки. Обновил компьютер, подкинул кое-какую бытовую технику. Причем все это он делал легко, и Вениамин не чувствовал, что его покупают. Скорее уж наоборот, Риттеру казалось, будто это он оказывает Карелу услугу, принимая его подношения.

– Очень хорошо. – Вениамин почувствовал, что Карел улыбается. – Я надеюсь, вы совсем поправились?

– Совершенно, – выдохнул Веничка.

– Ну что ж, тогда я очень рад. Буду вас ждать, заходите как-нибудь на днях. Часикам к четырем.

– Конечно, конечно... – Веничка рассеянно улыбнулся, глядя на черный квадратный кейсик, куда были уложены диски. – Конечно...

– Всего хорошего... – Трубка выдала гудок и замолкла.

«В четыре часа, значит. То есть в четверг, – Вениамин посмотрел на календарь. – Завтра».

На четверг было назначено место встречи в ресторане «Богемия». В половине одиннадцатого. Если бы Карел назвал другую цифру, то встреча произошла бы в другой день и совсем в другом месте. Как-то незаметно, за довольно корот-

кий срок, Карел сумел так плотно втянуть Вениамина в свою шпионскую игру, что все кодовые послания хоть и вызывали недовольство, но воспринимались легко, без напряжения.

«Завтра так завтра...» – Риттер взял черный кейсик. Пошел на кухню, включил чайник, разложил на столе диски с ворованной информацией.

И долго сидел перед ними, словно бы впав в прострацию.

Вениамин не мучился угрызениями совести. Он не старался понять собственный поступок. Ему даже не было страшно.

В последнее время его почти ничего не интересовало: женщины, выпивка, даже роман с той несовершеннолетней дурой, из-за которой все завертелось... Сейчас внутри Вениамина жили как бы два Риттера. Один – веселый, немного развязный кобель, наглый и самоуверенный. Второй – мертвый, выгоревший, пустой человек, словно бы живущий где-то в другом мире. Оставаясь один на один с собой, Вениамин все чаще превращался в того, второго. Просто сидел, сложив руки на коленях, и смотрел в никуда.

Когда же приходил момент, в нем словно что-то переключалось, и он мгновенно, без перехода, становился прежним, первым, веселым, наглым...

Даже Карел при всем своем колоссальном опыте психологической обработки не замечал этой двойственности, всегда сталкиваясь именно с первой личностью.

Чайник успел уже остыть, когда Вениамин наконец под-

нялся, аккуратно разложил диски по конвертикам, застегнул «молнию» кейса. Выходя из кухни, он обернулся, словно бы ища что-то, но потом выключил свет, дошел до спальни, не раздеваясь, упал на кровать и заснул.

Сразу и без сновидений.

И проснулся так же. Будто где-то внутри включили рубильник.

Щелк!

Вениамин поднялся, с некоторым удивлением осмотрел смятую одежду, кровать. Пристально посмотрел на часы. Мысль о том, что нужно идти на работу, даже не пришла ему в голову.

Кое-как позавтракав, едва ли не одним чаем, Риттер взял кейсик и вышел из дома, морщась от бившего в лицо ветра. Буквально через несколько шагов он вернулся и переоделся в черный строгий костюм, явно не по погоде накинув сверху плащ.

До центра он добрался пешком, замерзнув до посинения.

Некоторое время он мотался по супермаркету, заглядывая то в один, то в другой магазинчик, ничего не покупая и не отвечая на вопросы продавцов. Редкие в это время покупатели обходили его стороной. Только в аптеке он почему-то задержался, купил совершенно ненужный аспирин. Старушка аптекарша напомнила ему давно умершую мать.

– Который час? – спросил Веничка у нее.

– Двадцать минут. – Старушка посмотрела на часы, но

когда подняла глаза, грустного посетителя уже не было. – Одиннадцатого...

Вениамин поднялся по эскалатору. На самом последнем переходе он с трудом протиснулся через толпу странно одетых молодых людей.

– Пропустите, пожалуйста, – тихо произнес Веничка.

– Пустите его, – глухо сказал тот, что был у них, видимо, за старшего.

Широкоплечие расступились. Риттер прошел на последний эскалатор.

В ресторане было пусто. Только за столиком у окна в напряженных позах сидели двое. Один нервничал, пряча руки под столом, второй, наклонившись вперед, что-то втолковывал своему собеседнику, пытаясь заглянуть тому в глаза.

Подскочил официант.

– У нас заказано, столик на двоих. Меня зовут Риттер, – сказал Вениамин.

– Да, конечно, – официант улыбнулся и провел Веничку к столику с табличкой «Зарезервировано». – Желаете что-нибудь выпить до заказа?

– Да. Минеральную, пожалуйста, – ответил Вениамин, чувствуя, что внутри холодно. Ноги замерзли, и его била легкая дрожь.

Некоторое время Веничка тупо смотрел в меню, и так углубился в него, что даже не заметил, что уже не один.

– И что будем заказывать? – осведомился Карел, переки-

дывая салфетку через локоть и пародируя официанта.

Веничка улыбнулся и неопределенно покивал.

Карел занял свое место, быстрым движением открыл книжечку меню.

– А я вот голоден! – бодро заявил он. – И весьма! Знаете, с утра апельсиновый сок пробуждает зверский аппетит! Что тут у нас? Хотите замечательный бифштекс по-венски? Вы были когда-нибудь в Вене? Так вот, бифштексы там делать совершенно не умеют. Однако само блюдо, бифштекс по-венски, исключительно замечательное, вероятно, потому, что не имеет к Вене никакого отношения. Забавно, правда?

Риттер снова кивнул.

– Что-то вы сегодня не в образе, – озабоченно заметил Карел. – Случилось что-нибудь?

И в его глазах промелькнул опасный огонек.

– Все вполне прилично, – кодовой фразой ответил Вениамин. – Вполне.

– Ну и замечательно, – изрек Карел и посерьезнел: – Все при вас?

– Да. – Риттер выложил на стол диски. Из кармана выпал аспирин.

– Голова болит? – живо поинтересовался Карел, подхватывая пачку на лету. – Вероятно, после ночных возлияний? В компании каких-нибудь юных созданий? Нимф, можно сказать. Кстати, о нимфах, вы можете быть совершенно спокойны относительно... ну вы понимаете. Эти досадные фотомат-

териалы уже... уже безвозвратно испорчены. Безвозвратно.

Он переложил пачку дисков поближе к себе.

– Конечно, я должен буду проверить то, что вы принесли. Но тем не менее вы можете не волноваться. Знаете, Вениамин Сергеевич, нас с вами ждет интересная жизнь! Долгое сотрудничество!

– Жизнь? – переспросил Вениамин.

– Да! – Карел поднял было руку, чтобы позвать официанта, но остановился. – Что вы там увидели?...

Позади Карела по эскалатору поднимались те самые плечистые молодые люди, через группу которых с трудом протиснулся Веничка.

– Вы их знаете? – спросил Карел.

– Нет. Просто они стояли внизу.

Карел усмехнулся.

– Прекратите! – произнес он с укором. – Успокойтесь немедленно! Все в порядке! Все отлично! А главное, Вениамин, все будет хорошо!

– Как скажете...

18.

Дела шли из рук вон плохо. Работы – полон рот. Заказы на разработку, требования на расширение ресурса, запросы, заявки, уведомления... Все это сыпалось на «Батут» как из рога изобилия. Требовало внимания, активного участия, детального рассмотрения. В ящике у директора лежало сразу несколько инвестиционных планов, а в ящике у главного администратора – множество приглашений на совещание, где будут рассматриваться эти планы.

Коля Фоменко всегда был самодуром, талантливым самодуром, очень талантливым, но сейчас и над ним сгустились черные тучи директорского недовольства.

Колина команда, ребята, готовые пойти за ним в огонь и воду, отлично понимали, что ходят по краю. Совет директоров шутить не станет, а безработных админов на рынке труда – пруд пруди. И все непризнанные гении, едва ли не поголовно.

Колю спасало только то, что он действительно был талантливым администратором и знал архитектуру всего «Батута». Поэтому до поры до времени его выходки терпели. Однако всему есть предел...

Вот уже неделю Коля забил на свои рабочие обязанности, оставив в конторе только ассистентов и практикантов, которые от обрушившегося на них объема работ уже сидели на

галаперидоле. Но все, что интересовало Колю, – таинственный господин Сергеев-Серегин-Чума. Откуда он взялся, куда делся и что за БТР изуродовал один из Колиных «Хаммеров»? Эти вопросы буквально не давали Николаю спать.

Он гонял своих ребят от и до. Прочесывал Сеть. Интересовался у «серьезных» людей. И нигде, нигде не мог найти даже упоминания о каком-то «Чуме-Сергееве», который склонен приезжать на разборки в БТРе.

Бронетранспортер, кстати, обнаружился. На военной базе. Однако любая попытка «поговорить» пресекалась часовым, который недвусмысленно передергивал затвор и предлагал отправиться на все четыре стороны.

Из всего этого получалось, что Колю Фоменко крупно надули, протянули, как ламера на театральной постановке.

А такие номера были Николаю не по нутру. Сильно не по нутру. Он мог простить все. Лишь бы из него не делали дурака.

Бойкая юность, выпавшая на период стремительной информатизации общества, когда компьютеры начали внедряться везде и всюду, а за такую эфемерную штуку, как массив информации, стало возможно реально убить, приучила его к тому, что на дураков обычно свешивают все, что только можно. И если ты не желаешь быть крайним на раздаче разных неприятных подарков, никогда не позволяй себе быть дураком или хотя бы казаться таковым. Именно поэтому сейчас Коля забил на работу. Доходное место потеплее

он всегда найдет, а вот утраченное имя восстановить будет потруднее.

Команда понимала, что админ при случае возьмет их с собой.

А значит, совет директоров – подождет.

Следы человека, разыгравшего спектакль с БТРом, совершенно случайно обнаружили в Зеленограде. Молодой оператор из команды «Батута», которому надолго запомнилась роль Сергея в разборках, заметил знакомое лицо в гостинице «Даун Хаус», где сам снимал номер на пару часов, шифруясь с любовницей от жены. Пикантность ситуации была в том, что любовница являлась женой заместителя Коли Фоменко, который уже давно мучился подозрениями. В силу чего сам то и дело подбивал клинья к женам и подругам других коллег. Вполне нормальная сексуальная неразбериха, которая часто встречается в узких коллективах.

Как бы то ни было, Коля в экстренном порядке собрал свою команду и поехал восстанавливать репутацию крутого парня.

– Они сыграли отморозка, – цедил он сквозь зубы, трясясь на заднем сиденье отремонтированного «Хаммера». – Тогда я им покажу настоящего отморозка. Настоящего. Все готовы?

– Готовы, готовы, – нестройно отозвались бойцы. Бойцам было не по себе, потому что играть отморозков – это одно, хоть и рискованно, а вот быть отморозками – это другое. По-

добный поворот событий мало кого устраивал, но... Но это были честные ребята, готовые пойти за своим лидером туда, куда ему будет угодно их привести.

В большой коробке, в багажнике, лежало значительное количество огнестрельного оружия, подлежащего уничтожению после акции. Часть левых стволов была к тому же «паленая». Бойцы этого не знали. В курсе был только Коля. Но он, естественно, не планировал попадаться в руки доблестной милиции. Фоменко ставил на быстроту. Войти, устроить погром-побоище и уйти. Быстро. Для обеспечения зеленого коридора до границы Москвы на серверах управления дорожными сигналами уже сидели проверенные люди.

Коля не был идиотом. Просто в данном случае играл на грани фола. Правда, иначе он не умел.

Батутовцы, числом семеро, включая Колю, выгрузились около центрального комплекса зеленоградских высоток. К Николаю подскочил молодой человек, который должен был следить за объектом.

– В общем, этот Чума там, в ресторане. Треплется с каким-то чайником.

– А остальные?

– Остальные не знаю где. Не наверху – точно.

– А остальные где? – тихо переспросил Коля.

– Ну, не знаю я... Потерял их. – Парень развел руками. – Ну, Коля, блин, ну не знаю.

– Так какого хера я сюда прикатился?! – заорал Николай

на проштрафившегося коллегу. – Какого хера?! Я что, всей толпой буду этого придурка...

Он с трудом удержался от слова «мочить». Орать о своих намерениях на всю улицу явно не следовало.

– Мне все нужны, понимаешь? Все! Разом! Иначе это не акция, а клоунада! – Коля понизил голос до злого шипения: – Ты думаешь, я клоун? Или что, итальянская мафия?! Что мне людям сказать?!

– Коль, ну не знаю я...

– Ты позвонить мог, сука? Ты ж сказал, что они все в одном месте и что там можно работать? Где я тут работать буду? В центре города? В супермаркете? Ты кретин? Ты позвонить мог, сказать, где они?!

– У меня мобильный... Коль... Ну на морозе... Батарейка же...

– Дай сюда...

– Что?

– Что-что!!! Мобильный дай!!!

Парень сунул Коле в протянутую руку квадратик клавиатуры и тонкую паутинку гарнитуры. Коля смял электронику в ладони, швырнул на асфальт и растоптал.

– Если еще раз тебя увижу, убью, – прошептал Фоменко. – Заявление об увольнении сам напишешь. И чтобы духу твоего... Понял?

– Понял... – Паренек отошел в сторону, не зная еще истинность житейской мудрости: «Все, что случается, – к луч-

шему».

– В общем так, парни, поднимаемся наверх. А дальше посмотрим.

Они вошли в супермаркет, поднялись по эскалаторам и остановились на последнем этапе. Следующая лестница вела непосредственно в ресторан.

«Разведка» не принесла ничего нового. Объект сидит за столиком у окна, беседует с каким-то лохом. В ресторане пусто.

«Надо либо эвакуироваться, либо действовать... – лихо-радочно думал Коля. – Эвакуироваться. Действовать. Эвакуироваться. Действовать».

Пока он раздумывал, через сгрудившихся бойцов протолкался какой-то щуплый субъект. Ребята, уже достаточно взвинченные, едва не выкинули его к такой-то матери, и Коле пришлось вмешаться и отвести своих людей в сторону. Ресторан начал заполняться, следовало решать быстро.

Очень трудно сказать, что же толкает людей на необдуманные и глупые поступки. Почему в той или иной ситуации человек поступает так, а не по-другому? Что тому виной? Жизненный опыт? Знания? Рефлексы? Где та черта характера, которая подталкивает человека к принятию ошибочного решения? Воля к смерти? Какая-нибудь игра подсознания?

Трудно сказать.

Может быть, не будь такого давления со стороны, Коля все бы решил иначе. В конце концов, месть – это не то дело,

которое надо вершить впопыхах. А тут еще совет директоров... Конец года, отчеты, задачи, планы, день в конце концов... Суета. И нет в голове того холодного, злого покоя, который так нужен. Мир цепко держал Николая в своих руках, разбивая внимание, лишая сил, требуя, требуя, требуя...

Мститель не принадлежит миру.

И Коля принял неправильное решение, желая побыстрее покончить с этим делом.

– Входим, берем его и уезжаем. И все быстро.

19.

А в это время с другой стороны к зданию, очень злой и замерзший, сильно хромая, приближался еще один человек. В полах его длинного плаща, на ременных петлях, висел обрез.

У человека в черном плаще страшно болела голова. И простреленная нога. А еще он был простужен, воспаленные слезящиеся глаза, высокая температура, сухой, рвущий гортань кашель. Вперед его гнала только злость. И наркотики.

20.

А в это время одетые в камуфляж типа «Город» люди с короткими «сто пятыми» «Калашниковыми» стремительно поднимались вверх по эскалаторам.

Этажом выше к экстренному броску вниз готовились спецназовцы.

Девятый этаж здания был полностью блокирован, однако нижние этажи супермаркета блокировать без лишнего шума было физически невозможно. И остановить операцию уже никто не мог.

Планировалось – без жертв.

21.

А в это время в эфире царила паника. И люди, ведущие наблюдение, уже ничего не могли сделать.

– Кто эти идиоты? Кто их туда пустил?

– Информации нет. Без блокады... (помехи)... нижних этажей невозможно предотвратить... (помехи)... людей в рабочем помещении... (помехи)... Подтвердите... (помехи)

– Блокировать вход в ресторан. Блокировать!

– Вас понял. Блокировать вход (помехи).

– Передача состоялась! Повторяю, передача состоялась!

Код: «Бесплатный сыр»!

– Вас понял!

22.

– Не нужно волноваться... – голос Карела дрогнул. Внезапно люди потеряли имена.

– Я не согласен... – И ледяная тишина чужого фиорда.

– Берем и уходим. – И вытянутая рука в сторону столика у окна.

– Код: «Бесплатный сыр». Код: «Бесплатный сыр». – И помехи в эфире.

– Вам сюда нельзя. Тут кухня, вы...

– Пошел в жопу. – Удар рукоятью обреза в челюсть.

Белый поварской колпак слетает с головы, падает, падает, падает...

Дверь в зал все ближе.

Топот ног по эскалатору. Мир через прорезь маски. Испуганные лица. «Джингл-Белл» в динамиках супермаркета.

– Берем его и уходим. – Семь человек решительно идут через зал. В сторону летят стулья. Расширенные глаза официанта. Кулак в солнечное сплетение. Сгибается. Падает.

Рука на черном кейсике с дисками.

Расширенные глаза.

Поварской колпак.

Падающий стул.

Все двигается, как на сложной, многомерной сцене. Каждая вещь, каждая деталь играет.

Топот ног по последнему эскалатору.

– Пойдешь с нами!

Испуганный человечек, решивший, что обращаются к нему, выдергивает из-под стола блестящий пистолет. Большой, блестящий пистолет!

Щелк! В мерзлой тишине чужого фиорда щелкает затвор!
Щелк!

За другим столиком испуганная марионетка хватается за черный кейсик с государственной тайной. Удивленный кукловод.

– Не стре... – крик прерывается звоном разбиваемого стекла. Черные, страшные люди-пауки влетают в ресторан. Страшные, курносые стволы направлены на всех сразу.

Кто-то пригибается. Кто-то замирает.

Сбитый с ног официант пытается подняться, он ничего не видит, ему трудно дышать.

Топот по лестнице. Пятнистый, черно-бело-синий камуфляж. Автоматы.

– Всем на пол, работает...

Человек вскакивает из-за дальнего столика. Резкий удар в лицо собеседнику. Нелепая марионетка падает. Скрюченные пальцы цепляются за скользкий черный кейсик. Не успевает, не успевает! Рушится на спину...

– Стоять!

Испуганные глаза.

Блестящий большой пистолет.

Трясутся пальцы.

Камуфляжная волна катится через весь зал, сметая все на своем пути.

На белый колпак наступает человек в черном плаще.

Распахивается дверь на кухню.

Обрез. Два черных глаза двенадцатого калибра смотрят в зал.

И только после этого люди снова обретают имена.

23.

Карел рванулся к кухне, позади падал на спину полуконтуженный Веничка и, перепрыгивая через столы, расшвыривая стулья, неслись спецназовцы.

– Всем лежать, бля! Лежать!

Испуганный Борис с перекошенным лицом целился в грудь Коле, который первый раз в жизни ощутил, как мало значат собственные амбиции. Зрелище людей-пауков, влетевших в окна на тонких черных канатиках, начисто лишило его воли к борьбе. Спецназ, громящий ресторан, в Колиной голове плавно связался с господином Чумой, расшибающим «Хаммер» с помощью военного БТРа. И раз уж человек может для своей защиты вызвать бригаду спецназа ФСБ, то ему, Коле, тут делать нечего. И в последние секунды своей жизни Николай с теплотой подумал про совет директоров и про работу, где сейчас он так страстно хотел бы оказаться.

Однако бойцы, которых Фоменко притащил на акцию, оказались не столь догадливы. Слепленные адреналином, они поняли только то, что их лидеру угрожает опасность. И теперь все зависит лишь от того, кто быстрее сумеет вытащить ствол.

Они и вытащили.

– Ствол!

И черные глаза автоматов обернулись в сторону батутов-

цев.

– Брось! Брось ствол!

Все замерло на мгновение.

И летящие через зал спецназовцы, и бегущий изо всех сил Карел, и бойцы, выдергивающие пушки из карманов.

Только один человек сохранил способность двигаться в этом остановившемся мгновении.

Человек в черном плаще. Большой, контуженный и злой.

Дюбель.

Где-то там, позади него, замкнулось оцепление, и группа фээсбэшников шла через кухню, как нож через масло. Но Дюбель успел.

Он скользнул на сцену, словно уличный кривляка-босяк.

И сыграл свою роль в страшном спектакле, на мгновение став главным героем.

Потому что его выстрел был первым.

Дюбель не видел никого, кроме Сергея и батутовцев. В них и целил.

Однако на пути плотного комка дроби неожиданно вырос бегущий человек.

БУМ! БУМ!

И завертелось колесо.

Страшным ударом в грудь Карела швырнуло назад, через столы и стулья. Он умер сразу, мгновенно. После грохота выстрела свет для Карела погас. Тело грохнулось в центре зала. И маленький, черный кейсик покатился по полу к окну.

Пальцы на курках вздрогнули!

Первым, пусть на миллисекунду, но первым, выстрелил Борис. Точно в живот Коле. Администратор согнулся, перед глазами мотнулся забрызганный кровью паркет.

«А кровь-то моя!» – ужаснулся Коля, падая лицом вниз.

Для каждого из них, умирающих, умерших или готовых умереть, время тянулось пугающе медленно. Они успевали осознать и принять собственную смерть... Что может быть страшнее?

И следом за выстрелом большого блестящего пистолета грянула барабанная дробь автоматных очередей.

Батутовцы рухнули на пол. Им повезло, первую очередь спецназовцев на себя принял Борис. Кто-то, зажимая хлещущую кровь, остался корчиться на полу, но остальные успели откатиться в сторону и открыть ответный огонь. Адреналин сыграл с парнями злую шутку, да еще запах пороха так провокационно щекотал ноздри...

Кто-то из спецназовцев вылетел обратно в окно, отброшенный ударами пуль в бронежилет. Шальная пуля перебила трос, и тело ухнуло с седьмого этажа на мерзлый асфальт.

Сергей, после первого же выстрела упавший на пол, сейчас лежал, зажимая голову ладонями и зажмурившись. Над ним грохотало, сыпались обжигающе горячие гильзы и лилась такая же горячая кровь.

Перед тем как погибнуть, Дюбель успел выстрелить только один раз. Прямо в волну цвета камуфляжа.

Двое в масках упали, отброшенные картечью. Скользнул в сторону «Калашников».

Дюбель успел переломить обрез и сразу же за этим был разорван пополам автоматной очередью.

К выходу с высоким, бабьим визгом, высоко задирая колени, бежал официант.

Батутовцы, окончательно потерявшие голову, стреляли в спецназ. Кто-то вскочил, бросил ствол, но поднять руки не успел, коротко крикнул и рухнул вперед. Разбитое пулей лицо оказалось точно рядом с головой Сергея. Страшно белели осколками кости. Оскал зубов...

Все, что мог впоследствии вспомнить Сергей, – это ужас.

Ледяной, обжигающий холодом ужас, который погнал его вперед, через кошмар и кровавую баню. Вслед за визжащим официантом, туда, к выходу! Может быть, сработал инстинкт стада?... Может быть, что-то еще, но удача была на стороне Сергея. Когда визг официанта оборвался, а самого его крутануло на месте и опрокинуло на спину, Сергей толкнулся ногами, распластываясь в полете. Туда, где, мерно жужжа, нес свою бесконечную лестницу эскалатор.

– Стой! – гаркнули сзади, и что-то быстрое и жесткое свистнуло у самого уха, больно дернув за волосы.

Сергей не мог остановиться. Сейчас он был всего лишь животным. Испуганным и цепляющимся за жизнь.

Он даже не помнил, откуда, как и почему в его руке оказался зажат маленький черный кейсик. Скользящий от кро-

ви...

– Стой!

Время снова замедлило свой бег.

И то единственное черное дуло, что должно было выплюнуть маленький кусочек смерти для Сергея, двинулось в его сторону. Медленно совмещая траекторию летящей гибели с направлением движения мишени.

Сергея спасла не удача.

Его спас Веничка. Глупая марионетка с оборванными нитями, свисающими с безвольных рук, видела только одно. Маленький чемоданчик, сломавший ему жизнь и уже почти лишивший его жизни, исчезает. Уходит. Вот-вот и пропадет!

Веничка схватил автомат, выпавший из чьих-то мертвых рук.

Веничка закричал.

Веничка вскочил.

И нажал на спусковой крючок.

Поливая от бедра все, направо и налево. Направо и налево!

Тогда черное дуло дрогнуло. Маленькая смерть, уже адресованная Сергею, ушла в сторону, досадливо свистнув напоследок.

Момент гибели глупой марионетки Сергей уже не видел. Он рушился, падал, летел на огромную витрину с мягкими игрушками.

Здоровенный коричневый медведь распахнул ему объ-

тья.

Потом на какой-то миг Столяров погрузился в темноту. И когда вышел из нее, он был уже в другом месте. На другом этаже, и бледный Михалыч тащил его за окровавленную руку куда-то в темноту лабиринта складских переходов.

– Прекратить огонь! Прекратить огонь! Слышите?! Прекратить огонь!

Шорох помех. Гулкая тишина мертвого эфира.

– Не слышат...

Руководящий операцией полковник разбил рацию ударом кулака.

24.

– Ну, скажите нам, Антон Михайлович, как же так вышло? – Генерал-лейтенант ФСБ Юрий Михайлович Проскурин имел внешность гоголевского губернатора. Этаким радушный толстяк, расположенный по-доброму ко всякому, кто сумел до него добраться через многочисленных секретарей, заместителей, референтов. По Конторе даже ходили слухи, что его не единожды видели прячущим в нижний ящик стола пяльцы с вышиванием. Самого вышивания не видел еще никто, но слухи ходили упорно. Однако сейчас за мягкостью голоса и сочувственными интонациями ощущалась острая сталь гильотины. – Всем, я полагаю, это будет интересно послушать.

Под «всеми» понимались три человека, собравшиеся в кабинете. Зощенко – начальник отдела внутренних расследований, Рогинов – техническое оснащение, Зверев – непосредственный начальник Антона Битова, человека, ответственного за провал операции «Бесплатный сыр».

– Несчастливая случайность, Юрий Михайлович, – вместо провинившегося ответил Зверев. Будучи человеком суровым, Дмитрий Егорович, тем не менее, стоял за своих подчиненных горой.

– Я не вас просил ответить, товарищ генерал-майор.

– Виноват.

– И потом, случайность – не оправдание. Мы тут с вами затем и существуем, чтобы исключить какие-либо случайности. Я хочу понять, понять, что произошло. С административными мерами вы как-нибудь сами разберетесь, я надеюсь. Но понять я хочу. Отчет я читал. Естественно. Однако из него многое неясно. Очень многое неясно. Например, почему заранее не была произведена подготовка места проведения операции? Почему там все не было нашпиговано нашими сотрудниками, в конце концов?! Что, поварских колпаков нет? И каким образом на подконтрольную территорию попали посторонние люди? Да ладно бы просто люди, так нет, какие-то вооруженные абреки! Банда! Что они там делали?

– В данный момент ведется следствие, – произнес Битов. Губы не слушались, будто замерзли, в ушах все еще стоял крик и гвалт в эфире. – Трупы на опознании. Предварительно можно сказать, что это не бандиты, в том смысле...

– Интересно, а бандиты в каком смысле могут быть еще?

– Я имею в виду, не организованный преступный элемент.

– Любители? – удивленно переспросил Зоценко. – Аматеры?

– Можно сказать и так. Это люди, для которых бандитские нападения не являются характерной деятельностью. Ни одна преступная группировка не подтвердила своей причастности к этой акции. Более того, из агентурных источников следует, что профессиональные, если можно так выразиться, бандиты и криминальные авторитеты с осуждением относят-

ся к этому происшествию.

– Ну надо же, – Юрий Михайлович с сарказмом покачал головой. – Какие у нас высокоморальные авторитеты. Так вы хотите сказать, что не знаете, что за люди начали стрельбу в ресторане?

– Пока нет. Но я буду знать. Однозначно ясно, что это или залетные, или любители. Я склоняюсь в пользу последнего, потому что профессионалы в страшном сне не станут стрелять по спецназу.

– Ну, допустим. Дальше.

– Мы не имели возможности оцепить ресторан. Дело в том, что расшифровка данных по месту встречи пришла буквально за несколько часов до начала операции. Подозреваемые использовали собственный код, известный только им самим. И к тому же Карел был очень осторожен. В ряде точек встречи у него работали завербованные агенты, которые сообщали ему обстановку на объекте. Логично предположить, что такая же ситуация могла повториться и в «Богемии». Поэтому не было возможности внедрить туда наших работников. К тому же возникло подозрение, что Карел имеет агентуру и в некоторых торговых точках на нижних этажах здания. Поэтому мы не могли блокировать или сносно контролировать подступы к ресторану. Карел был опытным шпионом и такую важную операцию, как передача Объекта, должен был планировать детально. Сейчас ведется плотная разработка некоторых работников супермаркета и всего персо-

нала ресторана.

– А раньше вы этого сделать не могли?

– Не было времени. – Битов осекся, потом поправился: – Могли. Не успели.

– И тогда вы сделали ставку на штурм? – поинтересовался Зощенко. Он крутил в руках стикер от электронного блокнота, в котором иногда делал пометки.

– Да. Мы... Я решил остановиться на штурмовой операции. Там, где мы не могли взять хитростью, я хотел взять силой и внезапностью. Тут был риск, и Карел наверняка рассчитывал, что мы не станем захватывать его в людном месте. Брать же его после передачи Объекта было опасно. Карел мог сбросить данные в эфир или воспользоваться каким-либо тайником.

– Ну, допустим. Но какого черта произошла эта кровавая баня?! Как вообще получилось, что вы утратили контроль за ситуацией?

– Дело в том, что руководство штурмовой командой обычно возлагается на непосредственных командиров. То есть тактическое командование и общий контроль – это несколько разные...

– Меня можно не учить основам оперативной работы! – Сейчас голос гоголевского губернатора больше напоминал рык.

Битов замолк.

Сглотнул.

Затем продолжил:

– Извините. Я хотел пояснить. Ситуация развивалась стремительно. Как я уже говорил, люди, имевшие оружие, не были профессионалами. У кого-то сдали нервы, и он открыл огонь.

– Удивительные вещи вы рассказываете, Антон Михайлович, – развел руками Зощенко. – Простые люди, по-вашему, страшнее профессионалов?

– Да, – Битов утвердительно кивнул. – Гораздо страшнее. Условные любители часто не отдают себе отчета в последствиях. Или же могут находиться во власти определенных моральных понятий, часто ложных, которые толкают их на определенные поступки или крайние меры.

– Стало быть, по-вашему, любой человек, собрав бригаду каких-то отморожков и вооружив их, может устроить любым спецслужбам кровавую баню?

– Хочу вам напомнить, что история это только подтверждает, – снова рискнул вмешаться Зверев. – Тем более – история России.

Зощенко удивленно повернулся в его сторону. Зверев сидел, напряженно сцепив руки и глядя в стену, словно увидел там что-то неприятное, даже страшное.

Зощенко открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Проскурин громко прочистил горло, и начальник отдела внутренних расследований промолчал.

– В общем верно, – пророкотал Проскурин, и Зверев по-

нял, что Битова сливать не станут. – Однако мы собрались не для того, чтобы обсуждать историю. Меня интересует, кто открыл огонь первым?

– Человек с обрезом, – ответил Битов. – Его личность установлена. Он проходил по ряду дел, связанных с компьютерными преступлениями. Однако за недоказанностью улик всегда оказывался на свободе.

– Что у вас там было с помехами? – поинтересовался генерал-лейтенант, и Рогинов, ответственный за техническое оснащение, нервно заерзал.

– Эфир был нечистый. Также системы визуального наблюдения не давали четкого изображения. Наши техники сделали, что могли. Однако, по моему мнению, технические неполадки не могли оказать существенного влияния на ход операции.

– Это очень хорошо, Антон Михайлович, что вы понимаете всю степень своей... э-э-э... ответственности за ход операции, но не вам решать, что могло, а что не могло оказать существенное влияние. Итак, что у вас там произошло с эфиром?

– Технические средства не отвечали... поставленной задаче, – снова подал голос Зверев. – В середине операции связи не было вообще. Это, кстати, было одной из причин, почему не удалось остановить стрельбу.

– Иными словами. – На этот раз Проскурин не обратил внимания на то, что отвечает другой человек. – Можно ска-

зять, что вы работали с тем, что было?

– Так точно.

– А почему? И это уже вопрос к вам. – Проскурин обернулся к Рогинову. – Сергей Алексеевич, как так вышло? Почему для столь важной операции не были выделены самые современные, самые мощные средства связи? Вообще, техническое исполнение операции, мне показалось, было не на высоте.

В наступившей тишине было слышно, как тикают старинные часы в углу. Рогинов потел и дергал желваками.

– Дело в том... – начал он.

– Не годится, – отрезал Проскурин. – Завтра, к двенадцати часам, развернутый отчет. Причины, следствия, ответственные. Все и подробно!

– Есть.

– А что касается вас, Антон Михайлович, то я хочу, чтобы вы поняли. Это провал. И вы все еще носите свои погоны только потому, что операция не закончена. Черт с ним, с Карелом, черт с ним, с этим его...

– Риттер, – подсказал Зверев.

– Совершенно верно. Черт с ним, с этим психом. Но данные... Данные не должны уйти из страны. Не Должны! Понимаете?

– Так точно.

– Теперь от того, как вы справитесь с поставленной задачей, зависит все.

– Так точно.

– Что-нибудь еще?

– Да. Прошу вернуть мне табельное оружие.

Проскурин удивленно посмотрел на Зверева.

– Понимаете, Юрий Михайлович, мы опасались, что...

Ну... – Дмитрий Егорович дернул себя за ус, словно не находя нужных слов. – Что из-за неудачи могут быть...

– Думали, что он застрелится? – удивился Проскурин. –

Напрасно. Антон Михайлович не из тех людей, что бросают дело на половине. Правильно?

Генерал-лейтенант искоса посмотрел на Битова.

– И потом, хотел бы стреляться, нашел бы из чего. Полагаю, никого в этой комнате отсутствие табельного оружия не смущает?

25.

Когда Битов вернулся в отдел, его встретили молчанием. Антон остановился на пороге, огляделся.

Напряженные лица коллег, кто-то отвел глаза, кто-то смотрит исподлобья. Все чего-то ждут. Все знают, каким кошмаром обернулась операция. И все видели, как Битов уходил на разбор полетов.

Антон Михайлович не знал, что ночью коллеги проникли в его кабинет и заменили патроны в «подарочном» маузере, который, впрочем, и об этом знал весь отдел, отменно стрелял, на пустышки. И хотя в возможность самоубийства никто серьезно не верил, но оперативники резонно рассудили, что береженого бог бережет.

– Калугин, Владимир Дмитриевич, зайдите-ка, – Битов кивнул в сторону кабинета.

Когда за Калугиным закрылась дверь, отдел будто бы ожил, зашевелился. Пронеслась волна перешептываний, взглядов. Люди почувствовали, что не все кончено. Борьба продолжается.

– Итак, Владимир Дмитриевич. – Битов сел за стол, поправил эмиттер голографического монитора, провел мягкой салфеткой по пленке клавиатуры, наклеенной на подвижную часть столешницы. Эти действия не были необходимыми. Просто они подчеркивали, и прежде всего для самого Бито-

ва, что он все еще хозяин этого места. – Что у нас есть?

Калугину не надо было объяснять, что имеет в виду шеф.

– У нас есть опознание личности парня с обрезом. И двое из персонала ресторана взяты в плотную разработку. Конечно, это многого нам не даст, вряд ли они владели какой-либо информацией об агентурной сети Карела. Но, скорее всего, наши предположения относительно того, что места встречи были подконтрольны, верны.

– Сейчас это не имеет никакого значения. Точнее, почти никакого. Конечно, хорошо бы вычистить всю сеть Карела, но гоняться за мелкой рыбешкой, тем более, когда хозяин сошел со сцены, смысла нет. Хорошо, конечно, что наши выкладки подтверждаются, но... – Битов развел руками. – Это нам ничем уже не поможет. Так что перебросьте эту проработку на кого-нибудь, на стажеров, например, пусть выявляют. А мы с вами займемся более важной деятельностью.

– Я вас слушаю. – Калугин покосился на портрет Держинского, висящий на стене. Железный Феликс, внимательно прищурившись, рассматривал коллегу из Далекого будущего.

«Если у вас до сих пор нет судимости – это не ваше достоинство, а наша недоработка», – некстати всплыло в памяти.

– Скинь на кого-нибудь контроль за МВД, чтобы опознание убитых было произведено в кратчайшие сроки. Как только их опознают, все данные мне на стол. Кто такие, чем занимались, откуда стволы, почему они подняли стрельбу и чего

они, собственно, хотели в том ресторане. Этого, с обрезом, тоже просветить до полной прозрачности. Я хочу знать о нем все, вплоть до количества денег, которые он тратил на лимонад в школе. Все эти данные, вне зависимости от времени суток, мне на стол. Но сам, – Битов поднял указательный палец, – сам этим не занимайся. Скинь на кого-нибудь. Есть люди?

– Есть, – Калугин коротко кивнул. С шефом у него никогда не было особенно близких отношений. Битов со всеми держался чуть-чуть отстраненно. Без лишней теплоты, однако и от коллектива не отдалялся. Одним словом, умел держать дистанцию.

– Сам займешься Объектом. Теми сраными дисками, из-за которых весь сыр-бор разгорелся. Если они не найдутся... считай, что место в профсоюзе дворников мы заработали. А если всплывут где-нибудь за границей... то разговаривать вообще будет не о чем. Удачей для нас будет какой-нибудь несчастный случай или взрыв бытового газа. Понял?

– Так точно.

– Диски надо найти. Любыми способами. Я тебе даю самые широкие полномочия. Если тебе потребуются спутники слежения, говори. Если ты кому-то ногу сломаешь во время следствия, плевать! Это ясно?

– Вполне.

– Так вот, дисками займешься лично. А тягомотиной, типа агентурной сети Карела, пусть занимается молодежь. Во-

просы есть?

– Есть.

– Валяй.

– Полагаю, что к судьбе дисков мы подойдем только после того, как выясним, что же произошло в ресторане.

– Вполне может быть. Выбор стратегии расследования полностью в твоих руках. Еще вопросы?

– Что было на дисках?

– Зашифрованная информация, касающаяся экономического будущего России. Приблизительно так.

– Зашифрованная?

– Да. Так что время у нас какое-то есть... И вот еще. – Битов выпрямился в кресле. Снова тронул эмиттер. Затем встал, отошел к окну, за которым мокрый снег заваливал Лубянскую площадь и желтые уборочные машины сновали туда-сюда желтыми суетливыми насекомыми.

Калугин молча ждал.

– Что по нашим парням, которые пострадали?

– Трое в коме. Один в тяжелом положении.

– Пусть кто-то постоянно контролирует этот вопрос.

– Так точно. Разрешите идти?

– Идите...

Калугин молча развернулся и вышел.

В спину ему внимательно смотрел Железный Феликс.

26.

Сергея трясло, хотя холодно на квартире у Михалыча не было.

– Мы поняли, что плохо дело, уже когда увидели батутовцев, – брызгал слюной от волнения Роман. – «Хаммер» их этот, мятый, и бригада выгружается! Елки! Каким образом они узнали, что мы тут?! Я фигею! Психи полные! А мы, типа, за ними намылились! Ну, Михалыч обходными путями повел, я хотел сразу в тыл им... А он в обход. И в общем хорошо, что не в тыл, потому что тут как набежало этих пятнистых, как набежало!

На диване сидели выданные из-за рабочих столов Гриша и Тимофей.

Михалыч сосредоточенно перелистывал записную книжку.

– Он вообще точно рассказывает? – поинтересовался Тимофей.

– Точно-точно, – не отрываясь от книжки, сказал Михалыч. – Если будет врать, я скажу...

Он посмотрел на Сергея.

– Сереж? Еще подлить?

Столяров быстро-быстро закивал. Михалыч встал, взял со стола бутылку и чайничек. В большую, уже ополовиненную кружку полился горячий чай и коньяк.

– Вот, – продолжил Роман, недовольный тем, что его прервали. – Так вот... Блин... Сбили.

– Пятнистые, – подсказал Тимофей.

– Да! Так понаехало их, блин, елки-палки. С автоматами все! Атас! Прямо операция по ловле террористов. Ну мы подумали, что это на батутовцев кто-то ОМОН вызвал. А нет, ни фиги. У этих бойцов на спине ФСБ написано. Ну, думаем, на Колю с его шарагой слишком жирно. А Михалыч, – Рома на всякий случай махнул рукой в сторону Михалыча. – Он как дунет на склады. Я, на хрен, вообще там заблудился бы...

– Он и заблудился, – подтвердил Михалыч.

– Да ладно! – Рома отмахнулся. – Ну... В общем, поднимаемся, какие-то лифты. Света нет. Шхеры какие-то. Страшно, блин. Я вообще подумал, что это какая-то секретная линия недостроенного метро.

– Какое, к черту, метро в Зеленограде?

– Какое-какое? Секретное! В общем, не важно. Короче, когда бабахнуло, Михалыч меня посадил стеречь...

– Чего стеречь?

– Ну, место. – Рома удивленно захлопал глазами. – Ну, чтобы вернуться назад...

– Понятно... – Тимофей обменялся с Гришей многозначительными взглядами. – Дальше.

– А потом стрельба, бардак, стекла летят...

– Так с твоего места и стекла видны были?

– Ну... Ну, в общем, да какая, на хрен, разница?! Короче,

слышу, несется кто-то. Я палку хватя!

– Какую, блин, палку?!

– Схватил, схватил, – подтвердил Михалыч. – Он там со страху меня чуть не пришиб.

– Да ладно, не боялся я... На всякий случай. Вот... И... Это... Ах да! Бежит Михалыч, глаза бешеные, белый весь. И Серега в крови, блин, с ног до головы.

Тимофей с Гришей покосились на дрожащего Сергея.

– А вроде целый...

– Так он не в своей!

Программисты снова покосились на Сергея, теперь с некоторым страхом.

– Кончай, – коротко сказал Михалыч, хватаясь за телефон.

– Ну, в общем... В общем все. Потом мы побежали. Побежали. И там бардак, оцепление я уж и не знаю, как прошли. Короче, Михалыча пропустили. Он карточкой махнул, и, кто там был, хрен поймешь, только козырнул! Мы сказали, что парня стеклами посекло...

– Я ни черта не понял, – признался Тимофей, а Гриша согласно кивнул. – Что там было-то? Михалыч?

– А я знаю? – Михалыч положил телефон на место. Снова взял. Опять положил. – Я видел еще меньше его.

Он показал на Романа.

– Моя задача была оттуда Серегу вытащить.

– А откуда фээсбэшники тогда?

– У него спросите. – Михалыч подтолкнул руку Сергея, в которой была зажата кружка. – Пей, Сережа, пей... Это поможет. Глядишь, и отпустит.

– Пью, пью, – заикаясь, ответил Столяров.

– Так это. – Тимофей присел рядом с Сергеем. – Чего там вышло? Что за фигня? Откуда безопасники?

– Не знаю я... – сквозь стучащие зубы ответил Столяров. – Не знаю. Я с Борисом базарил.

– Ну.

– А он в отказ пошел, мол, ничего не знаю. Я поначалу не понял, а потом только сообразил, что он меня хотел грохнуть.

– Грохнуть? Борис?

– Ага. У него, у суки, под столом пушка была. Ба-а-альшая такая...

– Я ни фига не понимаю. – Тимофей пожал плечами.

– А потом, когда батутловцы набежали, у Бори шифер посыпался. Он пушку из-под стола хватать! И на Колю! Черт его знает, может, подумал, что это моя бригада принеслась... Не знаю я. А потом, блин, окна вдребезги! Солдаты! Я на пол упал и помню только, как бежал с Михалычем.

– Какие солдаты?

– Это он так фээсбэшников называет, – пояснил Михалыч. – Шок. Для него тогда все, что в форме, то солдаты. Я тоже не видел всего. Только видел, как он в витрину сверху врубился, вскочил и бежать. Наверху пальба. В общем, я его

подхватил и деру. Как мы ушли?... Чудом, наверное. Натурально чудом.

– Ага. А через оцепление тоже чудом?

– Ну, через оцепление... – Михалыч задумался. – Знаешь, есть чудеса, а есть фокусы. Иногда последние принимают за первые. А это не одно и то же.

– Темнила, – проворчал Тимофей.

– Главное не это, ребята. – Михалыч взял с полки бумажный сверток. – Главное, что Серега вытащил из свалки вот эту штуку.

Он положил на стол сверток и отошел.

– Что там? – осторожно поинтересовался Тимофей.

– Открой, глянь. Это больше по вашей части.

Гриша нетерпеливо сорвал газетную упаковку и обнаружил под ней черный кейсик, в каком обычно хранят диски. Хмыкнув, он открыл замочек и только тут заметил на кейсике следы крови.

– Однако, – пробормотал Тимофей.

Диски были не подписаны. Только в центре стояла проставленная маркером цифра, видимо, порядковый номер, да на самом первом было криво написано «Индексный».

– Откуда?

Сергей пожал плечами.

– Не помню. Ни черта не помню после начала стрельбы.

– Там такое было! – попытался вмешаться Роман, но на него цыкнули, чтоб заткнулся.

– Хорошенькое дело. – Тимофей посмотрел на диски, будто это была бомба или что-то вроде. – Значит, вы там нарыли чего-то, а мы что же?

– А вы должны нам сказать, что это такое.

– А оно нам надо? – Тимофей отодвинулся от столика подальше. – Меньше знаешь, дольше спишь... Или живешь... В общем... Моя хата с краю.

– Да нам бы только узнать, что это. – Михалыч перелистнул прозрачные упаковки дисков.

– Вот-вот, – сначала только узнать, потом как бы продать... Проходили, знаем.

Гриша толкнул его в бок.

– И не упрощай, – отрезал Тимофей. – Не возьмусь. Будто я не знаю, что бывает с теми мальчиками, которые мечутся у ФСБ под ногами. Да еще вытаскивают какие-то непонятные штуки-дряки. Предлагаю ее подкинуть на Лубянку, и все. Или сжечь, на хер. Я этих орлов из Чека не очень люблю. Но совать эту дрянь себе в машинку я не стану даже под страхом смерти. Мы тебе помогли, пока речь шла о мести. Но сейчас в дело вмешалось ГБ, а я не слышал историй, в которые влезало ФСБ и которые кончались бы славно и весело. На хер! Я сказал.

– А мне интересно, – радостно заявил Рома.

– Ну и флаг тебе в руки да цветы на могилку.

– Нет, ребята, про уничтожить я уже думал, – вздохнул Михалыч. – Так или иначе, но на нас выйдут. И черт его зна-

ет, как все закрутится. В любом случае, мы куда-то крупно вляпались. И пока у нас на руках эта штука, есть шанс выкрутиться. Как только мы ее скинем, все, считай, голые. Но знать бы еще, что это за хреновина. Кому-то же она нужна...

– Так сдать ее в ФСБ, и все!

– Можно. Но все равно на нас выйдут. Сдадим мы это хозяйство в органы или нет... В общем... – Он вопросительно посмотрел на Тимофея. – Может, и отдадим. Но не вслепую.

– Нет.

Тогда Михалыч перевел взгляд на Гришу.

Тот молчал.

– Нет, – снова сказал Тимофей. Гриша косо глянул на друга, покачал головой.

– Не думай даже! – взвился тот. – Не думай!

Гриша развел руками.

– Ну, ты и идиот! Ну, и пошел ты! В общем, – Тимофей встал, – я вас сдавать не стану, но учтите, меня тут не было, не участвовал, не привлекался и все такое. Удачи!

– Пока, – ответил Михалыч и встал, чтобы проводить гостя до дверей. – Учтем.

Гриша тем временем открыл папку ноутбука.

27.

– Вызвать ему, что ли, девок? – Михалыч задумчиво смотрел на бледного Сергея.

Тот сидел на краю дивана, подтянув под себя ноги и обхватив колени руками. Днем ему вроде бы полегчало, однако к вечеру снова накатило оцепенение, и ударные дозы коньяка с чаем уже не помогали. На все вопросы Сергей отвечал односложно, чаще вообще молчал.

– Ага, ему сейчас только девок и не хватает, – отозвался Рома, за что сразу же получил локтем от Гриши. – Чего?!

Гриша ткнул пальцем в монитор и показал кулак. Из-за отсутствия Тимофея, который исполнял функции переводчика для своего внезапно онемевшего товарища, Григорию пришлось прибегнуть к услугам выразительной пантомимы, которая была особенно эффективна в сочетании с элементами физического воздействия.

– Ладно, ладно, – сообразил Рома. – Смотрю, не отвлекаюсь.

– Девок ему как раз, может быть, и не хватает, – пробормotal Михалыч. – Я помню, под Ширазом нас с моря накрыло ракетами. Вот это было месиво. Я тогда едва-едва не обделался, а кое-кто так вообще в дурку угодил. Прямо из аэропорта забрали. Страшное это дело, когда ракетами позиции накрывает. И знаешь уже, что накроет, а сделать ни-

чего не можешь. Только циферки мелькают на табло. Как на ноль выйдут, так и рванет. Кто-то молится, кто-то в песок зарылся, кто-то в оцепенение впал, у кого-то истерика...

– Ну и? – Рома вытянулся в струнку, как заинтересованный суслик. И даже Гриша оторвался от клавиатуры.

– Ну и... – Михалыч развел руками. – Потом рвануло. И не раз. Я вам скажу, что такого вы ни в каком ужастике не увидите.

– Это ты к чему? – тускло спросил Сергей.

– К чему? – Михалыч и сам слегка позабыл, к чему вел. Воспоминания о той давней уже войне были все еще слишком яркими. – К чему? Ах да! Так вот лечились мы, прикиньте, в гареме! Там один шах, не шах, но дядька серьезный, нам сильно обязан был. Очень сильно. В общем, многих эти девчонки от помешательства уберегли. Сильно помогает, сильно.

– Это, если встанет, – вдруг ляпнул Рома.

– Ты про связь секса и насилия когда-нибудь слышал? Короче, занимайтесь, ребята. Я пойду нашего героя лечить.

– Хорошая идея, – неожиданно, хотя и по-прежнему тускло заявил Сергей.

Михалыч взялся за телефон.

Гриша в очередной раз пхнул Романа. Учись, мол.

Через полчаса в дверь позвонили.

Первым вошел хмурый тип в поношенной зимней куртке. Окинул взглядом помещение, промычал что-то невнятное и

вытащил из-за пазухи портативный пульт для оплаты. Михалыч, не глядя, чиркнул в прорези магнитной карточкой. Хмурый тип глянул на табло, удовлетворенно хмыкнул и, открыв дверь, пробормотал скороговоркой:

– Все в норме, девочки, давайте, – после чего, не глядя по сторонам, выскользнул на лестницу.

Девочки были молодыми свистушками. Обе в одинаковых розовых пальтишках, которые они быстренько скинули на руки Михалычу, и коротеньких латексных юбочках... Топ был прикрыт чем-то невразумительно блестящим.

– Мила, – сделала игривый книксен свистушка номер один, блондиночка с круглыми глазками и круглой заманчивой попкой.

– Рита, – повторила движение подруги свистушка номер два, рыженькая, коротко стриженная пампушка с ямочками на щеках.

– Просто прелесть, – прокомментировал их появление Михалыч. – Девочки! У вас сегодня особенно ответственное задание.

– Ого! – вильнула бедрами Мила.

– Не то слово. – Михалыч придал голосу бархата, но потом, видимо, вспомнил про жену и прочистил горло. – В общем так. У нас тут есть мальчик.

– Один? – Рита улыбнулась.

– Один. – Михалыч сглотнул и подтвердил более уверенно: – Один! Так вот, этому мальчику сейчас очень... очень

нужна ваша скорая помощь и все ваше умение.

– То есть? – Мила посмотрела на Михалыча исподлобья. – Мальчик еще мальчик?

– Ну, это вряд ли... Но бывает робок. – Девочки переглянулись, и Михалыч торопливо продолжил: – Но это не главное. Девчонки, проблема в другом. Парень находится слегка в шоке. Он многое пережил. И вообще, честно говоря, я волнуюсь за его душевное состояние. Так что... разбудите в нем мужчину. Эдакого, знаете ли, самца! Я надеюсь, вы это умеете?

– Он еще спрашивает! – Рита встряхнула короткими волосами и притянула подружку за талию. – Ну что? Устроим мальчику Бернские Скачки?

– Ой, – Мила делано прикрыла глазки. – Вот так сразу и Бернские...

– А как же? Это мертвого поднимет!

– Девочки, – напомнил о себе Михалыч. – Вам клиента показать или как?

– Показывай! – воскликнули подруги хором.

– Сидит в той комнате на диване. Если не ошибаюсь, поджав под себя ноги.

– Ой, какой случай запущенный! – покачала головой Мила.

– А пристроиться где можно? – поинтересовалась Рита.

– Там, – Михалыч махнул рукой в сторону спальни, а про себя подумал:

«Прости меня, Машка, отдаю супружескую постель под благое дело. Хорошо, что ты этого не видишь...»

Девочки тем временем сдержнули топики и, как были топлесс, влетели в комнату, где сидел Сергей. Как Михалыч и описал, поджав под себя ноги и обхватив руками колени.

– Опа... – протянул Рома, глупо улыбаясь четверем девичьим грудям, озорно на него глядевшим. – Опа-па...

Гриша покосился в сторону девочек, вздохнул и ткнул Романа локтем точно ниже пояса.

– Ой... Елы...

Мила и Рита, весело что-то щебеча, подхватили несопротивляющегося Сергея под руки и потащили прочь из комнаты, на ходу стащив с него майку и прижимаясь к его телу своими прелестями.

Хлопнула дверь спальни.

На пороге большой комнаты появился Михалыч.

– Видела бы Машка... – пробормотал он, – убила бы...

Гриша развел руками. Надо, мол, для дела.

– Сам понимаю... Но ты бы видел Машку...

Гриша дернул плечами, видел, мол, видел.

– Ладно, – Михалыч встряхнулся. Из спальни доносились взрывы девичьего хохота. – Что там у нас?

Гриша указал на монитор.

– Не понимаю я ни фиги в этих ваших закорючках, – вздохнул полковник в отставке. – Ты б мне русским языком чего сказал.

– Это он к тому, – пояснил Роман. – Что зашифровано все. Тут, чтобы хотя бы индексный диск прочесть, потребуется повозиться.

– Ну, как я понимаю, нам, кроме индексного, пока и не надо ничего. Время пока есть. Так что возитесь. Или чего-нибудь требуется?

Гриша кивнул.

– Тут простой машинки мало, – радостно заявил Рома. – Тут в Сеть надо... В общем... Ну...

Радость Ромы угасала на глазах. Он пытался что-то показать на пальцах, разводил руками. Но слов, так необходимых для того, чтобы объяснить «чайнику» особенности работы по дешифровке, не находил.

– В общем... Надо подключаться и канал устойчивый.

– А не попрут у нас эту информацию? – задал прямой вопрос Михалыч. – Я на ваши игры посмотрелся, знаешь, теперь программируемой микроволновки боюсь. Вдруг через нее кто-нибудь за мной подсматривает...

Гриша выставил кулак с поднятым большим пальцем. Стукнул себя в грудь, обрисовал в воздухе квадрат и возмущенно замахал руками.

– Птица Говорун отличается... – пробормотал Михалыч.

– Это он к тому, что микроволновки у него нет, – догадался Рома, и Гриша посмотрел на него с уважением.

– Ладно, ладно... – Михалыч устало потер лоб. – Микроволновки – это, конечно, мило, но все-таки?...

Гриша мотнул головой.

– Не, не украдут, – самоуверенно ответил Рома. – Да и один черт мы раскрываем только индекс, а его воровать смысла нет. Все одно, что выдирать из книги оглавление.

– Ну, знаешь. – Михалыч уселся в кресло и прислушался к происходящему в спальне. – У некоторых книг оглавление бывает очень интересным. Хотя ты прав, конечно, интересней содержания оно не бывает никогда.

Гриша дернул Романа за рукав и ткнул пальцем в монитор.

– Нам потребуется... – прочитал Роман. – Ага. Нам потребуется только алгоритм шифровки. Понятно, что времени это займет кучу, но зато даст возможность раскрыть все диски.

– Я чем больше думаю, тем больше перехожу на позицию Тимофея, – задумчиво глядя в потолок, произнес Михалыч. – Куда мы лезем?...

– Да ладно тебе! – В Романе проснулся охотничий азарт. – Посмотрим, и все! Неужели не интересно? Это ж офигеть!

– Вот именно... – Михалыч стукнул ладонями по подлокотникам. – Ладно! Уговорил! Давайте, что там надо?

– Ничего, – с невинным видом пожал плечами Рома. – Мы уже минуты три как работаем над этим вопросом. Просто у тебя разрешения спросить хотели...

28.

К вечеру у Калугина жутко разболелась голова.

Сначала перед глазами поплыли подозрительные черные мушки. Синеватая дымка проекционного монитора начала резать глаз. Затем пошли «змейки», яркие просверки, которыми глазной нерв реагировал на любое движение головой.

Все признаки мигрени.

Однако Калугин терпел, принимая рапорты и отчеты, просматривая сводки и разбирая разработки аналитиков. Весь отдел работал как сумасшедший. Некоторых приходилось буквально силком выгонять из конторы, чтобы люди хоть немного, но отдохнули. Над дверями висел большой самопальный плакат со слоганом: «Усталый чекист – врагу не помеха! Умеешь работать, умей отдыхать!» Однако каждый, кто входил в эти двери, считал своим долгом на этот призыв забить.

Калугин не был исключением, но людей, ему подчиненных, старался держать в строгости. Раз положено отдыхать – значит, задачу надо выполнить. Попытки устроить брейнштурм силами двух смен Владимир пресекал на корню.

– Владимир Дмитриевич, разрешите я за резервной машиной посижу? Мы с ребятами в два счета эту проблему почикаем. А потом на отдых...

– А завтра я что буду делать? С дохлой аналитической

группой? На вас кофе не напасешься. И так утром, как совы...

– Так мы и есть совы! – радостно кричали аналитики.

– Вот и валите, – грубо отвечал капитан, растирая виски. – По дуплам! Или по гнездам... Где они там живут...

«Хорошие люди, – думал Калугин, откидываясь в кресле под хруст затекших шейных позвонков. – Хорошие, настоящие люди. Для них работа – это не способ получения денег, а что-то большее...»

В горле стоял тугой комок подкатывающей тошноты. В висках глухо и тяжело бухала густая вязкая кровь.

«Плохо как. В таком виде я ни черта не сделаю. Только наврежу. Упущу что-нибудь. – Калугин открыл глаза. – Ну вот, еще и слепое пятно...»

Правый глаз почти ничего не видел. К тому же было трудно дышать. Мигрень разыгралась не на шутку.

Владимир открыл верхний ящик стола, достал баралгин, выдавил пару таблеток, кинул в рот, запил остывшим чаем. И сцепил зубы, преодолевая острый рвотный порыв.

– Однако...

На столе лежало еще несколько отчетов, которые требовали внимания. Кажется, принесли ответ из анатомички на предмет опознания. Важный документ. Важный...

Надо только разлепить еще зрячий глаз...

Но тяжело. Тяжело.

Пропахшая кофе и сигаретной золой контора душила,

сдавливая со всех сторон уставший мозг.

«Умеешь работать, умей отдыхать!»

– Владимир Дмитриевич! – К «загончику» Калугина подскочил восторженный Леша Иванов. – Владимир Дмитриевич! У нас есть решеньице!

– Алексей... – Владимир с трудом разлепил губы. – Ты дома должен быть. У тебя жена. Три часа назад...

– Да ладно! Я позвонил. Она уже мне отвесила, – радостно ответил Иванов. – Все в норме. К подруге ушла. Теперь дня два ее не будет.

– Хорошо вы живете...

– Да в общем неплохо. Я ей потом подарю что-нибудь. Давайте, Владимир Дмитриевич, давайте к нам! А? Решеньице глянем!

– Куда?

– В операторскую. Наши вычислители там накопили кой-чего. Толковая идея, я вам говорю! Толковая!

Калугин с трудом поднялся из ставшего неожиданно мягким и уютным кресла. Ощутимо качнуло, но он Устоял на ногах. Несколько раз вдохнул и выдохнул.

«Только бы не грохнуться», – мелькнула усталая МЫСЛЬ.

– Веди, боец невидимого фронта...

– Давайте за мной!

По дороге в операторскую Алексей, чуть не прыгая от восторга, пояснил Калугину суть его гениального «решеньица».

– В чем цимес-то получается? – Его голос буквально зве-

нел. – Сами по себе диски – это так, болванка. Главное – информация. А информация закодирована. А код надо ломать. А в Архиве нам дали тип кода – «Gorgona-12». Если знать ключ, то все просто. А если нет, то надо ломать.

– Ты говорил уже...

– Да! Так вот, если ломать, это никакой машины не хватит! – Иванов распахнул дверь. – Вот сюда, пожалуйста. А если не хватит, значит, надо подключать резервы из Сети. Или иметь в своем распоряжении огромный парк.

– А может, он у них есть?...

– Ой! – Леша обрадовался еще больше. – Это тогда будет совсем просто. Мы уже держим на контроле все РС-массивы такой мощности. Это залепуха на уровне Исследовательского центра. К такой не подойдешь просто так. Но можно и эмулировать. А для этого нужна Сеть. Только так. Чуете решеньице? Вот сюда. Ага!

– Не чувствую. – Калугина качало. Он остановился, на минуту перевести дыхание, и попросил жалобно: – И вообще, Лешенька, не суетись. По делу говори...

– Хорошо! По делу! Значит, так. По делу если говорить, то решеньице совсем простое! Я сейчас все распишу, как наши мне разъяснили. Значит, так, коли они, эти парни с диском, задействуют Сеть, мы это сразу просечем! Потому что нагрузка будет дикая. Мониторинг сделаем постоянный. И все! И все, Владимир Дмитриевич! А, изящное решеньице? А? Изящное?

– Бога ради... Веди молча.

– А мы уже и пришли! – Иванов толкнул последнюю дверь. – Вот!

К Калугину кинулись сразу несколько аналитиков. Все возбужденные, радостные. От этого азарта, чувства крови, близкой добычи Калугина затошнило, и некоторое время он пытался справиться со взбунтовавшимся организмом.

– ...и тогда можно будет вычислить, – через звон в ушах доносились обрывки фраз. – Маловероятно, чтобы дальше Москвы... Конечно, по области будет сложнее, но если подключить региональные отделения... Нароботаем методику... Раскидаем по округам и словно сетью... И по маске... Потом мы... группа захвата... В общем... Так.

– А по делу?

– По делу, вот наши вычислители уже работают. Мониторят! – воскликнул Иванов.

Калугина слегка отпустило, он огляделся.

«Сволочи, – подумал он с нежностью. – Все ведь дома должны быть. Все. Психи ненормальные».

– Чего от меня требуется? – спросил Калугин, понимая, что может лишь наблюдать за ситуацией и любое его вмешательство только затормозит процесс.

– Да, собственно, подписать разрешение на использование дополнительных вычислительных мощностей, – ответил старший администратор, подсовывая электронный планшет.

– Не возражаю. – Владимир чиркнул закорючку в светя-

щемся поле. Планшетка тут же пискнула и погасла. – Жгите.

– Да мы уже два часа как жжем. Статистику уже обрабатываем, – невозмутимо сообщил администратор.

– А подпись как же?

– Ну... мы задним числом. Надо же было у вас разрешения спросить. Мы ж толком не знали, получится или нет. Чего зря дергать?

«Инициативные все, блин», – поморщился Калугин, но вслух сказал:

– Кресло мне дайте. И попить чего-нибудь. Лучше чаю. Нехорошо мне...

Вокруг засуетились, и вскоре он уже сидел в мягком админском кресле со специальной подставкой для ног (Где только взяли? У шефа и то хуже...) и пил крепкий, очень сладкий чай. Мигренная метель неторопливо оседала в голове, вызывая легкую дрожь.

«Сосуды хреновые, – лениво подумал Калугин, чувствуя холод в ногах. – Курить надо бросать, к черту. Надо бросать курить...»

– Владимир Дмитриевич! Владимир Дмитриевич! – Кто-то осторожно тряс его за плечо. – У нас есть результат...

«Заснул! – мелькнула паническая мысль. А затем сразу же за ней: – Результат!»

– Что?!

– Вот, смотрите, – Иванов указывал на огромный секционный монитор, висящий на стене. – Получилось! Смотри-

те...

В небольшой комнате ощутимо пахло кровью. Этот запах ощущался во всем – в напряженных спинах, в резких движениях, в нервном танце пальцев и кнопок. В каждом звуке... Кровь. Близость добычи.

На мониторе мигала маленькая точка.

Адрес.

– Опергруппа на выход! – прошептал Калугин.

Лишь тихий шепот.

И вот уже грохочут ботинки. Щелкают автоматы. Шелестит камуфляж.

«Неужели получится? Вот так сразу?! Вот так просто?! – удивленно спрашивал самого себя Калугин, засовывая табельный пистолет в кобуру под пиджаком. Внизу уже ждала машина. – Неужели получится?!»

29.

Дверной звонок прозвучал неожиданно резко.

Михалыч, задремавший было в кресле, вздрогнул. Роман с Гришей даже не пошевелились. Их глаза будто прикипели к экрану, пальцы так и порхали над клавишами.

– Кого бы это?... – Михалыч посмотрел на часы, прислушался к происходящему в спальне. – Вроде рано еще... И часа не прошло.

Звонок повторился.

Михалыч тяжело поднялся. Пошевелил затекшими плечами.

Полумрак комнаты разгонял только мерцающий свет монитора.

В дверь снова позвонили.

– Да елки-палки. Иду я, иду... Как на пожар, в самом деле.

Подойдя к двери, он остановился. Неясное чувство тревоги шевельнулось в груди.

– Ну, прям как под Ферганой... – Он открыл шкаф, накинул странного вида безрукавку, включил свет.

Звонок.

Михалыч взялся за ключ.

– Кто там?

– Мы от Ильи Федоровича! Откройте, пожалуйста.

– От Илюши?! – воскликнул Михалыч, повернул, было,

ключ, но остановился. Запахнул безрукавку, сухо треснула «ткань-липучка». – Сейчас, сейчас... От Илюши...

Он сделал несколько шагов назад.

В дверь сразу же нетерпеливо зазвонили.

– Ребята, – Михалыч вполголоса позвал программистов, щелкая выключателем и зажигая люстру. – Ребята, закругляйтесь, на фиг. Нехорошие предчувствия у меня.

– Момент.

– Нет у нас момента! Живо!

Звонок. Злой, торопливый.

Гриша захлопнул ноутбук. Блютус протестующе пискнул и оборвал соединение.

– Серегу вытаскивайте.

Роман кинулся по коридору в спальню.

– Серега!!

– Иду, иду, – крикнул Михалыч. – Иду!

Гриша лихорадочно упаковывал компьютер, сворачивая провода, бросая какие-то коробочки в сумку, не отключая. Происходящее более всего напоминало фильм про шпионов. Сцену «Провальная явка».

Михалыч провел рукой по волосам. Подошел к двери.

– От Илюши, значит.

Ключ повернулся с тихим щелчком.

Дверь закрывалась еще на небольшую защелочку, которую поставила жена. Михалыч часто над нею за это иронизировал, рассказывая известный анекдот: «Сара, закрыла ли

ты дверь на замок? Да? А на засов? Да? А на крючочек? Да? А на маленькую защелочку? Нет! Вот так весь дом вынесут!»

Больше он над женой никогда не смеялся. Потому что именно маленькая защелочка позволила ему отпрыгнуть, когда что-то тяжелое с размахом ударилось в дверь.

– Еп! – крикнул кто-то на лестнице. – Плечо! Сука!

Второй удар, последовавший почти сразу за первым, распахнул дверь, выдрав с корнем из косяка крепление защелки. В коридор влетел плотный, здоровенный мужик в черной куртке, не рассчитал, споткнулся и рухнул на пол, прямо к ногам Михалыча.

– Добро пожаловать! – выдохнул тот, вгоняя ребро ладони куда-то в основание черепа здоровяка.

На самом деле защелка сработала дважды. Размышлять об этом у Михалыча не было времени, но тот второй, что шел следом за первым, уже лежащим бессильной тушей на полу, не был достаточно быстр, чтобы воспользоваться преимуществом. Ему мешало расшибленное о дверь плечо.

Михалыч успел подняться, увернуться от удара битой наискосок и швырнуть в нападавшего какой-то сумкой.

В дверь лезли злые, толстомордые мужики.

Михалыч отступал, давая им войти, чтобы в узком помещении не было возможности применить огнестрел.

– Посторонись! – Из дальнего конца коридора неслись Роман с Сергеем, подняв на плечи, как таранное бревно, массивную деревянную скамейку. Сергей при этом был еще и

голый, буквально только-только сорванный с девушки, а потому злой, как черт. Сюра добавлял эрегированный член.

«Ну прям комедия о Лисистрате...» – подумал Михалыч и даже успел удивиться нелепому этому сравнению, прежде чем скамейка влетела в грудь амбалу с битой.

В следующий момент в области живота у него будто бы взорвалась бомба. Перед глазами потемнело.

Михалыч согнулся, понимая, что следующий удар, скорее всего, вышибет из него дух окончательно. Толкнулся ногами, стараясь упасть на бок, чтобы уйти от предполагаемого и вполне логичного удара коленом в голову.

Удалось.

Рома подхватил биту.

– Оттащи его!

Сергей вцепился полковнику в ноги и поволок туда, где истошно визжали девчонки.

– Отвали, суки! Я псих! – Рома размахивал битой, словно умалишенный, после каждого взмаха делая полшага назад. Он старался держать нападающих на длинной дистанции, чтобы исключить рывок во внутреннюю зону, делающий новоприобретенное оружие бессмысленным.

– Пистолет, – хрипел Михалыч. – Пистолет в тумбочке! Возьми пистолет!

Сергей кинулся в спальню.

Страшно было еще и то, что нападавшие, кроме самого первого крика на лестнице, не произнесли ни звука. Здоро-

вые, как кабаны, они молча наступали на бешено вопящего Романа, чуть приседая, стараясь проникнуть за границу, очерченную блестящей головой бейсбольной биты. До того момента, как один из них пойдет «на убой», пожертвовав собой и приняв на себя первый и единственный удар, оставались считанные секунды.

Чуть переведя дыхание, Михалыч наконец сосчитал бандитов.

Пятеро на ногах. Минус двое на полу. Плюс, скорее всего, на лестнице кто-то остался. Только у двоих длинные биты, остальные вооружены более удобными короткими дубинками. Судя по тому, как мешают они друг другу в тесноте прихожей, все-таки не профессионалы. Не профессионалы, но и не чайники, явно не дураки подраться. Но комнату не проверили, оставили сзади. Какой-то средний уровень. Очень удобно, когда есть грамотное руководство. Но кто же главный? Кто?

– Чего встали, идиоты?! Что встали?! – В дверь ввалились трое. Два «быка» и один...

«Вот и главный», – понял Михалыч, поднимаясь с пола. Рука нащупала на стене относительно короткую, сантиметров в двадцать пять – тридцать, заточенную под блестящий конус железку. Этот «гвоздь» играл важную роль в одной давней и жутковатой тегеранской истории. Помимо этого, он прекрасно метался.

На какой-то момент Михалыч увидел из-за спин и плеч

лицо говорившего. Белый, острые черты, плотно сжатые губы.

Из-за двери комнаты, которую нападавшие опрометчиво оставили без внимания, высунулась рука, ухватила ближайшего амбала за кадык и утянула на себя. Попавший в страшную ловушку здоровяк захрипел. Двое нырнули в комнату.

Гриша держал захваченного жестко, тот уже посинел и почти не дышал, понимая, однако, что любое неверное движение означает одно – вырванный кадык. Тогда уж точно не подышишь, а если он так выключится, то есть шансы, что откачают.

– Что встали? Вырубите его! – крикнул «главный». На миг он повернулся в профиль.

«Орлиный нос», – отметил Михалыч, отводя руку назад.

«Гвоздь» коротко свистнул в воздухе, никелированная молния среди черных курток...

Вверх по лестнице стремительно поднимался мужик в старенькой зимней куртке. За предоставляемый фирмой товар он отвечал головой. Но само по себе это его волновало слабо, ему просто нравились эти девчонки.

Мужик никогда не был женат, как-то не сложилось. Детей он тоже не имел. Жизнь кидала его от одного края к другому, жестко и равнодушно.

Прибавшись на развозку проституток, он вдруг, совершенно неожиданно и без всякой видимой причины, проник-

ся к ним нежным чувством. Ко всем сразу, приняв их за свою семью, как собака принимает за свою стаю людей.

И девочки это чувствовали. Понимали. Уделяя этому вечно хмурому человеку долю внимания и ласки.

Неоднократно он вытаскивал девочек из разных передраг, дрался за них, бывал бит, лежал в больнице, сидел в тюрьме, но неизменно возвращался. В свою семью.

Бригада здоровяков, завалившаяся в подъезд, куда он привез девчонок, вполне могла направляться по своим делам, но... Но оставлять такое дело без проверки было не в традициях фирмы.

Поэтому, когда хмурого мужика тормознули на лестничной клетке два «быка», он не удивился.

Желтый свет накладывал тени на лица, делая их неживыми, мертвыми. Темные провалы глаз, гротескно вытянутый нос.

– В чем дело, ребята?

– Операция, – коротко ответил один.

– Госбезопасность, – ответил второй.

Мужик посмотрел вверх по лестнице. Открытая дверь. Знакомый номер квартиры. Возле дверей еще один «кабанчик».

– У меня там... – начал было он, но договорить не дали.

– Вали отсюда, отец.

– Потом зайдешь...

В это время за дверью истошно завизжали женщины.

– А документы можно? – поинтересовался мужик.

– Непонятливы... – амбал не договорил. Рука, которой он собирался взять надоедливую шибздика за шиворот, будто бы попала в тиски. – Тво...

Поворот.

Что-то звонко хрустнуло! Руку пронзило болью, от которой аж горло перехватило.

Второй здоровяк рванулся к обнаглевшему мужику, но натолкнулся на первого, с выкрученной рукой, которого «шибдик» очень уж умело поставил между собой и вторым противником.

А потом мужичок повел себя уж совсем не по правилам. Толкнув парня со сломанной рукой на пол и позволив сгрести себя за грудки, что есть силы ткнул указательным пальцем второму в глаз! Отчего тот взвыл и кинулся куда-то, не разбирая дороги. Подлый, хитрый и вместе с тем простой прием, которому быстро обучаются в местах не столь отдаленных.

Сверху, прыгая через две ступеньки разом, бежал третий. В его руке было зажата короткая, ребристая дубинка.

Мужик не стал дожидаться проблем, выудил из кармана потертую коробочку и ткнул ею в сторону приближающегося бандита. Что-то щелкнуло, от коробочки отделились две стрелки, с тонкими проводками. Впились «кабанчику» в руку.

– Чего за ху... – больше молодчик ничего сказать не успел.

Ударом тока его скрючило. В глазах полыхнула многоцветная радуга. Мерзко запахло паленым. – Ня-я-я-я!

Бросив использованный шокер под ноги, мужичок споро рванул к открытой двери, подхватив с пола дубинку.

До цели оставалось три шага. Два. Один. Вот уже маячат спины за порогом. Где-то там надрывно визжат девчонки. Его семья. Его стая.

С оглушительным грохотом лестница подпрыгнула, ударила его в спину, ломая ребра и позвоночник... Неведомая сила швырнула его вперед. Мужик ударился об косяк щекой, но боли уже не почувствовал. Из мертвой руки выскользнула бесполезная палка...

Второго выстрела, развернувшего его лицом вверх, он не почувствовал.

Несколькими ступенями ниже парень с искаженным от боли лицом сжимал в здоровой, не переломанной руке пистолет.

На лестнице громыхнул выстрел!

Орлиный нос дернулся, сделал полшага назад.

Мимо уха что-то свистнуло. Легким ветерком обдало щеку. БА-БАХ!

Из дверного косяка торчала железка, острый конус легко вошел в дерево сантиметров на десять.

«Промахнулся», – подумал Михалыч с сожалением.

То же самое, но совсем с другим чувством подумал обла-

датель орлиного профиля.

Один «бык» кинулся вперед, прикрыв голову согнутыми руками. Рома не заставил себя долго ждать и, понимая, что удар будет единственным, вложил в него всю силу. Бил куда-то в область почек. Страшно, как говорят, «с плечом». Здоровяк хрюкнул и осел.

Второго удара Рома не сделал, его сбили с ног.

Навалились на Михалыча.

В это время парень с поломанным кадыком окончательно осел и потерял ценность в качестве живого щита. Гриша оттолкнул его от себя и отступил в глубь комнаты, прикидывая, как бы получше повернуть на «коронку», сочетание двух верхних ударов руками с выходом на сильный хайкик, да еще так, чтобы не схлопотать в челюсть.

– Суки, – прошипел главный, стоя над убитым на лестнице мужиком. – Нагадили... Нагадили... Тихо, что ли, нельзя было?... Вот же ж суки!

Он кожей чувствовал, как соседи набирают номер на телефоне. «Милиция, милиция...»

С ментами связываться было... нельзя. Совсем нельзя. Хорошим это бы не кончилось.

И тут...

Начисто перекрывая грохот ломаемой мебели и бабий визг, напрочь перечеркивая план «взять чисто», оглушительно грохнуло! Еще раз! И еще!

Уже зная, что увидит, Орлиный Нос заглянул в распахну-

тую дверь.

Откатывалась назад волна амбалов.

В самом конце коридора в пороховом дыму стоял голый человек с пистолетом в руке. У его ног жались какие-то девки.

– Уходим, – едва слышно произнес главный, но «быки» послушались моментально и действовали более слаженно, чем в нападении. Рывок вперед. Фальшивый, только чтобы обеспечить возможность поднять раненых. И отступление.

Удаляющийся топот на лестничной клетке.

– И нам пора... – прохрипел Михалыч, лежа в обломках разбитой тумбочки.

Романа пришлось тащить. Фактически на ногах стояли только Гриша и Сергей. Михалыч тяжело, с хрипами дышал и двигался через силу.

Над мертвецом уже выли девчонки.

– Сенечка... Сенечка...

Их истеричные, испуганные крики дробным эхом разносились по подъезду.

30.

– Клевая тачка, – прошамкал разбитыми губами Рома. – Клевая...

– Тихо. – Сергей поднял руку. – Тихо, все нормально. Спокойно. Все будет хорошо.

Роман лежал на заднем сиденье, на коленях у Михалыча. Вместительный уазовский «Патриот-4» всем четверем позволял разложиться с некоторым комфортом.

– Клевая, клевая, – прохрипел Михалыч. – По случаю досталась.

– Лизинговая? – поинтересовался Сергей, пытаясь вставить ключ зажигания.

– Нет.

– Это хорошо. Хорошо.

– Ты успокойся, главное. Ключи переверни.

– Ага... – Ключ легко повернулся.

– И теперь слева утопи штучку...

– Штучку, – Сергей озабоченно уставился на приборную панель. – Штучку... Какую такую штучку? Нету тут никакой штучки!

– Есть. Слева. Внизу.

Сергей нашел «штучку», которая больше всего напоминала рычажок подсоса и явно не имела отношения к заводской компоновке.

– Противоугонка это. Моя. – Михалыч откинулся на спинку.

– Кулибин, – пробормотал Сергей. Машина ожила. Мигнули огоньки. Зашуршала отопительная система.

– Сейчас потеплеет. С управлением справишься?

– Права есть. – Сергей уверенно взялся за рукоятку переключения передач и под нос пробормотал: – Практики нет...

Вспыхнувшие фары выцепили из темноты двора грязные оплывшие сугробы, оледеневшие в вечернем холоде, обшарпанную скамейку и обломки красных пластмассовых санок.

Машина дернулась, но не заглохла, вышла на дорогу. Сергей сумел без потерь развернуться и выехать из двора.

– Квартиру не закрыли, – снова подал голос Роман.

– Ничего, милиция позаботится. Главное, чтобы без нас.

Гриша обернулся к Михалычу и приложил кулак к уху.

– Позвонить?

Гриша замотал головой. Показал на Михалыча, потом махнул рукой куда-то за плечо. Снова приложил кулак к уху.

– Я раньше звонил, – перевел Михалыч. – Нет, я не звонил. Собирался. По связям думаешь пройтись?

Гриша кивнул.

– Не сейчас. Сначала осядем давай где-нибудь. Ночью проще будет...

Гриша снова согласился. Схватил установленный на приборной панели блокнот и ручкой нацарапал адрес.

Сергей, судорожно вцепившийся в руль, с трудом оторвал

перепуганные глаза от дороги. Несколько минут назад он был готов убивать, но, оказавшись один на один с мощной машиной и пусть вечерней, но все еще загруженной дорогой, чувствовал панику.

– Где это?

Гриша удивленно посмотрел на водителя.

– Не смотри на меня так! Где это? И где мы?

Гриша покачал головой и нацарапал еще пару координат на бумажке. Потом подумал, выкинул листок и на следующем написал: «На следующем повороте, направо».

– Вот сразу бы так...

– Надо бы врача найти, – пробормотал Михалыч.

– Сломали что-нибудь?

– Нет, вряд ли. Если бы не жилет, то наверняка, но... Я для Ромки думаю.

– Не надо... – слабо возразил Рома. – Не надо. Просто помяли. Отлежусь...

– А доктор у тебя есть? Знакомый?

– Поискать надо. Книжку взял... кажется.

– Тебе и самому бы не мешало.

Гриша ткнул Сергея, показывая направление движения.

– За дорогой следи, – посоветовал Михалыч.

Несколько раз они проскакивали мимо нужного поворота. Гриша размахивал руками и писал Сергею матерные записки. Михалыч, кажется, задремал сзади, Рома на особо резких поворотах тихо стонал.

Приблизительно через час они оставили машину в каком-то слабо освещенном дворе.

«Отсюда пешком», – написал Гриша.

– Михалыч, вытряхиваемся. – Сергей выскочил наружу, распахнул заднюю дверь.

Совместными усилиями они вытащили из машины Романа. Подхватили его под руки и двинулись куда-то в темноту. Каким образом Гриша ориентировался в этой тьме, Сергей так и не понял. Обычно в городе никогда не бывает темно. Уличное освещение, вывески, реклама, окна – все это походит на огромный прожектор, делающий ночь серой, ненастоящей. Потому, наверное, «ночная жизнь» так же отдает чем-то нереальным. Извивающиеся силуэты, грохот музыки, легкие, совсем не дневные отношения. Но тут, в этом дворе, огороженном от внешнего мира бастионами многоэтажек, было темно, как в могиле. Даже небо, низкое, нависшее над домами, терялось во мраке. И будто бы слышалось:

– Теперь все серьезно. Все серьезно...

Где-то в этой темноте потерялись деревья. Маленькая детская площадка. Уродливые ракушки гаражей. Даже лай разбуженной собаки звучал глухо, будто через ватное одеяло.

– Страшно... – прошептал Рома. – Страшно...

– Сейчас, сейчас... Сейчас... – бормотал Сергей, выдергивая ноги из глубоких сугробов. – Черт. Куда ты завел нас, Сусанин?!

В темноте Гриша что-то промычал.

– Нормально, – перевел Роман. – Я знаю, где это... Нормально.

Через темноту этого странного места они продирались долго. Ноги у Сергея начисто промокли. В ботинках гадко чавкала холодная вода. По джинсам сыр поднималась выше, к коленям. Ветерок противно задувал за шиворот. Остальным, судя по всему, было не лучше. Михалыч пару раз упал, но все же, чертыхаясь и кашляя, двигался следом.

Казалось, этому кошмару, этому обступившему со всех сторон холодному мраку не будет конца. Мир сузился, сжался до размеров черт знает каких маленьких. Все полные стилой водой ямы, все грязные сугробы, сучья, камни и мешки с мусором сконцентрировались у них под ногами. И время, бегущее вскачь, сейчас тянулось и тянулось, словно резинобое.

И они тянули, тянули эту резину, продавливая ее, преодолевая ее упругое сопротивление!

А когда вдруг, внезапно, их выкинуло на свет, ребята остановились. Слепленные, уставшие, уже потерявшие веру в свою удачу.

Теперь шли по освещенной улице, одной из центральных. Однако сказать точно, где они находятся, Сергей уже не мог. Все, что он мог, – это только идти.

Редкие в это время прохожие провожали их несколько удивленными, но ко всему привыкшими взглядами. Это Москва... Тут и не такое видели.

Наконец Гриша махнул рукой к ближайшему подъезду.
Дверь приветливо распахнулась.

Однако дальше им преградил дорогу кодовый замок. Привалив Романа к стене, Гриша покопался в карманах и выудил пластинку ключа, приложил ее к блестящему кругляку приемника.

Замок пискнул и щелкнул язычком.

– Какой этаж?

Гриша махнул рукой в сторону лифта, где стоял другой кодовый замок, открывавшийся, впрочем, все тем же ключом.

В лифте Михалыч сполз вниз по стенке.

– Потерпи, потерпи... – шептал Сергей. – Потерпи...

Кажется, он говорил это самому себе...

Дверь открыла женщина.

Лет тридцати, она неловко запахивала на груди розовый домашний халатик, довольно короткий, открывавший стройные, чуть худоватые ножки. Черные волосы были накручены на мелкие бигуди.

– Гришка?! – удивилась она. Голос у нее был низкий, грудной, удивительно диссонирующий с хрупкостью фигуры. – Гришка?!

Она оглядела всю компанию, мигом отметила состояние Романа и, поджав губы, распахнула дверь.

– От тебя, Григорий, другого ожидать не приходится, – услышал Сергей ее шепот.

Они шлепнулись на пол в прихожей. Обессиленные, выпотрошенные, пустые.

Гриша указал на женщину, которая, уперев руки в бока, хмуро смотрела на них от дверей. Потом постучал себя по безымянному пальцу левой руки.

– Бывшая жена, – понял Михалыч.

– Оля, – кивнула та головой. – Объяснения будут?

Гриша махнул рукой куда-то за спину и повесил голову.

– Понятно. Потом. Устал.

– У вас удивительное взаимопонимание, – пробормотал Сергей, борясь с желанием заснуть прямо тут, на полу в прихожей. Тепло, ласковый домашний свет, все это убаюкивало его. Мир снова стал большим, добрым и качался... Качался...

31.

Каким образом он оказался под одеялом, Сергей вспомнить не смог.

В определенный момент на реальность, до этого размытую, кто-то навел резкость, и картинка прояснилась.

Сергей лежал на диване. Укрытый коричневым военным одеялом. Под голову были заботливо подложены подушки. Свет притушен. Только несколько свечей в пузатых стеклянных подсвечниках освещали комнату. Ковер на стене, полки с книгами каких-то философов, выставленные скорее для интерьера, чем по надобности. К чему держать бумажные книги, если крупные собрания сочинений с иллюстрациями и огромным массивом критических статей вмещаются на один диск. Официально. А для солидной библиотеки достаточно десятка дисков «левых».

Под потолком болталось что-то, отдаленно напоминающее медузу, видимо, люстра. В остальном, если не считать пары кресел и крохотного журнального столика, комната была пустой.

«Странно, – подумал Сергей, сбрасывая одеяло. – Где остальные?»

Он помнил, правда, смутно, как вчетвером они ввалились в эту квартиру, как он упал прямо на пороге. Потом помнил чьи-то руки, кажется, женские. Его раздевали. Он порывался

встать. Почему-то хватался за штаны. Еще Сергей помнил голос, нежный, спокойный.

«Ерунда какая-то... Уложили, будто я больной какой-то... Где Ромка? Он же совсем плох был...»

Сергей вскочил с дивана. Удивительно, но чувствовал он себя вполне отдохнувшим, даже бодрым. Прежняя валящая с ног усталость осталась в прошлом.

Осторожно, стараясь не шуметь, он выглянул в коридор. Слева доносились звуки и лился свет. Что-то звякало. Слева, в полумраке коридора, он углядел две двери. В одной горели свечи.

Сергей подошел к дверному проему, заглянул. На большой кровати, раскинувшись, лежал Ромка. В неясном мерцании было видно, что ссадины его уже чем-то обработаны. Рука перебинтована, на лбу повязка. Парень дышал тяжело, часто.

Сергей развернулся и пошел туда, где свет был ярче и доносились громкие голоса.

На кухне, за круглым столом, неудобно придвинутым к стенке, сидели Михалыч и Гриша. Голоса доносились из включенного телевизора.

– Привет, – сказал Сергей. Голос оказался хриплым, в горле будто песка насыпали.

– О, – голый по пояс Михалыч развернулся и поморщился. На груди, как раз напротив солнечного сплетения, расположился здоровенный синяк. – Проходи, садись. Водку бу-

дешь?

– Водку?... – Сергей плюхнулся голым задом на холодный козлам стула. – Водку...

– Будешь, – решил Михалыч. – Самочувствие, поди, паршивое?

– Не знаю. Вроде ничего не болит. Ну, разве что горло.

– Тогда точно надо. Простуду мы запросто могли схватить. А в этом случае перцовки тяпнуть – первое дело.

Он открыл белый шкафчик, расположенный около мойки, вытащил оттуда небольшой граненый стакан, близнец тех, что уже стояли на столе, и щедро плеснул в него коричневатой жидкости.

– Давай... Сразу все. И закусить тут... – Михалыч подтолкнул ладонью тарелочку с какой-то нарезкой, хлебом, сыром и острыми маслинами. – Поехали. Гриш, ты с нами?

Гриша хмуро кивнул. Он мог только пить, закусывая кашей было как-то несолидно.

Водка обожгла гортань и ухнула в желудок огненным комком.

Сергей охнул, быстро слепил себе бутерброд и закусил. Когда дыхание выровнялось, внимательно присмотрелся к этикетке.

– Восемьдесят?... – удивленно прошептал он. – Ну вы дадите...

– Другой не было, – Михалыч развел руками. – Так что закусывай.

– Чего говорят? – спросил Сергей, указывая на телевизор.

– Да, собственно, ничего не говорят. Про нас точно ничего. Пока какую-то гадость крутят, новости через минут пятнадцать должны быть.

– Чего с Ромкой?

– Не слишком хорошо. Помяли крепко, хотя вроде бы сломанных ребер нет. Но отбили капитально все, до чего добрались. Отлежаться ему надо. Крепкие попались подонки. На мне, к слову сказать, броник был. Легкий совсем, но все же. Битой так сунули. – Он осторожно, кончиками пальцев потрогал синячище. – Был бы голый, убили бы. Я это проходил. В сердце «бам», и все. Привет. Удар редкий. Особенный.

– Ты кашлял вроде...

– Еще бы. Все горло сорвал, пока продышался. Ты в этот момент за пистолетом бегал.

– А с Ромкой точно все нормально будет? Может, к врачу? Гриша покачал головой.

– Не. – Михалыч снова разлил водку по стаканам. – У Гришки жена медсестрой работает. Так что квалифицированная медицинская помощь нам была оказана. Поехали!

На этот раз водка легла значительно проще. Мягче.

Хотя слезу все равно выбила.

Гриша сложил бутерброд и положил его рядом со своим стаканом.

– Да и я... – просипел Михалыч, прикладывая к носу кусочек хлебushка. – Кое-что понимаю. Глядишь, не помрет...

– Типун тебе на язык... – пробормотал Сергей.

– Ну... – Михалыч развел руками. – В сложившихся обстоятельствах вообще удивительно, что мы тут все сидим.

Гриша кивнул. Его голова мотнулась, видимо, программист изрядно набрался. Перед ним лежало штук семь бутербродов, которые, должно быть, означали количество выпитых стаканчиков.

– Ты себе представляешь, Сереженька, уровень нашей удачи? – Пьяненький Михалыч становился добр ко всему миру. – Представляешь? Это кто нас так любить должен, чтобы так... так прикрывать? Кто?

– Ну, меня вроде некому. – Сергей кинул в рот оливку. – Родители померли уже. Гришка вон тоже интернатский. Да еще, как выяснилось, разведенный. Чего скрывал-то?

Гриша пожал плечами и выпятил нижнюю губу, что тут, мол, говорить...

– Может, у Ромки есть кто?

Гриша отрицательно покачал головой и замахал руками на манер бабочки.

– Порхает, – понимающе определил Михалыч. – Аки пчела.

– Пчела не порхает. Пчела летает. По делу, – внес коррективы Сергей.

– Да шут с ней. Я до сих пор не пойму, чего мы такого сделали, что нас до сих пор под асфальт не закатали? Хотите верьте, хотите нет, но ангелы за нас хлопочут там...

Он ткнул пальцем куда-то в потолок.

– Это Машка твоя, – сказал Сергей, наливая еще одну стопку. – И дети. Им спасибо надо сказать.

– Машка, да. – Михалыч пьяно улыбнулся. – Машка она может... Она ведь у меня...

Он растроганно прослезился.

– Да везет нам просто. – Сергей поднял стакан.

– Не просто. – Михалыч погрозил ему пальцем. – Не просто.

Они выпили. Гриша сложил еще один бутерброд и закрыл глаза.

Михалыч занюхал хлебушком, потрянул головой и продолжил:

– Не просто, а охеренно!

– Накачивается, алконавты? – послышался женский голос.

Михалыч закашлялся и обернулся к двери.

– Оленька! Проходи, садись, лапушка! – Он быстро вскочил, освобождая стул.

– Налейте, что ли, девушке, – хмуро предложила Оля. – А то не заснуть с вами, так хоть не зря вечер пропадет. Завтра выходной, слава богу.

Она была одета все в тот же розовенький халатик, и Сергей неуклюже подвинулся, пропуская ее мимо себя в тесноте кухни. Внезапно он осознал, что сидит голым...

– Гхм... Извините... – Неуклюже прикрываясь и чувствуя себя от этого еще более стесненно, он вышел в коридор.

Вернувшись в комнату со свечами, он нашел свои джинсы, но обнаружил, что они мокрые. Встал в нерешительности. Одевать мокрое категорически не хотелось. Однако и сидеть с голой задницей было не с руки.

– Возьми, – раздался из-за спины женский голос.

В комнату вошла Оля, протягивая Сергею широкое банное полотенце с какими-то не то волками, не то собаками.

– Твои штаны мокрые, ты весь, как ледышка, пришел... – Она рассматривала его непринужденно, легко, как могут, наверное, только медсестры. Однако от этого неприкрытого и вместе с тем чуть-чуть прохладного интереса Сергей почувствовал себя... по-особенному.

– Спасибо. – Он взял полотенце и с неуклюжей стремительностью завернулся в него.

– Пойдем... – Она легко повернулась на босых пятках и вышла за дверь.

Сергей последовал за ней.

Когда они вернулись на кухню, на столе уже стояли налитые стаканчики, а закуски на тарелке поприбавилось. Крупными ломтями нарезанное холодное мясо, огурчики, отдельно налитый в большущий стакан апельсиновый сок.

– Прошу, – сделал широкий жест полковник. – Мы немного разорили ваш холодильник, но это, я надеюсь, не страшно.

– Не страшно, не страшно, – ответила Оля, присаживаясь и закидывая ногу на ногу. Блик от потолочных галогенок обласкал ее точеные коленки. – Раз уж вы ввалились посреди

ночи, то что ж поделать...

Гриша стоял у плиты и уныло мешал манную кашу в маленькой кастрюльке.

– Теперь все закусывают! – пояснил Михалыч. – Пьянка в женском присутствии – это не пьянка, это...

– Это разврат, – сказала Оля.

– Нет! – Михалыч развел руками. – Оленька, я совсем не это хотел сказать! Я вел к тому, что мужчины, пьющие без женщин, это потенциальные алкоголики! Но присутствие женщины облагораживает процесс...

– А чем Гриша собирается закусывать? – поинтересовался Сергей.

– Чем может, – отрезал Михалыч, а Гриша пьяно развел руками.

– Молоко с водкой?... – Оля удивленно подняла брови.

– Продумал, – Михалыч поднял стаканчик. – Каша на воде.

– Ужас...

Они опрокинули стаканчики. Сергею показалось, что Гриша, мешающий кашу у плиты, уже спит и все его движения идут на автомате.

– Может, ему того?... – толкнул он Михалыча в бок и приложил к щеке две сложенные ладони. – На боковую?

– Гришенька! – позвал Михалыч. – Ты как?

Гриша развел руками и махнул ложкой, отчего капли каши разлетелись по всей кухне.

– Ой ты, господи! – всплеснула руками Оля.

Она встала, затолкала бывшего мужа на его место, пригнухалась к вареву в кастрюльке и с чистой совестью вылила получившуюся бурду в раковину.

– Ничего. Пусть пьет так. Завтра будет закусывать. Сварю ему... Супчик.

Гриша посмотрел на нее глазами благодарной коровы.

– И нечего мне тут глазки строить. – Она села на стул, халатик на какой-то миг распахнулся, мелькнуло загорелое бедро. – Давайте еще, что ли? Не вовремя выпитая вторая – это безнадежно испорченная первая.

– Верно! – обрадовался Михалыч.

– Ну, к вам это, собственно, не относится. Первая это у меня...

– Ничего, ничего. Мы поддержим. Правда, Сереженька?

Сергей пробурчал что-то невразумительное.

В этот момент телевизор заиграл что-то бравурное. Побежали полосы государственного флага, мелькнул логотип телевизионного канала.

– Новости! – Михалыч сделал погромче.

Сначала дали нарезку из будущих сюжетов.

Где-то неожиданно выпал снег. Заваленные улицы, обрушившиеся линии электропередач, засыпанные по самую крышу машины. Где-то в Мурманске случился пожар. По невыясненным причинам полыхал танкер с драгоценной полярной нефтью. Потушить его было никак невозможно, от-

того он выгорал в акватории, под присмотром десятка пожарных кораблей. Международное положение. Новая интифада в Израиле. Присмирившие было после Американского крестового похода арабы снова продолжили борьбу с еврейской угрозой.

– Здравствуйте. – Диктор был строг, идеально причесан, напудрен и выглядел ожившим манекеном, а не человеком. – В самом начала нашего выпуска политический скандал. Обострением отношений США и России закончился саммит стран – членов НАТО в Риге, куда были приглашены в качестве наблюдателей представители Восточного блока, военные советники Белоруссии, России и Туркменистана. Выдвинутые в ходе этого заседания требования были восприняты как попытка вмешательства во внутренние дела...

– Валотекущий конфликт, – пробурчал Михалыч. – Уж сколько лет... А у меня к ним собственный счет.

– ...объем нефтяных выработок в приполярных территориях, по мнению экспертов США и Великобритании, может оказать серьезное воздействие на экологическую обстановку в регионе в общем. И в частности в зоне экологических интересов Соединенных Штатов, где располагается недавно созданный заповедник «Северный полюс-2». Совет российских экспертов отвергает возможность какой-либо угрозы природным заповедникам, исходящую от российских нефтяных месторождений. К сожалению, отмечает МИД России, претензии, высказанные представителями Соединен-

ных Штатов, были изложены в форме, исключаящей дальнейшее присутствие наших наблюдателей на саммите...

– Чего-то они взбеленились? – удивился Сергей.

– Штаты? – Михалыч отвернулся от телевизора и снова налил. – Да никогда с ними не было особо теплых отношений.

– Не было, это верно, но как-то уж очень резво они лошадей погнали.

– Да ладно, после облома с Кореей и бардака с Ираном Штатам до зарезу нужен повод, чтобы свою пипиську, вы извините, Оленька, натянуть как можно Длиннее. Вот и все.

– За чей счет?

– Ну. – Михалыч отставил рюмку и строго посмотрел на диктора, словно бы ожидая, что тот даст ответ.

– Посол США был вызван в Министерство иностранных дел России для разъяснения позиции Соединенных Штатов.

– Демарш. – Михалыч отвернулся от телевизора и снова налил. – Давайте дернем. Нас это пока что не касается.

– И я надеюсь, не коснется, – сказал Сергей, поднимая стакан. – Как говорится, лишь бы не было войны.

– Тоже верно, – кивнул Михалыч. – Оленька, тут сок, запивайте, запивайте!

– Вот еще. – Оля положила на хлеб кусок мяса и хрусткий огурчик. – Я школьница, что ли? Водкой с соком школьниц хорошо спаивать. А медсестру совершенно без толку.

– Я ж не в этом смысле! – Михалыч развел руками.

– Ладно. – Оля отмахнулась. – Я тоже не в этом.

– Президент Белоруссии дал крайне негативную оценку действиям блока НАТО, который проводит учения «Балтика в огне» в непосредственной близости от границ Белоруссии. В маневрах приняли участие войсковые соединения стран Балтии при поддержке бельгийской и английской авиации. Согласно плану учений, группа быстрого реагирования, при содействии союзных армий, должна была доставить на дежурный авианосец, базирующийся в Балтийском море, VIP-персону. Пресс-служба Северо-Атлантического альянса пояснила, что задача ставилась в условиях военных действий на территории прибалтийских республик. Также было распространено заявление, что идея маневров очень условна и не содержит каких-либо политических мотивов.

Михалыч вздохнул.

– Устал я. Сейчас дослушаю и выключусь на пару часиков, если вы не возражаете. Можно, Оленька?

– Чего тут спрашивать, конечно. Там диван, его надо разложить... Я сейчас...

– Нет-нет! – Михалыч вскочил легко, но Сергей заметил, как напряглось от боли его лицо. – Оленька, как можно?! Сам справлюсь, сидите! Тем более что еще рюмашку я пропущу. За ваше здоровье.

– Смотри, – Сергей указал на телевизор. – Сейчас, кажется, про нас пойдет.

– И о криминальной обстановке в городе. Мы пока так

и не получили ответа от пресс-службы ГУВД Москвы относительно осложнений, возникших у спецслужб при захвате особо опасной преступной группировки в центре Зеленограда. Напоминаем...

– Особо опасной преступной группировки! – Михалыч поднял палец вверх. – Ну, впрочем, это как раз не важно.

– Известно только, что перестрелку начали «заезжие» гастролеры откуда-то из стран бывшего СНГ. И о погоде...

– Надо же, – удивился Михалыч. – А про нас и ни слова.

– В некотором смысле, – Сергей пожал плечами.

– Может быть, расскажете, что у вас произошло? – спросила Оля, включая чайник. – А то из этого молчуна ни слова не вышибить...

32.

«Опоздали, – устало подумал Калугин. – Опоздали...»

Мигрень, улегшаяся было, возвращалась с новой, страшной и разрушительной силой.

На пороге квартиры лежал мертвый человек. Распахнутые слепые глаза безразлично смотрели куда-то вверх. Оперативники блокировали лестницу, взяли под контроль пустую квартиру и теперь откровенно скучали. Эти парни сделали свою работу. И не их вина в том, что все было зря.

Калугин переступил через мертвое тело и вошел внутрь. Мертвец у порога, бардак внутри. Все перевернуто. В дверном косяке торчит какая-то железка. И головная боль. Вот и все.

«Опоздали. – Он сжал ладонями виски. – Пошло... Что же тут было?»

Он огляделся.

Освещение не работало. Что, возможно, было даже хорошо, от мигрени у Володи началась светобоязнь, и каждый лучик резал глаз.

Разбитая тумбочка, какие-то безделушки валяются на полу, видимо, попадали со стен.

«Кстати, на стенах черт знает что повешено. – Калугин стукнул ногтем по блестящей автомобильной фаре. – Люди картины вешают или там рога. Ну, на худой конец, желтые

бумажки лепят, если на память не надеются. А тут какой-то музей всякой всячины. Интересно, кто хозяин?»

Под ногой хрустнуло.

Из ящичков уничтоженной тумбочки вывалились детские стеклянные шарики, какая-то дешевая бижутерия, блестела крылышками янтарная бабочка. Точно такую же Калугин купил своей дочке на прошлый день рождения. Жена тогда губы надула: «Ты мне таких штучек не дарил...»

«Дура, – зло подумал Владимир Дмитриевич. – Дура и есть...»

Поперек коридора лежала здоровенная деревянная скамейка. Такие обычно ставят на даче, где-нибудь под яблоней. Шашлычки там, вино самодельное... Что она делала в городской квартире?

Впрочем, судя по всему, хозяин был большой оригинал.

Осторожно перешагивая через обломки мебели и разбросанные вещи, Калугин добрался до спальни.

Несмотря на вывернутые бельевые шкафы и бардак, который обычно бывает после обыска, здесь была совсем другая комната. Тут чувствовалась женская рука. Полутона, гладкие стены, никаких «сувениров», только парочка картин с чем-то знакомым, но неопределимым.

«Какие-нибудь экспрессионисты... – подумал Калугин. – А кровать смятая. И не просто смятая...»

Он подошел ближе.

Во время обыска, тем более того, что производится в су-

матохе, наспех, люди могут бегать по кроватям, раскидывать подушки, но все это выглядит... как шмон. Калугин не смог точно определить различия, но для него следы обыска всегда отличались от следов бурной любовной игры.

Картина складывалась исключительно любопытная.

Калугин вышел в коридор и почувствовал... Быть может, если бы не мигрень, превратившая мир вокруг в стекляшку, полную острых, колких граней, направленных прямо Калугину в мозг, он бы прошел мимо. Но обостренное до тошноты обоняние уловило этот особенный запах.

Порох.

Владимир огляделся. Ничего.

Сделал пару шагов, под ногой противно запищала какая-то игрушка.

– Черт. – Калугин посмотрел вниз и неожиданно увидел, что весь пол усыпан чем-то белым.

Он присел. Собрал пальцами эту пыль, осторожно понюхал, но до кинематографического идиотизма – пробовать что попало на язык – решил не опускаться.

«Сильно смахивает на гипс. – Он вспомнил, как во время ремонта у его тогда еще жены работяги выравняли гипсокартоном стены. Весь дом был засыпан этой гадостью. Пыль умудрялась пробраться через закрытые двери в холодильник, в туалет, в спальню, наконец, забраться в постель. Это были последние дни их брака. Калугины сильно ругались и большую часть времени не разговаривали друг с другом. По-

том он уехал в командировку... – Дура. Все-таки дура».

Владимир Дмитриевич встал, отряхнул ладони и случайно глянул наверх.

«Вот почему нет света. Пуля, должно быть, перебила провод».

В потолке, как раз рядом со скрытой галогеновой лампочкой, виднелись три пулевых отверстия.

– Уже кое-что... – хрипло произнес он.

Стоящий рядом оперативник вздрогнул.

– Владимир Дмитриевич?! – Через распахнутую дверь в квартиру ворвался запыхавшийся Алексей Иванов. – Владимир Дмитриевич тут?

Кто-то повернул фонарик на Калугина, тот сморщился, закрыл глаза.

– Уберите...

Свет погас.

– Тут я, проходи, но гляди под ноги. На полу бардак страшный.

– Да вижу... – Иванов осторожно пробирался через руины. Около скамейки он остановился. – Ну прям мебельный магазин после землетрясения. Это мы?

– Не мы... Это до нас. – Калугин ткнул пальцем в потолок. – Вот это надо достать, детально изучить и доложить.

– Понял.

– Потом в спальне надо всю кровать перетрясти с микроскопом. Может быть, там... следы спермы или чего-то еще.

Кровь тут где-то наверняка есть... чтобы такой погром и без жертв.

– Жертва уже есть. – Иванов мотнул головой в сторону дверей.

– Это... – Владимир задумался. – Не знаю, как объяснить, спиши на чутье, этот жмурик – левый. Может быть, проходил мимо или еще что-то. Но по-любому, определить кто, как и откуда...

– Естественно! – Алексей развел руками, мол, за кого вы меня держите?

– Теперь пошли сюда...

Калугин зашел в большую комнату.

Все тот же бардак.

Торчат выдранные с корнем провода сетевого коммуникатора. Перевернутый стол, что-то вроде баррикады.

– Тут тоже перелопатишь все. – Калугин махнул рукой. – В общем, задача простая. Все данные мне на стол. Хозяин квартиры, кто такой, чем занимается, где находится? Родня? Все следы. По возможности выясни, когда стреляли? Кто был, кого видели соседи, что слышали? Что хочешь делай, но картину мне распиши. Полномочия у тебя... самые широкие.

– А вы, Владимир Дмитриевич?

Калугин с тоской посмотрел на своего зама.

– А я, дорогой друг, пойду задницу на разрыв испытывать. Сейчас начальство нарежет болт с исключительно хит-

рой резьбой. И все по мою душу. Понятно?

– Так точно.

– Тогда вперед. – Калугин вышел из комнаты. На какую-то минуту подумал, не зайти ли на кухню, но потом плюнул. Иванов – парнишка въедливый, пока все тут не обнюхает, не успокоится. В этом смысле на него вполне можно положить-ся.

На лестнице кто-то уже прикрыл мертвого черной пленкой, из-под которой торчали только старые, стоптанные ботинки.

«Живешь, живешь, – с тоской подумал Калугин. – А потом – раз... И только ботинки наружу».

Он заглянул в квартиру и крикнул, обращаясь к Иванову:

– Леша!

– О! – отозвался тот откуда-то из глубины.

– Опергруппу отпускаяй!

– Понял!

Спускаясь вниз, Калугин достал телефон и, не без удовольствия представляя, как выдергивает начальство из теплой постели, набрал номер Битова.

– Антон Михайлович?

– Да, Володя... – Голос был усталый и какой-то мертвый.

Калугину стало совестно.

– Мне не хотелось бы вас беспокоить...

– Я на работе.

– У меня новости. Я сейчас приеду.

– Хорошо. Жду вас. – Битов повесил трубку.

На улице Калугина ждала машина.

Он тяжело опустился на заднее сиденье и закрыл глаза.

– В контору...

Головная боль, достигшая апогея, медленно, но верно отступала. На ее место вылезала усталость и апатия. Хотелось просто заснуть.

Он и заснул, хотя вообще-то собирался по дороге составить внятный отчет для руководства.

Разбудил его звонок.

– Калугин.

– Это Иванов! – обрадовалась трубка.

– Ну давай, Леш...

– В общем, хозяин квартиры – личность колоритная. Вы сейчас еще не в конторе? Я позвонил туда, вам досье принесут. Думаю, готово уже.

– А по трупу есть что-то?

– По трупу пока нет. На опознание надо. При себе документов нет. Судя по предварительному анализу отпечатков, его электрошокер пролетом ниже валяется. Странный мужичок. Татуировка у него на запястье. Номера какие-то и то ли кошка, то ли еще что...

– Кошка? Если кошка, то, наверное, сидел. Скажи, пусть проверят номера, это мог быть номер колонии или дата... Или что-то такое. Соответственно, как выяснишь, пробей, чем занимался и что мог делать в этом районе.

– Понял.

– И дай звонок нашим компьютерным гениям, пусть отчетец мне составят по своей методике. Не с пустыми же руками идти к начальству.

– Тоже понял.

– Соседей?...

– Опрашиваю непосредственных. Остальных буду утром трясти. Спят все... Не хотелось бы...

– Ладно. Все понял. Продолжай... – Калугин закрыл крышечку телефона и, посмотрев в окно, обнаружил, что находится перед зданием Конторы. – И долго я спал?

Водитель пожал плечами.

– Нет, минут десять...

– Разбудить надо было, – беззлобно проворчал Калугин. – Спасибо...

На улице его обдало прохладным ветром, который выгнал из головы хмарь и остатки мигрени. Стало легче дышать. Показалось даже, что ночной город стал ярче, осязатее.

«Полегчало». – Владимир Дмитриевич с облегчением вздохнул.

На вахте его уже ждала узкая черная папка со свежераспечатанным делом.

«И что же у нас есть? – Калугин направился к лифту, по пути открывая пластик. Пробежал наискосок плотные строчки, потряс головой, пробежал еще раз. – Однако! Действительно, личность колоритная».

От удивления он не сразу услышал телефонный вызов.

– Слушаю, Калугин.

– Это из инфоотдела. Вы хотели отчет по нашей технологии. У нас готово. Тут и с картинками. Все красиво, в общем. Куда принести?

– К лифту. Седьмой этаж.

– Момент!

«Как дети, ей-богу, – Калугин пожал плечами. – Дело государственной важности. А они отчет с картинками делают. Честное слово, все компьютерщики не от мира сего существа. Мир может лететь в тартарары, вокруг станут выплясывать танец живота обнаженные девушки, а их более всего будет волновать вопрос установки какого-нибудь райд-массива».

Около лифта его ждал паренек в очках и с еще одной черной папочкой. Значительно более увесистой, чем та, которую Владимир Дмитриевич держал в руках.

– Отчетец? – поинтересовался Калугин.

– Так точно! – обрадовался паренек. – Техническая документация в неполном объеме.

– Хорошо, что в неполном, – пробормотал Кулагин. – Спасибо.

Папка была тяжелая.

По пути Калугин подхватил два пластиковых стаканчика с кофе из кофейного аппарата. Горячие. В кабинет к Битову он вошел, неся стаканчики на папках, как на подносе.

– Не желаете? – спросил Калугин, взглядом указывая на кофе.

– Отчего же... Вполне... – Битов равнодушно кивнул. – Ну, что там у вас?

– Кое-какие предварительные данные. Мы предположили, что преступники могут...

– Вот так сразу и преступники?

– Ну... – Калугин неожиданно для себя замялся. – А как же?

– Вы не допускаете возможности попадания информации к посторонним лицам?

– Допускаю... – медленно проговорил Калугин. – Но все-таки она невелика.

Битов молчал, вертя в руках какие-то бусы.

– Ну, хорошо, продолжайте.

– Мы предположили, что подозреваемые попробуют расшифровать данные. Чтобы иметь представление о том, что попало им в руки.

– Логично.

– Специфика данных такова, что для расшифровки даже малой их части потребуются значительные машинные мощности, которые могут быть доступны на территории Российской Федерации только в крупных НИИ и тому подобных учреждениях. Все подобные объекты сейчас берутся под специальный контроль нами.

Битов кивнул.

– Однако наши специалисты предположили, что для расшифровки возможно использовать также ряд сетевых ресурсов. И с помощью технологии, разработанной нашим отделом вычислительной техники, – Калугин положил на стол руководству толстую папку, – нам удалось определить место, из которого подозреваемые попытались произвести дешифровку...

– Ну-ну, – Битов удивленно поднял брови. – Дай-ка мне кофе.

– Пожалуйста. – Калугин, радуясь легкой передышке, протянул шефу стаканчик. – Осторожно, горячий.

– Это хорошо, хорошо, что горячий. – Битов отхлебнул, морщась. – Давай, продолжай.

– Так вот, на место выехала опергруппа. Но, к сожалению, мы опоздали.

Битов даже привстал.

– Что значит опоздали?!

– Значит, Антон Михайлович, что нас опередили. По всей видимости, не одни мы гоняемся за этими дисками.

– Ну, естественно! А что вы думали?! Конечно, не одни мы! – Битов вскочил, нервно прошелся по кабинету, – Ну, и дальше, дальше!...

– На квартире обнаружен труп, следы борьбы и обыска.

– Чей труп?

– Пока не выяснено, но, полагаю, что человек... случайно был втянут в конфликт. Предположительно бывший заклю-

ченный.

– Заключенный?

– Предположительно.

– А квартира?

– Вот. – Калугин протянул Битову тонкую папку. – Хозяин.

Шеф смерил Калугина тяжелым взглядом и раздраженно откинул пластик. Некоторое время в кабинете царило молчание. Владимир Дмитриевич тихонько тянул кофе, дожидаясь, когда начальство соизволит прореагировать.

– Ого, – протянул Битов. – Впечатляет. Особенно служебной список.

Калугин кивнул.

– Странная картина вырисовывается. Армия в игре?

– Пока трудно сказать, Антон Михайлович. Все-таки человек в отставке.

– Трудно, – Битов кивнул. Сделал большой глоток кофе. Зажмурился. На глаза выступили слезы. – Но сказать надо. Точно выяснить и сказать. Так что этого хозяина в разработку. И военных запроси...

– Я понял.

– И еще, пусть наши вычислители проработают вариант подставы. Возможен ли такой ход, как ложная наводка? Если дешифровка шла откуда-то из другого места, а все следы сводились... Ну, ты понял.

– Так точно.

– И этого. – Битов откинул обложку. – Антона Михайловича... Надо же, полный тезка. Слава богу, не однофамилец. Этого Лаптева прогнать по полной.

– В розыск?

– Погоди, в розыск успеем. Все же погоди. Но ориентировку разошли. – Битов с сожалением посмотрел на кофе. – Горячий все-таки, черт. И давай, Володенька, жми. Жми! За папки спасибо. Передай вычислителям, мол, молодцы. Я этими бумажками, – он постучал по пластику «технической документации», – завтра от начальства отбиваться буду. Чем толще, тем лучше.

– Разрешите идти?

– Иди, Володенька, иди. Спать!

33.

Михалыч сгреб в охапку уже спящего Гришу и, шатаясь, выбрался из кухни.

– Спать, Гринька, спать... – бормотал полковник. – Все вокруг спать должны, будто бегемоты...

– Интересно, где Гришка такого человека подхватил? – спросила Оля.

Сергей пожал плечами.

– Я Михалыча давно знаю... Он хороший. Жизнь прожил такую, что обалдеть.

– Ну, еще не прожил, по-моему.

– В смысле?

Оля оперлась локтем на голую коленку и сложила кисть так, что Сергею показалось, будто она держит в пальцах сигарету. Она поймала его взгляд, улыбнулась, положила руки на коленки, как примерная школьница. Получилось... наоборот. Сергей внутренне напрягся.

– Курила раньше. Бросила вот, а привычка осталась. Знаешь, память тела.

– Да, я слышал...

Они замолчали. По телевизору талдычили что-то насчет погоды. Какие-то циклоны несли куда-то массы воздуха, огромные, абстрактные, но вполне ощутимые. Земля существовала по своим законам, двигалась, дышала... жила. А

два человека сидели на маленькой кухне и молчали.

Наконец Ольга тряхнула головой, словно прогоняя какое-то воспоминание.

– О чем мы говорили?

– Что-то про Михалыча, – неуверенно ответил Сергей.

– Ах да! Рано ты его хоронишь!

– Я?

– Ну да. Ты сказал, мол, жизнь он прожил.

– Да...

– Мне кажется, что у него еще впереди все. Он живой...

Ну как тебе объяснить?... Живой. Живет. Не в прошлом, «прожил», а в настоящем – «живет». Сейчас живет интересно, полно. Знаешь, такой настоящий человек.

– А что, бывают люди ненастоящие?

– Еще как... Вот Гришка...

– Ну, нет! – Сергей махнул рукой. – Нет, это ты... не права. Гриша тоже молодец.

– Может быть, и молодец... Хотя кто его знает, люди меняются. Мы уже давно разбежались. Я про него ничего не знаю. Только он помнит мой адрес, как выяснилось.

– Странно. Я так вообще не знал, что он был женат. Хотя скрытным его не назвать.

– Надо же... – Ольга растерянно потрогала волосы, и Сергей вспомнил, как некто осведомленный говорил, мол, кошки, когда не знают, чего делать, начинают вылизываться, а женщины поправляют прическу.

– Но я вообще-то рад, что... – Сергей замялся, готовый, как показалось вначале, комплимент вдруг представился пошлым, грубым даже. Поэтому после секундной паузы он скомкал: – Что мы не познакомились с тобой раньше...

– Когда я была замужем? – Ольга сделала вид, что никакой заминки не было, и вопрос поставила точно.

– Ну... Нет... – Сергей вдруг почувствовал смущение. – То есть да...

Ольга хмыкнула и поднесла к губам несуществующую сигарету. Заметила. Смутилась тоже. Спрятала руки под стол.

Опять в кухне повисло неловкое молчание. Сергей чувствовал, что выглядит как идиот, каждая мышца напряжена, слова застряли в глотке. Хотелось выпить, но он боялся, что Ольга примет его за алкоголика. Теоретически следовало налить ей, благо стаканчик был пуст. Но теперь он боялся, что это будет выглядеть как спаивание.

«Боже, какой мусор. Откуда у меня столько мусора в голове? – удивился он самому себе. – Неужели каждый проходит через эти завалы из... Из дерьма этого...»

Положение спасла сама Ольга.

– Налей, что ли... А то прохладно становится... – Она подвинула стаканчик поближе.

– Да, конечно. – Сергей засуетился. Едва не опрокинул всю бутылку. Водка полилась на стол. – Ой!

– Осторожно. – Ольга рассмеялась. Вскочила и принялась вытирать стол. – Тебя нельзя за виночерпия сажать, всех без

выпивки оставишь. Где-нибудь в студенческой общаге за такое прибили бы!

Сергей покраснел.

– Да я... В общаге не был. Так что...

– Оно и заметно. А что заканчивал?

– Московский художественный университет.

– А, этот новый...

– Да. Там с общагой напряженка. Так что я избежал.

Ольга протерла стол, скинула пустую посуду в раковину. Остались только два стаканчика, тарелка с закуской и водка. Эта обычная, житейская суэта удивительным образом разрядила обстановку. Сергей расслабился и уже легко, с юморком: «Попытка номер два», разлил водку по стаканам.

– За что? – Оля подняла стаканчик.

– За тебя, – неожиданно просто сказал Сергей.

– Спасибо. – Она улыбнулась, выпила, глядя на него поверх стакана.

Огненная жидкость провалилась внутрь.

С трудом восстанавливая дыхание, Сергей спросил:

– Откуда ты такую берешь?...

– А что такое? – удивилась Ольга, сооружая себе большой бутерброд из хлеба, холодного мяса, сыра, помидорчика и листа какого-то салата.

– Крепкая!

– Так тем веселее. – Она закончила формирование закуски и с хрустом откусила. – Ты закусывай лучше.

– Да, да... – Желудок горел огнем, требуя пищи. Сергей попробовал повторить Ольгин бутерброд, но потом оставил это занятие. – Нет, я лучше отдельно...

– Так что у вас произошло? – спросила Ольга, расправившись с бутербродом. – Я, конечно, посмотрелась на работе, но домой ко мне такие вот пациенты сваливаются редко. Насколько я знаю Гришу, должно было произойти что-то действительно необычное, чтобы он поволок людей ко мне.

– Знаешь. – Сергей пожал плечами. – Я вообще не очень хороший рассказчик...

– Зато я хороший слушатель. Давай не прибедняйся. – Ольга поднялась и выключила свет. Теперь кухня освещалась только бликами телевизора, которому хозяйка незаметно прикрутила звук. – В темноте как-то лучше рассказывается.

Она села рядом с Сергеем, закинула босые ножки на соседний стул и с невинным видом поправила сползающий с плеча халатик.

– Вот. Я готова.

– Ага, – Сергей широко улыбнулся. – Началась эта удивительная история давным-давно. В тридевятом...

– Да ну тебя! – Ольга засмеялась и ткнула его в бок кулачком. – Давай серьезно!

Она оперлась локтем на стол.

Сергей поймал себя на том, что смотрит за отворот ее халата, туда, где на какой-то момент мелькнула округлость гру-

ди.

– Да... – протянул он. – Да вообще, знаешь, я затрудняюсь вот так в двух словах объяснить, что к чему...

– А в двух и не надо. Ночь длинная, а я истории люблю.

– На самом деле началось все с того, что меня кинули.

– Грубо?

– Вообще... Скорее нагло. Я делал проект для турагентства. Но меня какой-то ловкач опередил.

– На то и рынок...

– Нет. Не в том смысле. У меня с клиентом договор был. Я проект делал. А на определенном этапе мою работу украли и в полцены сдали тому же клиенту. Может быть, не в полцены, но тем не менее. Я обиделся.

– Законно, – согласилась Оля. – Я бы тоже обиделась.

– И захотел найти этих... – Сергей остановился. – Нет. Не так. В таком пересказе получается пошлятина какая-то. Захотел найти. Обидели лисичку, написали в норку...

Ольга хихикнула.

– Зайдем с другой стороны. Люди благодарны в той мере, в какой они склонны к мести. Это сказал Ницше.

– Получается, что если люди не склонны к мести, они не могут быть благодарны? – перебила Ольга.

– Не совсем так. Скорее, смысл тут в другом, человек, способный быть благодарным, способен и к мести. Мечь и благодарность – это две стороны одного и того же отношения к обществу. Взаимодействия с людьми, ответа на внешние

действия. И чем выше благодарность человека, тем сильнее может быть его месть. И чем сильнее его месть, тем более он будет благодарен. Тем большее добро может он делать. Вообще месть, в ее идеальном случае, сама по себе есть добро, потому что осуществляет акт справедливости.

– А если месть несправедлива?

– Мсть не может быть несправедлива. Мсть делается исключительно в ответ за нанесенные обиды.

– А как же «Возлюби врагов своих»?

– Никак. – Сергей развел руками. – Эта сложная моральная императива для людей, которые готовы много брать, чтобы потом отдавать. Христос не обращался к тем, кто легче и быстрее всех воспринял его слова. Убогие бездельники слушали его и восторгались, понимая, что теперь они получают Великую Индульгенцию своему жалкому существованию. Тот, кто жалок, труслив, убог и не способен взять судьбу в свои руки, находит в этих словах оправдание собственному уродству. Такой человек не может давать, он только берет. В том числе и побои. Неправильно принимать такого в святые. Что он дал миру, кроме своего ничтожества? Христос обращался не к тем, кто тогда обступил его плотной толпой, жаждущей чуда, он говорил для тех, кто способен принять у Мира грязную руду и, переплавив ее в горниле своей души, выплеснуть наружу сверкающим золотым потоком. Христос обращался к Заратустре. К отшельнику, который несет груз своего богатства вниз с горы, чтобы раздать его людям

в долине. Вот почему Заратустра критиковал церковников. Церковники – лишь потомки тех, что слушали Христа и не понимали. Потомки жадных, умеющих брать, но никогда не отдавать. Возлюби врага своего, это слова, обращенные к отшельнику, его благодарность может быть огромна, какова же может быть его месть?!

Сергей ощущал, как желание говорить буквально распирает его. Слова выталкивались наружу, словно пузырьки газа из открытой бутылки с лимонадом. Хотелось рассказывать, объяснять, говорить. Он смотрел в удивленные Ольгины глаза и нанизывал фразу на фразу, предложение на предложение.

– Христос не призывал к пассивному непротивлению. Он призывал к мести. Месть отшельника в том, чтобы обратить зло не в добро, нет, но в свет. Свет истины, мудрости, знания. Этот свет не может быть добрым. Он острый, злой, беспощадный. Страшное и грозное в этом свете видится жалким и больным. Ложь теряет в этом свете свои золоченые одежды. Вот она, месть отшельника. Страшная месть.

Заратустра, это то самое второе пришествие Иисуса, о котором так много говорили и которого так боялись церковники. Он пришел. Другим. Совсем другим. Он принес золото истины людям в долине. Но они не приняли его, предпочитая жить в старом, уютном мирке, слепленном убогими, чья толпа бродила когда-то за Учителем по Галилее.

В горле пересохло. Сергей прокашлялся и... Вдруг услы-

шал, как тяжело дышит. Волшебство исчезло. Пространство вокруг, мгновение назад бывшее глубоким, огромным, сжалось до размеров обыкновенной городской кухоньки.

Ольга смотрела серьезно, чуть склонив голову набок.

– Ты умеешь зажигать... – произнесла она.

– Я, в общем, не специально. – Сергей размял плечи. –

Иногда бывает у меня.

– А побили вас за что?

– Побили? А... Ну да. Побили. Дело в том, что месть – это основа правосудия.

– Не поняла, а какое это имеет отношение?... – перебила его Ольга, но Сергей поднял руку.

– Месть – это основа правосудия. У правосудия нет идеологии другой, нежели мстить за несправедливость. Только месть, заложенная в систему сдержек и противовесов, обеспечивает предупреждение правонарушений. Согласна?

– В целом, да.

– Теперь. У каждого честного человека есть право на справедливость. Это право, можно считать, дано ему свыше. Это право равноценно праву на жизнь и свободу, потому что многие пожертвовали бы последним ради первого, ради справедливости. Тоже согласна?

– Ну... Да.

– В таком случае, справедливость – это суть правосудия. Потому что нет правосудия вне меры справедливости.

– Правильно, – ответила Ольга, не дожидаясь вопроса.

– Следовательно, если правосудие основано на мести, то месть – справедлива. И мы делегируем государственной машине право обеспечивать нашу справедливость. Но что же делать, если по тем или иным причинам правосудие не в состоянии, не может выполнять свои функции? Или же выполнение этих функций недостаточно, чтобы мы были действительно отомщены? Как может быть реализовано наше право на справедливость, если маньяка за убийство содержат, кормят, одевают, убирают его, прости, дерьмо... Он жив. А чьи-то дети – нет. Да, тюрьма, решетка, отсутствие свободы. Но он ЖИВ! Тут нет справедливости. И нет мести. Человек должен иметь право на личное осуществление справедливости! Человек должен иметь право на месть!

– Право?

– Не законодательное, но моральное.

– Ох, ты горазд загигать. – Ольга выпрямилась.

– Ну, я же сказал, что история долгая.

– Я как-то не рассчитывала на философский трактат...

– Извини. – Сергей улыбнулся. – Просто, если я скажу, что меня кинули на деньги и я, при поддержке моих близких друзей, решил восстановить баланс справедливости, ты же мне не поверишь. Подумаешь, мол, кинули, обиделся, дурак.

– Ну, так уж и дурак... – возразила Ольга.

– Возможно, возможно. – Сергей поднял руки. – Не в таких выражениях, но что-то близкое. Простому человеку, пока его самого это не коснулось, непонятно, зачем один че-

ловек тратит время, деньги и силы, чтобы найти другого человека и отомстить. Как-то раз, в школе, мой преподаватель музыки искренне удивлялся: «Зачем убивать человека, который не вернул долг?»

– Как зачем? – в свою очередь удивилась Ольга. – Так все будут не возвращать долги... Ой, что я говорю?...

– Все правильно ты говоришь! – Сергей обрадованно взял ее за руку и так уже и не выпускал, перебирая тонкие пальчики. – Один раз не отдали, второй раз не отдали – все, ты пропал. Частный случай все той же мести. Все той же справедливости.

– А ты тоже... Решил восстановить справедливость? – Ольга подседа чуть ближе. От нее шел удивительный аромат женщины.

– Да. – Сергей пожал плечами, будто извиняясь, мол, так получилось.

– И получилось?

– В некотором смысле да...

Паузы между словами становились все длиннее.

– А потом закрутилось такое...

Сергей почувствовал, как ее губы дотронулись до его шеи. Несмело, осторожно.

Потом увидел ее глаза. Большие, заглядывающие в самую душу.

«Хочешь?» – спросили эти глаза.

– Хочу... – ответил Сергей.

«Уболтал, – цинично и с удовольствием подумал Михайч, лежа в соседней комнате и слушая тишину. – Женщины все-таки еще любят умненьких мальчиков. И это хорошо».

Он удовлетворенно закрыл глаза.

34.

Диктор был свеж и бодр. Хотя, как показалось Калугину, несколько испуган. Ерзал в кресле, стрелял глазами куда-то за камеру, словно ища поддержки.

– Выгонят ведь, – с укоризной вздохнул Владимир Дмитриевич, обращаясь к диктору. – Сиди уж, не дергайся.

– ...авианосец «Эйзенхауэр» впервые подошел так близко к российским территориальным водам. В ответ на ноту протеста МИД США дал разъяснения относительно важной роли «Эйзенхауэра» в учениях «Северные воды», которые проводятся силами НАТО. Одна из целей этих учений, по сообщению пресс-секретаря посольства Соединенных Штатов, господина Дребена: «Проверка возможности одновременного ведения боевых действий в нескольких точках Мирового океана силами авианосных соединений». Напоминаем вам, что одновременно с «Северными водами» проводятся учения «Балтика в огне», где также участвует один из тринадцати активных американских авианосцев. Таким образом сейчас, неподалеку от границ Российской Федерации, стоят сразу две «плавучие крепости» в сопровождении кораблей поддержки, именующихся в совокупности Авианосным ударным соединением. Это первая широкомасштабная акция военного флота США после трагической гибели старожилы авианесущего флота «Китти Хокк» в Персидском за-

ливе. Обстоятельства гибели этого корабля до сих пор держатся в строжайшем секрете.

В ответ на действия блока НАТО Военно-морской флот Российской Федерации приведен в полную боевую готовность. В район проведения учений «Северные воды» срочно переброшены дополнительные силы. Пресс-служба Министерства обороны России передала, что ракетные войска и военно-морской флот готовы к любым неожиданностям.

Калугин тяжело вздохнул и принялся помешивать жарящуюся на сковороде картошку. Утро после бессонной ночи было хмурым, тяжелым. И откровенно весенняя капель за окнами никак не прибавляла оптимизма, скорее, наоборот, зима походила на затянувшуюся осень, сырую, холодную и мерзкую.

– Президент России высказал серьезную обеспокоенность событиями в Севастополе. Уже третьи сутки украинские власти блокируют акваторию порта, где базируется российский Черноморский флот. Подобные действия, вызванные перебоями в поставках туркменского газа на территорию Украины, президентская администрация называет не иначе, как «политическим шантажом» и «провокацией». Сегодня в полночь истекает срок ультиматума, предъявленного украинской стороне чрезвычайным и полномочным послом России на Украине Андреем Черненко. Согласно этому документу, украинские военно-морские силы должны снять блокаду порта и отвести свои корабли на прежние позиции. Ина-

че, цитируем: «Российский флот будет расценивать эту акцию как враждебную и решать вопрос соответственно».

Калугин поглядел на вытащенное из холодильника сало, снова тяжело вздохнул и засунул его обратно.

– Обойдемся, – пробормотал он, нарезая сосиски. – Как-нибудь проживем и без сала...

Он разбил в картошку пару яиц, и когда импровизированное «ирландское рагу» было готово, кинул сковороду на подставку, вытащил пару кусков хлеба и налил в высокий стакан холодного апельсинового сока. Тарелки и прочую посуду Калугин держал «для гостей». Сам же по-холостяцки ел жареную картошку прямо из сковородки, а суп из кастрюли. Так было проще. К тому же Калугин любил, чтобы еда была горячая, а не подогретая.

Его однокомнатная состояла из кухни и спальни. Последнюю Калугин, как убежденный холостяк, поддерживал в идеальном состоянии. «На всякий случай». И проводил основное время на кухне, где стоял телевизор, компьютер и пара полок с электронными книгами, что само по себе уже составляло солидную библиотеку.

– Военное противостояние Пекина и Тайбэя привело к серьезному кризису на рынке тяжелой промышленности, – заявил представитель Всемирной торговой организации в интервью нашему журналисту Егору Скобелеву. – Из-за ряда взрывов на сталелитейных заводах в Китае произошел срыв поставок важной продукции в европейский производствен-

ный сектор. Китайская разведка пытается доказать причастность тайваньских диверсионных групп к этому инциденту. Официальный Тайбэй отрицает саму возможность подобных акций и требует освобождения западной части острова от Китайской освободительной армии. В то же время пекинские власти отрицают причастность КНР к действиям КОА. «Если народ Тайваня решил наконец присоединиться к великому китайскому народу, – заявил посол КНР в России Ван Жен Ли, – то такое рвение можно только приветствовать. Однако мы по-прежнему утверждаем, что власти Китая ни в коей мере не причастны к действиям лидеров Китайской освободительной армии. Мы осуществляем лишь экономическую помощь народу Тайваня, который борется за свое будущее».

Официальный Вашингтон утверждает, что, согласно данным разведки США, помощь Китая является не только экономической, но и военной. В частности, ракеты «Огненный дракон», которыми вчера ночью была обстреляна столица Тайваня, могли быть произведены только китайским ВПК.

Калугин переключил канал. Мгновенно к экрану, с той стороны, прилип какой-то патлатый, чернявый с усами и сладким до отвращения голосом затянул: «А у меня с тобой раско-о-о-осец, ведь я сегодня рога-о-о-о-осец».

Владимир Дмитриевич поперхнулся и снова утопил кнопку.

На этот раз повезло больше. Стандартная утренняя пере-

дача. Дикторы, беззаботно-веселые, как дети, бегают из студии в студию. Глядя на их безмятежные лица, никому даже в голову не придет, что мир сейчас больше всего похож на бурлящий котел, где варится густо приправленная нефтью кровавая похлебка.

35.

В Конторе Калугина встретил опухший от бессонной ночи Иванов.

– Ну как? – поинтересовался Владимир Дмитриевич, пожимая Алексею локоть, руки у того были заняты. В одной большая кружка с кофе, в другой какие-то папки.

– Неплохо. – Иванов потряс бумагами. – В архиве сидел. На нашего полковника собирал по нитке.

– Военным запрос посылал? – Калугин взял у Леши папки, на ходу перелистнул.

– Посылал. Молчат пока. Я вообще думаю, что ничего путного от них мы не узнаем, они своих всегда вытаскивают.

– Что с квартирой?

– Все облазили. Сегодня еще группу наших зашлю, но, думаю, что пусто. Пули вытащили, гильзы нашли. Пистолет принадлежит хозяину дома. – Иванов остановился у кофейного автомата. – Сейчас я еще кофейку налью... Спать хочется смертельно.

– Кстати, что там с трупом?

– Труп не опознали, но застрелен из другого пистолета. – Алексей поставил кружку в приемник. – Не желаете кофейку?

– Желаю. – Калугин взял одноразовый стаканчик.

– Кстати, по этому стволу гильз не обнаружено. Стреляли,

видимо, снизу, с лестницы.

– Случайный? – Калугин хлебнул обжигающей жидкости.

– Пока кажется, что так. Отпечатки снял, отдал на экспертизу. – Иванов посмотрел на часы. – Вообще-то уже должны были принести.

– Что по соседям?

– Оставил там ребят, для опроса. Ближайшие ничего путного сказать не смогли. Слышали стрельбу. Сначала два выстрела, потом три. К глазкам подходить побоялись. Да и залеплены были глазки-то. Один любопытный дедок высунулся в окно, видел две машины, какие, сказать не смог, номеров не видел. Группа каких-то людей быстро погрузилась и уехала в неизвестном направлении. Кого-то они тащили. То ли раненых, то ли пленных.

– Ну, это уже кое-что. – Калугин открыл дверь в отдел, махнул рукой, здороваясь со всеми разом, кинул на стол папки.

– В квартире было несколько человек. Судя по посуде и другим следам, наверное, человека четыре-пять. Дальше начинаются варианты и гадание на кофейной гуще.

– Ну, знаешь. – Калугин снял пиджак, сел в кресло. Тихо щелкнул включаемый монитор. – Кофейная гуща иногда тоже дает эффект. Я вот сегодня с утра как раз гаданием и занимался.

– На тему? – Иванов оперся о бордюр калугинского «загончика».

– На тему геополитического расклада в стиле «против кого дружить».

– А чего там происходит? – заинтересовался Алексей. – Мне тут не до телевизора было...

– Да и мне, собственно, не до телевизора, просто за завтраком включил.

– Кстати, о завтраке. – Леша потрогал живот. – Надо бы... Так что там? По ящику...

– Да вот, на стратегически коротком расстоянии два авианосца. И Севастополь блокирован.

– Ну, про Севастополь я в курсе. Слышал чего-то. А что за авианосцы? Где?

– Один в Балтике, второй едва ли не в Баренцевом море.

– В Балтике не потонет? – удивился Иванов. – Мелковато...

– Ну, как-то исхитрились. Там, кстати, вполне адекватные глубины имеются.

– Погодите! – опомнился Алексей. – Штатовские авианосцы?!

– А чьи же? Кровавая рука Пентагона. Типа учения. Дядя Сэм хочет тебя! Я уж не знаю, что там в море-океане происходит, выходы гуда закрыты. А еще Китай уж очень уверенно спонсирует Красную революцию на Тайване. И ничего ему не делается от мировой общественности.

– Да, с китаезами какая-то катавасия...

– Не, с ними как раз все в порядке. А вот с Тайванем точ-

но катавасия. Его все союзники слили по полной программе. Вдруг стал никому не нужен. Даже наоборот. Теракты какие-то в Китае. Европа сталь не получает. Все на Тайбэй кивают, мол, нехорошо, ай-ай-ай. Правда, интересно?

– Да уж... Куда уж больше?...

– Так что мир буквально кипит. – Калугин допил кофе и решительно швырнул стаканчик в урну. – А знаешь, что интереснее всего?

– Что?

– То, что мы с тобой, вот так моя пятая точка ощущает, в самой гуще этого чертового котла сидим! В самой что ни на есть точке кипения! Так что... – Владимир Дмитриевич достал из верхнего ящика стола, запиравшегося на ключ, коробочку. Вытряс оттуда две таблетки. – Так что работать мы с тобой должны как проклятые. На вот, сжуй...

– Леди Винтер, а что это вы подсыпали в бокальчик? – подозрительно спросил Иванов. – Поди, что-то незаконное?

– Незаконное, – кивнул Калугин. – Жуй давай. Сон как рукой снимет. Тебе еще день стоять.

Алексей прочистил горло, но таблетку не взял.

– И ночь продержаться?

– Давай, давай. – Калугин подтолкнул белую капсулку поближе к коллеге. – У меня есть на это полномочия. Понял? Полномочия, – Калугин мотнул головой туда, где находился кабинет Битова, – самые широкие. Так что работать, работать и еще раз работать.

– Прощай, здоровье, – вздохнул Иванов, проглотил таблеточку и запил ее кофе. – Так, пойду-ка я нашу лабораторию тряхану. Отпечатки должны были появиться у меня на столе уже давным-давно.

– Давай, давай... – пробормотал под нос Калугин, открывая первую папку. – Что у нас тут?

«Антон Михайлович Лаптев», – значилось на титульном листе. Дата и место рождения, личный код. Отдельно к обложке был прилеплен конвертик с отпечатками пальцев и рисунком сетчатки глаза.

– Основательное досье, – пробормотал Калугин, перелистывая жесткую искусственную бумагу. – Что-то дальше будет...

Биография «от школьной скамьи» ничем особенным не удивляла.

«Родился, учился, – наискосок проглядывал уже известную информацию Калугин. – Снова учился. Едва не женился. Служил. Сотрудничал. Учился. Стоп!»

Владимир Дмитриевич вернулся назад, к службе в армии. Внизу страницы стояла сноска: «Впервые попал в поле зрения комиссара по вербовке на втором году службы».

– А кто у нас комиссар? – спросил Калугин и перелистнул еще несколько страниц. – Странно...

Сведений о вербовщике не было. Вообще, институт комиссаров по вербовке был введен сравнительно давно и зарекомендовал себя с хорошей стороны. В спецслужбы по-

шел поток молодых, талантливых людей, способных, а главное – желающих принести Родине пользу. Сам Калугин помнил своего вербовщика и каждый раз на двадцать третье февраля посылал ему открытку или письмо. Обычно в деле каждого службиста указывалось имя комиссара. Вербовщик был своеобразным наставником, от питомцев которого можно было ожидать каких-то определенных действий.

– Ладно, пошли дальше.

А дальше от страниц веяло жаром, сухой горячей пустыней. Ливия, Иран, Ирак, Саудовская Аравия. Страшный послужной список. Немногие люди прошли через Крестовый поход, который устроили Штаты арабам.

Военный советник.

Операции в Бенгази, похищение трех сбитых американских летчиков из-под носа у ЦРУ. Триполитанский кризис, организация обороны Эль-Джауфа.

Фотографии, черно-белые распечатки цифровых снимков. Веселый, молодой, злой Лаптев в обнимку с какими-то моджахедами. Кто эти люди? Подписи под картинками ничего не прояснили. На одной из фотографий здоровенная установка «Заря-15», монтаж которой заканчивали уже под огнем натовской авиации под Басрой. Потом, после того как развалины древнего города все-таки удалось взять, «Зарю» пришлось спешно взрывать. Тикрит, уничтожение подставной лаборатории. И потом, на следующий год, жуткая военная кампания в Иране. Бойня под Ширазом. Ранения. Сно-

ва боевые действия. Ранение. Уничтожение нефтяных разработок под Эль-Артавией. Кошмарное время, когда слово «джихад» стало для арабов чем-то большим, нежели просто лозунг. Они действительно были готовы уничтожить свою страну, лишь бы не отдать ее в руки врага. И выжженные месторождения стали тому примером.

Со страниц на Калугина смотрело страшное и совсем недавнее время. Переломить хребет заокеанской Империи тогда не удалось. Но американская экономика надорвалась. Тем более что заполучить в свое безраздельное пользование нефтяные разработки Саудовской Аравии не получилось. А ведь даже последний идиот понимал, ради чего была развязана эта бойня.

Калугин закрыл одну папку. Придвинул к себе другую.

После ранения Антон Михайлович женился и занимался очень разнообразными и даже странными вещами. Экспедиции в заброшенные уголки планеты, непонятные встречи, даже сафари... Ниточки к событиям в жизни этого удивительного человека тонули где-то в недрах ГРУ. И если деятельность военного советника проходила под грифом «Совершенно секретно» и была доступна исключительно для внутреннего пользования спецслужб, то послевоенный этап жизни Лаптева был совершенно засекречен.

Однако последний лист досье поставил Калугина в тупик.

«Привлечение к активной деятельности невозможно. Ло-ялен. Полностью выведен из актива».

– То есть гражданин Лаптев ни по каким делам, ни под каким соусом не может быть втянут в работу ГРУ и в списках потенциально активных агентов не значится? – Калугин удивленно откинулся на спинку кресла. – Что же тогда господин бравый половник делает в этой каше с дисками? Странно как-то...

Он закрыл папку, которая вместо ясности еще больше запутала дело.

В проходе появился Иванов.

– Владимир Дмитриевич, не желаете? – Он протянул кулечек с пончиками.

– Вполне. А что-нибудь более горячее, чем пончики, есть?

– Есть! – Алексей положил на стол еще одну папочку. – Результат по отпечаткам пальцев.

– И? – Калугин сунул в рот пончик, оказавшийся, кстати, теплым и свежим.

– Семен Евгеньевич Бортко. Тридцать восемь лет. Судимый за ограбление. Не женат. Детей нет. Живых родственников нет. Работал водителем в массажном салоне. То есть развозил проституток.

– А вот это номер. – Калугин взял еще один пончик. – Я надеюсь, он не в том доме жил?

– Нет.

– Хорошо. А что у нас делал на лестнице ночью водитель из массажного салона? А ну-ка протряси этот салон!

– Есть! – Иванов развернулся на каблуках.

– Стой! – Калугин встал, надел пиджак. – Я с тобой.

36.

– Господа. – Хорошенькая секретарша, чуть полноватая блондинка, попыталась грудью преградить дорогу. – Господа, туда нельзя. Сейчас нельзя туда! Подождите в приемной! Господа!

– Федеральная служба безопасности, – тихо рыкнул Иванов, махнув перед носом девушки корочками. – Потрудитесь, гражданочка, отойти.

– Э-э... – Блондинка растерянно хлопала глазами. – Туда же нельзя...

Но Калугин уже закрыл за собой дверь.

Большой кабинет, отделанный в лучших традициях черт знает какого застойного времени. На стенах панели темного дерева, кажется, даже натурального, мягкий, темно-бордовый паркет. Все солидное, тяжелое, натуральное. В углу приутилась небольшая, ярко освещенная барная стойка. Стаканы, бутылки, все блестит...

– Простите, чем обязан? – Говорившего было не сразу видно из-за огромного стола.

Калугин присмотрелся. В дальнем конце комнаты, за огромным, как двуспальная кровать, столом, сидел человек.

– ФСБ! – нарочито громко произнес Иванов. – К вам с визитом.

Человечек закашлялся.

Донеслось сбивчивое бормотание:

– Давай все. На сегодня... Нет, не как вчера. Не надо под столом. Ой, прекрати. – Человечек хихикнул, будто от щекотки. – Все-все! Давай, брысь! На рабочее место! Да! Ну, киса... Ну, мусик...

Из-за стола поднялась высокая черноволосая женщина. Широкие бедра были затянуты в игривое трико с вырезами по бокам, сзади к символической юбочке крепился длинный кошачий хвостик. Женщина поправила сползающий кожаный лифчик и, поджав губки, вышла из кабинета. Проходя мимо Алексея, стрельнула глазками и облизнулась. Иванов шумно вздохнул.

– Чем могу быть полезен? – Человечек вышел из-за стола и оказался вполне обыкновенным мужчиной средних лет, с круглым лицом и залысинами. – Хвостов Борис Юрьевич...

Он протянул руку Калугину, затем Иванову.

– Надеюсь, все в порядке? – поинтересовался Хвостов. – В нашем салоне всегда поддерживается высокий уровень... И с клиентами всегда очень хорошие отношения. Гадостей не держим. Даже алкоголь только... Только высшего сорта! Кстати. – Он метнулся к бару. – Не желаете? Коньяк? Виски? Ром даже... хороший.

– Спасибо. Мы на работе. – Калугин показал корочки. – Калугин Владимир Дмитриевич, а это мой заместитель, Алексей Геннадьевич Иванов.

– Очень жаль, очень жаль... Ром действительно хороший... – Хвостов развел руками, затем указал на стулья. – Прошу садиться, прошу... Если, конечно, вы не...

Калугин сел. Пододвинул стул Иванову.

– Хорошо, – резюмировал Хвостов и уселся напротив.

Алексей громко кашлянул.

– Что? – вздрогнул Борис Юрьевич. – А?

Иванов глазами указал куда-то вниз.

– Где? – не понял Хвостов, но, опустив взгляд, стремительно покраснел. Кровь настолько обильно прилила к его лицу, что Калугин на какой-то момент испугался, не хватит ли директора удар. – Боже мой! Простите!

Борис Юрьевич вскочил, отвернулся к окну, заправляясь и застегивая «молнию» на брюках. Что-то там не ладилось, директор нервно дергал замочек, чертыхаясь себе под нос.

– Красивый кабинет, – неожиданно заявил Алексей.

– Да уж, – отозвался Калугин, осматриваясь. – Нам бы так... А то все железо, стекло...

– Точно...

– Никакой душевной атмосферы...

Хвостов наконец справился с непокорной «молнией» и замер. Потом решительным движением пригладил волосы, быстро ощупал себя, словно проверяя, не торчит ли не по делу что-нибудь еще, и с улыбкой повернулся к посетителям.

– Простите за это маленькое недоразумение. Итак! – Он снова сел на стул, закинул ногу на ногу. – Чем могу быть

полезен?

– У нас к вам, Борис Юрьевич, важное дело...

– Все, что могу, все, что могу... – залепетал директор. –

Все, что могу...

– Так вот. Важное дело. У вас работал некий Семен Борт-

ко.

– Неужели?

– Водителем.

– Что-то не припомню... Как же... – Борис Юрьевич всплеснул руками. – Ах да, что-то припоминаю... Момент!

Момент!

Он подскочил к старомодному кнопчному селектору.

– Катенька! Катенька, лапушка, что там у нас по Бортко?

Мне б документики... Ага. И чай, чай принеси...

Он снова вернулся на свой стул.

– Сейчас все разъяснится. Немного подождем...

Через некоторое время в кабинет вбежала запыхавшаяся блондинка с подносом.

– Вот чаек, пожалуйста... – Она, наклоняясь над столом своим глубоким декольте, пододвинула чай к Калугину, затем, едва ли не с придыханием, к Иванову. – И документики...

Какие-то бумажки легли перед директором.

Секретарша удалилась.

– Вот, пожалуйста. – Борис Юрьевич поднес бумажку к глазам. – Вот, смотрим. Семен Бортко действительно рабо-

тал у нас водителем. Хорошо работал, я даже ему премии выписывал. Лечил... Он... Ну, в общем, упал неудачно, гололед... Но уволился. Да. Буквально месяц назад уволился. Согласно бумагам. И все. Да... Так что у нас... Не работает он.

Калугин посмотрел на Иванова.

– У нас очень широкие полномочия, Леша. – Потом Владимир Дмитриевич встал из-за стола, подошел к двери и повернул защелку. – Самые широкие.

– Не понимаю? – пролепетал директор.

Иванов тоже поднялся из-за стола, скинул куртку, снял пиджак.

Борис Юрьевич попытался встать, но Алексей в два прыжка оказался рядом с ним и прижал его к стулу.

– Ты что же, блудень старый, мне мозги полощешь?! Ты за кого меня держишь?!

– Прекратите немедленно! – завопил директор.

В дверь тут же постучали, снаружи доносился приглушенный голос секретарши.

– Он занят, – громко сказал Калугин. – У него совещание!

– Ты что же думаешь, подписал бумажки задним числом и все?! Можешь бабам своим втирать! Со мной такой номер не пройдет! По всем данным он числится за тобой, значит, и работает у тебя!

– Мы не успели подать документы...

– Кому ты втираешь?! Кому ты втираешь?! – Алексей

схватил Бориса Юрьевича за грудки и принялся трясти. – Кому?! Я тебя в казематах! В подземельях сгною! В карцере будешь сидеть, пока не признаешься!!!

– В чем? – Директор пытался оторвать Лешины руки от себя. – В чем? Я ничего не делал!

– А признаешься во всем! Что делал и что не делал, ты мне такие признательные показания подпишешь, что весь мир вздрогнет, чуешь, собака?! Владимир Дмитриевич, кто там у нас по делу о трех расчлененных раввинах проходит? Есть кто?

– Не припомню, – пожал плечами Калугин. – Кажется, ви-сяк...

– Висяк? Да вот он, маньяк-антисемит! – Иванов ткнул пальцем в лоб директора, от чего тот взвизгнул. – Это просто вышка!

– Не подпишет, – с сомнением произнес Калугин. – Не. Не подпишет...

– А мы его Федорчуку отдадим, помните, как он в прошлом году подозреваемого изуродовал. Суд закрытый пришлось делать! – Иванов едва не ткнулся носом в лицо Бориса Юрьевича и заорал: – Его мать родная не узнала!!! Ты мне все подпишешь!!! Ты мне все расскажешь!!!

– Если до управления доедет, конечно... – вставил свои пять копеек Калугин.

– Кто водилу завалил? Кто завалил? Ты завалил водилу?! Ты? А девок кто зарезал? Кто девок зарезал?! – Иванов на-

чал трясти Хвостова. – Девочек за что? Девочек за что зарезал, гад?

– Никого я не резал! – вопил Борис Юрьевич.

– Ладно, хватит! – крикнул Калугин.

В дверь барабанила секретарша.

Директор сжался на стуле. Иванов навис над ним, изображая готовность в любой момент продолжить «допрос».

Калугин подошел к столу, открыл верхний ящик, удивленно посмотрел на директора.

– А вы фантазер, Борис Юрьевич. Ладно...

Владимир Дмитриевич захлопнул ящик и сел в кресло директора.

– Вчера ваш водитель привез девочек по определенному адресу. Потом его убили. Обезображенные трупы трех девушек были найдены в районе Лиговки. И не надо мне рассказывать, что шофера вы уволили месяц назад. Я значительно лучше вашего знаком с налоговой системой учета и понимаю, что платить налоги за уволенного в прошлом месяце водителя вы не станете. Ход с бумажками я склонен рассматривать как оскорбление органов. Так что давайте прямо, и без дешевых штучек. Все, что знаете по этому делу. И учтите. Нам про вас известно значительно больше, чем вы можете представить.

– Никого я не убивал! – взвизгнул Хвостов.

– Леша, плесни ему рому, – попросил Калугин. – Или что там у него есть...

Иванов отошел к бару, схватил первую попавшуюся бутылку и налил высокий стакан до краев.

– Держи.

Директор схватил спиртное обеими руками, сделал большой глоток.

– Ну... – поторопил его Калугин.

– Мне позвонили девочки. Вчера. Все в слезах и соплях. На них смотреть было страшно! Сказали, что Сенечку убили! И что там – разборки! А я что должен делать?! Они все мои подопечные! Я их всех... – У него задрожал подбородок.

– Выпей, выпей...

Хвостов снова отхлебнул.

– Я примчался. А там... А там труп! Девки режут в три ручья... И я...

– И ты, скотина, обшмонал квартиру! – рявкнул Иванов.

– Нет! – Борис Юрьевич прижал руки к груди. – Нет! Я ничего такого! Я даже внутрь не заходил! Только девочек забрал! И сразу... Сразу вниз! Это ваш товарищ, между прочим, посоветовал! Это уж вы сами разберитесь! Я против органов не пойду никогда! Я не убивал никого! Никого! Слышите?!

– Ну-ка поподробней про нашего товарища... – Калугин встал с кресла и подошел к Хвостову. Того колотила крупная дрожь. – Кто тебе насоветовал.

– Не знаю. Я не помню. Манеру взяли корочками трясти. Он мне ткнул корки, красные, ваши и все! Что я, разбираться

буду... У меня труп и девочки на руках голые...

– А дальше?

– И говорит, мол, кто такие? Я, мол, так и так, девочки мои, а водителя убили. А он мне, вали, говорит, отсюда. Я ему, мол, заявление написать готов и все такое. А он мне, вали, никаких заявлений, тайное дело. Водителя спишешь задним числом. Девочк спрячешь. Говорит, дело государственной важности.

– Ты лицо-то его запомнил?

– Запомнил, – кивнул директор. – То есть не запомнил.

– Не понял? – Иванов угрожающе поднялся со стула, на который успел присесть.

– Я смогу описать! Я смогу! Но он капюшон на голову накинул. Что ж я могу сделать? – Хвостов жалобно посмотрел на Калугина.

– А потом что было?

– А потом я девочек к себе на дачу отвез. А сам сюда, и Бортко уволил задним числом. Но вы не думайте, он хороший работник был. Я ему премии выписывал... – И Борис Юрьевич заплакал.

Жалобно, будто ребенок.

У Иванова опустились руки.

Калугин вздохнул.

– Понятно. А девочки этого «товарища» видели?

– Ви... Видели, – захлебываясь в слезах, ответил директор.

– А дача твоя где? Покажешь?

– Покажу, все покажу...

– Ну пошли тогда. – Иванов хлопнул директора по плечу. – Расчленитель...

– Я никого...

– Да верю, верю.

Калугин открыл дверь. В нее вихрем влетела блондинка Катя с глубоким декольте.

– Что вы с ним сделали?! – завизжала она. – Изверги! Палачи!

– Ничего, ничего, Катенька, – всхлипывал Хвостов. – Ничего. Все хорошо...

Она прижала его голову к своему обширному бюсту, как наседка, защищающая любимое свое потомство от двух коршунов.

«Коршунам» было совестно. Каким бы дураком ни оказался директор «массажного салона», подлецом он все же не был.

На дачу к Хвостову на машине поехал хмурый Иванов, Калугин, прихватив выписку из бухгалтерии, отправился обратно в контору традиционным путем, на метро.

Действительно, в злополучную ночь проституток вызывал непосредственно Лаптев. Платеж за вызов проходил через его личный счет. Странно было то, что полковник не боялся «наследить». Семейный человек все-таки, а вызывает подруг на свою квартиру, да еще платит своей же карточкой. Мало

ли, жена проверит, в какую контору ушла некая сумма из семейного бюджета... Скандала не избежать.

Калугин толкнул обшарпанную дверь и окунулся в теплую суету метрополитена, сразу подчиняясь стремительному его ритму. Он грубо ткнул личной карточкой в прорезь турникета, и тот с лязгом раздвинул стальные челюсти. Равнодушно покачивались стальные ленты под потолком, которые, и Калугин видел это лично, могут в мгновение ока рухнуть вниз и превратиться в непробиваемую стену, напряженную и звенящую. Лет пять тому назад террористы попытались захватить станцию. Защита сработала, и захватчики оказались отрезанными в подземных переходах от остального мира. Отключилась связь. Свет. И только вентиляция продолжала тихо гнать воздух, потому что вместе с террористами в ловушке оказалось несколько заложников. В это время спецназ вылавливал по горам семьи тех, кого зафиксировали камеры видеонаблюдения. Через некоторое время в соседнем коридоре оказались чада и домочадцы главаря бандитов, Рустама Дакаева, а также нескольких его подручных. Калугин хорошо помнил глаза капитана «гоблинов», который держал на мушке жену того, кто бесновался за стеной, пытаясь вырваться на свободу. Парню было страшно. Жутко от того, что вот сейчас все пойдет не так и ему придется пристрелить эту женщину. Но там, за металлической, непроницаемой броней тоже были женщины и дети... Ни в чем не виновные граждане Российской Федерации. Которых надо было защищать.

Любым способом!

Стрелять не пришлось.

После того, как бандиты сдались, «гоблины» незаметно растворились в лабиринте подземелий, не люди – тени, остались только фээсбэшники и милицейский ОМОН, грузящий неудачников по машинам. Лицо Дакаева Калугин тоже запомнил хорошо. Точнее, то выражение, с которым он смотрел на своих детей, жену и седую мать за оцеплением. Его отец стоял отдельно. Хмурый, с тяжелым, буквально черным взглядом, буравящим спину родного сына, того, кто подверг опасности самых дорогих ему людей. На отца Рустам не смотрел. Его он боялся больше, чем весь ОМОН и спецназ, вместе взятых.

Это была одна из первых серьезных акций по реальной борьбе с терроризмом. Было сделано очень многое, чтобы каждому подонку стало ясно, что государство может, будет и должно отвечать угрозой на угрозу и смертью за смерть. Потому что государство, Россия, отвечает за каждого своего гражданина. Где бы он ни находился.

Неистребимое племя правозащитников подняло громкий визг о нарушении прав человека, о невинности семей террористов, о том, что государство не может становиться на одну доску с бандитами и брать заложников. Целый ряд международных фондов сделал щедрые финансовые пожертвования «на восстановление либеральных ценностей в Российской Федерации». Мир вздрогнул и напрягся.

Это был самый трудный момент. Хуже армий, хуже бандитов, хуже убийц и маньяков были потекшие из-за рубежа денежные потоки.

Работы тогда было много.

Силовым структурам пришлось вычесывать себя от блох, прикормленных все теми же фондами, армия на Кавказе и лояльные закону тейпы пережили нелегкий год под жестким давлением террористов, получивших неожиданную финансовую поддержку. Политическая власть отбивалась от нападок либералов со всех сторон.

Президент, осунувшийся и бледный, выступил тогда живьем, гоня в эфир насквозь сырой текст. «Бандиты всех мастей и окрасок должны знать, наше государство может и будет мстить за преступления, измену и террор. Только так мы можем выйти из того страшного коллапса, в который загнали себя сами. Только так и не иначе. Это больно. Это тяжело. Но сложное моральное уравнение: «жизнь заложника – жизнь члена семьи террориста» будет решаться в пользу заложника».

Он угадал.

Почувствовал тот самый тонкий момент, когда все было готово просесть и обрушиться.

После этого в него стреляли. И не раз.

Но уже никому не приходило в голову играть жизнью невинных людей, захватив самолет, школу или больницу. Ведь у каждого человека есть корни... И чтобы стоять, он

должен держаться корней. Подруби их... и нет больше человека.

Сев в вагон, Калугин позвонил в Контору и попросил составить ему досье на семью Лаптева. Безо всякой, впрочем, надежды обнаружить что-либо оригинальное. Его сейчас более всего интересовал таинственный человек, напугавший Хвостова и предъявивший «вашу корочку». Удостоверение ФСБ сложно было с чем-то перепутать, да и подделать его – тоже... Контора потратила много сил, чтобы завоевать себе авторитет организации, играть с которой слишком накладно. Поэтому отчаянных людей, способных изготовить поддельное удостоверение, практически не осталось. А значит...

Между погромом на квартире у Лаптева и визитом туда опергруппы прошло не так много времени. Человек, устроивший шмон, должен был четко знать, что он ищет и что времени у него мало. Иначе тот факт, что опергруппа никого не застала, можно было объяснить только случайной неудачей. Но в случайности Калугин не верил.

Выводы напрашивались совсем уж нехорошие.

Удостоверение, скорее всего, было настоящим.

От этой мысли Калугину делалось не по себе. Ловить «крота», да еще в условиях цейтнота...

«Интересно, а почему он их не пристрелил?» – подумал Володя, убирая уже отдаленные каким-то толстяком ноги.

– Простите, – просипел толстяк. По его лбу крупными каплями катился пот.

– Ничего, ничего, – равнодушно ответил Калугин, но толстяк воспринял это как разрешение завести беседу.

– Слышали, чего в мире делается? – Владимир Дмитриевич отмолчался, но неожиданный собеседник продолжал: – Совсем ошалели. Совсем. Я вот отца Леонида читал, так он говорит, что война будет. Оттого, что много в людях мерзости накопилось. Шлаков всяких. И сгустков. Все это рождает зависть. Оттого и войны все. От страха и зависти. А зависть от грязи. Чистить надо. Пить много...

– Это точно, – закивала женщина справа. – Пить – это по-нашему. Вот такой как зальет zenки с самого с утра, так и топчется по ногам до вечера. И топчет, и топчет!

– Извините, – толстяк хрустнул шеей. – Это у меня ноги большие... А пить, это я не про то. А совсем про другое.

– Да уж, конечно, то-то вонища! – завелась тетка. – Луком, поди, закусывал. Или чесноком.

– Шлепнул бы и шлюх, и директора-идиота, – вдруг, неожиданно для самого себя, брякнул Калугин.

Толстяк вытаращил глаза, как перепуганная болонка. Тетка с оттоптанными ногами перестала ворчать и принялась протискиваться в глубь вагона.

– Извините, – снова сказал толстяк, отодвигаясь от Володи.

– Вы выходите? – поинтересовался Калугин.

– Я... – Но тут открылись двери, и людской поток вынес потеющего толстяка, стремящегося к очищению, на перрон.

Следом вышел и Калугин.

«А ведь действительно. Положил бы там и Хвостова, и двух шлюшек. Не надо было бы выдумывать эту байку, нелепую, про списывание водителя задним числом. Неужели пожалел? Или не хотел шум поднимать?»

37.

– Вот. – Хвостов открыл дверь, пропуская внутрь Иванова и вихрь холодного воздуха. За городом было свежо и морозно. Алексей даже удивился, вылезая из прогретой духоты автомобиля, казалось, вот только-только вокруг была слякотная городская зима, пропитанная солью, песком и какой-то химией, а тут белый нетронутый снег, колючий ветер, мороз. – Вот тут моя дачка... Товарищ... Гражданин... – директор запутался. – В общем, тут они.

– Угу, – пробормотал Алексей, осматриваясь.

Хвостов приbedнялся, называя эти хоромы «дачкой». Вполне понятное, мелкое тщеславие человека, сумевшего выстроить такую домину и при этом не сесть в тюрьму за неуплату налогов.

– Тут еще подвал есть, там банька у меня и бассейн, – сообщил Хвостов, показывая на лестницу, ведущую вниз.

В «дачке» было четыре этажа, включая подвальный, где уместился значительных размеров бассейн и «банька» представительского класса. Первый этаж был отдан подо что-то вроде каминного зала, с отделкой под охотничий домик лучших застойных лет. Медвежьи шкуры на полу, значительный стол, ножками которому служили толстые круглые бревна. Кресла из толстых брусьев, тяжелые даже на вид, с высокими резными спинками. С потолка свешивались лосиные рога,

приспособленные под люстру каким-то народным умельцем.

– Нравится? – спросил директор.

Иванов покосился на Хвостова и увидел, что глаза у того лучатся тем удивительным мальчишеским восторгом, подделывать который невозможно. Директору самому до мышиноного писка нравились эти столы, шкуры, четыре этажа и «банька», где могут мыться Гаргантюа и Пантагрюэли.

– Да... – ответил Алексей. – Впечатляет. А где наши де-вушки?

Хвостов завертел головой.

– Где-то тут должны быть... Сейчас... Пройдемте наверх, наверное, там.

Они поднялись по винтовой и, на взгляд Иванова, жутко неудобной лестнице.

– Девочки! – позвал директор, заглядывая на второй этаж. – Девочки! Странно... Может быть, выше?...

– Может быть...

Иванов с подозрением осмотрелся.

Но девочки действительно нашлись. Они мирно спали в самой дальней комнате этого благоустроенного лабиринта.

– Девчонки, милые, – заворковал Хвостов. – Девочки, поднимаемся, тут товарищ с вами хочет поговорить... Девочки... Милочка. Риточка. Зайчики... Просыпаемся...

Он кудахтал над ними, как ласковая голубица над све-жевылупившимися голубятами. Иванов физически чувство-вал, как рабочее время утекает чёрт знает куда совершенно

впустую.

Голубята вели себя соответственно. Они потягивались, высовывая из-под одеяла то одну, то другую обнаженную часть тела, соблазнительно выгибались, зевали и бормотали что-то типа:

– Ну, папочка, ну, хороший, ну, дай поспать... Ну, мы же на отдыхе... Ну, папочка, не хотим клиента...

Этот «папочка», в сочетании с «не хотим клиента», прибил Иванова совершенно, и он решил, что пора заканчивать комедию.

Алексей каким-то страшным тигриным рыком прочистил горло.

Девочки встрепенулись.

– Гражданочки. – Иванов сверкнул корочками, взял стул и подставил его поближе к кровати. – У Федеральной службы безопасности есть к вам парочка серьезных вопросов.

Он сел рядом и внимательно посмотрел на «гражданочек», натянувших одеяло буквально до ушей.

– Вчера ночью вы стали свидетельницами убийства гражданина Бортко.

– Кого? – робко подала голос из-под одеяла то ли Мила, то ли Рита.

– Сенечки, Сенечки, – зашептал директор.

– Так вот, – Иванов продолжил. – Мне бы очень хотелось услышать от вас подробности этого дела. Все подробности. Когда вы прибыли на квартиру, где произошло убийство?

При каких обстоятельствах? Кто вас встретил? О чем говорили? Сколько было человек в квартире? И что произошло дальше? В общем, история полностью. Что не ясно?

– Так Сенечка же... – проямлила одна девушка. – Он же уволился... Давно...

– Гхм... – Иванов сделал вид, что стряхивает какую-то пылинку на брюках. В это время директор делал своим «зайчикам» яростные жесты.

– Нет? – удивилась девушка. – Так ведь...

– Говори, как было, – прошипел Хвостов. – Все, как было, говори!

– Как было?... – Девочки растерянно переглянулись. – А как было?

У Хвостова опустились плечи.

– Чего-о-о?... – заканючила, видимо, Мила. – То так, то сяк... Откуда я знаю, как все было? Как хотите, так и было, мне что, больше всех надо, я не знаю... Скажите мне уже, как надо... Ну, папочка, ну, миленький, ну, скажи...

– Говори правду, – с нажимом сквозь зубы прошипел «папочка».

– Да мне все равно...

– Зато мне не все равно, – вздохнул Иванов. – Значит, так, подружки, у вас два варианта. Либо мы мило беседуем сейчас и здесь, а потом вы заскакиваете к нам подписать свидетельские показания, и мы больше не встречаемся. Либо вы одеваетесь за сорок пять секунд и дуete со мной в Управле-

ние. Где мы беседуем в других тонах и в другом тоне. Выгоду понимаете?

Девочки переглянулись.

– Чего он меня путает? – прошептала Мила. – Я в сажушки с Тошиком играла...

– Тихо ты, дура, – ткнула ее локтем Рита. – Этот похуже Тошика будет...

– Так я не понял? Выгоды ясны? – снова спросил Иванов.

– Ясны, – ответила Рита.

– А почему в сорок пять секунд? – поинтересовалась более смелая Мила.

– Потому что товарищ служил в десантных войсках! – не выдержал директор и швырнул в Милу ажурной комбинашкой. – Отвечай, что спрашивают!

– Понятно, понятно...

– Итак, я слушаю. Во сколько вы прибыли на квартиру?

– Около двенадцати ночи.

– А точнее?

– Точнее можно в платежке посмотреть, – вмешался Хвостов. – Я распоряджусь, чтобы сделали выписку?

– Хорошо. – Иванов кивнул, и директор убежал в соседнюю комнату звонить в бухгалтерию. – Дальше...

– А потом. – Рита задумалась. – Потом нас встретил такой дядечка. Ну, такой... – Она развела руками, одеяло упало, обнажая полную красивую грудь.

«А у меня жена только через три дня вернется», – неужи-

данно и совершенно некстати подумал Алексей.

– Толстый, что ли? – спросил Леха.

– Нет! – Рита отмахнулась. – Солидный такой.

– Понятно. Дальше. – Леха открыл ноутбук, поискал в списке документов фотографию Лаптева.

– Потом он нам сказал, что не для себя приглашает, а для какого-то мальчика.

– Что за мальчик?

– Ну, мальчик такой...

– Мальчик как мальчик, – перебила Риту Мила. – Лет тридцать.

– Ничего себе мальчик, – пробормотал Иванов. – Ну-ну, дальше.

– Лет тридцать, среднего роста, волосы вот, как у тебя...

– Русые?

– Ага. Ну там... волосы на груди...

– Это необязательно. Что-нибудь особенное было?

– Ну... Да нет... – Мила задумалась. – Родинка на заднице. Слева. Круглая такая.

– Не про то ты говоришь, – вмешалась Рита. – При чем тут задница? Что, он будет каждому подозрительному в жопу заглядывать?

– А может, и будет!...

Девочки прыснули.

– Так... – Иванов сделал вид, что закрывает ноутбук. – Я так понимаю, что беседа у нас с вами не получается. Будем

разговаривать в Управлении...

– Нет-нет! – Мила кинулась к Алексею. Как была, голышом, она ухватила его за руку. – Нет, нет, мы больше не будем... Давайте тут... А?... Давайте тут...

– Не уверен. – Алексей помедлил. – Дело серьезное... А ваше отношение...

– Мы будем очень серьезны, – подключилась к подруге Рита.

И они посмотрели на Иванова с видом исполнительных служаночек.

«Надо будет жене позвонить, помириться, что ли... – снова некстати подумал Леха. – Это тебе не на Директора рычать...»

– Хорошо. Поехали дальше. Особенности какие-то у этого молодого человека были? Ну что-то еще, кроме родинки на заднице и волос на груди.

– Он грустный был.

– Во! Точно! – вскинулась Рита. Иванов старательно не обращал внимания на колыхание ее груди. – Тот, который платил, сказал, что паренек в сплине и что его надо зажечь. Мол... Как же он сказал...

– Пробудить в нем мужчину! – Мила ткнула пальцем в потолок. – Он так и сказал!

– Я так и говорю, – возмутилась Рита. – Парень был в сплине. Мы ему устроили Бернские скачки.

Иванов с огромным трудом подавил естественный в этой

ситуации вопрос: «Это как?»

– Хорошо, – вместо этого сказал он. – Описать его сможете?

– Ну... В общем-то да. Вас ведь лицо интересует?

Алексей со стоном посмотрел в потолок.

– Ну я так и поняла... – Рита, как показалось Лехе, слегка огорчилась. – С лицом не очень... Я как-то туда не смотрела.

– А я попробую, – вдруг согласилась Мила.

– И хорошо, тогда поработаете с нашим художником. Так... Дальше что было?

– А дальше мы с этим мальчиком прыгали по всей спальне. – Рита пожала плечиками.

– Кто-то еще был? Участвовал?

– Нет. – Мила покачала головой. – Мы были втроем.

– А в квартире, может быть, кроме хозяина...

– Да, там мальчики сидели, – вспомнила Рита. – В большой комнате. Один веселый такой, а второй с компьютером возился. Авторитетный такой, и морда перекошена, я таких не люблю.

– Двое?

– Да, двое. В комнате двое. Может, на кухне кто-то еще был. Не видела. А в большой комнате двое. И компьютер. Вот. А хозяин, он сказал, чтобы мы того, что в спальне... Нет, погодите... – Рита посмотрела на подружку. – Мы же его из той комнаты и утащили в спальню! Помнишь?!

– Ага. Мы же заходили. Там точно было только два маль-

чика.

– Описать сможете? – Иванов наконец нашел фотографию Лаптева. – Этот был хозяином квартиры?

Рита пригляделась.

– Да, он, кажется.

– Он, он! – поддержала Мила. – Он.

– Хорошо. Так как насчет тех двоих в комнате?

– А он убийца, что ли? – задала вопрос Мила.

– Кто? Какой убийца? – Иванов почувствовал, что откровенно тонет в этом бесконечном щебетании и идиотских вопросах.

– Ну этот, – Мила ткнула пальцем в ноутбук. – Которого вы показывали...

– Нет... – Алексей затряс головой. – Так, давай по делу!

– Ну хорошо, хорошо... – Мила снова спряталась за свою подружку.

Рита в это время, наморщив носик, сосредоточенно вспоминала.

– Ну... Тот, что у компьютера сидел, он такой... Крепкий. А веселый, он помоложе.

– А описать более детально?

Рита покачала головой.

– Не смогу. Я не смотрела... Вообще, знаете, за день, бывает, так... накувыркаешься, не то что лица... В зеркало на себя смотришь и узнать не можешь.

– Ну, день-то у вас вышел запоминающийся.

– Да уж... – Девочки пригорюнились.

– Так как, вспомнить сможете?

Обе совершенно синхронно покачали головой.

– Нет...

– Ладно, пошли дальше. Что произошло потом?

– А потом шум-гам, драка. Грохот какой-то. Этот... наш мальчик...

– Сергей его звали, – неожиданно вспомнила Мила.

– Во-во, Сергей, – обрадовалась Рита. – Он выскочил, потом снова прибежал. Из тумбочки пушку схватил...

– Как был голый...

– И стрелять начал. А мы испугались...

– И за ним выскочили...

– Зачем? – спросил Иванов. – Почему не спрятались в спальне? Куда начал стрелять?

Девочки пожали плечами.

– Понимаешь, он такой нам показался... Надежный. Вроде с ним не страшно. И в потолок стрелял. Для остратки.

– А потом?

– Потом бандиты убежали.

– Сколько их было?

Рита покачала головой и посмотрела на Милу.

– Мы не считали, – ответила та. – Страшно было. Хозяин квартиры где-то валяется, тот паренек веселый тоже... Второго мы вообще не видели...

– Того, что с компьютером?

– Ага. А потом они убежали.

– Кто?

– Бандиты. А за ними и остальные, те, кто в квартире был... Только мы уже не считали, мы Сенечку нашли... – При воспоминании о мертвом водителе девочки моментально «сдулись». Видимо, Семена Бортко в фирме действительно любили и про премии директор не врал для красного словца.

– А когда человек с корочками пришел?

– Ах, этот?... Да сразу же и пришел. Почти сразу же... Как хозяйева убежали. – Рита покрутила пальцами. – Кажется, он по лестнице спустился.

– Да, – подхватила Мила. – С верхнего этажа.

– Точно сверху?

– Точно. И в квартиру пошел.

– А корочки он когда показал? – спросил Иванов. – До того, как в квартиру пошел, или после?

– Нет... – Рита задумалась. – Кажется, потом.

– Точно потом, – подтвердила Мила. – Он сначала возле нас постоял, Сенечку потрогал. Тут...

И она показала на шею.

– На себе не показывай, – буркнула Рита.

– Я в приметы не верю! – огрызнулась Мила. – А потом в квартиру пошел. А когда Борис Юрьевич приехал, тот выскочил. И документ показал. Я еще испугалась, что он стрелять станет.

– Кто? – не понял Алексей. – Борис Юрьевич?

– Да нет, тот, что в квартиру пришел... Ну...

– Вы его описать сможете?

– Высокий такой, в плаще. И еще лицо такое... – Рита что-то показала около подбородка. – Пистолет у него был.

– В общем, понятно. – Иванов сделал последнюю запись и сложил ноутбук. – С художниками поработаете. Сегодня же.

– Сегодня мы не можем, – запротестовали девочки. – Сегодня никак... Борис Юрьевич...

– Нет, нет, – подал голос директор, стоявший все это время в дверях. – Я же сказал, девочки, сегодня никаких вызовов. Считайте, что вы в отпуске. Два дня. Три. Сколько надо! Поедете с товарищем и там все ему расскажете. Или не ему... В общем, сегодня никакой работы. А если надо, то и завтра... Только бы...

Фразу «...они от нас отвязались» Борис Юрьевич Хвостов не стал произносить вслух.

38.

Утро было тяжелым. Восьмидесятиградусная водка имела на редкость разрушительные свойства. В ушах шумело, руки противно мелко тряслись. В ответ на каждое неосторожное движение в голове с мерзким хрустом ломались стеклянные колкие сталактиты и рушились вниз, впиваясь острыми гранями в распухший, болезненный мозг.

– Мозг – это орган, совершенно нечувствительный к боли... – прошептал Сергей, разглядывая потолок. – Совершенно нечувствительный к боли...

Под боком завозилась Оля.

– В холодильнике должно быть пиво, – буркнула она, устраиваясь поудобней.

– Опохмеляться нехорошо, – прошептал Сергей. – Нехорошо...

– А лежать тут трупом и стонать – хорошо? Постесняйся, орел, на тебя смотрит женщина. Давай шуруй к холодильнику, лечись.

– Безжалостные женщины...

– Давай, давай. Вперед.

Она повернулась к Сергею спиной и принялась выталкивать его из кровати попкой.

– Безжалостные женщины...

Но вставать все равно пришлось. С трудом переставляя

ноги, Столяров выбрался из спальни.

На кухне было пусто. Остатки вчерашнего не то позднего ужина, не то очень раннего завтрака скукожились на столе. Коварная водка притаилась в углу. Невыключенный телевизор почему-то показывал серые полосы.

– Фильм ужасов, не иначе, – решил Сергей и направился к холодильнику.

На нижней полочке действительно обнаружилось пиво. Какой-то номер «Невского».

Столяров решительно достал бутылку, поставил ее в центр стола, стараясь не глядеть на водку. Рядом положил открывашку. Осмотрел картину с разных сторон. Внутренний дизайнер неожиданно заявил о себе. Сергей понял, что если фотографировать картинку под определенным углом, то будет видна пустая водочная бутылка и полная пивная. Под снимком можно приписать вечный слоган: «Пиво без водки...» Если подредактировать стол, выкинуть к черту остатки еды и сделать акцент на этикетке, то вполне можно запродать агентству, которое занимается разработкой «Невского» бренда.

Столяров-дизайнер, готовый работать вне зависимости от общего состояния организма, тут же создал в воображении готовый плакат. К «Пиву без водки...» добавилась приписка «Настоящее качество». Бутылка слегка подретушировалась и покрылась капельками испарины. Открывашка получила на ручку круглый лейбл все того же «Невского».

– Чего сидим? – поинтересовался Михалыч, появляясь в дверях. – О, пиво...

– Тс-с-с... – Сергей приложил палец к губам.

– Чего? – прошептал Михалыч. – Плохо, что ли?

– У тебя фотоаппарата нет?

– Представляешь, всегда с собой ношу, а сейчас забыл! – Михалыч развел руками. – Вот такая незадача. Проснись! Какой, к черту, фотоаппарат? На кой он тебе?

– А прикинь, едешь ты по Садовому, а там плакат такой, через улицу. На плакате вот это. – Сергей показал на стол. – И надпись: «Пиво без водки...» Здорово?

Михалыч замолчал, видимо, представив себе эту картину.

– Ты знаешь, – наконец сказал он, – я всегда не любил рекламу и рекламщиков. Напридумывают всякой гадости, а ты потом гадай, какое пиво, почему без водки... А остальное что, с водкой?... Гадость.

– Вот! – Сергей щелкнул пальцами. – Вот именно, у клиента должно складываться ощущение, что все остальное пиво с водкой и, следовательно, гадость, а наше – без. И, значит, хорошее. При этом прямо никто других производителей не обвиняет. Хитро?

Михалыч внимательно посмотрел на Сергея и скривился.

– Мне б ваши проблемы, господин учитель. Мало наших геморроев, так еще теперь башка болит...

– Пить надо меньше, – выдал пошлость Сергей.

– Вот пока ты мне не начал своими рекламными штуками

голову полоскать, она не болела. А сейчас болит. Так что, знаешь, я у тебя пиво конфискую. – И Михалыч решительно направился к бутылке.

– Эй! Куда?! – Сергей ухватился за холодное стекло.

– Не отдам...

– Куда не отдам, я первый ее нашел!

– Не отдам...

– Захватчик, агрессор, оккупант! Тебе плохо от него будет!

– Тогда пополам...

– Хорошо... – Стороны быстро пришли к консенсусу. – Тогда еще Грише надо.

– Оставим. – Михалыч решительно разлил пиво по стаканам и закупорил бутылку. – Кто рано встает, тому бог подает. «Лечение» прошло успешно.

Внутренний Столяров-дизайнер безропотно отошел в глубь сознания Сергея и больше своими новаторскими идеями не тревожил. Пустая бутылка от водки оставалась пустой бутылкой, а не поводом для очередного креатива.

В голове медленно, но верно таяли ледяные сталактиты.

– Кажется, легчает.

Михалыч потыкал кнопками неработающего телевизора.

– Как будто и спать не ложились... А чего с ящиком?

– Без понятия, я когда пришел, он уже был такой. Может, случилось чего?

Михалыч подошел к окну, выглянул наружу.

– Для войны как-то слишком тихо.

– А думаешь, если начнется, то услышим?

– Ну, знаешь, если до Останкинской вышки докатится, то точно услышим. Будем считать, что это мелкие технические неполадки. Как ночь прошла?

– Хорошо. – Сергей отвел глаза. Он не знал, как Гриша отнесется к роману с его бывшей, но все-таки женой.

– Да ладно, если что, я с Гришкой утрясу. Да и вряд ли будут какие-то проблемы. Они разбежались уже черт знает когда.

Сергей что-то пробормотал.

На кухню, покачиваясь и сжимая ладонями голову, выполз Гриша.

– Ну, вот и он. – Михалыч удовлетворенно вылил оставшееся пиво в свободный стакан. – Лечись.

Гриша что-то жалобно промычал.

– Челюсть? – участливо спросил Михалыч.

Гриша отрицательно покачал головой.

– Голова?

Кивок.

– Лечись...

Гриша потрогал горло.

– Не бойся, не вытошнит, – успокоил его Михалыч.

– Елки, как вы друг друга понимаете? – удивился Сергей.

– Проще простого. Когда тебе надо сказать, что под окном у тебя три араба и один солдат армии США грузят в

машину пьяного еврея, и при этом не издать ни звука, такие, знаешь, способности к взаимопониманию вырабатываются... Страшно подумать.

Гриша осторожно начал заливать в себя пиво.

– Кстати, Гринька, ты ведь не против будешь, если Серега с Ольгой роман закрутит, ругаться не станешь?

Гриша забулькал и едва не подавился. Глухо закашлялся, придерживая челюсть.

– Ну вот. – Михалыч радостно развел руками. – Я же сказал, не будет...

– Мне почему-то кажется...

– Тебе неправильно кажется, – успокоил Сергея Михалыч. – Так ведь, Гриша?

Тот махнул рукой и продолжал заливать в себя пиво.

– Вот и я так подумал. Ладно, орлы. Какие планы на будущее? Что делать дальше будем?

Все молчали.

– И я не знаю, – резюмировал Михалыч. – Однако какую-то тактику надо выработать.

– А откуда они взялись? – спросил Сергей.

– Кто? Погромщики?

– Да.

– По лестнице пришли. – Михалыч пожал плечами. – Позвонили, я спросил кто. Они сказали...

Он нахмурился.

– Вот что интересно, сказали, что от Ильи Федоровича.

– От какого такого Ильи Федоровича?

– Да вот это как раз самое интересное. Сослуживец мой, можно сказать, Илья Федорович Васнецов. Хороший человек. Я с ним под Басрой торчал. В разных командах, правда. Но после того, как нас звено бомберов отутюжило, из выживших собрали одну группу. Так что я его хорошо знаю. Стоящий мужик.

– А от него к тебе часто кто-то приходит?

– Нет. Не часто.

– А чем он занимается, этот Илья Федорович? Как ты? На пенсии?

– Нет. – Михалыч покачал головой. – Самое интересное, что работает.

Он посмотрел на Сергея внимательно и грустно.

– В разведке работает. Я ему звонить собирался, когда мы эту штуку притащили. А тут прямо в дверь звонок... Я сначала обрадовался, а потом насторожился. С чего бы это вдруг?

– Ты что ж, хочешь сказать, что нас разведка пыталась убрать? Как-то топорно для государственных структур. Не находишь?

– Нахожу... Бред какой-то. Может быть, Тимофей и прав был. Снести этот чемоданчик в ФСБ и все.

– Как бы хуже не стало от этого...

– Сейчас неизвестно, что хуже, – вздохнул Михалыч. – По ходу дела, надо мне своими связями потрясти. Может, разуз-

наю чего-нибудь. А пока у нас в активе разгромленная квартира, труп, какие-то материалы... Кстати, что там расшифровка дала?

Гриша обозначил руками объем, потом сделал пальцами жест, будто что-то перемешивал. Затем показал маленький просвет между ладонями и что-то пригладил.

– Основной объем остался не расшифрован, только маленькая часть в начале.

Гриша кивнул.

– Я так и думал. – Михалыч вздохнул. – А что там в начале-то? Покажи...

Гриша отправился в комнату за ноутбуком.

– Михалыч, а чего нам может за все это быть? – спросил Сергей.

– Что угодно. – Михалыч пожал плечами. – Могут орден дать, а могут в тюрьму засадить. Но почему-то в орден мне не очень верится. А оттого мне тревожно, слегка. Посмотрим хоть, что там наши сети притащили.

Вернулся Гриша с ноутбуком. Щелкнул крышкой.

– Обыкновенно сети притаскивают мертвеца, – пробормотал Михалыч, вглядываясь в текст, возникший на экране. – И этот раз не исключение...

Сзади подошел Сергей.

– Что такое система обратного крекинга?

– Без понятия. Ты дальше смотри.

– Оглавление. И один черт непонятно ничего. Крекинг.

Термины...

– Нефть, – прошептал Михалыч. – Нефть...

– Чего нефть? Я не понимаю ни черта, при чем тут нефть.

– Крекинг – это такой процесс, имеющий отношение к обработке нефти. Собственно, это то, что превращает сырую нефть в бензин, топливо и так далее.

– Ну и что?

– А то, что слово «нефть» в оглавлении не встречается.

Ни разу не встречается.

– И что?! – Сергей начал злиться. От расшифровки ясности не прибавилось, более того, он понимал, судя по оглавлению, что и полная расшифровка ничего бы не дала. Документы, попавшие им в руки, оказались какой-то уникальной научной белибердой.

– А то, что странно это. Понимаешь? – Михалыч листал пятистраничное оглавление туда-сюда, просматривая каждую строчку, насыщенную странными словами, какими-то цифрами, формулами. – Крекинг. Результирующий отчет. И ни слова про нефть.

– А ты разбираешься в крекинге? Я, например, только сейчас припоминаю, что в школе на уроке физики, кажется, что-то такое говорили... Да и то припоминается картинка не то доменной печи, не то какой-то хреновины с трубками, откуда бензин льется разного октанового числа. Какие-то графики были...

– Графики... А мне с нефтью, знаешь, пришлось столк-

нуться. Кое-какую теорию нам все-таки давали. И если речь идет о крекинге, то слова «нефть» избежать невозможно.

– Да чего ты завелся? Нефть... Может, там весь текст этой нефтью пересыпан, как солью. Мы же не все расшифровали.

– Может, и пересыпан. Только ковырять текст дальше у меня нет никакого желания.

Гриша согласно закивал головой.

– Что-то мне подсказывает, что из-за этой расшифровки нас и вычислили. – Михалыч снова вышел на верх оглавления. – Так что... Так что...

– Что?

– Елки-палки, чего ж я сразу не пропер?! Крекинг – обратный. Соображаете?

– Нет, – честно признался Сергей.

– Обратный крекинг. Это материалы на тему создания нефти, а не ее переработки.

Гриша хлопнул ладонью по столу. Сергей пожал плечами.

– А на кой ее создавать? Нет, ну, то есть я понимаю, что ценная штука и все такое... И из чего ее гнать? Обратно из бензина, что ли?

– Ты меня иногда поражаешь. – Михалыч покачал головой.

– Так ее из земли качают, елки зеленые, на фига ее еще тут?... Блин, ребята. – Сергей плюхнулся на стул. – Я ни черта не понимаю, серьезно. Нефть, крекинг, прямой, обратный... Какое это имеет отношение к тому, что нам дальше

делать?!

– Ну... – Михалыч развел руками. – Это, понимаешь, как в большой мозаике. Чем больше определенных элементов, тем легче собирать. А вот если не знаешь, куда ту или иную плашечку положить, тогда беда. В общем, ребята, вы сидите тихо. А я пойду по своим каналам пройду. Глядишь, там и разберемся, что делать. Договорились?

– Так-то оно так. Но что делать, если ты со своей прогулки не вернешься?

– Если не вернусь... – Михалыч закрыл ноутбук, отдал его Грише. – Идите сдаваться. Но я вернусь сегодня. К вечеру. И тогда уже решим. Хорошо?

– Не очень, конечно, но другого выхода, как я понимаю, нет.

– Правильно понимаешь. – Михалыч направился в ванную. – Тут ведь как получается: партия перешла в ту стадию, когда мы или сделаем правильный ход, который в конечном итоге приведет нас к победе, или...

Он фыркнул, как лошадь, и открыл дверь. В ванной взвизгнули и брызнули на Михалыча водой.

– Приблизительно так... – произнес он, утираясь. – Пойду я сначала оденусь.

Гриша сложил ноутбук и с философским видом направился прочь из кухни.

– Ты тоже по делам? – спросил Сергей.

Программист мотнул головой и приложил руку к щеке.

– Спать, – понял Столяров. – Правильно, что ж еще делать? Один я тут, похоже, от волнения на стенку лезу... Все остальные играют в Будду.

«Ну, правильно, что им терять? – Сергей встал, открыл холодильник, чувствуя подкатывающий голод. – Михалыч пенсионер, тем более такой, который всегда найдет знакомых, чтобы прикрыться. Гриша... тоже не пропадет. Один я могу смело поставить крест на своей дизайнерской карьере. В лучшем случае буду в колонии строгого режима оформлять стенгазету. Черт меня дернул...»

В холодильнике было пусто. Только обмороженная до неузнаваемости пачка пельменей, которую Сергей вытащил из морозилки.

«С другой стороны, на что я жалуюсь? Что я сделал не так? Меня кинули. Я ответил. Ну, вляпался в какую-то дурацкую историю, так не по своей вине. Даже если сяду, не так обидно будет. Все-таки вел себя, как настоящий человек, а не как размазня».

Немного погремев посудой, он нашел подходящую кастрюлю, налил в нее воды и поставил на плиту. С трудом освободил смерзшиеся в монолит пельмени от упаковки.

– Однако... Кирпич из теста с мясом... Тот еще креатив. Он подошел к ванной, осторожно постучал.

Сквозь плеск воды слышалось:

– ...к черту... мыть... дают...

– Оль, это я... – Он осторожно приоткрыл дверь. – Это я.

– А. – В клубах пара ничего не было видно. – Ну если ты, то заходи...

Сергей окунулся во влажную духоту.

– Осторожно, не поскользнись, – сказала Ольга, отдергивая занавеску. – Не хочешь присоединиться?

Струи душа лились на ее тело, обхватывали, ласкали.

Рядом с этой женщиной хотелось творить. Хотелось придумывать что-то новое, вздорное, переделывать, ломать и снова строить.

– Я бы с удовольствием, но там вода закипает, – улыбаясь, сказал Столяров. – Пельмени будешь?

– Какая проза жизни. – Оля присела, клубы густого пара скрыли ее с головой. – Пельмени с утра... Где ты их нашел?

– В холодильнике...

– Боже мой! Они же доисторические!

– Есть очень хочется, так что я не побрезгую даже такими...

– А я, пожалуй, что-нибудь придумаю потом... Точно не присоединишься?

Сергей подошел поближе.

– Только одежду лучше снять... – предупредила невидимая в пару Ольга.

– Откуда столько пара?

– Залезай, узнаешь...

И он залез.

На кухне выкипала в кастрюле вода, и сюрреалистический

кирпич из пельменей медленно таял, как мамонт, вытас-
ненный из вечной мерзлоты.

39.

– Как он? – спросил Михалыч у Гриши.

Тот сидел около Романа и внимательно слушал его дыхание.

В ответ на вопрос Михалыча Гриша пожал плечами и прижал обе ладони к щеке.

– Понятно. Крепко его обработали. Думаешь, переломов нет?

Гриша поморщился, пожал плечами, мотнул головой куда-то в сторону ванной и развел руками. Михалыч некоторое время обрабатывал информацию, потом кивнул.

– Да, Ольге виднее, все-таки медицинский работник.

Гриша кивнул. Потом показал на Романа, прижал палец к губам и снова ладони к щеке. После этого стукнул себя в грудь и дотронулся до стула, на котором сидел.

Михалыч хмыкнул.

– Хорошо. А мне отойти надо.

Он вышел из комнаты, осторожно, стараясь не шуметь, оделся и неслышно прикрыл за собой входную дверь. Гриша тихонько открыл ноутбук и долго, невидящими глазами, смотрел в мерцающий монитор, прислушиваясь к возне в ванной...

Михалыч притворил за собой дверь, притянул ручку на

себя и ушел, только когда щелкнул замок.

Он вышел на улицу, огляделся.

Хмурая дворничиха, одетая в яркий оранжевый комбинезон, разбрасывала по мокрому тротуару смесь песка, соли и каких-то реагентов.

– Бог в помощь, – обратился к ней Михалыч. – Снега же нет, чего стараетесь?

– Чего, чего, – забормотала под нос старуха. – План у нас, понятно? Пять килограмм смеси на день. Раскидай и не греши. Вот и кидаем... Сначала кидаем, потом собираем...

– Строго у вас, а где метро ближайшее?

– Да вон, – старуха махнула варежкой в сторону арки, ведущей из двора. – Направо свернешь и квартал протопаешь. Там и будет...

– Спасибо, бабушка... – Михалыч направился к арке.

– Козья нога тебе бабушка, – возмутилась дворничиха. – Нашел старушку...

Михалыч улыбнулся и помахал ей рукой.

Уже подходя к метро, он достал телефон и набрал номер.

– Добрый день, Илью Федоровича будьте любезны... А когда освободится? Передать... Ну, передайте ему, что звонил человек из пятой бригады Джамалья. И хотел бы с ним встретиться. Где? Нет, нет... Я сам подойду. Как он освободится, и подойду... Через час, хорошо. Нет, лучше через полтора... Спасибо.

Он спустился в метро, легко вписавшись в людской поток.

Как всегда, многолюдная подземная река несла Михалыча по своим тоннелям, перебрасывая из потока в поток. Несколько раз он в последний момент выскакивал из поезда, оставаясь на станции и внимательно следя за тем, не повторит ли кто-нибудь его маневр. Внимательно прислушивался к разговорам в вагоне, рассматривал лица людей.

Со стороны его можно было принять за усталого, ко всему равнодушного приезжего, который уже насмотрелся всего и теперь смотрит на людей, в общей массе выделяя, наконец, отдельные лица.

С трудом втиснувшись в последний вагон, Михалыч оказался прижатым спиной к толстяку в ушанке, от которого отчаянно несло потом. Мужик ерзал, тяжело сопел и ворочался. Михалыч на всякий случай прощупал, на месте ли бу-мажник. Такие вот «непоседливые» пассажиры на практике оказывались очень удачливыми карманниками. Однако этот явно был просто чужак.

– Слышали, что в мире делается? – поинтересовался толстяк у кого-то за спиной Михалыча. – Совсем ошалели. Совсем...

Михалыч вздохнул. В принципе, он был совершенно согласен с говорившим, но делиться своими наблюдениями с пассажирами не спешил.

«Не оценят», – подумал он.

И точно.

Через некоторое время, прицепившись к какому-то слову,

заворчала тетка слева. Мужик в шапке оттоптал ей ноги.

Перебранка проходила вяло, без огонька. Однако разрешилась неожиданно.

– Шлепнул бы и шлюх, и директора-идиота, – вдруг заявил кто-то.

Мужик в ушанке заглох, как отключили. Ворчливая тетка с отдавленной ногой активно заработала плечами и локтями, ввинчиваясь в толпу.

«Оригинальная постановка вопроса, – подумал Михалыч. – Это каких таких шлюх надо было шлепнуть? Не наших ли?»

Он уже начал было поворачиваться, чтобы рассмотреть говорившего, но тут двери вагона распахнулись, и людской поток вынес персонажей на перрон. Михалыч схватился за поручень и удержался в этой бурной, стремительной людской реке.

Двери закрылись. Электричка вздрогнула, и перрон двинулся куда-то назад.

Михалыч проводил глазами человека, предположительно выдавшего «про шлюх», и закрыл глаза.

«А чего я, собственно, всполошился? Ну псих какой-то, брякнул, что на уме вертелось... Почему обязательно это имеет ко мне отношение? – Он открыл глаза, огляделся. Ничего подозрительного. – Хотя в последнее время количество совпадений просто зашкаливает...»

Происшедшее всплыло в памяти.

«Жаль, что я того носатого не шлепнул. Если бы... Если бы он не отвлекся на выстрелы... Но глядишь, встретимся где-нибудь, не промахнусь. Морда у него приметная. Носатый».

На следующей Михалыч вышел. Поднялся по длинному, будто лестница в небо, эскалатору и вышел на улицу. С хмурого неба сыпал не то снег, не то дождь. Мелкая, мокрая крупа.

До назначенной встречи было еще время, и Михалыч решил позавтракать.

Он зашел в ближайшую забегаловку и заказал картошку с грибами и котлету. Сел за столик, осмотрелся. Над длинной стойкой небольшой старый телевизор транслировал новости. Звук был выключен, и Михалыч обратился к девушке, которая принесла его заказ:

– Можно сделать погромче?...

Та равнодушно кивнула, выудила из кармана передника пульт и что-то там нажала.

– ...попытка перехвата была предпринята в ответ на нарушение воздушного пространства нашим самолетом, не так ли? – Все тот же диктор, напряженный, как струна, что вчера ночью вещал на тему маневров НАТО, сегодня пытал какого-то затянутого в мундир чина из Минобороны.

– Не совсем, – мундир отвечал, как топором рубил.

– Поясните?...

– Дело в том, что квадрат, где произошел конфликт, на-

ходится в так называемой «смежной зоне». В таких местах чаще всего происходят недоразумения, связанные с нарушением воздушного пространства из-за неточностей, возникших при составлении воздушных карт. Обычно в международной практике этот процесс согласовывается между всеми заинтересованными сторонами.

– Что же произошло в нашем случае?

– Произошло то, что эстонская сторона не пошла на согласование карт воздушных территорий. А наши заявления на эту тему были проигнорированы.

– Почему же так получилось? И с чем связано такое пренебрежение к мнению российской стороны?

– Пренебрежение связано с тем, – мундир рубил каждое слово ладонью, – что не так давно в странах – членах НАТО были введены новые стандарты картографии. Которые несут в себе некоторые отличия от тех, что использовались ранее. Я не стану углубляться в детали, но скажу, что эти стандарты не предусматривают сопряжения с другими стандартами принятыми в других странах.

Диктор растерянно улыбнулся, понимая, что с такой фразой он влип и от него требуют разъяснений. А какие тут к черту разъяснения, если он сам ни черта не понял?

– То есть, – осторожно начал он, надеясь, что собеседник ему поможет. – Эти стандарты не слишком... э-э-э... так скажем, дружественны к странам, где...

– Где используются другие установочные данные, – кив-

нул военный, делая стратегический ход и таинственными «установочными данными» внося сумятицу в стан врага.

«Зашифровался», – подумал Михалыч.

– Э-э-э-э... – И тут диктора осенило. – То есть имеются некие территории, где граница пролегает нечетко. По нашим картам одна, по картам стран НАТО другая?

– Совершенно верно.

– И из-за этого могут происходить конфликты?

– Совершенно верно. Более того, конфликты уже происходят. Как было с нашим самолетом «АН-26», который совершал плановый рейс по переброске солдат...

– Десантников?

– Можно сказать и так, – уклонился мундир и тут же выпустил «маскировочные дымы», прикрывшие его тылы в этой информационной дуэли. – Так как переброска солдат на новое место службы проводилась методом десантирования.

Задача минобороновского чина сводилась к тому, чтобы максимально все запутать, но создать ощущение информационной прозрачности своего ведомства. Задача диктора... задача диктора была, видимо, в том, чтобы не дать сделать из себя идиота.

– Так, а что же произошло?

– Истребители НАТО попытались перехватить наш самолет.

– Эти самолеты базировались в Литве?

– Обычно да, однако в этот раз стартовой точкой был аэро-

дром на одном из островов Эстонии. Это совсем новый объект, построенный специально для самолетов класса «Ф-16». Истребители НАТО попытались перехватить наш транспорт и отконвоировать его на близлежащий аэродром, под Таллином. В ответ на это по тревоге были подняты силы быстрого реагирования. Летчик «Ан-26» начал уходить в глубину российской территории, но истребители продолжали преследование. Такое поведение является грубейшим нарушением всех международных норм и соглашений. На помощь нашему транспорту подошло звено «Су-37»,

– А как вы можете прокомментировать заявление ряда зарубежных СМИ о том, что наши истребители в свою очередь грубо нарушили воздушное пространство...

– Вздор, – рубанул военный. – Наши истребители сопровождали «Ф-16» только до границы Российской Федерации. Ни о каких нарушениях не может быть и речи. Также я сразу скажу, что не было никаких столкновений. И никаких воздушных боев. Хотя эта тема уже муссируется в западной прессе. Истребители НАТО были прижаты к земле и так сопровожжены до границы. Ни о каком нарушении рубежей с нашей стороны речи быть не может.

– А тот факт, что истребители бельгийских ВВС, осуществляющие дежурство над территорией Прибалтики, взлетели с островного аэродрома, не предназначенного для длительного базирования, вы как-то можете прокомментировать?

Военный развел руками.

– Верно. Обычное место базирования воздушных сил НАТО на аэродроме в Литве. Фактически это единственное место, где могут садиться и взлетать самолеты такого класса. Другие аэродромы могут проходить только как вспомогательные или резервные. Нам известно, что «Ф-16» переместились на островную базу буквально вчера. То есть за несколько часов до... конфликта. Могу также сказать, что сразу же после происшествия истребители НАТО вернулись на место своего постоянного базирования.

– Могла ли это быть целенаправленная провокация? – словно утопающий за брошенную веревку, ухватился за последние слова диктор.

– Это вопрос политический. – Мундир позволил себе улыбнуться. – Пусть его решают политики. Я же, как человек военный, могу лишь оперировать фактами. И факты я вам изложил.

– Спасибо, у нас в гостях был...

Михалыч перестал слушать.

Мир стремительно, набирая обороты, катился в тартарары.

Котлета оказалась недожаренной и совсем уж из какой-то гидропоники. Картошка же с грибами была на редкость хороша. Михалыч отодвинул остатки «химической» котлеты на край тарелки и с удовольствием доел остальное. Подозвав давешнюю официанточку, он попросил у нее бутылку пива

и счет. Вскоре было принесено и то и другое.

Михалыч переместился за соседний столик, у окна, и с праздным интересом принялся рассматривать здание через дорогу. Волны человеческого океана омывали этот огромный многоэтажный айсберг. На первый взгляд казалось невозможным различить в этой беспрестанно изменяющейся массе отдельные лица. Но нет, достаточно приглядеться, и если знаешь, где искать, то вскоре в многообразии и хаосе становится заметна какая-то система. Вот человек в четвертый раз уже проходит мимо подъезда. В его руках наладонник, который он сосредоточенно читает. Может быть, газету, а может быть, книгу... А может быть, ничего не читает и только ходит, как идиот, вокруг дома. Круги наворачивает. Интересна для? Или вон та сизая «Волга» с двумя пассажирами. Стоит неподалеку уже черт знает сколько, хотя ни спецномеров, ни каких-либо знаков на лобовом стекле. И желто-жилетный собиратель парковочной дани обходит ее стороной. Водитель ждет какого-то чина? Почему вдвоем? Почему так долго? А вот еще один «бизнесмен-трудяга», распахнутое пальтишко, нервная походка и каждые десять минут звонки по телефону. Крутится у входа с тех пор, как Михалыч заказал себе поесть... А то и дольше. У него что, только тут прием радиосигнала? А еще продавец свежих газет... Впрочем, мальчишка мог быть действительно продавцом газет. Стоит и с универсального компака разливает за мелочовку. Парнишка расположился в наиболее неприятном ме-

сте, точно около открывающейся створки двери. Но зато его легко можно проверить. Заодно газету свежую глянуть...

Михалыч вздохнул. У пива был горьковатый, неприятный привкус.

«А еще, может быть, у меня паранойя. И сигара иногда просто сигара. Ну сидят двое в машине, пусть сидят. Или тот придурок, что уже четвертый раз вокруг дома круги крутит... Откуда я знаю, для чего это ему нужно? Психов, что ли, мало? Хотя, конечно, будь я лет на пятнадцать моложе, фиг бы я в парадный подъезд сунулся».

Он достал телефон и, перед тем как набирать номер, глянул на часы. До встречи полчаса.

В динамике раздался все тот же голос, все та же секретарша. Чуть напряжена...

– Здравствуйте, я звонил вам час назад.

– Да, я вас помню, – приветливо отозвалась девушка.

– Хотел удостовериться, не откладывается ли встреча.

– Вы представились... Как человек из группы Джамала?

– Из пятой бригады Джамала.

– Да, у меня четкие распоряжения относительно вас, пожалуйста. Приходите в любое время.

– А сейчас можно? – Михалыч уставился на парадный вход через дорогу.

– Можно и сейчас. Илья Федорович вас ждет...

– Спасибо. Сейчас подойду.

Он отключился и некоторое время пристально смотрел в

окно.

Никаких изменений.

Все то же людское море. Все те же постоянные водовороты.

«Может быть, действительно, паранойя?...»

Михалыч встал, с сожалением оставив на столике недопитое пиво. Хоть и не очень, но все же... На выходе из забега-ловки достал наладонник.

До парнишки-газетчика было, наверное, метров триста. Далековато, но попробовать можно. Михалыч прицелился, ткнул стикером на обновление газетного листка. Наладонник пискнул, по плоскому экранчику побежала витая символика протокола передачи. Мальчишка-газетчик завертел головой, скорее из любопытства. Потом что-то нажал на своем компаке. Буквально через мгновение Михалычу в его Пальм свалилась свежая газета, а счет газетчика чуть-чуть увеличился.

Вероятность того, что мальчик подсадной, уменьшилась. Хотя и ненамного.

Михалыч наклонил голову и, впившись глазами в наладонник, двинулся к переходу. Новости, биржевые сводки, кто-то умер, политические скандалы...

Вот мимо протопал «чтец», тип с таким же миниатюрным компьютером, нарезающий круги вокруг дома. Вот парни в машине. Глаза бегают у обоих. Подозрительные типы. Вот «бизнесмен» с мобильником.

Михалыч миновал газетчика, открыл дверь... И тут его как током ударило.

С газетной статьи на него смотрело хоть и постаревшее, но знакомое, до боли знакомое лицо. В черной рамке.

«Вчера на шестьдесят шестом году жизни... Скоропостижно... Сердечный приступ... На своем рабочем месте... Заслуженный...

Илья Федорович Васнецов».

Михалыч остановился. Посмотрел направо. Туда, где к стене был прикручен здоровенный стенд с номерами кабинетов и фамилиями. Там суетились двое в синей форме. Один держал большую раздвижную лестницу, а второй, забравшись на нее, вытаскивал из узеньких металлических желобков табличку. Михалыч знал, что написано на ней. «Васнецов И.Ф. каб.603».

«Наверное, смерть так и выглядит со стороны. Раз, и кто-то вычеркивает тебя из жизни, а двое работяг уже меняют табличку на стенде живых. Не со зла. Просто у них такая работа».

Опомнившись, Михалыч еще больше ссутулился, развернулся и быстрым шагом пошел на выход. Вокруг, гулко отдаваясь в высоком холле, звучали шаги. Множество ног... Размеренные, спокойные, энергичные, решительные... И только одни, торопливые, почти бег, сзади.

Михалыч кинулся вперед, толкнув какого-то господина в шубе, ударился всем телом в дверь!

«Подземный переход, направо, метров сорок!» – подсказала память.

На какое-то мгновение он встретился взглядом с «бизнесменом», в очередной раз приложившим телефон к уху. Бизнесмен сделал несколько шагов в его сторону, одновременно из машины выскочили двое.

Михалыч сорвался с места и побежал!

Подземный переход. Толчая.

Свернуть налево. Там, чуть дальше, вход в метро. Толкаясь, сталкиваясь, протискиваясь, Михалыч помчался туда. Времени оборачиваться не было.

40.

Когда Гриша проснулся, Роман спал. Поначалу он просматривал новости, пытаюсь разобраться с тем, что же все-таки происходит в мире. Перескакивая со ссылки на ссылку, углубился в дебри политического конфликта Восток – Запад, «необъявленной холодной войны», нефтяного кризиса, противостояния ресурсных групп. Политики, народ ушлый, специально удлиняли фразы, сыпали терминами, путали и жонглировали словами. Аналитики ничем особенно от них не отличались. И потому все, что удалось выяснить про общеполитическую ситуацию, укладывалось в простое русское слово «Бардак». С большой буквы.

По мнению Гриши, войны велись и ведутся только за ресурсы. Все остальное, политические идеи, защита тех или иных национальных групп, – это лишь надстройка. Экономика самим своим существованием определяет войну. Холодную, горячую или какую-то еще, не важно. Экономика подразумевает конфликт и войну. В этом разрезе особенно смешными казались идеи пацифистов, которые призывали человечество отказаться от войн, конфликтов и жить в мире. Гриша считал, что для этого надо запретить деньги и ввести исключительно меновую торговлю. Шкурки енота на рыболовные крючки. Да и то... поможет не сильно и совсем ненадолго. А возможно, и совсем не поможет. Соответственно

пацифист воспринимался как некий Шариков, который, для исключения конфликтов и войн, предлагает все поделить. Дабы сделать всех «поровну нищими».

Война была естественным продолжением экономики и не утихала никогда. Даже в годы, признанные мирными, война всего лишь переходила в другую стадию. Из видимой превращаясь в невидимую. Одно общество пожирало другое, только не с помощью танков, авианосцев и ракет, а через идеологию, гуманитарные технологии, общечеловеческие ценности и прочие демократии. Война идей была не менее кровопролитна и являлась лишь прелюдией для войны настоящей, реальной.

Гриша думал о том, что общество, по сути, – это такое огромное, сложное и совершенно нечеловеческое животное. Или даже насекомое.

Сначала в страну-жертву заносится вирус, поражающий наименее стойких особей. Эти особи становятся другими. Например, социалистами при монархии или демократами при диктатуре. Общество-жертва старается удалить из своего тела пораженный участок. И тут же общество-захватчик обрушивается на жертву всю свою мощь. Военную мощь. Под предлогом защиты пораженных особей. Защиты демократии, например.

«Нет, не насекомое, – думал Гриша, снова засыпая. – Амеба какая-то... Вирусы, ложноножки... Сволочи...»

Голова опустилась на грудь. Гриша заснул.

Во сне на него нападали огромные бактерии, охватывали щупальцами, пытаясь растворить в себе, прижимали к склизкой поверхности, под которой что-то копошилось. Но Гриша отбивался. Кричал на них. Бактерии вздрагивали и уползали обратно в темноту, из которой и вышли. А там, во мраке, зрело что-то, огромное, страшное, может быть, самая страшная амеба, бактерия или какая-нибудь другая гидра. Вот уже показались ее лапы и когти... Гриша напрягся не то для смертельного боя, не то для самого громкого крика. Но из темноты позвали:

– Гришка... Гриш...

Щупальце вытянулось и осторожно дотронулось до плеча.

Гриша вскинулся испуганно. Проснулся. Все та же комната. Все та же лента новостей на мониторе. Он сочувствовал, что по подбородку сползает ниточка слюны, и недовольно утерся. Не хватало еще слюнями тут все залить...

– Гришка... – слабо позвал Роман. – Попить бы... Гриша выставил руку вперед. Щас, мол, все будет. И ускакал на кухню.

Остановился, удивленный, на пороге.

Будто в баню попал.

Кухня была укутана плотными клубами пара, который по каким-то неведомым причинам не проникал в коридор, оставаясь в строгих границах. Где-то в самом центре этого кубического облака, яростно булькая и гроыхая крышкой, выкипала кастрюля.

Гриша, пригибаясь, как под обстрелом, добрался до плиты, щелкнул выключателем. Испуганно шарахнулся от чего-то склизкого с красноватыми комочками, расплзшегося по столу. Пельмени. Потом нашел стакан, налил в него кипяченой воды и выскочил в коридор.

Как из парилки выбежал.

Вернувшись в комнату, Гриша обнаружил, что Роман уже дотянулся до ноутбука, развернул его и что-то кликает там беспроводной мышью.

– О, Гришаня, – голос Романа был слаб. – А чего-то я не могу на Ленту зайти? У тебя с каких пор кэш стоит на восьмидесятом порту?

Гриша закатил глаза. Отобрал у парня мышку и сунул ему в руки стакан.

– Спасибо... – Роман напился и откинулся на подушку. – Болит все. Я не помню, где мы?

Гриша удивленно посмотрел на него и постучал по безмянному пальцу левой руки.

– Чего?

У Гриши опустились плечи. Он немного подумал, а затем выдал целую пантомиму. Взял кого-то под руку, прошелся с ним по комнате. Потом нестройно промычал нечто, в чем с трудом угадывался марш Мендельсона. Что-то надел на палец и обнял кого-то несуществующего.

– Ну... – неуверенно произнес Рома. – И чего?

Затем Гриша постучал по запястью и покрутил указатель-

ным пальцем по кругу.

– Время, что ли?

В ответ последовал кивок и еще одна порция пантомимы. Гриша швырял что-то на пол, тряс кого-то за грудки, делал страшные глаза и указывал на дверь.

Потом пожал плечами и вышел.

Вернувшись, он вопросительно посмотрел на Рому.

– У тебя когда челюсть заживет? Меня твои театральные способности достали уже. У тебя, чего ни спроси, ребус получается... Так толком и не ответил...

Гриша снова закатил глаза и выставил перед собой средний палец.

– Сразу бы так и сказал, – вздохнул Роман. – Болит... А остальные где? Серега, Михалыч?...

Гриша показал большим пальцем куда-то назад. Туда, откуда доносился плеск и возня.

– В ванной? – Рома удивился. – Оба?

Гриша кивнул.

– Оба?!

Гриша закивал еще яростней.

– Ахтунг...

Гриша приставил ко лбу сложенные «козой» пальцы.

– Козел? Гриша, иди ты в задницу! Я не понимаю тебя ни фига! Лучше молчи...

Некоторое время они молчали, затем Рома застонал и попытался повернуться на бок. Гриша попытался ему помочь.

Но потом вспомнил что-то и погрозил ему пальцем.

– Чего? Нельзя?

Гриша покачал головой.

– Только на спине, что ли, лежать?

Кивок.

– Ладно... Еще полежу чуток и вставать буду. Чего ты пальцем крутишь? Я не могу долго лежать... Я, как этот... Этот... В общем, не могу. – Его голос становился все слабее и наконец затих. Минутная вспышка активности дорого далась парню. Теперь он просто лежал и смотрел в потолок. Гриша встревоженно потрогал Ромин лоб. Паренок ожил. – Нет, все нормально. Нормально. Устал чуть-чуть. Пить хочется... Принеси еще водички... Пожалуйста.

Гриша метнулся на кухню.

Пробегая по коридору, Гриша столкнулся с Олей, выходящей из ванной. Чтобы не упасть, он ухватился за нее, стараясь погасить инерцию, не упасть самому и не уронить Ольгу.

– Ой! Гришка! – взвизгнула Ольга, пытаясь удержать спадающее полотенце. – Черт, куда ты несешься, не пожар же!

Гриша все-таки удержался на ногах, отпустил Ольгу, поправил полотенце на ее груди и развел руками. Все это было сделано в той комически преувеличенной манере, которая свойственна злым, саркастичным шутам.

На какой-то момент Гриша встретился взглядом с Сергеем, который появился в дверях ванны. Между тремя людьми повисла недолгая, но неуютная пауза. Сергей опустил гла-

за... Гриша засуетился, показал зачем-то в сторону комнаты, где лежал Роман, и убежал на кухню. Потом выскочил назад, хлопнул в ладоши, привлекая к себе внимание и показывая за спину.

– Чего? – удивилась Ольга.

Гриша развел руками и укоризненно склонил голову. Поза была столь выразительна, что Сергей интерпретировал ее точно и матерно: «Ну так вашу мать...»

– Ох, елки! Я ж воду забыл. – Сергей растрепал мокрые волосы. Брызги полетели в разные стороны.

– А, это ты меня пельменями хотел угостить? – обрадовалась Оля. – Я себе представляю...

Пробегающий мимо со стаканом воды Гриша на миг остановился и покачал головой.

– Что? – обрадовалась Ольга. – Даже не представляю? Ого... Кстати, а куда это он помчался?

Ольга направилась вслед за Гришей, а Сергей осторожно проник на кухню.

Пар конденсировался и покрыл все вокруг обильной росой. Остатки пельменей расплзлись по всему столику отвратительной лужей. Полностью сухая кастрюля была покрыта накипью.

– Разрушительная сила любви... – пробормотал Сергей, окидывая взглядом помещение. – Можно сделать плакат для общества самоубийц. Слоган: «Мир – дерьмо!» Нет, не так, восклицательный знак не подойдет. Скорее уж просто точка.

– Чего стоим? – спросила Ольга, подходя сзади и обнимая Сергея за шею.

– Да вот, обозреваю картину разрушений. Впечатляет...

– Фигня, всего-то кастрюля выкипела да пельмешки расползлись... Вот у нас один раз яйцо рвануло, вот это были разрушения.

– Пельмешки расползлись, – повторил Сергей. – Фильм ужасов, не иначе.

– Ладно, креативщик, иди одевайся. – Оля чмокнула его в щеку. – Я пока вам чего-нибудь сварганю поесть. Мужики – они с похмелья голодные...

– Спасибо. – Сергей обернулся.

Некоторое время они целовались.

– Все, все... – пробормотала она. – Брысь!

– Убежал...

Сергей сходил в ванную, натянул сброшенную влажную одежду и пошел навестить Романа.

– О! – обрадовался Рома. – Сережа... А этот, – он указал на Гришу, – говорил, что вы с Михалычем моетесь.

Гриша вздохнул и безнадежно покачал головой.

– Михалыч по делам убежал, – ответил Сергей. – Вроде как к какому-то своему товарищу по армии или что-то в этом духе.

– Я все хотел спросить, а кто такой этот Михалыч вообще? Вы как с ним познакомились? Станный он.

– У него жизнь была такая... – Сергей сел рядом с Гри-

шей. – Он как в армию ушел когда-то, так и вернулся оттуда только недавно. Где он только не был. Помнишь, когда Штаты объявили Крестовый поход на Ось Зла?

– Смутно...

– Ну, когда они вторглись в Иран.

– Что-то слышал, только не интересовался.

– Мясорубка, как всегда. – Сергей устроился поудобней. – Традиционное начало для «бескровной войны». Точечные ковровые бомбометания. Тогда Россия впервые официально возобновила работу института военных советников. Еще скандал был крупный с поставками вооружения в Иран. В частности различных пэвэошных комплексов.

– Помощь братскому народу?

– Маловероятно. Арабы и так всех достали... Я где-то читал, что это был просто повод, чтобы испытать новое вооружение. Вот и испытали. Потом поднялся Ирак. Там опрокинули «демократическое» правительство. В прессу просочились разные слухи о пыточных камерах, лагерях смерти и так далее... В те годы очень холодные зимы были. Америка утюжила арабов бомбами днем и ночью. Пыль от сгоревших городов поднялась высоко в атмосферу... В общем, Михалыч несколько лет варился в этом котле.

– Командовал?

– Шут его знает. Вряд ли... Воевал, я так понимаю. По каким-то причинам он не вылез высоко по карьерной лестнице. Я уж и не знаю почему. Но того, что он пережил, ко-

му-нибудь хватит выше головы. Попутно Россия на Востоке свои интересы преследовала. Такая каша...

– А как вы с ним пересеклись?

– Случайно. Через людей, которых я уже и не помню...

– Сергей пожал плечами. – Люди уже уехали куда-то, а вот знакомство осталось.

– Интересный человек... – Роман замолчал.

Гриша увлеченно щелкал клавишами.

– Ждать не люблю. – Сергей встал, пробежался до комнате. Снял с полки какие-то диски, посмотрел, поставил на место. – Не люблю ждать...

– Никто не любит... – Рома закрыл глаза.

– Так, мальчики, – в дверях появилась Ольга. – Я по магазинам побежала. А вы поголодайте чуть-чуть. Тут в холодильнике на такую ораву нет ничего. Так что не скучайте.

– Ага...

– Спасибо, Олечка, – ответил Рома.

– А этого, – Оля показала на Романа, – с кровати не выпускайте...

– А пописать?... – жалобно спросил Роман.

– В утку! – безжалостно резюмировала хозяйка и убежала.

– А утка-то где? – поинтересовался Роман.

Сергей заглянул под кровать.

– Натурально, под кроватью. Самая настоящая, больничная...

– А может, я лучше так...

– Радуйся, что катетер не внедрили, – сказал Сергей. – Тебе уже надо?

– Еще нет, но я подумаю.

Роман снова закрыл глаза. В комнате повисло молчание.

– Кстати, – Рома вдруг оживился. – Ты тут как-то говорил, что, мол, ресурсик надо сделать? Не передумал?

– Ресурсик? Какой?

– Ну, помнишь, мы когда за этим следили, за этим... Му-даком... В Зеленограде.

– А... Это в подъезде когда сидели?

– Ага.

– Ну, вроде не передумал.

– Так сейчас самое время, – заявил Рома и ткнул Гришу в бок. – Гришка, дай машину мою... Ты, я надеюсь, ее взял? Убью, если не взял...

Гриша отмахнулся и вытащил из-под столика сумку.

– Вот она, родная... – Роман осторожно положил себе на живот ноутбук и обратился к Сергею: – Ты думай пока...

– Чего думать?

– Название для начала.

– Тут все просто. Называться будет: «Право на месть». И сайт где-нибудь на российских серверах делаем. Штатовские не катят.

– Не проблема, у нашей группы все прикормлено... У меня и разработочка есть специально для такого случая. Практически готово все.

Гриша фыркнул.

– Ладно ржать... Заготовка...

Гриша обернулся к Сергею и устроил дикую пантомиму.

– Я тебя один черт не понимаю. Тебя только Михалыч разумеет в этом состоянии. Есть у человека заготовка, и черт с ней. Пусть будет.

– Очень правильно, – сказал Рома. – Можешь давать материал.

– Круто! – Сергей вскочил. – Значит, так. Эпиграф. «Каждый человек имеет право на месть!»

– Сделано.

– Далее... Не знаю, как назвать, но потом придумаем. Гони... Этическое обоснование мести. Каждый человек имеет право на справедливость. Это первый этический закон, который отделяет человека от других животных. Там, где нет справедливости, нет места человеку, как разумному существу. Это животный мир, злой и жестокий. Мир человека такой же, он злой, жестокий, но вместе с тем в нем есть место справедливости. Точнее, праву на справедливость. Потому что это право, как и многие другие права, далеко не всегда соблюдается. Его еще нужно реализовать. Что справедливого в том, что любимый человек лежит в земле, а его убийца наслаждается жизнью? Что справедливого в том, что плодами ваших трудов нагло пользуется кто-то другой? Что справедливого в том, что униженная жертва не в состоянии доказать свою правоту, натолкнувшись на круговую поруку? Как

можно говорить о справедливости, когда террорист захватывает в заложники ни в чем не повинных людей?

Как же получается так, что право на справедливость есть, но добиться ее часто невозможно?

Ответ на этот вопрос кроется в общественной морали, которая, как это ни странно звучит, часто отрицает право на справедливость для каждого, заменяя его возможностью на справедливость для всех.

Действительно. Так уж построено общество, что для его стабильности каждый гражданин вынужден делегировать свое право на справедливость соответствующим государственным органам. То есть судебной машине. Которая, как часто случается с машинами, не всегда работает так, как должна.

Увы! Но в таком случае нарушается главное нравственное правило – право на справедливость.

И следовательно, человек должен иметь возможность это право восстановить.

Сделать это собственными силами.

Но для этого мы должны раз и навсегда избавиться от предохранителя, внедренного нам в голову обществом. Этот предохранитель говорит: «мстить нехорошо», «мстить нельзя», «надо решать вопрос цивилизованно». А ведь это абсурд, справедливость и месть есть отличительные черты цивилизации, то есть мстить – цивилизованно!

Выбросить эту трябуху, отбросить эту установку.

И тут большими буквами:

МЫ ДОЛЖНЫ ДАТЬ ЧЕЛОВЕКУ ПРАВО НА МЕСТЬ!

Дать себе, самому себе, это право! Один раз и навсегда.

Пойдет?

– Пойдет! – ответил Рома. – Мы сделаем это вступительной статьей. Как считаешь, правильно?

– Я думаю, да. Прямо с первой страницы влупим. Теперь делаем раздел.

– Название?

– Название... – Сергей подошел к окну, сдвинул штору, посмотрел вниз. – Что-то я упустил... Ага! Необходимые пояснения. Раздел так и будет называться. Давай...

– Даю... – Рома бодро отстучал по клавишам и остановился. Ему стало заметно лучше, как только он занялся любимым делом. Так бывает с людьми, которые забывают о своих болячках. Какое-то важное, интересное дело вытесняет страдания и боль, превращая их в страшную, но нереальную химеру. – Кстати, тут сразу возникает проблема.

– Какая? – Сергей основательно ушел в себя и даже удивился, что Рома обращается к нему.

– Ну, прикинь, вот все начнут, понимаешь, мстить направо и налево, начнется же эта... как ее... анархия, вот. Или эта... многолетняя вендетта. Мы им, они нам, и понеслась. Либо будет, как у горцев, либо, как у макаронников...

– Точно! – Сергей ткнул пальцем в потолок. – Именно про это я и хотел. Необходимые пояснения. Прежде чем возму-

щаться, прочти.

– Может, заострить?

– Типа?

– Ну там, прежде чем бухтеть, прочитай!

На этом месте Гриша щелкнул пальцами и заплодировал.

– Ну... – Сергей заколебался. – В общем, конечно, по смыслу больше подходит твой вариант. Ибо они только и будут, что... Но хотелось бы более серьезно.

– Да ладно! Блин... Самое же то. У тебя и так безбашенный ресурсик получается. Чего уж стесняться.

– Да уж... Ладно, соавторы, пишите, как есть. Черт с вами. Дальше... Прежде чем... ну ты знаешь... прочитай!

Право на справедливость есть у каждого.

Однако месть – удел избранных.

Далеко не каждый обиженный – потенциальный мститель.

Далеко не каждая обида достойна личной мести.

Прежде всего месть опасна для самого мстителя. Само это действие ставит его вне закона, наравне с объектом мести. Более того, на каком-то астральном плане происходит смещение «центров тяжести», и вокруг мстителя образовывается нечто вроде темного облака, которое притягивает к себе различные, часто экстремальные, события. Любые, вплоть до пресловутого кирпича с крыши. Поэтому мститель обязан быть параноиком, человеком, не спящим по ночам, вздрагивающим и хватающимся за пистолет при любом шорохе. Такая жизнь подойдет далеко не каждому. Осилить этот Путь

может не всякий.

Кроме того, нельзя исключать возможности вендетты. Когда в процесс включаются сразу обе стороны и месть становится воронкой, которая втягивает в себя все новые и новые ресурсы.

Тридцать три раза подумай – можешь ли ты реализовать свое ПРАВО сам. Или все-таки лучше делегировать его правоохранительной системе. И лучше ли?...

Но если ты решил мстить – не сворачивай с этого пути. Иначе груз несвершенной справедливости раздавит тебя.

Еще раз скажу – потока мстителей не случится!

Но они будут!

Они должны быть! Потому что таково их право. Право на справедливость!

– Готово! – Рома залихватски щелкнул по клавише. – Подпалим этот курятник!

– Теперь возвращаемся назад и с главной страницы делаем еще раздел. Для тех, кто уже решил... С многоточием так и оставь. Туда помещаем текст, тот, что я уже набивал. Помнишь, там, в квартире Михалыча?

– Если честно, нет, – Рома виновато взглянул на Гришу. – Я тогда «Батут» ломал...

– А на чьем ноуте я набивал текст?

– Черт его знает, может, на Гришином, а может, на тимофеевском...

– Так. – Сергей задумался. – Надо восстановить в памя-

ти... Сейчас. Запиши пока тезисы. Первый: Мстить – морально! Многие философы осуждали месть, что понятно, ибо большинство мыслителей слабы как физически, так, что значительно хуже, и морально. От этого и происходит декаданс в умах, слабость и мнение о том, что мстить – плохо. Нет! Для человека сильного, для человека настоящего, месть абсолютно моральна и оправданна.

Нам не приходится надеяться на Закон, потому что Закон помогает тому, кто помогает себе сам.

Отказываясь от мести, мы отказываемся от возможности роста. Потому что с ростом человека находится все больше людей, желающих поживиться за его счет. Желательно даром. Испытывать благородное чувство жалости к таким шакалам нет никакой возможности. А значит, месть за их гнусные поступки должна быть неотвратима.

Мсть – добродетельна!

Подло по отношению к невинным, убитым людям содержать убийцу живым!

Мсть – благородна!

Трусливо прятать голову в песок могут позволить себе только те, кто привык подставлять задницу.

Мы верим, что преступлений станет меньше, если убийца будет знать, что умрет, когда выйдет из тюрьмы. Пусть через десять лет, пусть через двадцать пять. Мсть совершат наши потомки. Я верю, они сделают это!

Мы верим, что террор станет пустым словом, если терро-

рист будет знать, что за взятых заложников станет расплачиваться его родня.

Мечь – это оборона! Броня! Защита! Страховка! – Сергей рубил воздух рукой, Роман с бешеной скоростью печатал. – Черт, а где же тот документ?

Гриша поднял руку.

– Что? Нашел? – Рома яростно закричал мышью. – Скинь мне!

Гриша кивнул. И через несколько секунд файл был на машине у Романа.

– Хорошо, – резюмировал Сергей, заглядывая в монитор. – Я потом переработаю еще дополнительно. Пока пусть пойдет с тезисами. Теперь добавим вот что... Мечь порицается общественным мнением, упаднической философией, различными идеологиями, религией и, наконец, Законом. Однако же мы все с удовольствием смотрим фильмы, где униженный и оскорбленный герой, часто потерявший семью, детей, свой бизнес – все, что поддерживало его в жизни, мстит за свои оскорбления. Убивает. Или калечит. Устраивает банкротства. Или отнимает нажитое несправедливым трудом. Мы сочувствуем этому человеку. Переживаем вместе с ним. Наслаждаемся мечью! Наслаждаемся восстановлением справедливости! Но посмотрим иначе... Кто-нибудь хочет оказаться на месте этого несчастного, доведенного до последней черты? Вряд ли. Участь этого героя страшна. И совсем не потому, что он убивает, нет. Она страшна оттого,

что до этого состояния его довела идеология, основанная на утверждении, что мстить аморально. Всего этого кошмара удалось бы избежать, будь главный герой готов к мести изначально. «Не суйте ему в рот палец, отхватит всю руку», – так должны говорить про него. Человек, тешащий себя размышлениями о том, что он-де отомстит, если его сильно обидят, – глуп и жалок! Зачем же доводить до ужасного финала? Нет. Мечь начинается с малого. Не с мелочного! С малого. Вас обокрали? Это достаточный повод, чтобы устроить вору тяжелую жизнь. Вас подставили? Не стоит забывать имя этого человека.

И наоборот. Человек благодарный способен на мечь. И человек, способный на мечь, так же расположен к благодарности и благородству.

Лозунг мстителя: «Отвечай злом на зло, но и на добро отвечай троекратным добром!» Потому что это благородно.

Сергей замер посреди комнаты, подняв руки к потолку.

В квартире царила тишина. Даже клавиши, стрекотавшие до этого как безумные, замерли.

Сергей вздрогнул. Опустил руки, прокашлялся.

– Вау... – сказал Роман. – Да ты Фюрер.

– Да ладно, какой там... – Сергей почувствовал, что смущается. – Ты записал хоть?

– Ну, в общем да... Ща еще чуток подформатирую, а то ты так молотил, что я не успевал.

– Мальчики. – На пороге комнаты стояла Ольга. В запа-

ле никто даже не заметил, что она вернулась. В домашнем фартучке, а-ля французская горничная, она была невероятно хороша. – Мальчики. Вы вообще собираетесь обедать? Или разговорами сыты?

– Елки, а есть-то хочется, – засуетился Сергей. – Помочь чего?

– Будет кстати, пошли. – Оля поманила его за собой.

41.

В проходе между «загончиками» показался Иванов. Коллега выглядел паршиво, круги под глазами, легкая желтизна кожи, результат приема стимуляторов и выражение общей убитости сознания.

– Как я понимаю, с девочками у тебя еще то веселье получилось? – задумчиво произнес Калугин.

– Хотя ты не подкалывай. – Иванов плюхнулся в кресло рядом с Калугиным. – Кошмар. Что они сейчас с художниками вытворяют, это ужас.

– Да? – Калугин заинтересовался. – И что?

– Художников жаль. Глухой номер, по-моему. От директора этого... Хвостова и то больше пользы было. Девочки, конечно, милые, но... – Иванов безнадежно покачал головой. – Парня этого, с которым они кувыркались, еще более-менее удачно расписали, но вот странного господина с удостоверением... монстр какой-то получается. Причем у каждой свой собственный. Мы сделали два портрета. Один от Риточки, другой от Милочки, сейчас художники корпят над третьим, так сказать, компиляция. У парней уже из ушей пар валит, дополнительные базы графики подключили. Напоминает анекдот, типа у меня жена такая умница: и готовит, и варит, и жарит, и щебечет, и щебечет, и щебечет, и щебечет, дура такая!

– Ты не понял. – Калугин взял у Алексея листки с портретами. – Это их нормальное рабочее состояние. Девочки по-другому не могут, может быть. Не умеют. В иных условиях это было бы вполне кстати.

Иванов посмотрел на начальника мутным взором и вздохнул.

– В иных-то, конечно, может быть, и кстати...

– Ладно переживать, кто тут кто?

Алексей разложил перед Калугиным листки с рисунками.

– Вот этот, – он ткнул пальцем в хмурого парня, смотревшего чуть исподлобья, – тот самый, к которому их, собственно, и вызывали.

– Так... А эти два?

– А эти два там присутствовали. Вот этот, – Иванов показал на еще более молодого, почти мальчика, коротко стриженного, явно веселого и почему-то напоминающего суслика, – девочками заинтересовался и был такой живой, радостный, а этот... – Другой парнишка показался Калугину злым, плотно сжатые челюсти, губы ниточкой. – Этот все время в компьютер уткнувшись сидел.

– Ага! Вот и наши компьютерные гении. Хорошо. Хорошо. Ну, этого я знаю. Это хозяин квартиры.

– Точно, девочки так и сказали. Мы их потрошим по полной программе. Все, что помнят. И вот последний, но не в последнюю очередь, главный герой нашей драмы. Некто с корочками.

С двух бумажек на Калугина смотрели два разных человека. Один – широколобый, с вытянутым худым лицом и запавшими глазами, чем-то напоминал профессора Мориарти. Второй, тоже худой, но черты лица неуловимо изменились. Глаза смотрели с прищуром, по-доброму, и совсем не прятались под бровями, а, наоборот, были немного навывкате, на лоб спадали короткие волосы, на подбородке ямочка. Вроде бы тот же, но все-таки другой. Детали, детали... В любом случае, Калугин этого человека не знал.

– Чего они сейчас делают?

– Составляют портрет совместно. Групповое творчество, так сказать. – Иванов потянулся.

– Хорошо. Пусть. Теперь сделаем так, вот эти лица прогнать по картотеке.

– Долго...

– Плевать. Пусть работают. Затем эти фотографии разо-слать по отделениям милиции. Но не для вывешивания на досках, это не розыск, а для служебного пользования. Ориентировку на всех, кроме этого... – Калугин постучал пальцем по последним двум портретам. – С этим надо поработать. Так... И свяжись с техническим отделом. Пусть запросят информацию по банковским счетам Лаптева. Меня интересует, естественно, где и за что он платит деньги. Затем пусть свяжутся с телефонными компаниями, мне нужен его номер телефона и сканирование по этому номеру.

– Не согласятся. Телефонные компании не согласятся. По-

ка нет санкции из Прокуратуры, они и пальцем не пошевелят. Для них имидж важнее интересов государства. Хоть камни с неба, но пока клиент не нарушил закон, их ничего не волнует. Собственно, я полагаю, что то же самое будет и с банками. Все согласно Закону о защите персональной информации.

– Точнее, поправкам к нему... – Калугин потер виски. – А в Прокуратуру мы пока не станем соваться. Потому что... Потому что нельзя... Ну, в любом случае, пусть попробуют. Я знаю этих орлов из технического. В конце концов, закон законом, но есть же варианты.

– Варианты, – кивнул Алексей. – Понял. Дам им ориентировку на «варианты». Все, пойду?

– Валяй... – Калугин махнул рукой.

После того, как Иванов ушел, Владимир Дмитриевич положил перед собой портреты человека, воспользовавшегося удостоверением ФСБ.

«Странно, – подумал Калугин. – Ведь мог бы вообще ничего не предъявлять. Или грохнуть и тех и других. Почему он так засветился? Нелепо же. Что сделал бы я в такой ситуации? Просто заскочил бы в квартиру, а если бы попытались помешать, завалил бы всех троих. Стоп, из чего? Из пистолета... Но для этого не подходит ни мой табельный, ни мой личный. Оба находятся на учете, как любое другое оружие гражданина России... Легальное оружие. А если нелегального ствола у меня нет?»

Он поднялся, оперся на прозрачную загородку и осмотрел свой отдел.

«Вот люди. Мои люди, я их знаю. Или думаю, что знаю. А один из них, возможно, не тот, за кого себя выдает. И это может быть кто угодно. Из любого отдела. И с любого уровня... Хотя нет. Не с любого уровня. Тот, что повыше, сам бы в дело не полез. Кого-нибудь прислал бы. Это кто-то из среднего звена. С выдержкой. Ждал этажом выше, пока закончится стрельба, пока хозяева убегут. Как знал... Потом спустился... Но для чего эта нелепость с Хвостовым? Выдумки эти... Будто не знал, что проверять будут, трясти. Бред. Может, корочка все-таки поддельная, что там перепуганный мужик да две проститутки углядят в полутемном подъезде? Хорошо, если подделка. Тогда все переходит в область просто шпионских страстей. Но если он засветил настоящее удостоверение... То все очень и очень плохо».

Калугин взял кружку и, не торопясь, направился к кофейному автомату. Кофе уже не хотелось, но этот процесс помогал думать.

«И судя по всему, корка настоящая. А ее хозяин или дурак, или в рукаве у него джокер. Так уж все складывается. Просто он на шаг впереди нас. Мы буквально у него на хвосте. Сначала мы делаем сканирование, потом ловим сигнал. А потом приезжаем в разгромленную квартиру. Потому что кто-то успел раньше нас. Спрашивается, откуда знал? Или это не связанные друг с другом события? Да черта с два!»

Калугин наполнил кружку, осторожно взял ее и понес на рабочее место.

«Крот». В нашем огороде «крот». Молодой и неопытный. Но «крот». Уж очень он лихо коркой козырнул. Любой, более-менее опытный, другие пути бы искал, а этот с ходу. Раз. Привычка? Потом явно не готов он был, впопыхах подключился. Был бы готов, мы бы с Хвостовым и его девочками не беседовали бы. Опыта таких дел нет. Просто так человека грохнуть или не из чего, или не может через себя переступить. Не оперативник. И еще... Первоначально операция в Зеленограде прошла неудачно, но явно из-за случайного стечения обстоятельств. Был бы подключен «крот» на том этапе, Карел не пришел бы на явку или устроил бы передачу похитрее. А значит, «крот» был не у дел. Или это недавнее приобретение... Подцепили мы где-то. Как говорится, предохраняться надо».

Калугин оступился на чьем-то неосторожно оброненном стиле. Кофе плеснул через край и обжег руку.

Он зашипел сквозь зубы, но донес горячую кружку до стола. Там, бухнув ее на бумаги, он затряс рукой.

– Твою мать... – По портретам расплывалось красивое коричневое пятно. – Посыпались подарки...

Он набрал телефон Иванова.

– Леша, я тут твои портреты запорол. Ты подкинь мне новые...

– Я сейчас в техническом, смогу, наверное, через полча-

сика.

– А... Ну хорошо, я сам схожу. Не беспокойся...

Калугин потер обожженную руку, с сожалением посмотрел на кофе. Пить его не хотелось, но ведь налил уже... Тем более с боевыми потерями.

– Жадность фраера сгубила, – процитировал Калугин народную мудрость и направился к художникам.

42.

У художников было весело.

Мила и Рита, забросив длинные ноги на стол так, что были видны трусики, и периодически закатывая глаза, объясняли «живописцам» свою «картину мира».

– И глаза у него были никакие не серые, а совсем даже карие.

– Ну Ми-и-ила! – возмущалась Рита. – Какие карие?! Я же их рассмотрела, они были серые!

– Где это ты их рассмотрела? Там, где ты была в этот момент, глаз не бывает! – Мила захихикала.

– Ну и дура! – обиделась Рита.

– Да ладно...

– Дура! – Рита отвернулась.

– Да ладно тебе, ну...

– Все равно дура!

– Ну, Ритка, ну, я не права, ну, извини... – Мила подсе-
ла к подружке и осторожно погладила ее по коленке. – Ну,
серьезно, извини... Просто сорвалось... Ну, хочешь, пусть
будут серые... Мне все равно. Нет, ну, честно, все равно, хо-
чешь, пусть будут серые! Ну, Хочешь?

– Они и были серые...

Художников было двое. Один, со взглядом, остановив-
шимся где-то в районе Ритиной попки, кажется, намеревался

впасть в кому, второй что-то увлеченно чиркал на планшете.

Калугин тихонько подошел сзади и заглянул ему через плечо. Девочки замолчали, с некоторой опаской глядя на Владимира Дмитриевича.

Художник, увлеченный своим творчеством, приход начальства даже не заметил. Планшетка транслировала его работу прямо на монитор. Калугин присмотрелся.

Мускулистый здоровенный бугай с волосами, торчащими в разные стороны, перепиливал бензопилой симпатичную длинноногую девчонку, как две капли воды похожую на Милу. Судя по всему, Риту художник уже «обработал» и теперь колдовал над ее подругой.

«Хорошенькое дело. Не дай бог, парень к психоаналитику загремит или эти рисунки какой-нибудь ловкач выкрадет. – Калугин представил себе заголовки газет: – «Скрытые маньяки из ФСБ. В подвалах ЧК. Убийцы на страже родины».

Последний заголовок ему даже понравился.

Первым сообразил, что к чему, «коматозник». Он вздрогнул, огляделся и, увидев Калугина, вскочил, пытаясь незаметно пнуть своего коллегу.

– Извините, товарищ майор. Ведем работу.

Второй засуетился, не зная, стереть ему свои художества или сохранить. В конечном итоге он просто закрыл готовый рисунок новым листом и тоже вскочил. У «маньяка» были удивительно детские черты лица, пухлые щеки и наивный взгляд младенца. Такой зарежет и не поморщится.

– Я вижу, – проворчал Калугин. – И как продвигается процесс?

– Туго, товарищ майор! – сказал тот, что рисовал садистские картинки. – Клиент очень... тяжелый.

– Да, не хотят сотрудничать! – подтвердил тот, что впадал в кому.

– Ой, да ладно! – неуверенно подала голос Мила.

– Все мы хотим... – в тон ей ответила Рита.

– Просто мы не помним... Всего...

– Так над чем работали? – спросил Калугин.

– Над групповым портретом, – немного неуверенно ответил первый художник, сверяясь со своими записями. – Мужчина с удостоверением.

– И как результаты? – Калугин подобрался для разноса, но художники сумели выкрутиться. На стол легли свежие распечатки.

– Вот эта наиболее удачная...

С бумаги на Калугина смотрел все тот же человек. Только более живой. Владимир Дмитриевич не смог бы дать более точное определение. Именно живой. Обычно портреты, разрабатываемые в таких случаях, не отличаются особым мастерством. Дело в том, что люди не запоминают подробностей. Только общие или бросившиеся в глаза моменты. Овал лица, усы, какой-то особенный разрез глаз или необычная форма носа. Согласно мнению психологов, зрительная память у современных людей начала ослабевать. Виной то-

му – ставшая классической манера подачи видеоматериала, называемая клиповой. Бесконечная череда ярких, агрессивных, стремительно сменяющихся образов в конечном итоге приводила к перегрузке мозга визуальной информацией. Поскольку жизнь в состоянии вечной контузии не является нормой для человеческого организма, включились дополнительные защитные механизмы, позволяющие человеку запоминать лишь пять процентов из всего видеоряда, насилующего нервную систему. Остальные ухищрения мастеров-дизайнеров отбрасывались как мусор.

Однако в нашем случае, вероятно, в силу того, что девочки запомнили разные пять (а Калугин полагал, что и того меньше) процентов, картина получилась более четкая и живая.

Чего-то все же недоставало... Чего?

– А во что он был одет? – спросил Калугин у Риты.

– В плащ, – без раздумий ответила она. – И в шляпу.

– Оттого и лоб зауженный, – пробормотал художник.

– И щеки такие впалые. – Калугин постучал по бумаге пальцем. – Воротник, понимаете, ребята, воротник. Он поднял воротник. Из всего рисунка только глаза да нос, с известной долей вероятности... Тень от шляпы...

– Все зря? – спросил второй художник, за детской внешностью которого скрывался, видимо, маньяк с бензопилой.

– Нет, почему же. Все-таки кое-что. Хорошо, в общем. Молодцы. И вы, девочки, тоже. – Калугин взял рисунок се-

бе и попросил: – А распечатайте мне остальные портреты. И что у вас еще есть?

Пока «садист» занимался распечаткой, «коматозник» вытащил на свет другие файлы.

– Вот тут... Это только наброски. Общие, так сказать, планы.

На экран выскочила картинка. Длинный коридор, человек, падающий спиной вперед. Маячащие на заднем плане здоровенные лбы. Скамейка. Чьи-то ноги из-за нее. Кто-то, со спины не угадать, бьет кулаком снизу парня в мешковатой куртке. На пол летит бейсбольная бита.

– Это кто? – спросил Калугин, показав на падающего.

– Это? – Рита вытянула шею, заглядывая в экран. – Это тот молоденький! Милка, это же он?

– Ага! Он упал и больше не поднимался.

– Ясно. А тот, что бьет?

– Это тот, что нам платил. Я не знаю, наверное, хозяин квартиры.

– Хорошо. Дальше...

На следующем рисунке диспозиция не особенно изменилась. Только у двери маячил кто-то, на ком художник сделал акцент. – А этот там что делает?

– А этот, не знаю, – Мила пожалала плечами. – Это я запомнила. Потому что стреляли. Нос у него... такой большой. Говорят, что какой у мужчины нос, такой и член... Я потому и запомнила...

Художник кашлянул, и Мила притихла. Однако Рита не уловила сигнала и развила тему:

– Да фигня это, Милка. Вот у Рамэна какой шнобель, а...
– Художник кашлянул сильнее, а Мила под столом толкнула подругу. – Извините.

– Этого носатого, – Володя постучал пальцем по рисунку, – сделайте отдельно. Постарайтесь. Дальше что у нас?

– Мало, в основном батальные сцены... – «Коматозник» перелистнул несколько эскизов. Ничего особенного. Драка в квартире. Мелькнули женские тела...

– Погоди, – скомандовал Калугин. – Верни назад.

– Да это так... Для настроения... – заюлил художник, но эскиз все же вернул.

На экране стоял голый молодой человек во всех физиологических подробностях, у его ног жались две обнаженные девушки. В руке парень держал пистолет, стреляя в потолок. набросок был сделан быстро, стремительными твердыми штрихами. Качественная работа буквально передавала энергию...

– Когда тебя из Управления выпрут, не пропадешь, – резюмировал Калугин. – Готовы распечатки?

– Так точно... Вот...

Калугин забрал листки и вышел. За ним устремилась Рита.

– Товарищ начальник, товарищ начальник...

«Ужас... – испуганно подумал Владимир Дмитриевич. –

Еще услышит кто-нибудь, привяжется кличка...»

– Так. В чем дело? – Он резко повернулся, девушка едва не ткнулась ему в грудь носом.

– А нам что делать?

– Показания дали?

– Дали.

– Ничего не утаили?

– Ничего. – Ритины глаза приобрели профессионально честное выражение.

– Можете быть свободны. Если понадобится...

– Поняла, – решительно кивнула девушка и добила Калугина фразой: – Всегда к вашим услугам.

– Тогда вернитесь в комнату, художники закончат и вас отведут на выход.

Калугин повернулся, чтобы уйти, но не тут-то было.

– А нам... А мы... – Рита семенила сзади. – Мы...

– Ну, в чем дело?

– Мы только так одеты. – Она огладила короткую юбку и игривый топик. – Нас на машинке привезли...

– Понятно, – вздохнул Калугин.

«Черт знает чем приходится заниматься...» – и набрал номер Иванова. – Леша, это я... Короче, вызови машину для девочек Хвостова. Да. А лучше пусть Хвостов сам их заберет.

– Нет, нет, – замахала Рита руками. – Лучше вы...

– В общем... – Калугин замялся. Ему почему-то было

жаль этих глупых, но странно честных дурочек. – Ты сейчас в техническом? Ладно, я сам...

Он обратился к Рите.

– Номер Хвостова мне дай.

– Момент...

Володя даже заметить не успел, откуда появилась визитка.

Набирая номер, Калугин несколько раз кашлянул, делая голос поглубже.

– Борис Юрьевич! – гаркнул он в трубку. – Из ФСБ беспокоят. Сегодня приходили. Девочек ваших можете забрать. И прошу заметить. Это важные свидетели, обращаться аккуратно и вежливо. Они нам еще могут понадобиться. Машины к подъезду через полчаса. Что не ясно?

На том конце провода что-то проямлили.

– Все ясно, – сделал вывод Калугин и отключился.

– Ой, спасибо, спасибо, спасибо... – Рита повисла на шее у Калугина.

– Все, все... – Тот осторожно освобождался от объятий.

Проходившие мимо сотрудники удивленно косились. – Все. Иди назад...

Сделав несколько шагов, Калугин остановился.

– Погоди...

Рита замерла в дверях как вкопанная.

– Сколько вы валандались с этим... Мальчиком, который стрелял? Можешь приблизительно время назвать?

– Могу. Очень точно могу. Я время чувствую точно. Это у

меня профессиональное. Не более часа... Минут пятьдесят.

– Угу... – Володя кивнул и задумался.

«Не ловлю я чего-то. Не ловлю... Сканирование мы засекали почти сразу. Приехали буквально по горячим следам... Не складывается что-то. Если кто-то опередил нас, пользуясь нашим же методом, то удивляет скорость реакции. Или они были ближе? Или?... А если кто-то воспользовался нашими данными? То есть «крот» перехватил адрес, сообщил своим людям... Но если мы стартовали в одно и то же время, то почему они быстрее прибыли на точку? Не могли же они знать, что мы задержимся на старте... Рискованно слишком, рискованно».

Калугин еще раз посмотрел на портрет предполагаемого предателя.

– А если предположить, что все-таки визит бандюков не связан с действиями «крота» и является работой третьей силы?

Калугин потрянул бумагами и направился к Битову.

По дороге его догнало нерадостное известие.

Начальство сидело у себя в кабинете, то и дело перелистывая какие-то документы. У Калугина сложилось впечатление, что Битов даже и не вылезал из своего офиса.

– Антон Михайлович, разрешите?

– Заходи, Володенька... Заходи. Что нового?

– Один из наших ребят в больнице... умер, – сказал Калугин, садясь в кресло.

Антон Михайлович дернул скулами и промолчал.

– Что-нибудь еще? – Голос начальника неожиданно дал петуха. Битов закашлялся.

– А еще у меня подозрение, что у нас «крот» в команде. И где-то близко.

– Что-нибудь еще?

– Вот словесные портреты участников драки на квартире у Лаптева. Эти двое – по компьютерам, этот был с девочками и стрелял в потолок. А это сам хозяин квартиры. Личности устанавливаются. Вот тут несколько зарисовок со слов свидетелей. А это предполагаемый «крот». В отчете все есть, короче говоря, это человек, который побывал в квартире буквально за несколько минут до того, как туда подъехала наша команда.

– Стало быть, он не был с вами на момент старта?

– Не был.

– Он был где-то поблизости от места событий. И, видимо, был не один. – Битов взял портрет в руки, рассмотрел внимательней. – Значит, кто-то ему сообщил координаты... отсюда.

– Что делать будем, Антон Михайлович?

– Сначала, Володенька, «крота» ловить. А уж потом все остальное.

43.

Михалыч выскочил из метро где-то на окраине, на одной из новых станций, где людской поток ослабевал и было значительно проще контролировать ситуацию. Вместе с ним из вагона вышли всего четверо. Две старушки, подросток и курсант. Будущий офицер, шагая широко, как на плацу, устремился в сторону выхода, старушки, что-то обсуждая, поползли в ту же сторону, а подросток вскочил в поезд, идущий в обратном направлении.

Из них всех опасения внушал только курсант. Но на выходе он не обнаружился. Ничего другого, кроме банальной живой слежки, Михалыч не боялся. Свой телефон он зашвырнул под колеса поезда на одной из пересадок. А для того, чтобы запустить действительно серьезные технические средства поиска человека в таком титаническом муравейнике, как Москва, объекту слежки нужно было выполнить ряд условий. Например, влететь в сектор муниципального видеонаблюдения. Такими камерами оборудовались все крупные станции метро, вокзалы, площади и школы. На окраины, с их новостройками и дешевыми квартирами, техническая революция пока не распространилась. И это была одна из причин, почему Михалыч выскочил так далеко от центра, хотя уже час назад был уверен, что «хвост» оборвался.

Теперь нужно было действовать спокойно. Без суеты.

Михалыч пожегся и поднял повыше воротник; в этом районе, разгоняясь в лабиринте высоток, дул сильный ветер. Неподдалеку располагался какой-то магазин, большой, в пару этажей и, наверное, теплый. На входе скучал охранник. Михалыч поднялся по эскалатору на второй ярус и, не торопясь, двинулся вдоль разнообразных боксов. Одежда, какие-то китайские традиционные поделки для любителей экзотики, остро пахло сандалом. Из-за прилавков выглядели откровенно скучающие продавцы. До покупательского часа пик еще ждать и ждать, а случайные клиенты кассы не делают.

Какой-то жизнерадостный старичок, торгующий деревянными ложечками, выбил лихую дробь из своего товара.

– Купите, для жены! – обратился он к Михалычу. – В этом сезоне самый писк. Все берут, особенно иностранцы! К концу дня не будет.

Откуда берутся иностранцы на окраине Москвы, было неясно.

– Спасибо, у меня жена далеко... – ответил Михалыч и задумался.

«Вот так болван! Какой же я болван! – Он едва не стукнул себя ладонью по лбу. – Расслабился, старый козел. О жене-то я и не подумал... Не подумал! Идиот!»

Продвигаясь вдоль прилавков, Михалыч прокручивал в голове варианты развития событий.

Было ясно, что просто так их не оставят. И просто так

взять и зайти в ФСБ не дадут. Позвонить? Назначить встречу? Перехватить звонок – не проблема. А уж кто явится на стрелку, сам черт не разберет. Когда спецслужбы начинают играть не по правилам, может произойти что угодно. Случай с Васнецовым был тому примером. Звонок мертвому человеку едва не закончился плохо. Да и ребята, вломившиеся в квартиру «От Ильи Федоровича», наводили на размышления. Очень вероятно, что они действительно пришли от Ильи Федоровича. А после их встречи у Васнецова случился «сердечный приступ». Сложно ли уморить человека, находящегося одной ногой на пенсии? А Васнецов знал достаточно...

Михалыч припомнил, как кричал в трубку, вытаскивая из осажденного супермаркета Сергея:

– Илюша! Илюша, мне проход нужен! Проход! Слышишь?

– Кто в оцеплении? – спокойно поинтересовался Васнецов.

– Фээсбэшники!

– Ты один?

– Нет, со мной двое.

– Предъявишь свою карточку. Дай мне три минуты.

Он всегда был точен. Три минуты, значит, три минуты.

Через пятнадцать минут Михалыч спокойно прошел через оцепление. Данные, указанные в персональной карточке, уже позволяли.

– Спасибо, Илюша...

– На здоровье, старик. Ты мне потом не забудь рассказать, чего ты такого натворил?

– Обязательно, Илюша, обязательно. Зайду на днях...

Зашел.

«Все-таки хорошо, что свою трубку я выкинул. Гадкая это штука – технический прогресс. Чем сложнее, тем хуже. – Михалыч остановился перед витриной с мобильными телефонами. – Мелюзга какая, кнопки едва видно. Нажимать-то как?»

– Что-нибудь интересует?

– Да, мне бы трубку и номер. Одноразовые...

– Не проблема. – Продавец обрадовался. – Прошу вас документы, я все быстро оформлю. У нас большой выбор...

– Дома забыл, – соврал Михалыч.

– Очень жаль, – продавец развел руками. – Тогда никак.

– Понимаю...

Варианты, конечно, были, но предлагать взятку незнакомому продавцу Михалыч не хотел. Риск нарваться на патруль был слишком велик.

«Стало быть, сначала эти гады перехватывают мой звонок Васнецову. Еще тот, зеленоградский. Точнее, определяют его... Каким образом? Да хрен его знает, каким образом, главное результат. Может... – Михалыч задумался, прикрыл глаза, припоминая что-то. – Камеры были там или нет? Супермаркет большой, народу много, в теории должен попадать под класс охраняемых объектов. Стало быть, видеона-

блюдение стоит. Были там камеры или нет?»

Михалыч сделал еще несколько шагов, детально припоминая ситуацию.

«Сергей, в крови, с бешеными глазами, поднимается из обломков прилавка. Вокруг какие-то дурацкие Игрушки, лицо бледное. «Джингл-белл» в динамиках. Непрекращающийся «джингл-белл» и выстрелы наверху. Игрушки путаются под ногами. Столяров идет куда-то, как робот, идет точно на другой прилавок с какими-то бокалами, вазочками и прочей дребеденью. Схватить его за руку. Дернуть на себя. Его разворачивает. Чтобы не упасть, я прижимаюсь к стенке... – Михалыч кивнул. – Была! Была камера. И я на ней отпечатался железно. И Серега тоже. Потом система меня вычислила. Потом они посмотрели, куда я звонил. Потом просекли изменения в карточке, сделанные Илюшей. Вот тебе и все. Затем берут за жабры Васнецова, понимают, что никаких дисков у него нет, и берутся за меня. Шикарно!»

На пути ему попало маленькое кафе.

Михалыч пристроился за столик, хотел было заказать кофе, но вдруг остановился.

«А вот это уже глупо. Глупо так попасть. Очень глупо. – Он встал, извинился перед официанткой и вышел. – Старею, что ли? Отследить банковскую карточку еще проще, чем телефон. Неужели старею? Даже в пот кинуло...»

«Так что у нас дальше вырисовывается? Некто прижимает Васнецова. Отправляет его на тот свет, может быть, случай-

но, может быть, осознанно. Илья на сердце давно жаловался. А этим ребятам не наши головы были нужны, а диски. Стало быть, рисковать и валить нас просто так смысла не было. Потому все так топорно. Потому и пистолеты без глушителей. Потому и шкафов каких-то прислали, силовиков тупых. Собственно, их, видимо, мой звонок Васнецову сбил с толку. Видать, решили, что в деле какие-то спецы, могли, мол, товар скинуть где-нибудь...

Тогда резюмируем. Получается, с одной стороны, высокая техническая проработка дела, это предположительно. С другой стороны, грубая физическая работа, непрофессиональная, особенно на первом этапе. Нас хотели взять, не привлекая внимания. Чисто бандитским способом. А значит, что? Значит, это не ФСБ и не ГРУ. И вообще не государственная контора. По крайней мере, не этого государства. Но, с другой стороны, вычислить мой звонок, иметь доступ к системе видеонаблюдения... А иначе каким образом? И это значит, что? Значит – ФСБ. А кто еще?»

– Железная логика, – пробормотал Михалыч.

Впереди показался эскалатор. Казавшиеся бесконечными прилавки вдруг исчезли.

Все. Пора выходить.

Выходить и действовать.

Но четкого плана у Михалыча все еще не было.

«Предполагать, что ГБ работает такими топорными методами, – глупо. А вот если мы в самый центр каких-то межве-

домственных разборок влипли, это запросто. С густой примесью какого-нибудь криминального элемента. А что? Логично. Документ как-то связан с нефтью. Где нефть, там бабки, где бабки, там либо государство, либо бандиты. А если бабки большие, то и те и другие. И еще американцы. Они на нефть стойку, как собачки, делают. У них автомобили громадные и прожорливые. Им никак без нее, родимой... – Михалыч спустился вниз и зашел в продуктовый отдел. – Соответственно, что выгодно для меня? Для нас? Для нас выгодно скинуть этот груз к такой-то матери и выйти из игры. Скинуть, понятное дело, в руки родного государства, а не куда попало. Причем ждать в ответ благодарности не особенно приходится, потому как родному государству проще нас всех шлепнуть, вместе с грузом. Лишь бы он налево не уплыл. И это, кстати, понятно. Сам я в этой ситуации так бы и сделал. Таким образом встает вопрос... А что же, собственно, делать? С чего мы начали, к тому мы и вернулись».

Ничего не купив, Михалыч вышел на улицу.

Все тот же холодный и сильный ветер кидал в лицо Мелкий, колючий снег. Слякоть под ногами. Серое небо. И нависающие со всех сторон многоэтажки. Огромные многоглазые чудовища...

Внезапно стало трудно дышать.

В груди кольнуло, зло и холодно.

Михалыч прислонился к стеклу витрины.

– Вот так и выглядит, наверное, смерть, – пробормотал

он. – Раз... И кто-то вычеркивает тебя из списков.

Неожиданно подумалось, что, если бы тогда он сдался гэбистам, ничего этого бы не случилось. И Васнецов был бы жив... А у него жена. Дети.

Жена. Дети.

– Машка... – прошептал Михалыч.

Боль в груди не отпускала, делаясь все пронзительней.

44.

Когда Калугин вернулся от руководства, его уже ждал Иванов.

– Что нового принес? – поинтересовался Владимир Дмитриевич.

– Да, собственно, ничего пока. Мы запустили портреты через систему видеонаблюдения. Но поскольку все-таки это не фотографии, то техники ругаются сильно. И вероятность успеха невелика.

– А фотографию Лаптева вы не использовали?

– Нет... Я как-то не сообразил, – признался Алексей. – А... А зачем?

– Эх, Лешенька. – Калугин сел за стол и аккуратно вылил в мусорку чашку остывшего кофе. Потом спохватился: – Чего же это я делаю?! Вот, елки-палки!

Он озабоченно посмотрел на мусорную корзину. Потом на удивленного Иванова.

– Бывает, однако, – пробормотал Калугин. – Вот до чего работа доводит...

– Уборщица ворчать будет, – согласился Леша.

– Да не ворчать, а орать будет, то-то ты бабку нашу не знаешь. Ее в рабочем состоянии даже Битов боится. Да... Ну да ладно. – Калугин задвинул мусорку поглубже под стол. – На чем мы остановились?

– На Лаптеве и его фотографии. Я сейчас отнесу, снова запустим. Только что искать? Он же обычный человек, по магазинам ходит, в Москве, в конце концов, живет, тут каждый где-нибудь да за видеонаблюдение зацепился. Обработать весь материал будет нереально.

– Нереально?

– Ну, за короткий срок нереально, – поправился Иванов.

– Вот то-то... У нас с тобой, Лешенька, нереального сейчас не может быть. К сожалению. А искать надо знаешь что... Искать, очень внимательно, все, что есть на день провала операции в Зеленограде. Понял?

– Понял.

– И до сего дня. Кстати... Кстати, кстати. – Калугин включил монитор, вызвал какой-то документ, пробежал глазами по оглавлению. – Кстати, почему в списке нет видеоматериалов по этой операции?

– Э-э-э... – Леша замялся. – Кажется, были.

– Нет, не было, – Владимир Дмитриевич искоса посмотрел на Иванова. – И лучше тебе их найти. В общем, все данные с зеленоградского видеоконтроля мне на стол. Откуда-то же эти диски попали к Лаптеву.

– Ответ на запрос из ГРУ, кстати, до сих пор не пришел. Если он работает на военных, то от камер мог и уйти.

– Мог, – согласился Калугин. – Вот и проверим. Заодно.

45.

«Нефтяной конфликт» – выползла крупная надпись на телевизионный экран. Откуда-то справа ее догнал знак вопроса.

– Хорошо на телевидении работать, – вздохнул Сергей.

– Чем же? – поинтересовалась Оля.

– Просто хорошо. – Сережа пожал плечами.

Они сидели на полу около дивана, на котором лежал Роман. Вспышка активности прошла, и теперь парень, лишенный любимой игрушки – ноутбука, уснул. Диктор что-то бубнил на пороге слышимости. Гриша по-прежнему торчал в Сети и не отвечал на вопросы. Один раз, впрочем, он окатил Сергея взглядом, в котором смешались презрение к чайнику и удивление, что такой вопрос вообще возник. Это случилось, когда Столяров поинтересовался, озаботился ли Гриша анонимностью своей деятельности в Сети. Больше умничать в технической сфере Сергей не пытался.

Оля принесла вкусный чай с маленькими хрустящими, запеченными с сыром булочками. Гриша завладел большой порцией этих булочек и теперь щедро осыпал крошками клавиатуру. Сергей с Ольгой уселись на пол и включили телевизор.

– Сделай погромче... чуть-чуть.

– Где-то тут пульт был... – Оля потянулась за черной ко-

робочкой, рука Сергея как бы случайно скользнула по ее попке. – Не хулигань...

– Да я так... Я ничего...

Ольга завладела пультом, прибавила громкости и пристроилась под руку Сергею.

– ...в районе хребта Менделеева. Бригада нефтеразведчиков продвигалась к очередной точке, где было необходимо произвести бурение и забор образцов. Это было то, что принято называть дополнительной разведкой. Или глубокой. Когда данные предварительных исследований показывают возможное месторождение, тем более богатое и неглубокое, то в квадрат будущих разработок высылается специальная поисковая партия. Так было и в этом случае.

Экран побелел. Сильный ветер погнал пургу, через снежную равнину двигалась цепочка машин. Большие, тяжелые гусеничные транспорты. На прицепе катилась бурильная установка.

Картинка застыла, словно арктический холод вморозил движущиеся машины в лед.

На передний план вышел диктор и произнес со значением:
– Столкновения происходили и раньше.

Экран заполнила мешанина из кадров. Передернутый заговор. Человек в белом комбезе прыгает в узкий люк бронемшины. Падает в снег. Чья-то фигура в прицеле. Кто-то бежит. Падает в снег. Целится. Опять человек выпрыгивает из машины. Вращается башня бронетранспортера. Фонтаны

снега из-под автосаней. – Ненавижу заклиповку... – пробор-мотал Сергей.

– Но обычно они заканчивались, едва успев начаться. Несколько выстрелов, – кадр ожил, стрелок, лежащий в снегу, нажимает на курок; автомат вздрагивает; пламя выстрела, взлетающий снег, – и налетчики покидают поле боя. – Удаляющиеся автосани. – Этот раз был исключением...

Снова заставка программы на фоне окровавленного снега.

– Группа нефтеразведчиков под командованием старшего геолога Филиппова уже выходила в квадрат поисков, когда погодные условия значительно ухудшились. Подул сильный ветер, и видимость резко упала. В таких условиях еще можно было двигаться, но уже нельзя было вести разведку и бурение. Более того, из-за солнечной активности связь с материком была затруднена. Группа приняла решение выдвинуться еще немного вперед и тогда остановиться на стоянку. Тем более что, согласно заявлениям синоптиков, погода обещала ухудшиться к ночи, но ненастье продержится лишь один день. Эвакуироваться смысла не было, и группа Филиппова продолжила движение. Что же было дальше?

Действие переместилось в студию. В кресле сидел седой мужик со щетиной стального цвета и в грубом свитере.

– Как Хемингуэй, – вздохнула Оля, подхватывая еще один бутербродик.

– Суровый полярник, – согласился Сергей.

– Нас атаквали неожиданно, – сказал полярник. – Бук-

важно с самого начала головная машина была выведена из строя.

– Это была мина? – заинтересовался ведущий.

– Не думаю, скорее кто-то стрелял из ручного гранатомета. Я ехал во второй машине колонны и видел сам выстрел.

– Сделать ничего было нельзя?

– А что тут сделаешь? – полярник удивился. – Это же РПГ...

– Хорошо, и дальше?...

– Дальше мы бросились из машины, а стрелок в башне...

– Извините, вы говорите о...

– О стрелке в башне, Золотько Андрее. В колонне он лучше всех управляется с крупнокалиберным пулеметом...

– А скажите, давно нефтеразведку стали оборудовать такими... э-э... боевыми машинами?

– Ну, в общем-то после того, как участились случаи нападения на геологоразведку.

– А с чем связаны, по-вашему, такие нападения?

– По-разному. Иногда просто грабеж... Иногда уничтожение техники. Похищение карт.

– То есть. – Журналист подобрался. Видимо, сказанное Филипповым укладывалось в его версию: – То есть вы хотите сказать, что геологи обладают важными данными?

– Конечно. У нас карты нефтяных залегающих, других ископаемых. Некоторые очень легко берутся, как мы это называем. Наибольший интерес представляют месторождения

неглубокого залегания. Это интересует всех, и наше государство, и бандитов... Потому на колонны часто нападают. Но обычно... не так, как в этот раз.

– Чем же интересен, если можно так выразиться, нынешний случай?

– Ну, прежде всего. – Филиппов поерзал. – Техническим оснащением. Гранатометов у бандитов не было до этого. И тактика... Не бандитская тактика. Там ведь как, там ведь спрятаться негде. Поэтому атака делается на скорости, налетели, постреляли... Если не получается взять, то убежали. А в этот раз нас обложили крепко.

– Хорошо, что же было дальше?

– Потом мы выскочили, а Золотько нас прикрывал. Стрелял...

– Он видел врага?

– Нет. Он просто осуществлял беглый огонь. Бил туда, откуда стреляли из гранатомета. Но видимость была плохая, очень плохая. Мы выскочили и тут же попали под выстрелы. Стреляли, кажется, из пулемета. Залегли.

– Стреляли по вам?

– Конечно, по кому же? Там же ни души на сотни километров... Только мы и вот... бандиты.

– Вы все-таки думаете, что это были бандиты? – ведущий даже наклонился вперед.

– А кто же? – простодушно ответил Филиппов. – Только хорошо экипированные. И тактика... Научились небось где-

то... Стреляли со всех сторон. Мы прятались за машинами и вели ответный огонь. Но не видели, куда стрелять. Вокруг снег, пурга. Я, впрочем, думаю, что и бандиты не видели. И у нас, и у них маскхалаты, не заметишь на снегу...

– Но они же стреляли...

– Да, скорее всего, в сторону машин. Понимали, что мы далеко не отойдем.

– У вас были потери?

– Да. Сразу. Погибли сержант Петренко, Орехов и Милдзе. Кроме того, из горячей машины не сумели выбраться еще трое, Бабич, Смирнов и Круглицкий.

– Среди нападавших тоже были потери?

– Как нам потом сказали – да.

– Потом?

– Да, после того, как мы сумели вызвать подкрепление...

Ведущий снова оказался один в студии.

– Продолжение драматического рассказа господина Филиппова мы услышим после небольшого моделирования. Посмотрим, как наши компьютерные художники сумели восстановить картину боя. Вот колонна...

По экрану поползли модели броневиков.

– Отсюда был произведен первый выстрел. Прошу заметить, подбиты были две машины. Головная и замыкающая. Такая тактика характерна для небольших диверсионных групп. Для специально обученных военных! Но не для налетчиков, охотников за удачей и ценностями. Тако-

ва тактика уничтожения танковой колонны, применявшаяся еще во Второй мировой войне. Что же получается? Против наших геологоразведчиков действовали военные специалисты? Зачем? На этот вопрос нам уже ответил господин Филиппов. Карты. Ценные карты месторождений, которые можно разрабатывать. Или же... не дать России заполучить эти месторождения. В этой игре ставки высоки и хороши любые методы. Что же было дальше? Смотрите, стреляли с нескольких позиций, и хотя командир группы Филиппов считает, что огонь велся вслепую, на схеме видно, как тактически грамотно расположены огневые точки. А вот места, где погибли наши ребята. Они отошли от машин, рассуждая аналогично командиру. Они считали, что нападавшие стреляют слепо, ориентируясь на огромные туши броневиков. Но нет, ситуация обратная. Те, кто прятался возле машин, понесли минимальные потери, те же, кто оторвался... мертвы. В условиях пурги и ограниченной видимости на такое способны только очень хорошо технически оснащенные солдаты. Да. Солдаты. Многие аналитики в иностранной прессе говорят о террористах. Но нет. Ни тактика нападавших, ни их технический уровень не согласовываются с этим понятием. Хотя... Хотя подобные акции как раз в духе международного сброда. Может быть, нужно вспомнить, кто в свое время спонсировал печально известного Усаму? Убитого, кстати, именно русскими спецслужбами. Может быть, что-то подобное происходит и сейчас? Конечно, трудно предположить,

что некие государства так открыто выведут своих солдат на нефтяную войну. Но создание специальных диверсионных групп, террористическая война при полной государственной поддержке... вполне вероятное предположение. Обратимся к фактам! Техника диверсантов.

На экране появилась картинка с фотографиями каких-то масок, оптических приборов, проводов...

– Обратите внимание, – снова появился ведущий. – Ни одной маркировки. Они не стерты. Их просто нет. Это оборудование произведено, собрано и оттестировано без единого штампа, без единой марки. Технические анонимки. Какая страна может позволить себе производить такую технику? На коленке, в подпольном заводе ее не соберешь, это не бомба и не мешок с гексогеном, а высокоточное производство.

В дверь забарабанили.

Оля легко вскочила и выбежала в коридор. Сергей и Гриша насторожились.

На пороге комнаты появился встрепанный Михалыч.

– Все в порядке? – выдохнул он.

– Да вроде... – неуверенно ответил Сергей. – Ты бежал, что ли?

– Типа того. Лифт не работает почему-то. Я переполошился... Фух...

– С лифтом это случается, – сказала Оля. – У нас там какая-то ерунда между девятым и десятым этажами. Все время

там застревает.

– Понятно. – Михалыч шумно выдохнул. – Тогда готовьте чай, умотался и замерз. Есть много новостей.

Пока он раздевался, Оля приготовила чай с лимоном и настрогала еще бутербродов.

– Ну, как самосостояние? – поинтересовался Михалыч у проснувшегося Ромы.

– Да нормальное состояние. Михалыч, они меня с кровати не пускают! Хожу чуть ли не под себя! Ты скажи им!

– Скажу, обязательно, – серьезно заверил его Михалыч. – Но ты учти, что поломали тебя хорошо, а Оленька у нас медицинский работник. Потому слушайся ее, как маму. Кстати, родственникам позвонить никому не надо?

– У меня они вообще в Белоруссии. – Рома пожал плечами.

– Ну и ладно. – Михалыч сел на пол, рядом с Сергеем. – Так оно и лучше. А то беспокоиться начали бы. Да и... В общем, хорошо.

Оля пододвинула к нему поближе кружку с чаем.

– Вот спасибо! – Михалыч отпил немного, схрумкал бутерброд и указал на телевизор. – Чего смотрим?

– Черт его знает, – ответил Сергей. – Нефтяные войны.

– О как! – Михалыч удивленно поднял брови. – Уже?!

– Что уже? Они вроде говорят, что давно идут. Мол, на нефтяных разработках постоянно дежурят вертолеты и боевые всякие части. С танками. А разработки превратились в

один сплошной вестерн. Как на очень Диком Западе.

– Ах, в этом смысле... Ну, это уже давно. После нефтяного кризиса в Иране всякие разработки стали делом повышенной опасности. Экологическая катастрофа на побережье Флориды чем вызвана, по-вашему?

– Это которая? – заинтересовался Рома.

– Она там одна была, – вдруг сказала Оля. Она с нежностью смотрела на Михалыча, который поглощал бутерброды с невероятной быстротой. – Люблю, когда мужчина голодный... Может, борща?

– Угу! – Михалыч энергично закивал головой.

Оля убежала на кухню.

– Так чего там с Флоридой? – напомнил Рома.

– Ничего особенного, – промычал Михалыч. – Все пляжи в задницу. Неужели не помните?

– Не-а...

– Несколько нефтяных платформ взлетели на воздух. А потом что-то случилось на дне и... И про нефтедобычу в Мексиканском заливе пришлось забыть на долгий срок. А разлива нефти хватило, чтобы сделать из побережья Флориды нечто вроде Чернобыля, Только сейчас там, говорят, стало возможно жить. А в первые несколько лет ад кромешный. Неужели не слышали?

– Не-а, – Сергей мотнул головой.

– Ну, молодежь, вы даете. – Михалыч развел руками. – Я, конечно, старый, но не мастодонт какой-нибудь... Хотя

все это давно было. Давно. Кстати, именно нефтяной кризис в Мексиканском заливе и стал причиной того, что Штаты ушли из Ирана. В обмен на договор о льготных поставках... Политика, короче.

– А я вообще не понимаю, чего вокруг этой нефти все так прыгают. – Роман попытался сесть в постели, но Гриша его остановил. – Есть же, в конце концов, термоядерный синтез! ТОКМАКи всякие. Этот, блин, дейтерий и тритий можно, наконец, из морской воды добывать.

– Ага, есть, – согласился Михалыч.

Оля принесла на подносе большую, парящую тарелку с борщом.

– Ой! Олечка! – расплылся в улыбке Михалыч. – Хорошо-то как! А то я весь день пробегал... С утра чего-то перекусил, а потом все на ногах, на ногах... Умаялся. Как хорошо все-таки!

– Так, не отвлекайся, – напомнил о себе Рома. – Чего там с синтезом?

– Я тебе что, физик? – спросил Михалыч с набитым ртом. – Я не физик. Я отставной военный. И я знаю только то, что, если бы было возможно слезть с нефтяной иглы, Штаты соскочили бы первыми. Помните в 2008 году, программа «Стратегическая альтернатива»? Фига вы помните, мальки, блин. Впрочем, это даже я не очень хорошо помню.

– А чего там было?

– Америка искала альтернативу нефти.

– Ну и?...

– Ну и после катастрофы в Мексиканском заливе заключила мир с Ираном. Выводы?

– Чего? – удивился Рома. – Не сделали, что ли?

Михалыч вздохнул.

– Так чего? Эй! Расскажите мне! Интересно же!

– Ничего они не сделали, – буркнул Михалыч. – Америки не существует. Это пиар-акция. Одна большая, огромная реклама. А как до дела дойдет... Вон, Серега в этих делах разбирается, он знает. Его спроси...

– Серега! – Рома был похож на собаку, которой кинули мячик, но дальше играть не стали. – Серега, чего там?!

– Ничего не знаю, – ответил Сергей. Его почему-то не трогали рассказы Михалыча, хотя обычно он сам с большим интересом слушал его военные воспоминания. Прямую информацию выудить из полковника было невозможно, приходилось, что называется, «качать на косвенных», и из информационного тумана, который Михалыч щедро напускал в свои рассказы, выплывало много интересного. Однако сейчас Сергей чувствовал себя не в своей тарелке. Необъяснимое беспокойство давило на плечи, он видел, как Михалыч тянет, отодвигает неприятный разговор подальше. Будто не решаясь или не зная, как подойти к главной теме. К главному вопросу: «Что же дальше?!» Такое поведение было настолько несвойственно этому опытному, знающему жизнь человеку, что Сергей испугался.

– Да елки! Это что, была демо-версия? – возмутился тем временем Рома. – Чего там с Мексиканским заливом?

– А чего с ним? – вдруг спросил Михалыч. – Самые скудные запасы нефти в мире...

Сергей даже вздрогнул. Посмотрел на Гришу.

Тот оторвался от ноутбука и, не мигая, наблюдал за Михалычем.

– Михалыч... – тихо позвал Сергей. – Что случилось?

Возмущавшийся Рома замолк.

В дверях, обеспокоенно теребя полотенце, стояла Ольга.

Ждали все. Даже телевизионный диктор, казалось, при-
молк в ожидании.

Михалыч отложил надкушенный кусок хлеба, прокашлялся.

– Такое дело, ребята, – глухо проговорил он. – Что... Что бежать нам надо. Спрятаться и на дно лечь. Знаете, что такое глаз урагана?

– Ну... Не тяни!

– Это такое место, в самом центре, где нет ветра. Шаг вправо, шаг влево – и на вас обрушивается вся сила урагана. Но пока вы в центре... В общем, сейчас мы в центре. Вокруг нас глаз урагана. Тишина. Однако за пределами этого довольно узкого пространства – кошмар. Наша задача – не пересекать этой границы. Более того, мы должны угадывать направление движения этого урагана. Чтобы оставаться в центре. Пока не придет время.

– Время для чего?

– Для того, чтобы выйти из урагана совсем. Я не намерен прятаться всю оставшуюся жизнь. Это не входило в мои планы. И я надеюсь, не входит и в ваши.

– Не входит, – Сергей покачал головой.

– Но надо понимать, что, когда мы решимся на это... будет страшно. А потому мы должны быть готовы. Мы Должны быть максимально готовы к тому, что нам предстоит. – Михалыч повозил ложкой в тарелке борща. – Вкусный борщ, Олечка, очень вкусный.

Она вздохнула.

– Вам помощь понадобится?

– Да, – Михалыч кивнул. – Хотя мне очень неудобно просить тебя об этом, но все остальные слишком... Слишком ожидаемые ходы. Тебя нет ни в каких схемах. Ты случайный человек. И потому наиболее безопасный.

– Ладно, – Оля улыбнулась. – Чего надо? А то развел, понимаешь, агитацию...

– Мне надо, чтобы Рома побыл у тебя.

– Хорошо, – она кивнула. – Что еще?

– Этого уже более чем достаточно.

– Э! – Рома вскинулся, но тут же с гримасой упал на подушку.

– Вот именно. – Михалыч положил ему руку на плечо. – Отлежишься тут, пока не понадобишься. А потом мы тебя пристегнем к делу. У меня есть для тебя персональное зада-

ние. Понял?

– Да грузишь ты мне! Что я, не понимаю, что ли? Я не буду в нагрузку... Елки... Вот полежу два дня и снова, как из упаковки.

– Полежишь столько, сколько надо. Тем более что у нас нет времени. Даже двух дней нет. Понимаешь, а тащить тебя в таком виде, это... я тебе честно скажу, только лишний раз рисковать.

Роман обиженно замолчал.

– Остальным я скажу так. – Михалыч пересел на стул. – Дела наши хреновые. И даже хуже. Вечером, когда мою квартиру разгромили, умер, а скорее всего, был убит мой хороший друг. Тот, на кого я надеялся и кому доверял. Причем на него вышли, явно охотясь на меня. А следовательно, и на вас. Серегу почти наверняка уже отследили. Потому ему никак нельзя домой. Да и вообще по лицам осторожней надо. Гришку... не знаю. В теории он нигде у нас не светился. Но все-таки... Гриша, тебе есть куда идти? Где залечь?

Гриша кисло посмотрел на Михалыча и покачал головой. Потом обвел всех собравшихся одним жестом, указал на себя и произвел плавательные движения руками.

– Понятно, – Михалыч кивнул. – Если выплывем, то вместе. Я, в общем, то же самое и подумал. Но смотри сам. Серегу я на свою ответственность беру любому, тем более что он, как я понимаю, не против и вариантов у него других нет.

– Нет вариантов, – словно эхо повторил Сергей.

– А остальные... Сами должны решать. Я предложу не самый простой вариант. Учтите.

– А по ситуации ты что можешь сказать? А то как-то... – спросил Рома.

– По ситуации... Наши диски ищут. Все. Что на дисках точно, я не знаю. Предполагать могу только. Но их ищут. И государство, и... и другое государство. Даже, возможно, не одно. И дрянь всякая тоже. Ураган представляете? Видели когда-нибудь снимки из космоса? Вот оно самое. Круговерть, страшная, жестокая круговерть. И моих способностей не хватает на то, чтобы разобраться в этих потоках. Я попробовал. Меня сегодня чуть не поймали...

– Даже так?

– Да. И запомните, сейчас против нас играет государство. Вся его сила, все его средства... Чье государство? Я пока не знаю. Будет время, разберемся. Но чтобы это время было, надо создать определенные условия. В городе таких условий не может быть. Москва – это мышеловка. И только вопрос времени, когда нас возьмут за жабры. Ребята, – Михалыч заговорил громче, – я действительно не желаю, чтобы меня брали за жабры! Я сам всю свою жизнь брал за разные части тела разных засранцев. Так что представление имею! И хочу играть на своем поле. Понимаете?

– А сдаться? – Сергей посмотрел на Михалыча.

– Уже не дадут. Я попробовал сегодня. Едва ушел. Это ураган, братцы. Можем в нужный поток выйти, а можем так

налететь, что и костей не соберем.

– А связи твои... БТР где взяли?

– Понимаешь... Взять на часок БТР – это, конечно, производит впечатление, на какого-нибудь админа. Но, как правильно заметил Тимофей, уже бандитов это не удивит. А мы имеем дело с кем-то значительно более могущественным, чем простые уголовники. Многие, с кем я служил, погибли. Умерли. Исчезли. Организация, на которую я работал, вывела меня из актива, и слава богу. Я мастодонт. Таких, как я, осталось всего ничего. В разборках такого уровня моих связей в Москве будет слишком мало.

– Ладно. И что ты предлагаешь?

– Делать ноги.

– Куда? – Сергей усмехнулся. – Куда делать? Цивилизация – она всюду...

Михалыч широко улыбнулся.

– Значит, надо делать ноги туда, где ее нет.

– Это куда? В джунгли?

– Не... В Сибирь. У кого-нибудь есть знакомый, который может банковскую карточку перевести в наличные так, чтобы следов не осталось?...

Гриша хлопнул в ладоши и приложил ладонь к уху.

– Можешь с моего звякнуть, – предложил Рома, пододвигая к нему мобильник.

– Э нет! – Михалыч перехватил маленькую коробочку и быстро, по-варварски, вырвал из нее аккумулятор. – Теперь

только с телефона-автомата. Олечка, тебя можно попросить об одолжении...

– Валяй, чего уж... – Оля улыбнулась. Сергей отметил, какой жалкой получилась улыбка. Давящее чувство поселилось в груди.

– У тебя внизу, около подъезда, есть телефонная будка. Ты не могла бы сделать звоночек? Гриша, номерок чиркни... Я бы не просил, Оленька! – Михалыч прижал руки к груди. – Но просто в телефон обычно вделана видеокамера...

– Да ты что?! – удивился Рома. – А я один раз...

Он смутился и проямлил:

– В общем, да... Не знал.

46.

Гришин знакомый оказался обширным, постоянно сопящим дядечкой. Носом он ухитрялся выводить удивительные звуки, попискивая, шипя и хлюпя. Сергею сразу после рукопожатия захотелось руки вымыть.

– Ну чего звал-то, Гришок?...пссс... – поинтересовался мужичок, и Сережа окрестил его «Сопливый».

Они сидели в его машине, припаркованной неподалеку от Савеловского вокзала. В большом джипе одуряюще пахло какой-то дикой восточной парфюмерией.

Гриша молча кивнул на Сергея.

– Тут такое дело, – начал тот. – Нам надо карточки обналичить...

– Я не понял, Гришок,...сссурп... чего ты в молчуны заделался? – перебил Сергея мужичок.

Гриша молча потрогал щеку.

– У него челюсть сломана, – пояснил Сергей. – Потому говорить буду я.

– О блин!...фррр... Твою мать!...пссс... Гришок!...сссурп... – Мужик засмеялся. – Ты даешь...шш...

– Вот, – снова попытался взять инициативу в свои руки Сергей. – Нам надо обналичить карточки.

– Ворованные? – Сопливый насторожился.

– Нет! Свои.

– Ха! Так чего ж... хлюп... проще?! Пойди... хррр... к банкомату да наличь!

– Не хотелось бы.

– А чего?

– Есть причины.

– ...пссс.....хлюп.....хррр... То есть ты хочешь мне продать карточки. – Ну, можно и так сказать.

– фррр.....сссурп... – Сопливый подумал и, видимо, решив, что звуковая палитра не полная, смачно почавкал. – Пятьдесят процентов.

– Чего?

– Половину! Чего.....пссс... Денег, конечно.

– Ни фиги себе!

– Вот тебе и фиги!...хлюп.....хлюп.....фррр... Хочешь по-честному, иди и обналичивай сам. Я подстав... пссс..... ляться не буду за бесплатно.

– Риска никакого.

– Гришок!...хлюп... – Мужичок ткнул Гришу в бок. – Чего он мне грузит?...пссс...

– Реально нет риска, – настаивал Сергей.

– А сам чего не прешься?

– Светиться не хочу.

– А я хочу?...пссс... Нормально вы...хлюп... ребята, рассуждаете. Пятьдесят процентов.

– Десять.

– Хлюп.....сссурп.....фррр.....хррр...

– Хорошо. Двадцать.

– Офигел? Сколько там денег?

– Достаточно.

– Достаточно-шмогстаточно...пссс.....ссурп.....пш-

шш... Сорок пять.

– Тридцать.

– Сорок!

– Тридцать пять!

– Хррр... – Сопливый замолчал. – Сумма какая?

– Три карточки. В общей сумме сто тысяч.

– Псс.....пшшш... По рукам! Тридцать пять процентов

МОИ.

Они пожали руки. Сергей с трудом подавил в себе желание брезгливо дернуться.

– Коды хотя бы есть? – проворчал Сопливый.

– Все есть. Говорят тебе – карточки легальные.

– Легальные-шмегальные... Ладно. Давайте так, сейчас.....пссс... едем ко мне на точку...сморг.....ссурп...

Там меняю бабки на карточку...

Гриша покачал головой.

– Гришок?! Ты че, мне не веришь? – удивился Сопливый, даже перестав сопеть.

Гриша пристально посмотрел на мужичка.

– Да ладно, елки,...хлюп.....пссс... Это ж я! Гришок!... хррр... Ты меня из жопы...пссс... вынул, как огурец! Ха-ха...ссурп... Помнишь, а?! Ха-ха-ха.

И он залился веселым смехом, брызгая слюной и издавая уже совершенно непередаваемые звуки.

Гриша хлопнул себя по заднице, потом будто бы всунул туда что-то, повертел и вынул. Сути этого молчаливого явления Сергей не понял, но Сопливый содержание уловил и посерьезнел.

– Да ладно. – Он обиженно высморкался. Сергей никогда бы не подумал, что обычному в общем-то процессу можно придать такую сильную эмоциональную окраску. – Я не кидала, все-таки... хлюп... сссурп... Не хочешь ехать, как хочешь. Ждите тогда тут, я привезу.

Сергей с Гришей вышли из машины. Джип газанул, резво сдал назад и выскочил со стоянки, нагло гуднув какой-то старенькой «четверке», которая, свято веря в свои права, двигалась по дороге.

– Где ты его подхватил? – поинтересовался Сергей у Гриши.

Тот махнул рукой. Долго рассказывать, мол.

– Тут подождем? Или в здание заскочим?

Гриша покачал головой и покрутил указательным пальцем вокруг глаз.

– Видеонаблюдение... Да, помню...

Посылая ребят на «задание», Михалыч строго проинструктировал их на предмет мест, где могут располагаться камеры городского видеонаблюдения.

– Тогда, может, в кафешку заскочим? – предложил Сер-

гей, показывая пальцем через дорогу. – Вон, смотри... Работает что-то.

Вечерело. Усталый люд месил снежную крошку, густо перемешанную с грязью, песком, солью и разной городской химией. Кончился рабочий день.

Гриша осмотрелся и потер большим пальцем сложенные вместе указательный и средний.

– Блин... – Сергей покачал головой. – Как все-таки инерция работает. Все время забываю, что налика нет, а карточку светить нельзя. Блин.

Они помолчали некоторое время.

– Представляешь, – улыбнулся Сергей. – я сейчас попытался вспомнить, как выглядят сто рублей, и не смог. Прикинь! Вообще дожили... Карточки, мобильники, пропуска, документы... кругом микросхемы. Куда ни глянь. Чипы. Какой страшный перекося все-таки.

Они замолчали.

Гриша думал о чем-то своем. А Сергей вспоминал, с чего началась вся эта бодяга.

«Все-таки люди должны честно соблюдать условия сделок. Есть заказ, изволь выполнить. А если выполнен, то изволь расплатиться. Если бы Лихарев мне тогда честно заплатил... Сколько людей спокойно бы спали. Кстати, а почему, собственно, у Лихарева такая жизнь спокойная? Я тут фактически из-за него на дерьмо исхожу, а он там... Туры оформляет лохам».

– Гриша! – воскликнул Сергей. – Такое дело. Мы ведь скоро один черт из Москвы сдернем... Можешь ты мне одну штуку состряпать?

Гриша приподнял правую бровь. Какую, мол, штуку?

– В общем, одной конторе надо на сайте пару цифр поменять. Буквально мелочь... На крупные гадости уже ни сил, ни времени, но ощутимую мелочь вполне...

Гриша кивнул, мол, давай вводную.

– Так! – Сергей резво кинулся к ближайшему столбу, на котором трепетали обрывки наклеенных объявлений. – Ищем, ищем...

Он пробежал глазами по строкам и в самом низу обнаружил искомое.

– Ага! – Сережа оторвал бумажку с номером. То, что нужно! Как хорошо, что бумажные объявления все еще существуют...

Гриша заинтересованно заглянул к нему через плечо.

«...мые смелые мечты и фантазии. С кем ты хочешь сделать ЭТО? С соседкой? Или, может быть, с соседом? А возможно, тебя волнует их внучка? Или собака Жучка? Возможно все! Не стесняйся! Забудь запреты! К черту условности! Будь собой! Или стань иным! Возможно все! Номер телефона...»

Прочитав объявление, Гриша аж замычал.

– Сейчас, сейчас... – бормотал Сергей, выискивая в толстой пачке визиток нужную. – Сейчас... Господи, сколько

мусора. Всякий хлам. Прикинь...

Он протянул Грише карточку с надписью:

«Союз Освободителей Современной Украины».

– Прикинь, я им вывеску разрабатывал. Центральный офис на Тверской. Ну как же я старался уйти от аббревиатуры «СОСУ»... Это эквилибристика, брат. Настоящая! Ага! Нашел! Вот. Тут все реквизиты.

«Лихарев и К°», – прочитал Гриша на визитке. Посмотрев на название сайта, он удовлетворенно хмыкнул и достал сумку с ноутбуком, с которой не расставался.

Они очистили от снега скамейку, поставили на нее компьютер и присели рядом на корточки.

Гриша бодро забарабанил по клавишам.

– Чего ты делаешь? – поинтересовался Сергей.

Гриша отмахнулся. Долго объяснять.

Сергей возбужденно носился у него за спиной. Изредка заглядывая через плечо.

На экране появилось знакомое окошко болталки.

– Тимоха, твою маму, отзовись, – напечатал Гриша.

Изображение окошка в верхнем правом углу было закрыто ставнями.

– Тимоха, это Гриша. Ты мне нужен! – снова позвал Гриша.

Через некоторое время окошко растворилось.

– Гриня! Как ты там? Что случилось?

– Ничего не случилось. Я исчезну на время. Но ты меня

со счетов не сбрасывай.

– Понял. Серьезное что-то?

– Просто надо уехать.

– Понял. Что-нибудь еще хочешь? Что я могу для тебя сделать?

– Мне нужны пароли к люмберам. На имя «likchar».

– Это же наш домен.

– Я знаю. Потому и прошу. И потом надо будет замаскировать мою работу как атаку хакеров. Неизвестных, естественно.

Некоторое время Тимофей молчал.

– Ну хорошо, – ответил он наконец. – Я сделаю. Пароли уже у тебя в ящике.

– Не посылай на мой. Извини, не предупредил. Скидывай на анонимный мой, помнишь?

– Да. Сделано. Когда будешь ломать?

– Прямо сейчас и буду. Поможешь?

– Я сделаю, как ты хочешь. Береги себя.

– Спасибо. Удачи.

Окошко закрылось ставенками.

Гриша обернулся к Сергею и пальцами показал: «ОК!»

Буквально через минуту на экране ноутбука появился рабочий макет страницы фирмы, предпочитающей получить дешево и сердито.

– Знакомая картина, – обрадовался Сергей. – Вот тут, ниже, еще чуть-чуть... Да. Вот этот телефон. Значит, смотри.

Меняем секретаршу на прямой телефон «Сделай ЭТО с собакой». Отсюда номер возьми... Теперь директорский меняем на «Сделай ЭТО с соседом». Это ему понравится. У него клиентура нервная, он мне сам жаловался. Пусть расслабятся. И еще, Гриша, я точно знаю, что в этих же каталогах у них лежит макет плаката, бумажная реклама. Какие-то горящие туры...

Гриша пробежался по каталогам. Ткнул пальцем в монитор.

– Да. – Сережа присмотрелся. – Кажется, оно. Открой-ка...

На картинке жаркий, сухой ветер сдувал песчинки с кра­савицы топless. На заднем фоне пальмы, песок и солнечный пляж... Где-то там тепло, женщины и солнце.

Гриша вздохнул и посмотрел на Сергея.

– Да, – протянул тот. – Однако в промерзшей Москве это смотрится как издевательство. Тем хуже... Давай-ка мы тут номерок подправим. Но... не эти...

Сергей задумался, а потом щелкнул пальцами.

– Гришка, нам нужен какой-нибудь андеграунд мрачный. Такой, чтобы преследовался законом, как распространение порнографии... В Сети должно быть! Для видеофонов что-нибудь, чтобы позвонил и сразу – получите! А?!

Гриша пожал плечами и буквально в несколько щелчков мыши нашел искомое. Вглядевшись в изображение, Сергей сморщился.

– А ты опасный человек, старик. С такими-то фантазиями. Да... уж... Прямо думаю, не слишком ли? Может, попроще что-нибудь? Старое доброе садомазо? Нет?

Гриша помотал головой. Не слишком, мол, в самый раз. Они переправили номер на плакате.

– Гламурненько, – пришел к выводу Сергей. – Вполне. Ближайшая рекламная кампания обещает быть по-настоящему горячей. Закрывай все, к черту. И оформи им отсылку буклета в типографию и на распространение. Система заказов тоже должна быть где-то тут.

Он вздохнул и сел на скамейку, не замечая холода.

«Я все-таки неправильный человек, – думал Сергей, улыбаясь. – Наверное, очень неправильный. Плохой и испорченный. Таких, как я, надо убивать. Определять генное уродство в детстве и убивать. Потому, что я чувствую радость. И удовольствие. Прямо тут, сейчас. В этот момент. Если принимать болтовню всяких умников всерьез, то я не должен ощущать ничего, кроме опустошенности и тоски. Должен страдать и мучиться. Но нет. Я радуюсь. Я отомстил. И я доволен. Вот и все. То, чего так не хватало! Мелочь. Глупость. Геморрой и нервы для директора фирмы, которая меня кинула. Утраченная прибыль. Моя. И их. Порченная репутация. У них. Чувство удовлетворения. У меня. Скандал, судебные разбирательства. У них. Удовольствие, радость, полнота чувств. У меня. Несмотря на всю эту страшную канитель. Несмотря на то что завтра меня, может быть, уже не станет.

Наплевать. Теперь наплевать. То, чего так не хватало!»

– Гришка! – заорал он. – Гришка! Мы сделали! Мы их сделали! Вот так!

Он дернул что-то невидимое на себя и чмокнул губами.

– Понимаешь, Гриша?! Родной!

Сергей вскочил и, расставив руки, закружился по тротуару. Прохожие осторожно обходили их стороной.

Гриша покрутил пальцем у виска.

Но Столярову было все равно. Он чувствовал жизнь. Чувствовал свое право на жизнь!

К тротуару подрулил джип.

– Вы че,...пссс... сдвинулись тут? Или...хррр... греетесь? – поинтересовался Сопливый, выбираясь из машины.

– Принес? – обрадованно подскочил к нему Сережа.

– Ну, всяко...хррр... – Мужичок несколько растерялся.

От прежних загнанных, затюканных лохов не осталось и следа. Перед ним стояли веселые и... и почему-то опасные мужики. -...сссурп.....хррр...

– Показывай!

– Че, тут?

– Ну давай в машине, елки-метелки! Замерзли ждать тебя. Чего долго так? – Сергей вдруг понял, что давит на Сопливого.

– Ну так.....хррр.....пссс... далеко ведь. Дело-то...сссурп... такое...

– Нормальное дело! Мы уже думали плюнуть и пойти в

другое место, где проценты меньше. Давай, короче.

В машине было тепло, но вонять меньше не стало.

– Блин. – Сергей чихнул. – Ну и ароматизаторы. У тебя сопли из-за них, я думаю.

– Чего?...хррр... Круто, а пахнет чем? – Сопливый вдруг широко и весело улыбнулся. И Сергей почувствовал даже симпатию к этому проходимцу.

– Да какой-то байдой. Блин, как в Багдаде на базаре.

Гриша сделал жест рукой, словно вильнул хвостом.

– Ага, – подхватил Сергей. – Как в Багдаде на базаре в рыбный день.

– Вот бя.....хрр... накололи, сволочи. Продали мне эту дрянь. Козлы!...ссурп.....хррр.....пссс... За лоха меня держат. Ароматы весеннего леса.....хлюп...

Сопливый покопался под приборной панелью. Что-то там дернул, в руке остались провода, вниз посыпались искры. Протяжно загудел вентилятор.

– Сволочи... То-то я думаю, чего братва у меня в машине корчится... И ведь,...хлюп.....ссурп... не сказал никто! Молчат!...ххррр...

Он вытащил чемоданчик и протянул его Грише. Тот открыл, сноровисто пересчитал деньги и кинул на переднее сиденье прозрачную коробочку с карточками.

– Когда будете потерянными объявлять?

Сергей пожал плечами.

– А когда надо?

– Ну... хррр... недельку бы подождать. Нам надо... пссс...
еще там... Подготовиться... пссс..... фшшш... опять же
банкомат такой найти, чтоб позволял с имиджами работать.
Таких мало осталось... хррр...

– Договорились.

И они разошлись. Сопливый даже не догадывался, какой
геморрой приобрел за свои тридцать пять процентов.

47.

Калугин просматривал видео до самого вечера. Сверял с метрикой операции, с отчетами и записями участников. Картина, при общей полноте информации, никак не хотела укладываться в логические рамки. Головоломка, где понятны условия, где каждый квадратик находит свое место и никак иначе, но... то ли квадратиков слишком много, то ли каких-то деталек недостает, то ли...

Вот Карел. Весел и самоуверен. Вот несчастный Риттер, человек со сломанной психикой. Изувеченный умелой рукой шпиона. А вот первая ошибка Битова. Вооруженная группа поднимается в ресторан.

Калугин посмотрел в досье, которое принес Иванов совсем недавно.

Николай Фоменко, старший администратор компании «Батут». Характеристика с места работы исключительно положительная, хороший специалист, лидер, умеет подбирать персонал...

«Это точно, – подумал Калугин, рассматривая вошедших в ресторан головорезов. – Персонал как на подбор, с ними дядька Черномор... Интересно, а наши технари такие же оторвы? Или государственная служба накладывает определенные ограничения? А ведь когда-то программист – это было такое существо, с брюхом, пивом в одной руке и сигаретой

в другой. На брюхе лежала клавиатура. Когда ж они так мутировали? И почему? Ускорился ритм жизни? Спать меньше, шевелиться больше, хочешь жить, умей вертеться... Старая формула, но почему она сработала только сейчас? Хотя я могу даже припомнить момент, когда произошла первая разборка в IT-сфере. Как раз вскоре после Закона о защите прав в информационных технологиях. Закон, впрочем, не имел никакого отношения к тому делу. Я даже помню, как звали главного свидетеля по делу, Балакирев Миша. Бойкий был парень и, как выяснилось, полностью в «теме». Как грузил... Целая теория, вполне действенная, кстати. Какой там тезис был главным?»

Калугин откинулся на спинку кресла, чувствуя, что от долгого сидения сильно затекла спина. Захотелось отвлечься, переключить внимание на что-то другое.

«Меморандум Балакирева»... Сейчас, сейчас... Ага! Развитие программных средств в информационной сфере достигло апогея. Теперь неизбежен переход из виртуальной области жизнедеятельности в реальную. В мире больше нет программного обеспечения, которое невозможно было бы взломать. Нет секретов. Развитие закончилось! Информация делается все более и более прозрачной. Она уже прозрачна! И фактор сдерживания лишь один – смерть. Личная ответственность за нанесенный ущерб. Компьютеры убили демократию. Убили свободу. Их погубил прогресс! Виртуальность кончилась, ее больше нет. Теперь все реально. Реаль-

ные преступления, реальная ответственность. Воровство базы данных ничем не отличается от ограбления банка. Уничтожение корпоративной структуры ничем не лучше убийства. Информационная атака на биржевой центр влечет за собой ответственность за массовые убийства! И пока государство не примется реально карать за «виртуальные» преступления, нам придется брать ситуацию в собственные руки! – Калугин улыбнулся. Это дело он помнил почти целиком. Идеолог Балакирев тогда спровоцировал целую волну беспорядков, драк и убийств в среде тех, кого принято было называть «компьютерщиками». Информационный рынок стремительно криминализировался, за байт информации стали реально бить морду. А то и кое-что похуже. Государство традиционно плелось в хвосте, но только для того, чтобы впоследствии большим прыжком оказаться на вершине, из аутсайдера превратившись в главного разводящего. – А Балакирев умер в тюрьме. «Случайно» упал с лестницы, пережив два неудачных покушения. Вот тебе и программист – жирное брюхо. А ведь всем этим геймерам, программерам и прочим эвээмщикам человека убить... раз плюнуть. Обычный гражданин мучается, терзается, ведь в живого, в такого же, в мягкое стрелять... Тяжко ему. А компьютерщик что? Он уже монстров накопил с миллион, террористов и спецназовцев по углам расшвырял, города рушил, целые цивилизации под корень вырубал... Интересно, кого можно воспитать на 3D-шутере с призом по графике за «Максимальную реали-

стичность»? Вот его и можно воспитать... Убийцу-беспредельщика, для которого вопрос «Человек я или тварь дрожащая?» даже не стоит. Он пришел старушек убивать... для удовольствия. Ему надо только объяснить, что нужно делать. Тут «вовремя» подвернулся Балакирев. И теперь...»

Калугин посмотрел на монитор.

– Теперь мы имеем группу программистов, которые открывают огонь в ресторане... Понять бы еще, по кому?

Володя снова заглянул в досье.

Борис Карасик. Возраст, род занятий, личный номер... Статус – погиб.

«Ну да, погиб. Но с кем он разговаривал до этого момента?! Кого эти компьютерные кретины решили проучить?!» – Володя прогнал данные туда-обратно.

Парень сидел к камерам исключительно неудачно. Все время оказываясь или спиной к объективу, или с опущенной головой... Лица не разглядеть.

– Профессионал или счастливчик? – спросил Калугин у изображения. – А? Профессионал или счастливчик?

Он прокрутил видео дальше.

Стрельба. Парень упал. Сжался. Явно испуган...

– Не профессионал... Вот она, коробочка. Падает. К нему в руки почти...

Парень вскакивает. Бежит. Падает куда-то за ограждение.

– Все. Герой ушел со сцены.

Дальше Калугин уже не смотрел. Головоломка не склады-

валась.

Его вдруг посетило ощущение, что некоторые ее детали слегка обработаны напильником. И оттого не желают укладываться.

– Однако как-то же он туда попал... В ресторан... – Калугин набрал номер Иванова.

– Леша? Ты где сейчас?

– Из технического только-только ушел, – ответил Иванов.

– Вернись назад, пожалуйста, и найди мне видео со всех камер того центра. Со всех! За день до начала операции. И еще... И еще схему расположения систем видеонаблюдения.

– Всех камер? – переспросил Алексей. – Объем огромный...

– Тогда сначала схему. Отработаем наиболее простые варианты.

– Сейчас будет. Вам распечатку или прислать так?

– Присылай так. Мне не терпится...

Калугин положил трубку и вытащил из ящика стола пакетик с пирожками. Аккуратно развернул, разложил перед клавиатурой. Потом взял кружку и сходил за кофе, а когда вернулся, запрошенная схема уже ждала его в почтовом ящике.

– Оперативно. – Владимир Дмитриевич откусил пирожок. – Оперативно, но язва мне гарантирована с таким питанием...

Некоторое время он разбирался в путаных планах зеле-

ноградского небоскреба. Пока нашел наконец нужный этаж и разобрался в нумерации камер наблюдения, кончились и пирожки, и кофе.

– Леша, – Калугин снова вызвал Иванова. – Ты еще в техническом?

– Да.

– Тогда гони мне на машину данные с камер пятнадцать, тридцать семь, сорок четыре и десять. Особое внимание обрати на десятую.

– Понял, будет сейчас...

48.

У сержанта Миликова выдался, мягко говоря, трудный день.

С самого утра. Сначала жена, а потом и теща вцепились в него, как клещи, оттого что дома «вечно все не работает, все сломано и денег нет». Дети, по мнению этих двух бешеных выдр, отца не видят, жрать, как всегда, нечего, а «у соседской собаки даже ошейник, кажется, золотой»... И «все люди как люди, один наш в менты подался, идейный...» А «устраиваться надо уметь, но он ведь нашел место, где даже на лапу получить нельзя».

На возражения сержанта, что, мол, на лапу он брать не умеет и не за тем в милицию пошел, поднимался дикий ор, в стиле «уметь надо в жизни устраиваться».

На самом деле Миликов понимал, что все это – гнусная ложь и гадость, потому как денег в доме хватало. Зарплата, слава богу, после реформы позволяла жить безбедно. Однако «кажется, золотой ошейник соседской собаки» покоя не давал...

Брак сержанта трещал по швам уже давно, но в последнее время жизнь сделалась совершенно невыносимой. Единственное, что удерживало его, – это две дочки-близняшки, которые только-только пошли в первый класс. При детях Миликов не ругался, считая это безнравственным, и спускал

скандал на тормозах. Чем уверенно пользовалось женское население квартиры.

Сержант никак не мог решить, что хуже: зрелище отца, бьющего мать и бабушку, или зрелище матери и бабушки, гнобящих отца.

Жену свою Миликов любил и искренне полагал, что ее сбивает с пути истинного теща. Ударяться в загул ему было не с руки, не было желания. Что, безусловно, естественно: какие могут быть желания у замордованного семьей мужика? Таким образом перед сержантом во всей своей неприглядности встал вопрос, который в той или иной степени трогает всякого мыслящего человека: «А что же, собственно, делать?»

Над этим вопросом и мучился Миликов, патрулируя вокзал. Он блуждающим взглядом осматривал кипящее людское море. Автоматически фиксировал подозрительных, контролировал пути перемещения крупного багажа, выискивал орудующих в толпе карманников – одним словом, спокойно, но несколько отстраненно выполнял свою работу.

– А дома ремонт не делался полгода... – бормотал он себе под нос обидные слова. – Мужика нет... Честные все стали... Бона как другие-то...

Миликов сплюнул. Потом спохватился и, невольно озираясь, растер плевком ботинком.

«Ей-богу... Бить надо... – тоскливо подумал он. – А не хочется...»

Троица, одетая довольно тепло, в новенькие, будто бы свежекупленные, зимние комбезы уверенно прошагала через центр зала.

Тяжелые рюкзаки на плечах. Один с чемоданчиком, в которых обычно носят портативные компьютеры.

«Смотрят вниз, глаз не поднимают... – отметил сержант. – Морды знакомые... А у того, что постарше, костяшки пальцев сбиты. Дрался... Битие определяет сознание. Да. Бить или не бить, вот в чем вопрос... Где ж я их видел?»

Он было совсем уж собрался остановить странную тройку, но...

Но почему-то остался стоять у стены, проводив собранных, как в поход, мужичков взглядом.

– Поезд номер пятьсот сорок четыре Москва – Екатеринбург отправляется с пятого пути... – прогудел динамик.

«Потому так и оделись, в холода едут, – сообразил Миликов. – Ну и ладно... А может, и нигде не видел. Может, почудилось? Тут намелькается народу за день...»

Он на всякий случай припомнил доску с портретами «Их разыскивает милиция». Никого похожего.

Ну и ладно.

«Мужика дома нет... Ошейник у собаки... Честных развелось...»

Миликов с хрустом выпрямился, отметив, что вдруг ни с того ни с сего начал горбиться. Оправил ремень.

– Ну все, хватит. Покатались. Приеду – в морду дам, – ре-

шитительно произнес сержант и подмигнул какому-то небритому путешественнику, ожидающему своего поезда. – Так-то.

Портреты «для ознакомления» доставили в отделение милиции только утром. Таких листовок было множество. Обычно они касались лиц, которых пока не за что было определять в федеральный розыск, но требовалось разыскать. «Без шума и пыли».

Миликос, выходя на патрулирование, только мельком ознакомился с «новичками». Своих проблем хватало...

49.

– Ну что там, Леша? – не дождавшись требуемых данных, Калугин снова связался с Ивановым.

– Владимир Дмитриевич. – В голосе Алексея послышались официальные нотки. – Вы очень нужны в техническом отделе. Подойдите, пожалуйста. У нас тут... – Он замаялся. – Внештатная ситуация.

– Оригинально. – Калугин повесил трубку.

Через несколько минут он был в техническом.

Иванов сидел перед большим монитором и рассматривал какой-то журнал.

– Что случилось?

– Проблема, Владимир Дмитриевич, – вздохнул Алексей. – Вот смотрите...

Он провел пальцем по монитору.

– Дата... Адрес... Идентификатор... Как раз десятая камера. Примечание.

– Данные отсутствуют, – прочитал Калугин. – Она что, сломалась?

– Вот смотрим дальше. Днем позже. Ссылка на файл. Днем раньше. То же самое. Исключительно удачная поломка, видите ли, точно в день операции.

– Отчет ремонтной службы?

– Нету никаких отчетов. Камера работает. – Иванов по-

смотрел в глаза Володе. – Но данных... нет.

– Шикарно. – Калугин потер лицо ладонями. – Знаешь, как это называется?

– Еще бы...

– Диверсия... Список операторов, дежуривших в этот день. Перелопатить... Нет, сначала список. Потом я скажу, кого посадить за перелопачивание логов, я хочу знать все обращения, сделанные за тот период. Я хочу знать все операции... Телефонные звонки... Все!

– Список тут. – Алексей вывел на экран файл. – А вот лист обращений к системе видеонаблюдения.

– Отсортируй по часам... – Калугин прикипел к монитору.

Иванов провел сортировку и погнал полосу скроллинга вниз.

– Дальше... Еще дальше... – Калугин прикинул в уме время. – Между десятью и двенадцатью. А может быть, и раньше. Он должен был обнаружить... Нет! Стой! Мы так ничего не поймем. Дай мне выборку, кто вообще в тот день обращался к системе.

Алексей вывел на экран фамилии семи человек.

– Хорошо... Теперь мне надо знать, где они сейчас.

Иванов показал пальцем на цвет букв. Пятеро горели зеленым. Двое красным.

– Эти на работе сейчас. А эти два дома.

– Отлично! Свяжись с теми, кто еще тут. И попроси их со-

браться... Возьми какой-нибудь кабинет, но смотри... Чтобы все было...

– Я понял.

– Если понадобится, людей возьми с собой.

– Хорошо. А вы?

– А я навещу тех двоих. – Володя набрал на телефоне короткий номер. – Здесь Калугин, мне нужна машина и опергруппа. Срочно.

Через десять минут он уже выехал по первому из двух адресов.

Ехали молча. Машину подбрасывало на каких-то ямах. Калугин сидел позади, вместе с оперативниками. Остро пахло потом и оружейным маслом.

«Наша работа – это как прыжок с парашютом. Преодолеть страх, потом толчок. И больше ничего нельзя исправить или сделать по-другому. Ты летишь, падаешь. Можно сделать только одно. Либо открыть парашют. Либо разбиться. Главное – выбрать нужный момент, не раньше, не позже. И когда над головой оглушительно хлопнет купол, не расслабиться. Потому что за прыжком всегда следует приземление... – думал Калугин, трясаясь на твердом сиденье. – У кого-то жесткое. У кого-то... правильное. Правильное... Чекист должен быть уверен, что все его действия правильны. Нет. Не так. Чекист должен знать, что все его действия правильны... Тоже не так. Они просто должны быть правильны. И все. Действия, принципы, желания, наконец...»

Калугин покачал головой.

«Метафизика...»

Приехали неожиданно. Вдруг перестало трясти. Рыкнул коротко ручной тормоз, и водитель сказал в окошко:

– На месте!

В тот же миг машина ожила. Ребята в камуфляже, без суety и лишних движений, высыпали наружу, взяли в оцепленные подъезд.

Калугин с командиром опергруппы поднялся на седьмой этаж.

Звонок в дверь.

Тишина.

Дом притаился. Ждет. Напрягся в упругом ожидании.

Калугин почувствовал, как шевелятся волоски на шее... Сейчас, может быть, там, за дверью человек, который... который – враг.

Послышался топот. Слишком быстрый для взрослого мужчины.

– Кто там?

Ребенок. Калугин замер в минутной нерешительности. Сделал знак командиру, мол, не дергайся.

– Мы к папе пришли... Позови, пожалуйста...

– Сейчас, – деловито и «по-взрослому» ответил малыш и убежал.

На лестнице все замерло.

Наконец Володя услышал шаги. Тяжелые, уверенные.

Щелкнул замок.

В лицо пахло домашними запахами.

– Добрый день...

Калугин вспомнил. Он видел этого парня много раз.

Обычно сидящим за монитором, нога на ногу, в руке чашка.

– Вы Мироненко Дмитрий Захарович?

– Я, простите, с кем имею?...

Калугин сверкнул корочкой.

Лицо Мироненко напряглось.

– Что-нибудь случилось?

– Да. Будьте любезны проехать с нами. Если все в порядке, то скоро вы вернетесь домой.

– Хорошо... – Он хотел было закрыть дверь, но Калугин сделал полшага вперед. – Э-э-э... Проходите. Я только оденусь...

В прихожей было тепло и уютно.

Из-за двери на Калугина и вошедшего с ним командира оперативников чуточку испуганно смотрели Два детских глаза.

Мироненко быстро оделся.

– Милая, – крикнул он в глубину квартиры.

Из дальней комнаты вышла женщина. Калугин поздоровался.

– Я должен на работу убежать. – Мироненко быстро поцеловал ее в щеку. – Вернусь, наверное... – он обернулся на Калугина.

– Наверное, скоро... – сказал Владимир Дмитриевич. Но внутри все напряглось...

И снова машина.

Ребята в камуфляже молчат.

Мироненко тоже помалкивает. Смотрит в пол и только морщится иногда.

Калугин вдруг поймал себя на том, что совершенно искренне не хочет, чтобы предателем оказался этот парень. На душе было тяжело. И из-за двух детских любопытных глаз, и из-за испуганных женских рук, прижатых к груди.

«Чекист должен поступать правильно. Всегда и везде. Потому что иначе он не может. – Калугин закрыл лицо ладонями, вдруг ощутив, что дико хочет спать. – Как все-таки трудно. Трудно быть чекистом».

И снова скрип тормозов. Щелчок дверного замка.

– Приехали!

Двое в камуфляже остались в машине с Мироненко.

В остальном же все повторилось. Оцепленный подъезд, заблокированный лифт. Этаж отсечен.

Володя уже палец занес для звонка, как за спиной скрипнула дверь.

– Шумят, спать мешают, житья от вас нет... – понеслась визгливая надтреснутая старушечья брань.

Кто-то из оперативников шагнул вперед, появляясь в узкой полосе света, идущего с улицы.

Старушка ойкнула, хлопнула дверь.

«Теперь эта кошелка приклеится к замку намертво, – решил Калугин и утопил кнопку звонка. – Если и тут дети...»

Но детей не было.

Была только тишина.

Снова звонок.

Никакой реакции.

Калугин постучал кулаком. Дверь вздрагивала, глухо отзываясь на удары.

Снова позвонил.

Потом набрал на телефоне номер.

Было слышно, как в пустой квартире одиноко пиликает мобильный телефон.

– Свет горит, – сказал кто-то из оперативников.

– Что? – Калугин вздрогнул.

– Я говорю, снизу видели, что свет горит... Типа ночника или торшера... Слабый такой...

Владимир Дмитриевич отошел от двери.

– Ломайте.

– Гхм. – Командир оперативников вполголоса спросил: – Без санкции?

– Да. Ломайте. Ответственность моя...

– Давайте, ребята...

И ребята дали.

Только пыль от вывернутого косяка полетела.

По упавшей двери затопали крепкие ботинки.

– Кухня, чисто.

– Детская, чисто.

– Гостиная, чисто.

– Спальня... живых нет.

Уже чувствуя, что случилось непоправимое, Калугин направился в спальню. Коридор. Открытая дверь в ванную.

Хозяин квартиры лежал на кровати. Пустые глаза безразлично смотрели куда-то вверх, сквозь потолок, бесконечные перекрытия... в небо.

Константин Аркадьевич Тимирязев. Рядовой оператор технического отдела ФСБ.

Убит выстрелом в живот. Умер не сразу.

Калугин непослушными пальцами набрал номер Иванова.

– Леша, высылай, родной, криминалистов на квартиру к Тимирязеву. И «Скорую»...

– Труп, Владимир Дмитриевич?

– Труп. И знаешь что, пожалуй, отпускай остальных. Тут и без лишнего шума все понятно.

Калугин выключил телефон и обратился к командиру:

– В общем, отпускай ребят. Я тут криминалистов дождусь... А Мироненко отвезите домой. Хорошо?

– Хорошо, – командир кивнул. – Ребята, эвакуируемся...

– Хотя, погодите, я с ним поговорю...

Калугин спустился вниз, забрался в машину. Отпустил двух охранявших Мироненко ребят.

– Пойдите покурите. – Сел напротив. – Вы извините, Дмитрий Захарович, что мы вас так сорвали в ваш выходной.

Просто возникла одна версия, которую надо было проверить. С вашей помощью. Но, видите ли... Не понадобилось. Так что... – Калугин развел руками. – Так что еще раз извините. Дело важное, сами понимаете, времени на разъяснения не было. Сейчас вас отвезут домой...

Калугин вздрогнул, увидев маленькую блестящую точечку в уголке глаза оператора.

Слеза?

– Еще раз извините. – Калугин вышел из машины.

– Ничего, – выдохнул Мироненко. – Ничего... Бывает.

За квартирой Мироненко в тот же день было установлено наблюдение...

50.

Полупустой плацкарт. Усталый, какой-то остекленелый проводник.

Когда поезд наконец дрогнул, взлязгнул глухо замерзшими сочленениями и оттолкнулся от перрона, Сергей понял, что все это время его сжимало необъяснимое напряжение. Словно он до последнего боялся, что тусклый желтоватый свет вдруг вспыхнет ярко, проводник попросит всех оставаться на местах, не волноваться. «Отправление нашего поезда задерживается по техническим причинам». В вагон войдут люди в черных куртках и, поигрывая желваками, попросят выйти. Аккуратно возьмут в «коробочку» и выведут «за угол». А там будет ждать тот, носатый...

Усталое, измученное, растрепанное сознание уже путало события реальные и вымышленные. Сергей пытался разобраться, что он делает в этом поезде, чего хочет добиться, постоянно убегая? Рассуждения Михалыча о «глазе урагана», казавшиеся такими логичными буквально несколько часов назад, теперь не выглядели таковыми. Все казалось мрачным, холодным, мокрым и грязным. В голове путались спецслужбы, бандиты, погони, выстрелы. Лица пассажиров, неудачно подсвеченные сверху желтым, нездоровым светом, выглядели какими-то уголовными, будто набился полный вагон бомжей...

Столяров потер лицо холодными ладонями. Закрыв глаза. Под веками будто тертого стекла насыпано...

Но поезд двигался.

Набирал ход, убегая от Москвы. Прорываясь смелой мухой через паутину дорог, кольцевых, окружных, подземных. Наружу, на свободу.

Наверное, впервые за эти несколько сумасшедших дней Сергей почувствовал, как что-то сдвинулось с места. Шары огромного бильярда раскатились в новую позицию, закончились бесконечные пустые удары на «отыгрыш». Теперь партия пойдет иначе. Только сейчас и начинается настоящая игра.

Эти дни вымотали его. Окончательно вымотали, закрутили до головокружения и тошноты.

Пришел проводник. Забрал билеты, выдал белье. Пообещал чай.

Пришел проводник. Принес чай.

Люди вокруг зашевелились. Будто ожили.

Прошел проводник. Собрал белую дорожку с ковра.

Опустевшие стаканы позвякивали ложечками на трясущемся столе.

Поезд двигался, как огромный снежный великан. Угрюмый, сильный и верный.

От его силы, от его уверенности делалось сонно, тепло...

– Давайте ложиться, – сказал наконец Михалыч. – Это длинная дорога. К ней надо относиться серьезно.

Вопреки ожиданию Сергей не смог заснуть сразу.

Лежа, он смотрел на огни, проносящиеся за окном, на стремительные тени, призраки и чудеса железной дороги. Колеса выбивали ту самую, удивительную полиритмию, которая, словно бубен шамана или стремительный языческий конь, способна унести человека далеко-далеко...

«Мсть – это хорошо... С мстью мы разберемся. Но надо же двигаться куда-то дальше? – Сергей заложил руки за голову. – Что же дальше? Вот, скажем, Кавказ, все эти южные народы с их кровными вендеттами, род на род, племя на племя, и так из поколения в поколение. Резня... Дикость. Тоже не годится. Дикость и есть. Дискредитация идеи. Людям жить надо, вперед двигаться, а не ползать по кустам с автоматами. Это на югах хорошо. Там и погода, и стиль жизни позволяют. Северным людям нужен другой пример. Иначе все уткнется в диких горцев. Да и то примеры найдутся какие-нибудь, исключительно уродливые. Как всегда...

Но вообще-то вопрос действительно серьезный. Ну, вот осуществил кто-то мсть. А ему с той стороны в ответ... Понятие вины, оно... по-разному воспринимается. Что тогда?»

И словно кто-то посторонний, до этого момента молчавший, ответил:

«Бандиты же нашли выход. Разводящий. Авторитет. Именно он решает, кто прав, кто виноват, по понятиям. Нарушены ли неписанные законы?...»

«А где его взять?»

«Ну, брат, – усмехнулся кто-то. – Мы же не берем в расчет мелочи, типа, кот насрал на коврик... Если у тебя проблема на уровне, или ты их, или они тебя, то авторитета найти можно. Ситуация к тому обязывает. Ответственность за близких, семью... Сам говорил, месть – не для слабых духом».

«Ну, хорошо, а какие могут быть пути к... ну... Как это говорят, несилowому разрешению конфликта?»

«Давай посмотрим в историю. Все на том же Севере. Вот, скажем, скандинавы, месть – это было очень распространённое понятие среди викингов. И не всегда роды резали друг друга до последнего мужчины. Было же такое понятие, как вира. Сейчас ее назвали бы как-нибудь, типа, денежная компенсация. Принять ее означало и честь соблюсти, и отказаться от дальнейшей мести. Это была особая мера, чтобы предотвратить бесконечную вендетту. Собственно, ты же сам пытался к этому свести, когда с Карасиком разговаривал. Подумай, если бы тебе Карасик отступного предложил? Ты бы успокоился?»

«Наверное, да...»

«Но он, дурак, в бутылку полез. Почувствовал, что не готов ты до конца идти...»

«А разве я был не готов?»

«Конечно. Вспомни. Когда он сказал, что ни копыя тебе не вернет, хотя и признает, что обокрал. Вспомни. Ты же как вкопанный перед стеной встал. Что делать? Как быть? Вот так, Сережка, маховики-то завертелись. Колеса, шестеренки.

Не остановить... А Карасик, тот был готов тебя валить. Помнишь? Пистолет под столом... С одной стороны, это тебе в плюс, ты его так запугал, что он уже себя не помнил, но, с другой стороны, брат, это ты его должен был на мушке держать, а не он тебя. Страшно?»

«Страшно, – признался Сергей. – Очень».

«Правду говоришь. А помнишь, ты назвал вопросы, на которые должен ответить человек, собирающийся мстить?»

«Кажется».

«Вспомни...»

«Сможешь ли ты справиться с тем, что обрушится на тебя?»

«Так...»

«Стоят ли результаты такой жертвы?»

«Дальше...»

«Имеет ли ценность то, ради чего ты решил рисковать?»

«И?»

«И что будет, если ты простишь обидчика?»

«Правильно. Ты ведь ответил для себя на эти вопросы? Правда?»

«Конечно. Иначе я не стал бы...»

«Но есть еще один вопрос. Его надо задавать себе везде и всегда. Везде перед тем, как принять решение. Всегда после того, как ты решил, что готов».

«Какой?!» – Сергей едва не закричал.

«Не вру ли я самому себе? И даже если ты еще немного

не готов, еще чуть-чуть не смеешь, этот вопрос поставит все на свои места. Потому что, если ты не врешь самому себе, значит, ты владеешь собой. И готов идти до конца. И еще дальше».

– Не вру ли я самому себе? – повторил Сергей шепотом. – Не вру ли я?...

«Не могу. Не должен. И не буду лгать самому себе...»

– Надо не забыть... Только бы не забыть...

А потом он заснул, как нырнул в черную воду.

Через которую бежал, бежал могучий языческий конь.
Поезд в ночи...

51.

В кабинете у Битова было, как всегда, тихо. С суровой задумчивостью смотрел со стены Железный Феликс, лежал в открытой коробке, на черном бархате подарочный «маузер», и голубым подсвечивал сумрак голографический монитор.

Шеф стоял спиной к дверям, рассматривал что-то за окном.

Калугин осторожно кашлянул.

– Входи, Володя, входи, – не отрываясь от окна, сказал Битов и махнул Калугину рукой, подходи, мол. – Смотри, сволочи, что делают...

Владимир Дмитриевич остановился рядом с Антоном Михайловичем и посмотрел вниз. Там, на небольшой стоянке, четверо каких-то охламонов вертелись вокруг машины.

– Что там?

– Воруют, – меланхолично ответил Битов. – Натурально перед зданием ФСБ... Засранцы. Надо все-таки машину на подземную парковку загонять. Да ленюсь все.

– Так это вашу машину?!

Шеф кивнул.

Одинокое стоящая «Субару» подозрительно взмаргивала габаритными огнями, но звуковых сигналов уже не подавала.

– Идиоты, конечно, но специалисты... – прокомментировал Битов. – Обрати внимание, звук уже убрали.

– Так... – осторожно предположил Калугин. – Может быть, в милицию? Или нашими силами?...

– Ну, все-таки нашими силами не стоит. Чего ребят зря дергать? Да и... еще скажут, мол, злоупотребление служебным положением. Пусть милиция занимается. Это ее работа.

– А сообщили?

– Конечно. Вот смотрю, проверяю время реагирования. Ты не против, если мы дождемся конца этой пьесы? Ничего срочного нет?

– Нет. Хотел с вами просто один момент обговорить...

– Тогда немного подождем. – Битов показал на парня, который сидел чуть поодаль. – Видишь вон того? Он сейчас сигналы перехватывает. А остальные вокруг носятся с датчиками, сканируют. Потом, когда у программы база подберется порядочная, они попробуют с компьютером, который в машине стоит, «договориться». Если получится, он им сам двери откроет. Никакой грубой силы. Электроника, прогресс, цивилизация.

– А если они раньше милиции доберутся?

– Могут, – согласился Битов.

– Так ведь уедут!

– Это вряд ли. – Антон Михайлович покачал головой. – Электроника, конечно, хорошо... Но она далеко не все решает. Мне сосед-умелец на приборку кнопку вывел. Без нее не заведется. А ее еще найти надо. Не все так просто... Впрочем, вот и кавалерия.

На большой скорости к стоянке подлетел, мигая разноцветными огнями, милицейский «пакет». Взломщики замечались, кинулись в разные стороны. Но с другой стороны подъехала еще одна машина. Охламоны кинули на землю инструменты и упали рядом. Стандартная поза «Не бей меня, начальник», ноги в стороны, руки за головой. Со столичной милицией шутить себе дороже.

– Идиоты и есть... – кивнул Битов. – А может, наоборот, представители очередной творческой интеллигенции. И это их способ самовыражения. Угнать тачку с Лубянки. Этот вариант, кстати, более реален. Угонщики все-таки должны обладать каким-то интеллектом. А для людей творческих это совсем не обязательно. Им нужно иметь жилку социальную, чтобы там... устроить акт политической сатиры. Смарт-моб, понимаешь. Так и хочется процитировать классика мирового пролетариата...

– Интеллигенция не мозг нации, а ее говно?

Битов кивнул.

– В самую точку сказал. Помнишь, может быть, как эти ребята к нам на Лубянку камни носили?

– Нет...

– Очень давняя история. Даже я не слишком хорошо помню, кто это все придумал. Молодой был... Кажется, рифмоплет какой-то придумал... Слова я запомнил хорошо, «политическая сатира». Ты работаешь, жизнью иногда рискуешь. Ночами не спишь. Мразь всякую ловишь. А для них – это

только повод устроить политическую сатиру. Верно сказано, исключительно верно. Говно оно и есть... И не тонет. – Битов опустил жалюзи. – Ладно. Импровизированный спектакль, пожалуй, окончен. Актеры сейчас огребают свои аплодисменты, а мы делом займемся. Что у тебя?

Калугин сел за стол, напротив начальника. Разложил распечатки.

– Мы нашли человека, который работал в тесном контакте с «кротом». Но, к сожалению, нашли поздно. Кто-то, по всей видимости, сам «крот», успел убрать сообщника. Сейчас на квартире у убитого проводят обыск и все сопутствующие мероприятия.

– Почему ты думаешь, что это нужный нам человек? Наиболее распространенный мотив для убийства – бытовуха.

– Стопроцентной гарантии, конечно, нет. Но мы подняли все логи, все архивы, все, что только можно. Именно во время дежурства Константина Тимирязева был произведен подлог определенных материалов и уничтожение данных. Тимирязев первым вышел на те видеофрагменты, которые позволили ему определить имена, фамилии и адреса подозреваемых. Соответственно, он же и направил к ним погромщиков. Точнее сказать, направил не он, но с его помощью.

– Seriously они взялись, раз так кадрами разбрасываются. – Битов побарабанил пальцами по столу. – Что думаешь дальше предпринять? Да! Кстати, что-нибудь по остальным участникам есть? Как я понял, лица их все-таки в систему

попали?

– Попали. Но не всех, как я понимаю. По свидетельству проституток, в квартире, помимо Лаптева, были еще трое. Одного мы вычислили. Столяров Сергей Васильевич, вот его досье. А двое других вне системы. Сейчас идет поиск и Лаптева, и Столярова по всей системе видеонаблюдения. Это займет время.

– Не надо по всей. Только за последние дни. – Битов пробежал глазами досье Столярова. – Дизайнер?

Калугин кивнул.

– Неприятное ощущение, что это случайный человек...

– Почему неприятное?

– Потому что случайный. – Битов вздохнул. – Очень плохо иметь дело с непрофессионалами. Бойню в ресторане затеяли непрофессионалы. Идиоты, у которых от компьютеров сдвинулись все... понятия. Лучше слова и не подбираешь. Все-таки уголовная «феня» имеет право на существование как специфическое добавление к русскому языку. Эдакий дополнительный словарь. Понятия... Да. Так вот, непрофессионал опасен тем, что непредсказуем. Потому хороший профи всегда должен стремиться к тому, чтобы быть абсолютным любителем. Куда ветер подул, туда и бросился... Подхватил идею, упала она на благодатную почву, и готов экстремист, а снаружи обыватель обывателем.

– Так, может, это высококвалифицированный профи? Просто голову нам морочит... – Калугин, впрочем, понимал,

что говорит ерунду.

– Нет. – Битов поморщился. – Вероятность маленькая. Ты посмотри, как все складывается. В ресторане любители. Программисты. Еще дизайнер наш. Всяко не спецназовец. Один только Лаптев картину портит. Но и он в отставке. От военных, кстати, пришел ответ. Они заявили, что Лаптев полностью снят с актива. Полностью. То есть никаких обращений к нему нет и быть не может. Так что тоже, в некотором смысле, любитель... Чайник.

– Хорош чайник...

– Ну, – Битов развел руками, – другого нет. Случайность. Очень редкая. Но тем не менее возможная. Тем хуже для нас. Тем хуже. Да еще компьютерщики эти, неизвестные. Вообще подарок. Мало того, что они в Зеленограде устроили... Кстати, пробей связи этого дизайнера и того... Убитого в ресторане. Забыл... О! Карасик! Он ведь с ним беседовал, так? Калугин кивнул.

– Пробей связь. Что они могли делить, о чем могли говорить. И так далее. Может быть, это нам ничего не даст, но картина станет более ясна, точно.

– Я это все сделаю, Антон Михайлович. Но мне точно понадобится установить контроль за банковскими счетами и выбить из телефонных компаний лист звонков с телефонами Лаптева и Столярова. А они могут заартачиться. Санкция прокурора... Ну вы знаете систему.

– Знаю. Составь мне заявку, я все сделаю. Хочешь жизнь

нашим товарищам осложнить?

– Точно так. Чем труднее жизнь, тем больше движений надо сделать, а тут уж...

– Я понял. – Битов кивнул. – Но есть одно «но»...

– Какое? – спросил Калугин.

– «Крот», – коротко ответил Антон Михайлович. – А есть ли у тебя, Володенька, на примете хороший видеоинженер?

52.

Открыв глаза, умывшись и придя на кухню, Калугин неожиданно понял, что попал в утро вчерашнего Дня.

Фантасмагорическое это ощущение было настолько явным, что он на всякий случай проверил календарь. Но электроника субъективных ощущений не воспринимала. Для нее время делилось на равные отрезки, которые изменялись последовательно, без задержек, с точно отмеренными паузами. Человеческие ощущения в расчет не шли.

Владимир Дмитриевич припомнил, что примерно года два назад проскакивала информация, что наконец изобрели прибор, фиксирующий кванты времени. То есть чувствующий время как субстанцию, где часы и минуты приобретали физические свойства реальных предметов. Потом информация потерялась, будто и не было. То ли утка, то ли ошиблись ученые, то ли, как всегда, очередное открытие оказалось интересно исключительно для математиков-теоретиков, изучающих особенности евклидовой метрики, как проективного отношения к фундаментальным образам.

– А было бы интересно, – сказал Калугин календарю. – Проверить, бежит время или ползет. В каких ситуациях и каким образом...

Он встряхнулся и включил телевизор. В холодильнике, как говорится, мышь повесилась. Яиц и колбасы на завтрак

холостяка хватало, но со всем остальным были проблемы. Еще лежало давешнее сало, но трогать его Володя не стал. Политический конфликт Киева и Москвы еще не разрешился.

«Собственно, а что мне еще надо? – подумал Калугин. – Завтракаю я дома, обедаю на работе. Ужинаю тоже. Язва гарантирована. Зачем еще и холодильник забивать?»

Он поставил сковороду на плиту и сделал громче звук телевизора.

Все тот же диктор, все в тех же новостях.

– Определенно дежа вю... – пробормотал Калугин.

– ...новостях прошло сообщение о русских подводных лодках, замеченных у побережья Швеции. Министерство иностранных дел России не дало на этот счет никаких пояснений. Согласно мнению некоторых западных газет, в шведских территориальных водах были замечены подводные атомные крейсера «Оскар-2», что в переводе с натовской классификации означает тип подводного ракетного крейсера «Антей». Нам не удалось получить комментариев и от Министерства обороны, но в нашу студию пришел Георгий Мохнадзе, который является аналитиком новостного сервиса «Мир известий». Георгий Аванезович, что вы можете сказать по поводу этих сообщений?

Очень толстый и очень задумчивый мужчина образцовой кавказской внешности развел руками:

– Ситуация в Балтийском море сильно усложнилась. Ко-

нечно, Соединенным Штатам совершенно не стоило ради обычных учений рисковать таким дорогостоящим предметом роскоши, как авианосец, и проводить его через довольно сложный фарватер бесконечных проливов Скагеррака. Да еще затащить его в ловушку относительно мелкого и неудобного для маневрирования Балтийского моря. Фактически любая наземная операция уже не имеет смысла после того, как авианосная ударная группировка проникла в Балтику.

– Да, конечно, силы этой ударной группировки достаточны, чтобы подавить...

– Нет, – перебил диктора Мохнадзе. – Я не об этом. США уже имеют повод считать эти учения удачными. Ввести авианосец в Балтику... За одно это капитану и всему экипажу надо дать внеочередное звание и прибавку к жалованью.

– А авианосец в Северном море, Георгий Аванезович, что вы можете сказать о нем?

– Это уже проще. Вот и все. – Калугину показалось, что кавказский аналитик сейчас заснет. Диктор, видимо, пришел к тому же выводу и деликатно покашлял. Георгий Аванезович очнулся. – Да, конечно, следует отметить, что все эти учения не имеют никакого смысла и это очередная политическая игра. Акция устрашения. Овеществленное доказательство приближения НАТО к нашим границам. Мы много говорим об этом, и вот теперь, пожалуйста, они действительно у наших границ... Верхом на своем боевом коне.

– А по поводу наших подводных лодок?

– Ну, это естественный ход Министерства обороны. Особенно на Балтике. Как я уже говорил, Балтийское море достаточно мелко и неудобно для маневра. Залп ракет класса «Гранит» в этих условиях вызовет катастрофические последствия для авианосной группировки. Однако и ответный удар будет сокрушающим. В Балтике мы имеем патовую ситуацию. Так сказать, гарантию того, что учения пойдут исключительно по плану. Страховка.

– А в Северном море?

– В Северном море, как вы знаете, ситуация значительно сложнее. Если в Балтике пат, то на Севере игра ведется. Сказать что-либо определенное достаточно сложно. Понятно, что натовские АУГ там сопровождаются нашими кораблями, как надводными, так и подводными, но перевес... Особенно в воздухе... Ничего не могу сказать.

– Насколько я слышал, ожидается подход к месту событий авианосного крейсера «Адмирал Кузнецов».

– Да. Ожидается. Это один из трех авианесущих крейсеров, имеющих в распоряжении России. Два других, увы, находятся в глубоком ремонте. Собственно, и «Кузнецов» вышел из доков с трудом. Но, как бы то ни было, плавучий аэродром есть плавучий аэродром, и главное в этом вопросе – самолеты. Ну, а ходовые способности уже потом. Такой вот каламбур.

– И, наконец, я хочу задать вам вопрос, который волнует

многих наших зрителей. Не означает ли это военное противостояние, – диктор замялся, боясь вымолвить то самое слово, – начала военных действий...

– Так он тебе и скажет, – ухмыльнулся Калугин. Этого толстопузого Мохнадзе он неоднократно видел на Лубянке, в специальном отделе. Видный аналитик говорил, что думал, но на определенные темы имел мнение, определенное старшими товарищами.

– Не думаю. – Георгий Аванезович опустил глаза вниз и потер кончик носа.

«А врать так и не научился», – решил Калугин.

– Не думаю. Тут дело в демонстрации. В пиар-ходах. В политике. Ведь не секрет, что авианосцы из силы военной превратились, и давно, в силу политическую. Это – как визитная карточка Америки. Напоминание об их грозной мощи. Сейчас, если хотите, идет обмен такими вот... карточками. Как, помните, может быть, давний-давний русско-китайский конфликт... Приблизительно так же, но, думается мне, без жертв. Игра в политические шахматы, но не более того. Авианосцы, подлодки, ракеты – это сложные фигуры непростой игры, такие же, как, скажем, спутники.

– Спасибо, Георгий Аванезович, – обрадовался диктор. – А мы вернемся в студию после рекламы, чтобы поговорить о черноморском кризисе.

Калугин выключил звук и принялся за готовку.

Через полтора часа он был уже на работе.

В отделе царила лихорадочная суэта.

– Засекли, – радостно заявил Иванов, встречая Володю у входа. – Система видеонаблюдения сработала. Техники там сейчас уже чуть ли не шампанское пьют.

– С чего бы? – удивился Калугин.

– Ну как, сработала эта их шарманка. Причем сама по себе. По установленным параметрам вычислила человека и теперь ведет его через спутник. Техники говорят, что последний раз такая удача была только, когда какого-то крупного террориста ловили.

– А кто попался? Лаптев?

– Оба! И Столяров, и Лаптев. – Иванов подхватил Калугина под локоть и повел в технический. – Что удивительно, система отреагировала на Столярова. Хотя, по идее, должна была скорее уж Лаптева поймать. На него данных больше было.

– Как раз неудивительно, – проворчал Калугин. – Лаптев знает о существовании этой технологии. И знает, когда надо в землю смотреть, а когда голову отвернуть. При надлежащем желании всю эту электронику можно обойти. У Столярова были более верные шансы попасться. Потому, пока у нас не было данных на этого дизайнера, видеонаблюдение и не давало результата. Лаптев просто прятался, а Столярова мы не знали. Вот и весь секрет. Ну, давай показывай...

– Первый раз их поймали на Казанском вокзале. – Иванов открыл архивный файл. На экране мелькнуло лицо. Кон-

туры мгновенно выделились красным изображение застыло, укрупнилось. На экран вылезла карточка из личного дела Столярова. Побежали строкой персональные данные. – Теперь на него сориентировался спутник. Ведется слежка. Потом мы отловили рядом с ним и Лаптева. Сейчас эти двое у нас на карте...

Леша вывел на экран карту Москвы, увеличил центральные районы и показал на две мерцающие точки.

– Вот они. В данный момент находятся в одном из магазинов электроники.

– Есть там видео?

– Момент. – Иванов пошептался о чем-то с одним из техников и вернулся. – В общем, нет, но мы можем взять под контроль охранную систему магазина. Это незаконно, но в таком случае, думаю, возможно.

На экране показались уже знакомые персонажи. Магази́нная камера работала с задержкой, поэтому картинка дергалась, изменялась буквально покадрово.

– Не фонтан, – прокомментировал Калугин. – Есть возможность определить, что они покупают?

– Пока нет, но как только они что-то купят, возможность будет. Мы просто войдем в базу магазина.

– Как все просто... – пробормотал Калугин.

– Ну, по налоговым каналам такое возможно... Сами же говорили, что полномочия у нас самые широкие.

– Говорил, – Калугин согласился. – Так оно и есть. Дей-

ствуй. В общем, пока просто води их, а когда выявишь место, где они остановятся, труби общий сбор. Хорошо бы еще... тех программистов накрыть.

– Попробуем, Владимир Дмитриевич...

– Пробуйте. А я пойду начальству докладываться. – Калугин достал телефон, хотя о событии такого масштаба по всем правилам требовалось докладывать лично. – Антон Михалович? Это Володя... Гхм... То есть Калугин.

– Давай, Володя, говори. – Голос у Битова был такой, будто он ночь не спал. Так, собственно, и было.

– Мы обнаружили объект. В данный момент ведется слежка.

– Прекрасно, – ответил Битов после секундной паузы. В трубке что-то потрескивало, шелкало. – Пошли мне, пожалуйста, по почте отчет. Сделаешь?

– Сию минуту, как только дойду до рабочего места.

Калугин повесил трубку.

53.

Спутник водил объекты целый день. Или, точнее сказать, объекты водили спутник. В основном по центру. Неразлучные Столяров и Лаптев то и дело заходили в магазины, чаще всего электроники, приценивались, что-то покупали. Иногда у техников получалось перехватить изображение охраняющих камер. Список товаров, которые приобретали ведомые, выглядел внушительно.

– Что они собираются делать? – недоумевал Иванов, стоя в курилке с Калугиным. На удивленные вопросы сослуживцев, мол, ребята, вы ж не курили, Владимир Дмитриевич обычно отвечал, в том смысле, что «закуришь тут». «Имеем шансы дело закрыть!» – хвастался в таких случаях Алексей. – Понакупили всего...

– А ты посмотри список. – Калугин достал листик. – Смотри... Ничего не напоминает?

– Ничего.

Калугин покачал головой.

– Они собирают центр по копированию дисков. А поскольку не дураки и понимают, что простой бытовой райтер с этим не справится, то ищут профессиональную технику. Собирают ее, понимаешь? Эдакая стоечка получится, для тиражирования любой медиапродукции. Догадываешься, что будет первой копией?

– Дорогостоящее удовольствие. – Алексей, щурясь от дыма, присмотрелся к ценникам.

– Видать, рассчитывают на прибыль. Возможно клиента нашли... Но оригинал отдавать не хотят. Шустрые ребята. Шустрые.

– Ничего, к вечеру посмотрим... – Иванов затушил окурок. – Как там начальство?

– Рвет и мечет, как всегда. – Калугин затянулся последний раз и, едва сдерживая кашель, вышел из курилки. – Все-таки курение вредит нашему здоровью.

– Фигня, это жизнь вредит нашему здоровью... – возразил Алексей.

Делать было нечего. До момента Икс явно еще оставалось какое-то время. После столь многочисленных покупок Столяров и Лаптев обязаны были где-то засесть. Этого момента ждали все.

Калугин и Иванов мотались из отдела в отдел, пили кофе. Рассказывали анекдоты. Навязывались в помощь. Коллеги удивлялись, но терпели. Только в бухгалтерии, куда умудрился заскочить Алексей, его послали. Бухгалтерия – дело серьезное, там что шпионы, что репрессии – все едино, кредит с дебетом надо свести, а там хоть трава не расти.

Начальство проявляло интерес к происходящему. Многие наведывались в технический отдел, смотрели на две маленькие точки на карте Москвы, пожимали плечами.

Несколько раз «клиенты» надолго застревали в каком-ли-

бо месте: дважды в небольшом ресторане, а один раз в магазине. Камер наблюдения в этих местах не было, и Калугин с Ивановым изрядно понервничали. Но дергать опергруппу не решились. Согласно официальному плану операции, Столярова и Лаптева нужно было брать совсем тепленькими. То есть при попытке копирования данных.

К концу дня окончательно умаявшийся Калугин сидел в своем закутке, откинувшись на кресло и закинув ноги на стол. Алексей торчал неподалеку. От табачного перегара тошнило и хотелось мыться.

– Смотрите, Владимир Дмитриевич, какая штука любопытная... – донесся из-за загородки его голос.

– Что там? – Калугину очень не хотелось подниматься с места.

– Да вот, накопал в Сети.

– Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца, – пробормотал Калугин и выкатился в проход. – Блажен тот, кто придумал кресло на колесиках. Ну чего там?

Иванов сидел за соседним пустым столом и что-то читал с монитора.

– Не может наш человек жить спокойно. Ему всегда нужны всякие... варианты. – Алексей покрутил в воздухе пальцами, видимо, обозначая эти самые варианты, нужные нашему человеку.

– Зачитывай.

– «Месть»! – энергично начал Иванов.

– Впечатляет. Ну-ну...

– Тут, по ходу дела, целый сайт на эту тематику.

– К чему призывают?

– К тому самому. Вот, например: «Мы должны дать человеку право на месть». «Мсть – это основа справедливости».

Калугин пододвинул кресло поближе и заглянул в монитор.

– Так... «В случае, если Закон не может или не хочет исполнять делегированные ему функции восстановителя справедливости, человек должен вершить правосудие собственноручно. Таким образом становясь вровень с Законом. Это опасный путь. Потому что это божество не терпит равных себе и карает их вдвойне строго». Однако... Идеологи, блин. Какое-то божество...

– Закон, понятное дело. Закон как идол. А человек как бы становится равен богу, осуществляя его функции. Нищезанство а-ля натюрель. Ты еще погоди. – Иванов вывел на экран следующую страницу. – Тут много чего есть. Вот, например, «Кодекс». Видимо, мстителя.

– «Мсть – это дорога в один конец, – прочитал Калугин. – Начав мстить, ты не должен останавливаться или сомневаться. Начав мстить, ты должен осознавать каждый свой шаг и контролировать себя, потому что мсть не любит поспешных поступков. Ни о чем не сожалей. Ничего не бойся. Не ставь себе пределов, но соизмеряй силу ответного удара с силой нанесенного оскорбления. зуб за зуб, око за око. Мсть – де-

до личное, тебя никто не принуждает...»

– Вот тут еще: «Отомстив, ты почувствуешь облегчение. Те, кто говорит иное, – лгут». – Иванов откинулся на спинку кресла. – Не, это нормально?

– Как посмотреть... – Калугин покачал головой. – Нам с тобой, конечно, лишняя головная боль. Да.

– Попадись мне этот идеолог, я бы из него душу вытряс.

– Угу... – Калугин вспомнил лицо Рустама Дакаева, зажатого в коридоре метрополитена. И лицо его отца, ставшего заложником глупости своего сына. – Да... Наверное, ты прав. Наверное...

Молчание прервал телефонный звонок.

– Калугин слушает.

– Владимир Дмитриевич, технический беспокоит. Объекты, видимо, готовы. Уже час, как находятся по одному адресу.

– Хорошо, – тихо произнес Калугин. – Мне отчет на почту...

– Сделаю.

Трубка замолчала.

– Давай-ка, Леша, прогуляемся, – предложил Калугин. – Такое дело... Кажется, пора.

Иванов выключил монитор, прокашлялся и разом посерьезнел.

Когда они открыли двери, технический отдел пустовал. Где-то в подсобке шебуршились дежурные операторы. Доно-

сился негромкой, переполненный специфическим сленгом разговор.

На большом, проецируемом на всю стену экране горела карта Москвы и мигала точка. И рядом с ней адрес. Крупными буквами.

– Приходи, кто хочет, бери, что хочешь, – пробормотал Калугин и, повернувшись к Алексею, сказал: – Через пятнадцать минут опергруппу на выход.

– Понял. – Иванов тоскливо поглядел на шефа.

– Надо, Леша. – Калугин развел руками. – Понимаю, что неприятно. Но надо. Работа у нас такая.

54.

В подъезде темно. Лампы дневного света были целы, но по какой-то причине не горели. На освещенном фасаде дверь выглядела черным провалом. Человек, открывший ее, остановился. Сделал шаг назад, чтобы посмотреть наверх, словно желая удостовериться, что дом жилой. Сияют теплым светом окна, кто-то курит на балконе, укутавшись поплотнее в куртку... И только подъезд и лестница погружены в темноту.

Человек оглянулся вокруг и нырнул в эту черноту, как в омут.

Быстро пробежал первый лестничный пролет и, подсвечивая себе фонариком, на миг замер на площадке первого этажа. Луч света быстро чиркнул по номерам квартир. Мужчина прикинул этаж и вызвал лифт. Где-то наверху заворочалась лебедка, скользнули по барабану тросы.

Внутри лифта было светло. По контрасту с темнотой площадки этот свет казался ослепительным.

Восьмой этаж. Потертые кнопки, исписанные стены.

Пол вздрогнул. Тяжесть навалилась на плечи.

Мужчина вздохнул, посмотрел вверх, туда, где за мутным пластиком находилась лампа. Потом вытащил из-за пазухи пистолет, дернул затвор, щелкнул предохранителем и засунул ствол в карман плаща.

Со скрежетом лифт остановился, сделал пару рывков, рав-

нясь под уровень пола, а потом, грохоча и вздрагивая, двери распахнулись. В темноту.

Мужчина выругался шепотом и осторожно вышел. После ярко освещенной кабины тьма казалась беспросветной.

Щелкнул фонарик, луч света чиркнул по стене, уперся в полоток, пробежался по дверям. Наконец обнаружился нужный номер.

Человек сделал несколько шагов и нажал на кнопку звонка. Длинная, пронзительная трель заставила дом замолчать. Казалось, вот только что кто-то кашлял за соседней дверью, играла музыка, глухо бухали басы откуда-то снизу, а сейчас все стихло.

– Черт знает что... – пробормотал человек. Вытащил пистолет и снял предохранитель. – Дерьмо какое-то...

Снова трель звонка.

И за дверью шаги.

– Кто?

– Откройте, я к вам по делу.

– Какому делу?

– Откройте, Федеральная служба безопасности. И не надо дуристь...

За дверью помолчали. Потом щелкнул замок.

Человек вытащил пистолет, толкнул створку от себя и вошел внутрь.

– Без дури! – Ствол уперся в грудь хозяину.

Тот смотрел хмуро, исподлобья.

– Лаптев Антон Михайлович?

– Да.

– Мне нужны диски. Дело не терпит отлагательств. Либо вы их мне отдаете, либо я беру все, что мне надо, самостоятельно. Через пятнадцать минут тут будет опергруппа и куча спецназа. У вас еще есть шанс уйти.

– Диски?...

Человек покачал головой.

– Считаю до трех. На большее у меня нет времени. Один. Два...

– Хорошо. – Лаптев кивнул. – В комнате.

– Ведите. – Гэбэшник мотнул пистолетом.

– Пожалуйста... – Лаптев открыл дверь в комнату, где на диване сидел молодой человек, перед которым лежала черная коробочка.

– Столяров, если не ошибаюсь? – поинтересовался человек с пистолетом. – Не делайте глупостей, и будет все хорошо.

– Хорошо, – эхом отозвался молодой человек.

– Это оно? – спросил гэбэшник, указывая на черную коробочку.

– Оно...

– Давай. – Пистолет уперся Лаптеву в лоб. – И не дури, не дури, полковник... Не дури! Открой, покажи.

Лаптев подошел к столику, взял коробку. Открыл, перелистнул закладки с дисками.

– А теперь мне в руки...

Лаптев медленно приблизился, глядя на пляшущий ствол пистолета. Протянул диски.

– Вот так... – Гэбэшник схватил черный кейсик и сделал шаг к двери. – И вам тут задерживаться не рекомендую...

Пятясь, он отступал в коридор, держа на мушке Лаптева.

– Да нам спешить некуда, – неожиданно заявил Столяров, поднимаясь.

Лицо гэбэшника вдруг изменилось. Глаза сузились в щелочки, напряглись скулы. Весы, на одной чаше которых лежал здравый смысл, а на другой страх и чувства, окончательно качнулись в сторону здравого смысла. Который повелевал – убей.

Мужчина с пистолетом убийцей не был. Не мог, не любил, не умел...

И, наверное, потому Лаптев понял, что последует через секунду, и метнулся в сторону с неожиданным проворством.

Грохнул выстрел!

Пуля взвизгнула, шваркнула в стену и ушла рикошетом в сторону.

Дверцы шкафа резко распахнулись, и из него вывалились фигуры в черном. Загрохотали ботинки. Из кухни, из ванной, со всех сторон!!! Люди в черном, маски, бронежилеты, короткие дула автоматов!!!

Крепкие пальцы сжали предплечье, ствол задрался вверх, в потолок, левая рука завернулась за спину, что-то хруст-

нуло, обожгло сгибающей пополам болью. Подогнулись от страха колени. Из ослабевших пальцев выскользнул пистолет. Вторая рука завернута назад. Холодное кольцо наручников стянуло запястья.

И только крик все еще стоял в ушах:

– Всем стоять, операция ФСБ!

– Вот и все... Вот и все... – Человек, прижатый к полу, скованный наручниками, шепчет, закрыв глаза: – Вот и все... Все...

В дверь вошел Калугин. Следом за ним Битов.

Квартира вдруг заполнилась людьми и грохотом ботинок. Какими-то словами. Шумом.

– Владимир Дмитриевич, можно уже грим снять? – пробасил «Столяров». – Ну не могу, чешется все...

– Снимай, снимай, Юра, снимай... Галя, помоги ему. Через проход, осторожно ступая рядом с прижатым к полу человеком, словно боясь наступить на что-то грязное, прошла женщина с чемоданчиком.

– Переверните его, – глухо велел Битов.

Грубые, сильные руки подхватили мужчину, жестко толкнули на спину.

– Ну надо же... Вот, ей-богу, все беды современной цивилизации от техники, – Битов обратился к Калугину. – Все эти программисты, техники, администраторы – не люди, помани мое слово, Володенька. Упыри! Вурдалаки! Какое-то тысячелетнее зло, ей-богу. У меня иногда возникает ощущение,

что они какие-то злобные языческие жрецы, которые только и делают, что готовят Землю к пришествию своего бога. Знаешь античное выражение: «бог из машины»?

Калугин кивнул.

– Это их бог. Совершенно нечеловеческий. Прямо страшная сказка какая-то. – Битов присел к связанному. – Что же вы, Сергей Алексеевич, а? Как же так?

– Вот и все... – шептал человек на полу. – Все...

– Если бы, – вздохнул Битов. – Все только начинается. Берите его, ребята. В машину. Спасибо за работу.

55.

– Ваше? – Калугин выложил на стол документы. Билеты на самолет, паспорт, деньги...

– Мои.

– Сами расскажете, что и как, или?...

– Расскажу. – Рогинов Сергей Алексеевич, заведующий техническим отделом, потер запястья, отдавленные наручниками. – Задавайте вопросы.

– Для начала, Тимирязев – ваша работа?

Рогинов кивнул, голова безвольно мотнулась.

– Ваша? – с нажимом переспросил Калугин. Кивки при допросе – не в счет.

– Моя, моя. Моя.

– Он работал на вас?

– Да. Он производил действия... необходимые мне. Чтобы не... Чтобы не светиться самому, я просил его.

– Подставляли?

– В основном нет. Но... Но сейчас было мало времени, чтобы подготовить операцию... Ну, более тщательно.

– Поэтому вы и собирались сбежать? – Калугин указал на билеты.

– Да. Ясно же было, что рано или поздно вы на меня сядете.

Володя придвинул к себе билеты.

– Москва – Вильнюс. – Он поднял бровь. – А почему не сразу на Панаму?

– Панаму... Вы что, новостей не смотрите? В Балтике учения сейчас. Там авианосец стоит.

– Вас ждет? – Калугин почувствовал, что в горле пересохло.

– Ну... – Рогинов пожал плечами. – Не меня. Но диски ждет.

– Как-то странно звучит, вывозить пачку дисков на авианосце... Не находите?

– Это не моя проблема. Может быть, они их собираются через спутник передать... А может, и вывезти. Что может быть надежней авианосца? Россия ни за что не станет атаковать Штаты в такой близости от своих границ.

– Хорошо... С эвакуацией понятно. А Тимирязева вы убили, потому что мы на него вышли?

– Да, конечно.

– Но тогда... Я одного не могу понять, почему вы пощадили Хвостова?

– Кого? – Рогинов выглядел удивленным.

– Э-э... Мужчина с двумя девочками. Проститутки, на квартире у Лаптева... Помните?

– Ах, это... Ну. – Сергей Алексеевич пожал плечами. – Не смог.

– А Тимирязева смог?

– Поймите. – Рогинов наклонился вперед. – Я не убийца.

Не могу так! Не могу так просто! Взять и... Не могу! Я и Костю-то... не сразу...

– Ясно. Теперь скажите мне, правильно ли я понимаю ситуацию? Вы перехватили видео с системы видеонаблюдения, определили Лаптева и Столярова. Нашли местожительство Лаптева и направили туда своих громил?

– Нет.

– Что не так?

– Да все не так. Во-первых, я ничего не перехватывал. Это все Костя. Во-вторых, я никого не посылал. Я получил... ну, скажем так, получил задание. Адрес. В общем-то я не так давно оказался в этом деле. Про операцию эту, в Зеленограде, узнал слишком поздно и не успел предупредить агента.

– Карела?

– Да, кажется, так... Потом, после той неудачи я получил еще одно задание. Проехать на квартиру к Лаптеву и найти там диски. А тут вы с этим поиском... Я несколько раз вам связь обрывал. А потом не выдержал и рванул по адресу.

– А там?

– А там бандерлоги эти, стрельба, убийство... Мордобой. Запаниковал я. Но дождался, когда все кончилось...

– И ничего не нашли?

– Ничего. Попутно мозги запудрил этому мужику с проститутками. Они перепуганные были все. Выли, как собаки...

– То есть вы хотите сказать, что погром на квартире у Лап-

тева затеяли не вы?

– Не я.

– А кто?

– Не знаю.

– Как-то не вяжется...

– Мне нет смысла врать. – Рогинов закрыл лицо ладонями. – Нет смысла. Я уже на себя повесил достаточно...

– И тем не менее. Какие у вас есть предположения?

– Ну... Может быть, Костя...

– Не понял? – Калугин наклонился вперед. – Тимирязев был не под вашим контролем?

– Нет. – Рогинов всплеснул руками. – Что вы?! Я даже не знал поначалу, что он в деле... Что он тоже... Ну, вы понимаете. Только потом нас свели вместе, и я приказал ему потерять все материалы, чтобы задержать следствие.

– Он что-нибудь говорил? Рассказывал что-либо?

– Н-нет. – Голос Рогинова был неуверен. – Нет. Только что-то про телефонные звонки и что он ловко поймел этого вояку.

– Кого?

– Наверное, Лаптева, он же бывший военный. Там ведь... Я просматривал записи, очень внимательно. Там ведь интересно получилось. Этот Лаптев не просто так, погулять вышел. Он через наш кордон...

– Наш, – поправил Калугин.

– Что? – Рогинов не понял.

– Наш. Не ваш, а наш кордон.

– Ну да, да... – Рогинов смешался. – Да... Извините. Через ваш кордон... Он прошел. Да. Через ваш кордон прошел легко. По пропуску. Я еще Косте сказал, смотри, мол, как странно. А он и говорит, что, мол, телефон уже прокрутил и вояке этому насолил.

– Что имелось в виду?

– Не знаю. – Рогинов пожал плечами. Калугину почему-то показалось, что тот действительно ничего не знает. – Этот Тимирязев псих был. Ну, не псих, а... Злобный какой-то. Все ему казалось, что просто... Просто действовать...

– Шпионить, – снова подкинул нужное слово Калугин.

– Да. Просто шпионить, – тихо повторил Рогинов. – Мало. Надо еще с размахом действовать. Когда я приказал удалить видеоматериалы, он хотел большего. Потереть все, симитировать обвал сервера...

– Диверсия?

Рогинов пожал плечами.

– Я ж говорю, псих какой-то.

– Интересно, а как же он проходил психотесты отдела внутренних расследований?

– Этого я не знаю. Вам лучше поинтересоваться у Зощенко. Но знаете, Тимирязев был программист от бога. Это технарь был талантливейший. Из любого дерьма мог конфетку слепить. Лишь бы клавиатура была. Любую машину мог надурить... А вы говорите, тесты...

– Понятно. Но вернемся к делу. Значит, вы пришли на квартиру, там разгром, сделали быстрый обыск, ничего не нашли. Так?

– Так.

– А что вообще творилось на квартире у Лаптева? По-вашему...

– Погром. Группа каких-то жлобов, явно не профессионалы. Ввалились и принялись все крушить. Я так понял, что они собирались взять всех, кто там находился, живьем. Иначе смысла не было миндальничать. Пристрелили бы, и делу конец. Я думаю, что они не были уверены в том, что диски там.

– А кто это был? Как выглядели?

– Я не приглядывался. Явно криминал какой-то. Не спецы. Шут его знает, откуда и кто их выдернул. Я так подозреваю, что по наводке от Тимирязева какие-то гопники... Знаете, у него знакомых было много всяких... И хватило бы амбиций затеять собственную игру. Потому и послал кого-то по следу.

– Странно, а он, насколько я помню, не производил впечатления лидера.

– А он и психотесты ваши щелкал, как копеечку, – напомнил Рогинов. – Знаете, гении они все немного тронутые. Ну вот... и Костя был такой же. Что ему стоило насрать на Лаптева банду гопников, чтобы захватить диски и выбить за них настоящую цену? Костя часто говорил, что тот, кто не рис-

кует, не пьет шампанского и не ест икры.

– Хорошо... Теперь вас проводят для дальнейшего допроса, который буду вести уже не я. – Калугин закрыл файл и вызвал дежурного. – Увести.

Рогинов встал, направился к двери, но потом остановился и, повернувшись к Калугину, спросил:

– Я одного понять не могу. Как вы... Как вы обманули спутник? И вообще всю систему? В чем фокус?

– Фокус? – Калугин потер шею. Хотелось спать. – Фокус прост. Большую часть времени вы все смотрели хорошо смонтированное видео. Как сейчас любят выражаться, «достоинство этой картины в том, что в ней не принял участие ни один живой актер». От первого до последнего кадра – монтаж. Ну, а спутник... Это уж, простите, дело техники.

56.

Утро, каким бы оно ни было тяжелым, всегда лучше вечера. Нарождающийся день, еще полный сил и нерастраченных возможностей, окрашивает мир новыми красками, свежими, живыми. Мрачное, серое, опасное, страшное, мистическое, все, чем так богат вечер, теперь выглядит незначительным, легким. Неразрешимые задачи вдруг обретают решение, трудности отступают, беды утрачивают остроту... Если вечер – это мрачный шаман, то утро – могучий и добрый волшебник. Это так, это действительно так. И даже если поутру у вас раскалывается голова, а мир раскрашен в серые, тоскливые цвета, – не обижайтесь – волшебник сделал все, что мог, превращая ужас вашего вчера в робкую надежду вашего завтра. Радуйтесь, в конце концов, что это «завтра» вообще наступило...

Сергей проснулся от металлического позвякивания. Вагон все так же вздрагивал на стыках, унося всю честную компанию далеко-далеко от запутавшейся в своих же собственных сетях Москвы, но что-то изменилось. Может быть, просто пришел новый день?...

Сергей открыл глаза.

Михалыч задумчиво размешивал чай, звякая ложечкой о краешек стакана.

Гриша еще спал, его рука безвольно свешивалась с верх-

ней полки.

– Доброе утро, – сказал Михалыч, пододвигая второй стакан к Сергею. – Если ты поторопишься, то не остынет. Хотя, можешь и не дергаться. Если что, по новой нальем. В дороге суетиться не стоит. Лишнее.

– Понял. – Сергей выбрался из-под одеяла, встряхнулся, как пес, оделся. Из рюкзака, свежего, приобретенного совсем недавно, еще пахнувшего новой покупкой, достал одноразовые бритвы, зубную щетку и пасту. – Через момент буду.

– Давай, давай, – махнул рукой Михалыч и посмотрел в окно. – Ехать и ехать...

Он осторожно подергал Гришину руку. Тот вздохнул, заворочался.

Михалыч дернул сильнее.

Рука убралась. Вниз, с невнятным мычанием, свесилась заспанная Гришина голова.

– Рота, подъем. Все интересное проспишь.

Гриша сморщился.

– Напрасно ты так думаешь, в дороге, тем более такой длинной, всегда есть что-то интересное. Будем завтракать, я вам расскажу...

Гриша неопределенно хмыкнул и втянулся наверх. Через некоторое время он слез, заправил постель и двинулся в том же направлении, куда ушел Сергей.

– Всех поднял, – удовлетворенно хмыкнул Михалыч и поймал за локоток пробегавшую мимо проводницу, сменив-

шую хмурого молодого парня, который принимал вагон с вечера. – Барышня, будьте любезны, нам еще стаканчик чаю. Очень он у вас хорошо получается.

Барышня кокетливо хихикнула, не менее игриво кивнула и ускочила куда-то по своим важным делам.

– Миленькая, – сам себе сказал Михалыч. – Даже очень миленькая. Но...

Он посмотрел на соседа, сидевшего на боковом месте напротив, и пожал плечами.

– Членом туда, членом сюда... Годы не те.

Сосед понимающе пожал плечами. Об чем, мол, разговор, понимаю.

Через некоторое время вернулся Сергей. Свежий, бодрый и довольный.

– Все-таки бритве имеет свои положительные стороны! – радостно сообщил он.

– Ага. Тебя бы не поняли еще лет пятнадцать назад.

– Почему?

– Потому что тогда бытовала поговорка, что никакие месячные не сравнятся с ежедневным бритьем. Нет, конечно, пока бритва свеженькая, то все хорошо. Но она же тупится, сволота, а менять каждую неделю жаба давит.

– Ты хочешь сказать, что сталь стала лучше?

– Нет. – Михалыч сделал глоток чая и удовлетворенно крякнул. – Наоборот.

– Не улавливаю.

– Сталь стала хуже! – В уголках губ Михалыча притаилась улыбка.

– Так с чего же положение улучшилось?

– Очень просто. Даже очень паршивую сталь можно довести до состояния, когда лезвие бреет чисто и без неприятных ощущений.

– Ну и?

– Ну и все. – Михалыч пожал плечами. – Главное отличие в том, что выбрасывать эту гадость теперь не жалко. Тупится сразу и напрочь. Два дня – и выкинул. Стоит дешево. Так что каждые два дня ты имеешь свежую бритву, а старой даже киви не обрить.

Из-за плеча Сергея показался Гриша. Уловив последние слова Михалыча, он изобразил пантомиму. Ухватил себя между ног, выпучил глаза, сдвинул брови и выпятил губы.

– Как тебе приперло, – посочувствовал Сергей. – А там... Ну... Левая рука, слабое подобие правой... Не помогает?

Гриша отмахнулся и выжидательно посмотрел на Михалыча. Тот пожал плечами.

– Извини, старик, тут ты вышел за мои коммуникативные возможности.

– Какие возможности? – спросил Сергей.

– Те самые, – Михалыч кивнул Грише. – Ну-ка, давай еще раз...

Гриша повторил.

– Круто, – согласился Михалыч – Смешно.

– Эй, родные, – Сергей возмутился. – А мне рассказать?!

– Учись, брат, невербальному общению. Важная штука и понадобиться может в любой момент.

– Да ладно... Успею. С этим... говоруном полиглотом станешь. Чего он сказал-то?

– Ну, это шутка такая. – Михалыч вытащил из рюкзака пакетик с бутербродами и пластиковые мисочки с растворимой кашей. – Шутка про киви.

– Про киви?

– Ну да... Киви они зеленые и волосатые.

– Я в курсе, как выглядят киви. В смысле плоды... А не птичка.

– Они самые. Так вот, поскольку они зеленые и волосатые, то больше всего они напоминают яйца орка.

– Кого?! – Сергей вытаращил глаза.

– Орка! Ну знаешь такие... гамадрилы зеленомордые.

– Э-э-э...

– Елки зеленые, ну старая такая картина, «Властелин колец», помнишь? Ну, в каждой школе сейчас показывают, дети из кинозалов сбегают... Неужели не слышал?

– Ну, я смотрел, конечно. По этому фильму потом какой-то чудаковитый человек книгу написал...

– Гхм... Ну ладно. – Михалыч почесал в затылке. – Короче, такие страшные, толпой ходили, всех били. Припоминаешь. Вот это и были орки.

– Да ты что? – Сергей искренне удивился. – А я только

в альтернативном переводе смотрел. Как там только они не назывались... Теперь буду знать.

– На вот, сходи кипяточку плесни. – Михалыч протянул Сергею мисочки с кашей. – Завтракать будем кашами, не слишком вкусно, но зато безопасно. Сколько раз я в дороге травился... Такое, я вам скажу, сомнительное удовольствие.

Сергей убежал к проводнику, а Гриша с Михалычем разложили бутерброды и чай.

– Не желаете? – гостеприимно поинтересовался Михалыч у соседа сбоку.

Тот отказался, хотя, возможно, и пожалел, когда пришел Сергей с кашей, которая удивительно вкусно пахла.

– Никогда бы не подумал, что этот непонятный полуфабрикат может такие ароматы выдавать, – сообщил Столяров.

– А чего странного? – удивился Михалыч. – Стал бы ты есть эдакую резиновую блямбу, наполненную всеми необходимыми минералами и прочими витаминами, но с отвратительным запахом?

– Нет.

– Ну, приблизительно так же рассуждают производители этого хозяйства... На вкус – фигня, но пахнет так, что язык готов проглотить.

– А со вкусовыми ощущениями можно что-то сделать?

– Ну, брат, ты многого хочешь.

После завтрака осталось чувство какой-то незавершенности, как всегда бывает в долгом пути. Привычка, выработан-

ная годами активной жизни, не работает. Вроде бы поел, надо вскакивать, куда-то бежать, ехать, там ждут, здесь чего-то хотят. Работа, работа, работа... Но в дороге все иначе. У нее свой ритм и своя жизнь.

– Ну, что будем делать? – поинтересовался Сергей. – В карты играть или по вагонам шататься?

– Экий ты прыткий, сразу по вагонам... У нас тут и так хорошо. Вон проводница какая...

– Проводница. – Сергей неожиданно для себя оживился. – Вчера был вроде проводник.

– То вчера. А сегодня пробежала, хорошенькая такая. Так что по другим вагонам нам еще рано, свой не освоили. Ты мне другое скажи. Вот ты говоришь все время: мечь, мечь... Отомстил... А, кроме вполне адекватного нежелания опускаться ниже плинтуса, что для тебя – мечь? Мне интересно, потому что я тебя давно знаю, но таких вот хитрых выбрыков как-то не замечал. То есть ты всегда был склонен к разного рода странностям, но переносить их в практическую область не спешил.

Сергей прислонился к стенке и задумался.

– Знаешь, это что-то вроде Пути Воина.

– Бусидо?

– Не совсем, то есть в некотором смысле. Бусидо – это морально-этическое учение о нормах поведения самурая, который подчинял свою жизнь велению долга. Все, что находилось вне этих пределов, считалось несущественным. Я пони-

маю Путь Воина в его метафизическом плане. Человек, движущийся в этом направлении, должен быть безупречным.

– В чем?

– Во всем. Во всем, что касается его пути. Я вообще долго пытался сформулировать эти тезисы, но как-то все не получалось. Вряд ли и сейчас получится.

– Ну ты попробуй, дорога-то длинная. Я тебе помогу. – Михалыч подложил под спину подушку, устраиваясь поудобней. – Давай сначала. Мечь для тебя – это путь воина, твой бусидо. Который...

– Который, – подхватил Сергей, – характеризуется безупречностью.

– А что такое безупречность, по-твоему?

– Это такое... Такое идеальное психическое состояние, при котором человек без страха и сомнения двигается к цели, которая превосходит все возможное. То есть безупречный человек способен достичь невозможного. Мечь – это лучший учитель в этом деле.

– Почему?

– Мечь не прощает ошибок. Она всегда требует безупречного отношения к себе и к своей жизни. И все потому, что приближает смерть вплотную.

– Погоди, погоди. Тут все хорошо, но какая-то путаница в терминах. Смерть – понятно. Мечь – понятно. Безупречность – непонятно. То есть про идеальное психическое состояние – это мило, но... Но непонятно.

– Хорошо, тогда давай зайдем с такой стороны... Мы можем сделать масло масляным. То есть безупречность – это то, что позволяет человеку быть безупречным.

– По части все запутать тебе равных нет, – сообщил Михалыч.

– Спасибо. – Сергей поклонился. – Но дело-то в том, что тут одно и то же слово понимается с двумя несколько различными значениями.

– Омонимы?

– Ну. – Сергей слегка замялся. – Вроде того. То есть получается, что метафизическая безупречность помогает человеку приблизиться к идеалу, достигать сверхцелей. При этом она вполне может быть выражена в определенных правилах, которые следует соблюдать. Безупречность состоит в том, чтобы поддерживать соответствие декларируемых возможностей с реальными способностями и линией поведения. Потому что если некто заявит своими намерениями, допустим, все ту же месть, то он должен быть готов к тому, что придется совершать такие действия, о которых он даже не думал. Придется драться, возможно, убивать. Для этого нужно как минимум знать, как это делается, иметь возможность и, главное, быть готовым выйти за общепринятые границы, рамки... Для человека безупречного их просто не существует. Он не имеет пределов.

– У тебя получается, что безупречный человек – это такой маньяк.

– Нет, ну... – Сергей задумался. – Вообще, для обыкновенного человека, так и есть. Для обыкновенного человека, привыкшего все мерить по своей невысокой колокольне и жить в рамках общепринятой морали, любой, кто ставит себе сверхцели, натуральный маньяк. Но что ж тут поделаешь?

– Это мне напоминает, как один мой знакомый пытался определить для себя, к какой же идеологии он принадлежит. – Михалыч засмеялся. – Занялся изучением различных трудов и доктрин, пока не столкнулся с Бенито Муссолини и не выяснил, неожиданно для себя, что... по убеждениям является фашистом. Самым натуральным. Причем всю жизнь он отвергал все проявления нацизма, расизма и прочие гнилые варианты. Но, как оказалось, был настоящим фашистом муссолиниевского толка. Он потом еще тесты проходил всякие... К психоаналитику обращался. Все понять не мог, как же так вышло.

– И чего?

– И ничего. – Михалыч развел руками. – Как был фашистом, так и остался. Проблема в том, что его жизненная философия сводилась к постоянной экспансии. Движение вперед и так далее. Ближе всего в этом ему оказался Муссолини. Очень мой приятель озадачился. Так и у тебя. Живет вроде нормальный человек, не склонный задницу подставлять под удары судьбы. А потом оказывается – маньяк.

– Судьба. – Сергей вздохнул.

– Она самая. – Михалыч посмотрел на Гришу, который

тарабанил что-то по клавиатуре. – Ты чего там строчишь?

Гриша показал на Сергея и обвел руками в воздухе какие-то облака, окружности.

– Ах, записываешь...

Гриша изобразил некое дерево, очень ветвистое, скосил глаза в кучу и «стек» вниз.

– Записываешь, как мы растекаемся мыслью по дереву, – перевел Михалыч. – Ну, хорошо. Давай. Компромат получится замечательный. На чем мы там остановились?

– На маньяках.

– Во! Продолжай. Чего у тебя по ним еще имеется в запасниках?

– Ну, в общем-то, немного. Ты спрашивал про месть, так вот, я и ответил. Мечь – это то, что позволяет мне все время помнить о своей безупречности. Потому что иначе она меня уничтожит. Однажды встав на эту дорожку, спрыгнуть с нее невозможно, не потому, что границы нерушимы, а потому что их просто нет.

57.

– Ты лучше расскажи, куда мы едем? – спросил Сергей у Михалыча.

– О, в замечательное место. – Михалыч поставил на столик стакан с чаем. За окнами был вечер, стемнело, и фонари проносились стремительными огненными стрелами мимо. Иногда где-то вдали показывались огоньки небольших городков, деревень.

От этого ласкового, домашнего света на душе становилось теплей. Там, далеко, жили люди, любили, радовались. Почему-то хотелось думать, что все именно так. Что нет там ни печалей, ни горестей, ни предательства. Только нежный свет домашнего очага, согревающий всех счастливых людей, которые, может быть, тоже смотрят в окно и видят желтую гусеницу поезда, который несет, несет других счастливых людей в далекие края, где их ждут...

– В этом замечательном месте живут родственники моей жены. А у нее их много, – продолжал Михалыч. – Все прекрасные люди. Охотники, в основном. Места там дикие, кроме деревьев да зверья нет ничего.

– А электричество? – ни с того ни с сего спросил Сергей.

– Ну, хорошо, деревья, зверье и электричество.

Гриша замахал руками, указывая на свой ноутбук.

– А вот это самое интересное. – Михалыч поднял палец

вверх. – Интернета там нет. То есть вообще.

Гриша развел руками.

– А вот так, – ответил Михалыч. – Нет, и все.

Гриша ткнул пальцем вверх и обвел ладонями некую окружность.

– И спутникового нет. Никакого.

Последовала пантомима. Программист вставал, закладывал большой палец за воображаемую жилетку, выставлял другую руку вперед, словно призывая куда-то идти. Потом сиделся, что-то читал. Бил кого-то...

– Не устаю поражаться, как ты его понимаешь? – Сергей допил чай. – У меня, конечно, тоже бывают приходы, но ты же с ним общаешься совершенно свободно.

– Опыт – сын ошибок трудных, – зевнул Михалыч и махнул Грише. – Понял я, понял! Все, понял, говорливый ты наш. В общем, новости там получают в виде газет.

Гриша показал на ноутбук и вопросительно поднял брови.

– Не электронных газет, а бумажных... – ответил Михалыч и, глядя в расширившиеся от удивления глаза программиста, пояснил: – Да, да. Натуральных, бумажных. Двойного применения.

– Как так? – удивился теперь Сергей.

Михалыч всплеснул руками.

– Ну сначала прочитают, а потом на растопку печи отправляют. Чего непонятного-то?

– И газа там тоже нет, – пришел к выводу Сергей.

– Только в баллонах. – Михалыч кивнул. – Да и зачем он там? Печка есть... Хотя летом разве что... Но ради летнего сезона, не такого уж и длинного, кстати, трубы через болота тянуть... Не имеет смысла. Да и местные не желают.

– Почему?

– Нелюдимый народ. – Михалыч пожал плечами. – Бирюки. Они там чужаков не жалуют. К слову сказать, именно на таких вот точках, которых, между прочим, не так уж и мало, держится наше газетопечатание. Крупные и средние города предпочитают в цифре новости читать. Такие дела. А кто помельче или совсем на карте не увидит, те по старинке...

– Отлично. Интернета там нет, газеты приходят на машине...

– На санях... иногда. На машине там не всегда проедешь, особенно в феврале. Сейчас еще ничего...

– Еще лучше. А чего там есть?

– Ну, – Михалыч развел руки в стороны, – вот такие вот сосны!

– Гхм...

– И зверье непуганое! И воздух! Эх, братцы, такой там воздух, это что-то... невероятное! Слово не дышишь, а пьешь его. Удивительное что-то. Сосны эти огромные...

– Романтик ты, однако. – Сергей не разделял восторгов друга относительно радостей примитивной жизни. – Траванемся мы, Гриша, тамошним воздухом. Без привычных легким каждого москвича выхлопных газов... Видит бог, тра-

ванемся. Ну, а чего там еще нет?

– О! – Михалыч обрадовался. – Нет большой-большой гадости!

– Ну. – Сергей смотрел с подозрением.

– Телефонной связи нет. Никакой.

– Так...

Гриша снова показал вверх, обрисовав что-то круглое.

– Спутниковые телефоны не работают! – торжественно ответил Михалыч.

Гриша сделал совсем круглые глаза.

– Не работают! – повторил Михалыч.

Гриша усмехнулся и сделал руками движение, словно был в лодке и греб веслами. Потом приложил руку к уху и гримасами изобразил разговор.

– Знаю я, что в море работает, рассказывать он мне будет про средства связи, – проворчал Михалыч. – И в море, и в океане, и в Сахаре тоже работает. Знаем, проходили. В горах, так совсем хорошо. А там, куда мы едем, – нет! Даже спутниковая связь там не пашет. Аномалия такая. Научный факт. Сам проверял в первые годы, когда за Машкой ухаживал. Чего только не пробовал. И навигаторы карманные не пашут ни фига. Вообще электроника неадекватно себя ведет. Электронный компас не определяет Север.

– А обычный?

– Определяет. Железки все работают, как надо. А электроника нет. Так что ни ГПСов, ни мобильной связи. Такое

место, может быть, одно-единственное на Земле. Даже на Амазонке нету такого. Уж вы мне поверьте.

Гриша с сожалением посмотрел на свой ноутбук.

– Нет, ну эта машинка, возможно, будет пахать. По крайней мере, включаться. Но в Сеть на нем не выйдешь точно.

– Погоди-погоди. А как же они там, в случае чего, вызывают... ну, например, «Скорую»?

– Во-первых, там врач есть. Из местных. Хороший, надо отметить. И кабинет себе отстроил почти по последнему слову техники.

– Откуда деньги?

– Из лесу, вестимо, – ответил Михалыч, радостно смеясь. – Мужики там сознательные. Зверя настреляли, шкурки продали. А зверь там... Ну, сами увидите. В общем, насобирали. Врач там, сам понимаешь, человек нужный. Его всем миром поддерживают. Сознательные, я ж говорю. Там вообще, как в Греции, все есть. Врач есть, священник есть, местный сумасшедший есть, шаман даже есть. Из каких-то древних народностей, на горе живет. О! Чуть не забыл. Там такое дело, если что, ну, сами понимаете, всего не предусмотреть, так вот коротковолновая рация имеется.

– Ты ж говорил, что не работает там электроника?! – попытался поймать Михалыча на вранье Сергей.

– Не работает. А я и не говорю, что они прямо из Деревни в эфир выходят. Юмор ситуации в том, что рация эта работает исключительно на той самой горе, где сидит шаман. Как

только вниз спускаешься, отрубает начисто, а поднялся – все есть, и связь, и устойчивое соединение. И вроде бы спутник даже поймать можно.

– Шаман, однако, – пробормотал Сергей.

– Не знаю, то ли действительно шаман виноват, – серьезно ответил Михалыч. – То ли место там такое изначально было... Но факт остается фактом.

– Хорошенькая картинка, – протянул Сергей. – Природа, воздух, медведи, казаки и балалайка...

– Не, про казаков я ничего не говорил.

– Должны быть казаки! – возразил Сергей. – Без этого русская зима – не русская зима. Без этого никак. Потому что картина должна быть такая: русский разогнал медведей, вошел в избу, поставил пику в угол, выпил водки и долго играл на балалайке.

– А на балалайке там играют, кстати. Только медведей нет.

– Почему? – Сергей удивился.

Михалыч допил чай и осуждающе покачал головой.

– Да... Гуманитарное образование...

– Да ладно! Почему медведей нет?! Экологию, поди, разрушили...

– Ага... Экологию. Двоечник. Спят они! Медведи! Зимой спят! А белые туда не забредают. Еще...

– Тьфу ты... – Сергей всплеснул руками. – Поймал.

– Да... На уроках биологии ты спал, натурально. Как тот медведь...

– Ладно подкалывать! Ну спал, ну медведь! У меня, может быть, тогда был роман. С девушкой.

– Хорошо, что уточнил... – пробормотал Михалыч, а Гриша хмыкнул.

– Да ну вас! – Сергей отвернулся и уставился в окно. – Блин...

– Чай будешь? – спросил Михалыч.

– Буду, – тут же ответил Сергей.

– Ну, так сходи. И мне заодно нальешь...

– Ну, вообще, праздник. – Сергей обмяк.

– А ты разве не слышал? На сердитых воду возят, – засмеялся Михалыч.

Сергей, бормоча что-то вроде «Так дальше жить невозможно», ушел за чаем.

Его не было некоторое время, потом, вернувшись, он заметил:

– Проводница, конечно, ничего...

– И что тебя сдерживает? – спросил Михалыч, высыпая в стакан сахар из маленького пакетика.

– Проводник, – так же задумчиво ответил Сергей.

Гриша фыркнул и едва не расплескал чай.

– Ты лучше расскажи, как мы туда, в этот заповедный уголок, будем добираться? А то наплел тут про электронного шамана и прочие радости. А что туда ходит?

– Это, брат, песня! – душевно ответил Михалыч, и Сергей почувствовал некоторое беспокойство.

58.

– И этот человек называл меня маньяком! – попытался перекрыть рев и вой моторов Сергей.

Видно было, как Михалыч раскрывает рот и что-то кричит в ответ. Но нет! Только грохочущий воздух, густо перемешанный со снегом, взлетающим вверх.

Позади Михалыча сидел Гриша, вцепившийся в его куртку обеими руками. Из носа у программиста торчали ватные тампоны. От сухого, морозного воздуха у Гриши не выдержали сосуды и пошла кровь. Михалыч сказал, что это ерунда и скоро пройдет... А потом...

А потом на маленькую, заваленную снегом до крыши станцию выскочили из леса, толкая перед собой белую пену, две могучие машины. Лихо подпрыгивая на сугробах, словно на волнах, два снегохода подъехали к одинокой платформе с покосившейся надписью «Луговая» и замерли.

– Мать моя... – пробормотал Сергей. – Это по нашу душу, что ль?

– Михалыч! – Один из седоков резво спрыгнул в снег, тут же провалился по колени и, весело ругаясь, выбрался на тропу. – Михалыч!

– Я! – Михалыч кинулся навстречу.

Седок сорвал с лица маску и очки.

– Давно тебя не было!

– Семен!

– Михалыч!

Некоторое время они обнимались и хлопали друг друга по спинам.

– Мы чужие на этом празднике жизни, – пробормотал Сергей, а Гриша неопределенно хмыкнул. – Как бы то ни было, но Михалыча тут точно знают. Это хорошо.

– А с тобой кто? – поинтересовался Семен, отлипая от Михалыча.

– А вот друзья мои, Серега и Гриша. Гриша – молчун, так что не удивляйся. Ему нельзя. Челюсть сломал. А Серега у нас... ну он художник.

– О! Художник – это хорошо! У нас райское место для художников! Настоящий рай! – Семен подошел ближе. Пожал каждому руку, внимательно глядя в глаза. – Вам понравится. Городские. Я по глазам вижу, дальше парка не ходили... Понравится! А это, – он указал на сидевшего на втором снегоходе мужика, – брат мой, Колька. Помнишь, Михалыч, Кольку?!

– А то как же?! Я смотрю, выправился парнишка, как ноги-то?

– Нормально, – глухо, из-под маски ответил Колька. – Было хуже.

– Ходит с трудом, но вообще лучше, – сказал Семен и, повернувшись к Сергею, пояснил: – Его в прошлом году медведь порвал. Думали, не оклемается. Прямо мясо с ноги снял

все. А ничего! У нас воздух, воздух здоровый! Тут не болеют. Ежели что, сразу насмерть, но не болеют!

– Клево... – вполголоса проронил Сергей.

А потом они сели на снегоходы. Михалыч с Гришей на Колькин, а Сергей уселся с Семеном. И успел несколько раз пожалеть об этом. Водитель из Семена был лихой до крайней степени. Мало того что машинка постоянно прыгала обезумевшей антилопой с сугроба на сугроб, так водитель еще норовил покруче завернуть руль, чтобы волна снега окатывала кусты и деревья. При этом Семен радостно хохотал во все горло и поддавал газку, снегоход ревел, бешено вращая гусеницами.

От этой дикой, совершенно невозможной, с точки зрения городского человека, гонки Семен получал искреннее удовольствие. Он кричал, хохотал, отпускал то одну, то другую руку, и Сергей боялся, что как-нибудь этот совсем уж буйный человек отпустит обе руки, и машина, предоставленная самой себе, таки въедет в дерево или пень. Однако за общим весельем Семен несколько не забывал о безопасности и до откровенной дурости не опускался. Ему было, наверное, лет сорок, крепкий, широкоплечий, в шубе, пахнувшей чем-то домашним. Несмотря на сумасшедшую езду, он понравился Сергею. Что неудивительно, сильный человек не может не нравиться.

Ехали долго и неровно. Где-то снегоходы шли не торопясь, медленно, а иногда неслись скачками, стремительно

преодолевая заснеженные поля. От рваного этого ритма Сергей совершенно перестал ориентироваться в пространстве, весь мир сводился теперь к чьей-то спине, за которую надо было держаться замерзшими в тонких городских перчатках руками. И когда снегоход вдруг сбавил обороты и, накатом пробежав Несколько метров, встал, Сергей некоторое время не Мог сообразить, в чем дело. Наконец он отцепился от Семена и огляделся.

– Вот она, родимая, – сказал тот, указывая куда-то вниз.

Снегоходы остановились на вершине горки. Где-то далеко внизу, в нескольких километрах от подножья виднелись дома. Солидные деревенские срубы. К голубому высокому небу поднимался дымок и слышался лай собак. Где-то далеко-далеко маленькие фигурки людей. И только сообразив, что это люди, Сергей понял, на какой высоте они находятся сейчас. От понимания того, что сейчас произойдет, остро сжалось внутри.

– Держись крепче, – выдохнул Семен и толкнулся ногой.

Снегоход скользнул вниз в оглушающей тишине. Только шелест снега под лыжами, только свист ветра в ушах и нарастающее, страшное ощущение падения, когда сердце поднимается к самому горлу и бьется там испуганной птицей.

Что-то восторженно орал Семен, подняв одну руку вверх и сжав кулак.

Тяжелая машина неслась, только ветер в ушах... Сергей, шалея от собственной смелости, выглянул из-за плеча Се-

мена и увидел стремительно приближающиеся дома и какой-то забор. Зажмурился, сжался и заорал вместе с Семеном что-то невразумительное и замолчал только, когда снегоход, толкнув настоящее цунами снега, лихо остановился с разворотом перед самой околицей.

– Эх! Хорошо! – воскликнул Семен, выпрыгивая из седла. – Ну как? Под себя не наделал?

И он засмеялся радостно, весело, заразительно и необидно. Так, что Сергею тоже сделалось смешно, и все напряжение дороги вышло из него вместе с неостановимым, раскатистым хохотом.

– Я уж... Думал... – пытался проговорить Сергей через приступы смеха. – Что... Все... Приехали... Забор наш!...

– А он и был наш, пару раз, – радостно сообщил Семен. – Эту околицу обязательно кто-то чинит зимой. Нет-нет да въедет снегоходом. Когда Колька на ноги становился, чуть к Евдокии в гости не зашел, через стену. Чудом сумел вывернуться.

– Так ведь погиб бы...

– Ну, – Семен развел руки в сторону. – Я ж тебе говорю, воздух у нас такой, никто не болеет, либо сразу в гроб, либо здоров, как бык. После того как медведь его порвал, он сказал – или встану, или сдохну. Ну и... встал. Он ведь раньше круче меня со снегоходом управлялся. Да и сейчас не хуже... Ну как вы?

Последнее относилось к Михалычу и Грише, которые, ка-

чаясь, сползли на снег. Сергей даже не заметил, как финишировал второй снегоход.

– Ну тебя к черту, Семен! – выдохнул Михалыч. – С развлеченьями твоими. Я пару раз думал, что вот-вот кончусь! Неужто лошадку нельзя было прислать с санями? Любишь ты эффекты!

– Да ладно, лошадку ему... На этой лошадке тащились бы полдня.

– Зато бы красотами полюбовались. Я вон Сереге обещал дупло показать, где я летом застрял... Помнишь?

– Как такое забыть? – воскликнул Семен и снова засмеялся. – Всей деревней тащили! Тоже мне, репка!

– Ладно... – Михалыч заворчал. – Кое-кто меня тогда подначивал, мол, да там мед, да ты такого и не пробовал, ой, лесные пчелы, ой, медок...

Семен аж бока руками обхватил, едва на падая на снег от хохота.

– Хорошо, что напомнил! Вот потеха была!

– Медок, твою мать! Я в тот медок и влип!

– Куда? – не поверил своим ушам Сергей.

– Да черт его знает, куда! Не дерево, а смоляная ловушка какая-то. Что за дерево, без понятия, не ботаник, не ведаю. Да и ботаники наши такой дряни, поди, и не видели. Дуплице... Блин... Вспоминать страшно. Как муха!

– А задница... Задница... – покатывался Семен.

– Чего задница? – Сергей заинтересовался. – Ты не рас-

сказывал...

– Задница, – пробурчал Михалыч. – Задница наружу торчала, вот чего. Я там, как дурак, руками влип, по самый локоть затянуло. Да еще сверху на голову капало. Потом под ноль стричься пришлось... Медок! Твою мать... Так они меня и тащили, за ноги. Да веселились еще, рычали по-медвежьи и за ноги хватали. А я что? Я ж не вижу ни хрена, в дупле темнотища... В общем, ты, Серега, заруби на носу: Семен, он тут первый весельчак на деревне. Так пошутит... век не забудешь.

– Да ладно. – Семен утирал слезы с покрасневшего лица. – Зато потом в баньке попарились, водочки выпили. С медком. Плохо, что ли? А то ты все лето ходил, будто ушибленный...

– Это верно, – кивнул Михалыч. – Я тогда все лето... После Ливии... В общем, о многом я передумал, когда в том дупле сидел. Полезно иногда влипнуть по локоть и повисеть пару часиков.

– Ну да ладно. – Семен завел снегоход. – Поехали, я вас до дома докачу...

– Нет уж, нет уж! – одновременно сказали Михалыч с Сергеем. – Мы как-нибудь сами.

Семен опять захохотал, но тут всех удивил Гриша. Он схватил сумку Сергея, пристроил ее поудобней за спиной и легко вспрыгнул на сиденье к Семену.

– О! Это дело! – крикнул тот и исчез в снежном вихре.

– Ну вот мы и на месте. Считай, что в сказку попал, – ска-

зал Михалыч. – Ох, сейчас мне Машка выдаст... Надо будет на нее Гришу напустить, они оба рукопашники сдвинутые. Пусть расслабляются.

– Гришу не жалко? – поинтересовался Сергей, выбираясь из сугроба.

– Ничего. – Михалыч помог ему вылезти. – Ничего, Машка она инструктор, знает, как сделать так, чтобы ничего не поломать. Главное отличие новичка от профессионала знаешь?

– Нет. – Сергей закинул сумку и двинулся следом за Михалычем.

– Все просто. Профессионал знает, как обойтись без переломов...

59.

Маша.

Она стояла у околицы, слегка нахмурившись и подбоченясь. В белой пушистой шубке и унтах. Светлые волосы рассыпались по плечам, глаза встревоженные.

Сергей знал эту женщину достаточно хорошо. Многогранность ее талантов иногда ставила его в тупик. Казалось, не было такой вещи, с которой Маша не могла бы справиться. Она прекрасно готовила, дом всегда сиял чистотой, на стенах висели картины, написанные ее рукой, с ней всегда можно было обсудить что-нибудь эдакое, начиная от недавнего политического скандала и заканчивая модными философскими течениями. У нее были знакомые везде, от Минобороны до богемной тусовки. Она никогда не стеснялась тряхнуть связями, чтобы помочь друзьям. И в любой компании она являлась скрытым, но очень мощным двигателем.

Но самой настоящей страстью жены Михалыча являлись боевые единоборства. При росте в метр восемьдесят пять Маша имела вес девяносто восемь килограммов, и ни грамма не было потрачено впустую. Любой имперский гвардеец имел бы честный повод для зависти от такого, почти идеального, телосложения. Ко всему прочему, Маша была инструктором по джиу-джитсу, самбо и дзюдо. Имела второй дан по карате и очень любила кендо. Когда Маша находилась рядом,

Сергей чувствовал себя за каменной стеной. И более того, за очень женственной каменной стеной как бы странно это ни звучало.

С такой женщиной мог жить только Михалыч. Такой же удивительный и вместе с тем опасный человек.

А еще у них были дети. Мальчик и девочка.

И родня. Живущая в сказочном месте, куда даже спутники заглядывают нечасто...

Михалыч подошел к калитке, остановился, сбросил рюкзак в снег.

– Маш... Это я... – просто и как-то невпопад сказал он.

Сергей и Гриша остановились в стороне, понимая тонкость момента.

Маша толчком откинула створку и бросилась к мужу. Обхватила его, прижалась. Было очень странно видеть, как женщина, способная раскидать нескольких здоровых мужиков, бросается к своему мужу, как школьница, зажмурившись и прижимаясь щекой к родной и небритой физиономии.

– Ну-ну... – Михалыч терпеливо дождался, когда жена успокоится, похлопывал ее по спине. – Все хорошо. Все живы. Здоровы. Так... Есть кое-какие неприятности... Но все решаемо... В общем... Все хорошо. Дети как?

– Хорошо. – Маша всхлипнула. – Они сегодня у Жуковых, за лесом. Завтра вернутся... Я хотела сегодня, но потом...

– Правильно, правильно. Пусть пока там. Ничего, – бормотал Михалыч.

– Я волновалась, – жалобно, словно бы оправдываясь, шептала Маша. – Ты позвонил, номер незнакомый, ничего толком не сказал...

– Ну, ты ж у меня умница. Все понимаешь...

– Я понимаю...

– Ну вот и все. Давай заканчивай... Все хорошо, живой, здоровый... Квартира только...

– Да черт с ней...

Маша отодвинулась от мужа. Вытерла слезы. Улыбнулась.

– Хорошо, что ты приехал. И ребят хорошо, что вытаскил. – Она повернулась к Сергею с Гришей. – Привет, мальчишки! Умаялись? Сегодня баньку сочиним! Чего Гришка такой... Странный?

– У него челюсть сломана, – привычно пояснил Сергей.

– Ну не совсем сломана, – поправил Михалыч, но было поздно.

– Как сломана?! – возмутилась Маша.

Она тут же кинулась к Грише, который испуганно замер по стойке смирно.

– Гришка, ну-ка покажи... Дай я посмотрю... Доктора что говорят? Тут болит? А вот тут? Где угораздило? А ну-ка в глаза мне посмотри? Вроде норма...

Гриша пытался отмахиваться, но бесполезно. У мухи, попавшей в лапы паука, шансов было больше. Программист был осмотрен, ошупан, опрошен, правда, безответно. Травматическая медицина была одной из бесчисленных Маши-

ных хобби...

– Да все у него нормально, – вмешался Михалыч. – Старая травма, уже все хорошо. Уже все срослось... На тренировке вломили, бывает.

– Ладно, вечером посмотрим более внимательно. Давайте в дом! Замерзли, наверное. Городские...

Дом оказался большим не только снаружи.

Уютная прихожая, в которой, после того как зашли все, стало тесно, вела в просторную комнату, где солидным бастионом возвышалась русская печь. Две лестницы вели наверх, на второй этаж, где находились несколько двухуровневых комнат.

– Расположиться есть где, не волнуйтесь, – успокоила Маша. – Давайте я вам покажу, куда кинуть вещи...

Сергей с Гришей устроились в одной комнате, один на первом, а другой на втором «этаже». Тут удивительно пахло елью, свежим, живым деревом. А под ногами лежали толстые медвежьи шкуры. И какое-то чувство, смутно волновавшее Сергея, вдруг обрело наименование. Надежность. Забытое, невозможное в панелях города, с постоянным грохотом проспектов, суетой метрополитена и коммунальной незащищенностью каждого жителя. Надежность. Уверенность.

За этими стенами, в уютном тепле живого огня было надежно и по-настоящему хорошо.

Сергей очнулся, когда. Гриша ткнул его кулаком в бок. Довольно чувствительно.

– Эй, елки, больно же...

Гриша развел руками и встал рядом с Сергеем, с видом истукана уставившись в потолок.

– Еще и дразнится, паразит...

Они спустились вниз как раз вовремя. Хозяйка дома, Катерина Федоровна, уже накрывала на стол. Маша ей помогала. Что-то вкусно шкворчало в сковороде.

– О, молодцы, – воскликнула Катерина Федоровна, делая ударение на первом слоге. – Спустились! Хорошо... Поможете чуток... Маша, объясни ребяткам...

Молодцы были тут же приставлены к делу.

Один притащил из сарая дров в баню, а второй, как выразилась хозяйка, «в темпе», натаскал ледяной воды в какую-то деревянную емкость непонятного городскому уму назначения.

Все это получилось естественно и как-то легко. Словно бы само собой.

И когда они, чуть усталые, но довольные собой, вернулись в дом, их уже ждал стол, много вкусных, совершенно невозможных блюд, которым Сергей даже не знал названия. Большой кусок запеченного мяса, картошка вареная, жареная, какие-то лепешки, маленькие вкусные чебуреки, соленые огурцы, помидоры, чеснок, перчик и еще бог знает что, разное вкусное... И запотевшая бутылка самогона. Как раз такая, которую часто показывают в кино.

– А где Петр Фадеевич? – поинтересовался Михалыч.

– Спустится, он свою чарку не пропустит, – усмехнулась Катерина Федоровна.

И правда, как только сели за стол, заскрипела вторая лестница, жалобно взвизгнули ступени. И спустился... Ну иначе не скажешь... спустился Илья Муромец.

Машин отец был огромен. Два с лишним метра росту, натурально косая сажень в плечах. Былинный богатырь, как полагалось, бородатый, с густой сединой в волосах и кустистыми бровями.

– Антон, – пробасил хозяин. – Молодец, что приехал! Не видел тебя уже сколько!

Человек-гора раскинул руки. Сергею показалось, что он достает ими от одной стены до другой, сгреб Михалыча в объятья и поднял над полом.

– Задушишь, Петр Фадеич! Задушишь! – смеялся Михалыч.

– Ничего, ничего! – басил великан. – Сто лет тебя не видал!

Оставив наконец Михалыча в покое, великан подошел к столу и поздоровался с Сергеем и Гришей. За руку. У Сергея сложилось четкое ощущение, что ладонь побывала в огромных, мягких тисках, из которых невозможно вырваться.

Когда хозяин занял свое место за столом и улеглась предобеденная суета, Катерина Федоровна разлила по стаканам чуть мутноватую с зеленью жидкость... Густо пахло лесом и летним солнечным лугом.

– На травах настояно, – шепнул Михалыч Грише. – Машкин отец сам собирает.

– С приездом, – пробасил великан, поднимая стакан. – И чтобы не последняя...

60.

Калугин зашел к Битову вечером. За последние несколько дней Владимир Дмитриевич сильно сдал. Работал допоздна, вставал рано, требовал того же и от подчиненных. За это время отделом было отработано несколько версий, к сожалению, тупиковых. Повторные допросы Рогинова ничего не давали. Бесконечные внутренние проверки тоже. Отдел внутренней безопасности старался вовсю, рыл землю, но безрезультатно. Мелкие нарушения, недочеты, всякая-разная ерунда. Связка «Рогинов – Тимирязев» работала автономно, контактов с другими шпионскими агентами не искала, вербовочной работы не вела. Но диверсии, совершенные ими в самом начале, завели дело в тупик.

– Разрешите? – Калугин приоткрыл дверь.

– Заходи, Володя. – Битов сидел в кресле, закинув руки за голову и устало прикрыв глаза. – Виски будешь?

Калугин прокашлялся, и Антон Михайлович открыл правый глаз.

– Можно, можно, Володя. Рабочий день, пусть только и официально, но окончился. И вряд ли что-то случится до полуночи такое... экстраординарное. Если честно, я не верю.

– Ну, наша работа на вере не основывается... – Калугин сел напротив.

– Правильно, но не совсем. – Битов снова закрыл глаза. –

Наша работа, как древняя Земля, покоится на массе разных животных. Слоны долга, черепахи веры, и все это хозяйство плавает в океане терпения.

– Лирика...

– Настроение у меня такое, Володенька, устало-лирическое. Аж самому тошно. Так, виски будешь?

– Буду.

– И правильно. – Битов решительно наклонился, достал из нижнего ящика стола два стакана и бутылку. Разлил. – Давай. А потом расскажешь мне, что у тебя за новости.

Они выпили. Виски было терпким, маслянистым и крепким. Пустой желудок тут же потребовал закуски, но на столе ничего не было, а спрашивать Калугин постеснялся.

– Ну, давай, Володя, что там у тебя?

– Да, собственно, ничего утешительного. – Калугин напрягся. От выпитого с ним приключилась икота, и речь получилась неровной, рваной. – Обработывается база данных по видеоматериалам. Если по Лаптеву и Столярову более-менее все понятно, то двое других п-персонажей...

– Еще выпей. – Битов налил. – Пройдет.

Калугин хлебнул разом, даже слезы выступили.

Удивительно, но икота улеглась.

– По двум другим ничего нет, – закончил он фразу. – Также прорабатываем тему родственных связей Лаптева.

– А Столярова?

– Сирота. Не женат. Сестер с братьями нет. Глухой номер.

А вот у Лаптева есть жена, дети. Однако их в Москве сейчас нет. У жены отпуск, она с детьми где-то у родственников в Сибири.

– Направили туда кого-нибудь?

– Да, конечно. Сначала послали запрос, но ответ... – Калугин замялся.

– Что случилось?

– Ответ пришел, скажем так, невразумительный. Я пришлю этот образец изящной словесности... Иначе и не скажешь. Если говорить одним словом, то и да, и нет одновременно.

– То есть?

– Ну, смысл такой, что родственники есть, согласно бумагам числятся там-то и там-то. Однако установить связь с ними не представляется возможным ввиду сложных особенностей места проживания...

– Ну, елки-палки, не в Средневековье живем! – возмутился Битов. – Что значит, «сложных особенностей»? Нашли Амазонку! Чем они там занимаются вообще?

– Оригинал ответа такой, что зубы поломать можно. В общем, я туда человека командировал. Пусть на месте разберется.

– Правильно. Но времени уйдет... Уйма. В конце концов спутники же есть, всякие средства связи...

Калугин пожал плечами.

– Человек все же надежнее.

– Ладно. Надежней так надежней. Хотя я бы на месте Лаптева туда не совался... Рано или поздно мы на них выйдем.

– Ну, это если он нас боится. А если кого-то еще... – Калугин почувствовал легкое головокружение. – Тогда самое место, чтобы отсидеться.

– Да уж... Хотя нам, Володя, было бы проще ловить этого «кого-то еще» на живца здесь.

– Боюсь, Антон Михайлович, Лаптева роль живца не устроит. Я его досе внимательно проглядел. Не тот человек.

Битов вздохнул, и некоторое время они молчали. Алкоголь бродил в крови, приятным теплом согревая тело. Удивительно, но Калугин вдруг ощутил настоящий уют. Такой, какого не было и дома. Обычный рабочий кабинет, Феликс на портрете, «маузер», какие-то папки, компьютер, монитор, тихо жужжащая тумба принтера в углу... Все это банальное офисное окружение вдруг превратилось во что-то... подобрать имя которому он сумел не сразу.

«Это дом, – вспыхнуло понимание. – Дом. Мой настоящий дом. Все эти машины, люди, дела, папки, бумажки, скрепочки. Тяжесть пистолета под сердцем. Все это мое...»

И ему вдруг показалось, открылось, привиделось. Будто перед ним дорога, уходящая вдаль, и эту дорогу надо пройти. И от того, как он пройдет, какие шаги сделает, зависит, будет ли эта даль светлой...

«Есть такая работа – Родину защищать, – вспомнилось старое. – А еще есть такая судьба... Есть».

Битов хлопнул ладонями по подлокотникам, и видение пропало.

– Хорошо, – бодро произнес Антон Михайлович. – Что там еще?

– Еще нашли машину Лаптева.

– Ну. – Битов всплеснул руками. – Чего ж молчал! И?!

– И ничего. Пустая. Брошена в одном из дворов. Сейчас ее на анализ погнали. Микрочастицы и так далее.

– Тоже правильно. – Битов налил еще стакан. – Но... слишком поздно.

– Почему?

– Да потому. Понимаешь, Володя, мы на шаг, да что там, на несколько шагов позади. Всего-то один Рогинов с гаденышем своим... А какой эффект!

– Ну так, – от выпитого Калугину полегчало, – на то и диверсия, чтобы эффект был. Да еще какой. Малыми средствами нагадить так, чтобы надолго запомнили.

– Нам теперь, Володя, надо, – Битов сжал кулак, – вот как надо пахать, чтобы на старые позиции выйти... Вот как надо!

– Да мы и пашем. – Калугин вздохнул. – Я на стимуляторах сижу. Да и... не только я. Людей загонял совсем... Иванов вообще домой не ходит. Надо будет потом ему отпуск дать, внеочередной, что ли. А то ведь семейный человек...

– Что хочешь, Володенька, внеочередной отпуск, премии... Только найди мне эту штуку чертову! – Битов хотел было налить еще, но остановился. – Вот ведь интересно. Ко-

гда пью один, то ничего. Пару стаканов пропускаю, и нормально. Не хочу больше. А когда компания появляется, совсем другой оборот. Мелкая выпивка превращается в пьянку. Почему так?

– За компанию и жид удавился...

– Гхм... Неполиткорректно, но верно. Может быть, в этом дело?

Битов вздохнул, налил еще и спрятал бутылку.

– Я вот все время хотел спросить, Антон Михайлович. – Калугин поболтал виски по стакану, посмотрел, как стекают маслянистые струйки со стекла. Было видно, что он набирается решимости, чтобы задать сложный вопрос. – А что мы ищем?

– Вот тебе раз. – Битов удивленно поднял брови. – Ты что, вводную не читал?

– Читал. И не раз. – Калугин махнул рукой. – Читал.

– И?

– Ну, вы же сами писали...

– Непонятно? – с лукавым прищуром спросил Битов.

– Ни черта, – искренне ответил Володя.

– И это правильно! – Антон Михайлович опрокинул стакан и сморщился, словно проглотил что-то горькое. – Писать вводные надо так, чтобы ни у кого не возникало сомнения в важности дела, но при этом его суть должна оставаться в очень густом информационном тумане.

– Гхм, ну, тогда извиняюсь, что спросил...

– Нет-нет... – Битов взмахнул руками. – Не извиняйся. Я вообще удивляюсь, что ты раньше не поинтересовался.

– Почему?

– Потому что тебя на мое место прочтат. Так что...

– А вы на повышение?

– Или в отставку. – Битов грустно ухмыльнулся. – Так что для меня, в любом случае, это дело – последнее...

Калугин не нашелся, что ответить. Слухи о грядущей отставке Битова не первую неделю бродили по Конторе. Все это всплывало то тут, то там. Полунамеками, полусловами даже...

– Ты слышал, Володя, про нефтяной кризис?

– Кто ж про него не слышал? – вопросом на вопрос ответил Калугин.

– Так вот, то, что все слышали, – это мелкие брызги, которые перепали газетчикам. Правда гораздо веселее. Нефть, Володенька, просто кончается. Вся. Во всем мире! Представляешь?

– Ну. – Калугин усмехнулся. – Про это в любой газетенке можно прочитать...

– Правильно. Правильно, что можно. Оттого и можно, что люди должны привыкнуть к тому, что на них обрушится в скором времени. Как работает техника формирования общественного мнения? С чего? С желтой прессы. То тут проскочило заявление, то там. Кто-то в чате сказал, кто-то сообщение вывесил... Кто сказал, кто вывесил? Поди найди. А оно

осядет в мозгах, осядет... Слова, слова, слова. Закорючки! А какая сила?! Потом солидные издания подключатся, сначала на последних полосах, а то и в разделе юмора. Книжки напишут. А потом... Ну, дальше сам понимаешь. А делается это все для чего? Чтобы избежать излишних общественных потрясений. – Битов поучительно ткнул указательным пальцем в потолок. – Но! Но беда в том, Володенька, что нефть кончается слишком быстро! И мы не успеваем. Никто не успевает!!! Ни мы, ни Штаты, ни Европа, никто! Нам десятилетия нужны, десятилетия совместных действий, чтобы избежать того, чего избежать уже невозможно. Кризиса! Настоящего!

– В смысле? – осторожно спросил Калугин. – Беспорядки?

– Если бы... – Битов снова достал бутылку, но наливать не стал. – Ну, то есть беспорядки – это обязательно, куда ж без них, родимых? Но проблема гораздо шире, чем может представиться на первый взгляд. Что такое нефть? Это бензин, это тепло, это целый ряд продуктов, в том числе и питания, кстати! Список того, для чего необходима нефть, во-о-от такой! – Битов развел руками, как рыбак, рассказывающий про исключительно удачный улов. – И к этому привыкли. Люди всего мира привыкли! Это сейчас они все такие толерантные да либеральные. А прижми их, поскреби, голодом помори чуток... На фоне перепуганной, голодной, отвыкшей работать Европы Третий рейх покажется образцом гуманизма. А мы, как ты, наверное, помнишь, сидим на огромных запасах этого самого черного золота. Жидкого. Не арабы! А мы, Рос-

сия. Если бы тогда Штаты не полезли в Иран... Если бы не эти идиотские Крестовые походы... Я уж и не знаю, чего они там натворили, эти дети пустыни! Вот поймаем Лаптева, он тебе расскажет лучше. Он там был. Я не знаю, что они сделали, но нефти у арабов с гулькин нос. Уничтожили. Пропала. Ушла... Не знаю. Может, и появится когда-нибудь... В общем, у нас сейчас нефти больше всех. Но даже и этого недостаточно. Только-только для внутреннего рынка хватит. А уж торговать... Нет. Потому и режутся наши геологи, которые уже и не геологи совсем, с американцами за Северный полюс... Это война, Володенька, необъявленная, негласная война. Скрытый огонь. А вот если мы с тобой не найдем то, что нам надо отыскать, то полыхнет так... Всем жарко станет.

– Так что же мы ищем?

– То, что мы умеем делать лучше всех остальных.

– Не понимаю?

– Идеи, мысли, изобретения. Невозможное. Самое ценное. Ценнее нефти даже. Научные разработки. – Битов налил виски в стаканы. – Я и сам многого не знаю. Собственно, и не стремлюсь. Есть некая технология, которая позволяет делать нефть из... Из чего-то там. Не важно уж, из чего. Дорогая технология, но на безрыбицу... И более того, нужно это только для того, чтобы исключить нефть вообще.

– Не понял.

– Ну, как нам объясняли, есть два этапа. На первом –

нефть нам необходима, и для особых нужд мы ее можем произвести. Не качать из земли, а произвести. Энергоемкий какой-то процесс... Не знаю. Да... А на следующем этапе мы можем обойтись без нефти вообще! То есть мы находим ей адекватную замену. Не атом, не водород... Что-то абсолютно новое! Этот путь искали, на самом деле, все. Но безрезультатно. А нашли его мы. Понимаешь?

– Так это... – Калугин почувствовал, что задыхается. – Так это мы... Вот...

– Обалдел? – Битов удивленно посмотрел на коллегу и спокойно пояснил: – Если бы я упустил ТАКУЮ вещь, меня бы расстреляли. Вторым этапом никто не позволил бы рисковать. Мы... То есть я, утеряти первую. Обратный крекинг или как-то так. Точнее, не потеряли, а просто... уплыла информация.

– А может быть, она уже... там? – Калугин мотнул головой куда-то назад.

– Вряд ли. Наши... Ну, те, кто там, – Битов ткнул пальцем вверх, потом взял стакан, – полагают, что как только диски уйдут за рубеж, начнется война. Самая натуральная.

– А смысл?

– Ну, во-первых, война все спишет, а во-вторых, смысл прежний – отшвырнуть нас подальше, не дать России... Не дать ей думать! Пусть выживает, борется с чем-нибудь, с голодом, мором, разрухой... Но только не думает! Не изобретает! Не двигается вперед! Представляешь? Раньше боро-

лись за что? За землю, девок отнять, рабов нагнать... Свободу, наконец, отобрать... А сейчас нам пытаются помешать думать. Сделать так, чтобы ни одна мысль, ни одно изобретение, ни одна идея не принадлежала... России. Сам понимаешь, пока человек, или там страна, борется за существование, не до науки... Уцелеть бы.

– Погодите, погодите. – Калугин затряс головой. – А смысл какой? В любом случае, второй этап он же... для всех, для всей цивилизации, как выход, как панацея.

– Да кому она нужна?! Панацея... Володя, запомни, самые опасные люди не маньяки, не убийцы. Самые опасные – это те, кто думает! Потому что они мешают просто хапать и жрать. А весь мир только этим и занимается.

– Так уж и весь?

– Весь! – Битов сделался агрессивен и сам понял это. – Ну или в общем... И целом. Не нужна им эта панацея. Им нефть нужна. И если ее можно производить, а не добывать, тем лучше. Тут в дело вмешивается его величество Капитал.

Он замолчал, потом вдруг увидел стакан в своей руке.

– За компанию, говоришь? – улыбнулся шеф. – Такая вот неполиткорректность получается. Немодная в свое время идея избранничества... Народ-богоносец и все такое. Нервный я стал, Володя, истрепал себе нервишки. Извини.

– Да что там... – Калугин хотел было сказать еще что-то, но тут запиликал телефон. – Извините...

Он поднес к уху завиток гарнитуры.

– Владимир Дмитриевич. – Голос Иванова был взволнован. – Мы нашли тут... Нашли этих ребят. Совпадение на девяносто процентов. Художники уже водку пьют, премию пропивают...

– Какую премию? – не понял Калугин.

– Будущую! – ответил Иванов. – Нашли мы по их рисункам тех двух ребят, которые с Лаптевым и этим... Столяровым! Нашли. Сейчас я вам данные направлю, на принтер сразу...

– Направляй в кабинет Битова, – сказал Калугин. – Я сейчас тут...

– Только это не все! – Калугину показалось, что Иванов подпрыгивает у телефона. Как ребенок от радости. – Машину Лаптева помните?

– Ну...

– В трех кварталах от квартиры, где живет бывшая жена одного из них, Афанасьева Григория.

– Поднимай всех!

61.

Организм Романа был молодым и крепким. А потому уже через день после того, как мужчины уехали, парень начал вставать с постели и пытался ходить. Самым мощным стимулом к выздоровлению являлась унижительная для молодого человека необходимость... справлять нужду в утку и оставлять ее молодой женщине. С точки зрения Ромы, медсестрой никак не могла быть нестарая, тем более привлекательная женщина. Да и вообще, желательно, чтобы ее функции выполнял какой-нибудь автомат или программа. Хорошенькая медсестра должна появляться на этапе окончательного выздоровления, чтобы придать больному жизненный стимул. А когда мужчина не в состоянии подняться с кровати, чтобы добраться до горшка, умыться, почистить зубы, побриться, наконец... Нет. Видеть мужчину в таком состоянии не должен никто. Рома был в этом убежден самым серьезным образом и потому мучился. Мысль «Что естественно, то не безобразно» не утешала.

От таких душевных переживаний его организм мобилизовал все свои силы, и Рома встал с кровати раньше, чем должен был. Сначала его маршруты ограничивались направлением «туалет – кровать», но вскоре «пациент» освоил другие точки. Опираясь рукой на стенку, останавливаясь для отдыха, он постоянно бродил по квартире и отказывался от лю-

бой помощи.

Ольга поначалу ругалась, но Рома был непоколебим и своим упорством сумел перебить даже профессиональное упрямство медсестры. К тому же Ольгины выходные кончились, и она снова вышла на работу, иногда пропадая сутками. В такие моменты Рома, понимая, что рисковать лишний раз не стоит, засаживался за компьютер и двигался только по необходимости.

Имея большое количество свободного времени, Роман вплотную занялся проработкой сайта и продвижением идей Сергея в самых разных направлениях. Для начала он про-рекламировал ресурс везде, где только было возможно. Со-стряпал баннерок с надписью «Отомстил и забыл?», нашел фирму, которая за гроши взялась крутить этот баннер в раз-ных местах. Подработал дизайн и, когда все вроде бы стало на свои места, занялся общением с посетителями.

Для начала Рома перечитал все написанное по тематике. В отличие от эмоционального Сергея Рома подошел к вопро-су с прагматической точки зрения. Он перерыл всю Сеть в поисках прецедентов, случаев, причин и следствий. Найден-ного было подозрительно мало. Какие-то малолетки спори-ли о том, «морально или аморально мстить мальчику, кото-рый бросил...», какие-то умники с философского факуль-тета рассуждали о законности и правовом аспекте итальян-ской вендетты. Некий бумагомаратель из «Новых Известий» сокрушался по поводу юбилейной даты, энное количество

лет назад Управление Духовных Лидеров Мусульман выступило с предложением о репрессиях в отношении семей террористов. Журналист ждал «...искренних проповедей, слов осуждения в адрес не только конкретных терактов, но и местности как таковой...». Идеалист-теоретик с пером в руке хуже атомной бомбы... На какой-то миг Рома представил, как бородатые «борцы за идею» ринутся, орошая себя слезами, в ближайшее отделение ФСБ сдаваться, и от души посмеялся. Одним словом, такая простая и действенная идея бродила где-то в умах, но наружу выдавала только булькалки. Роман заготовил цитатник. Выгреб из работ разных философов и мыслителей целую кучу высказываний по теме и классифицировал их как отрицающие месть, одобряющие месть и нейтральные. К слову сказать, первых оказалось больше, и Рома задумался. Получалось странно, целый ряд людей, в общем-то не глупых, яростно протестовали против самой идеи мести как таковой.

Но потом пришло понимание.

Собственно, Рома открыл то, чего в упор не видели другие люди. Когда мудрец говорит, что иногда лучше не замечать обиду, чем мстить за нее, он совсем не отрицает право человека на личное правосудие, и никакого противоречия идее тут нет... Просто иногда действительно бывают ситуации, когда обида не стоит того, чтобы за нее мстить. Не устраивать же «ядерный холокост» из-за того, что кому-то отдавили его любимую мозоль... Мудрецы, как водится, углубились

в частности, презрев существование общего вопроса, видимо, недостойного для рассмотрения. Беда в том, что люди ушли, а их слова остались и, более того, уверенно осели в сознании потомков, которые теперь пребывали в святой уверенности, что лучше обиду простить, чем заставить наглеца за нее ответить. И разнородные негодяи, бандиты, террористы и другие отбросы человечества повторяли эти идейки на всех углах. Оно и понятно... Значительно легче заранее исключить угрозу ответного удара со стороны обиженных или их Родственников, чем разбираться с каждым двоюродным братом-сватом-родичем той девицы, с которой было так весело, но ее согласия при этом никто не спрашивал... А Закон... Ну, что Закон? Заявление всегда можно забрать... Да и будет ли то заявление? Но вот за отсутствие у девицы какого-нибудь безбашенного родича никто не поручится. А ведь хуже дилетанта, которому плевать на все понятия и нормы, что-то придумать трудно. Да еще, не дай бог, обнаружится дедулька какой-нибудь, стрелок ворошиловский, которому и терять-то уже нечего... Шлепнет и сам в ящик сыграет. Делай, что хочешь. «Дедушка старый, ему все равно...»

Так получалось, что мудрые дяди из просвещенного Рима удивительным образом играли на руку людям бесчестным, исходя, естественно, из самых благих намерений и побуждений.

А вот дикие горцы... То есть гордые и благородные жители высокогорной местности хитроумных этих дяденек не

читали, или, если и читали, то сочли за блаженных. Возможно даже, что над мудрыми их словами горцы пролили скупую прочувствованную мужскую слезу, запивая сочный шашлык вином, добытым из разграбленного подвала кровного врага. Но на провокацию не повелись. И продолжали гонять, как стадо баранов, не таких дальновидных жителей равнины. А почему, собственно, и нет? Если можно прийти и взять, что пожелаешь, например, женщину в наложницы или мужчину в рабство, и никак за это не ответить, то почему нет?

Закон далеко, горы, круговая порука, традиции. Поди разберись, по закону-то... Да и «слухи все это», «нет его дома, давно не видели», «в горы ушел, погиб, наверное»... Родственники же за своего беспутного родича перед Законом не в ответе. Тогда чего бояться? А мстить бараны не умеют, на то они и бараны...

Собственно, так оно и было, пока Правительство не прислушалось к тем самым духовным лидерам, которые предложили принцип родовой ответственности за терроризм. Мол, раз семья не сумела воспитать хорошего человека, стало быть, в ответе... И как-то разом, вдруг, кончились захваты больниц, самолетов, школ. Как отрезало. Еще бы, бараны так себя не ведут, месть – это людское понятие.

Одним словом, Рома с головой втянулся в идеологическую борьбу. Острая тематика сайта и открытый форум обеспечивали его разнообразными идейными противниками. Разными «нелюбителями насилия», призывавшими к

удалению сайта и физическому уничтожению тех, кто его создал. Над такими Рома откровенно потешался.

Встречались, впрочем, и адекватные личности. С такими было интересно спорить и вести обсуждение.

Один раз Рома с удивлением обнаружил, что кто-то, несильно скрываясь, шарится по его машине, пытаясь найти ключ к сайту. «Совсем обалдели общечеловеки, – удивился Рома и скормил им доступ к какому-то лихому порносайту, состоящему пополам из порнухи и вирусов с троянами, ожидающих любителя «клубнички». – Пусть успокоятся...»

Неизвестный «крутой хакер» приманку сожрал и сгинул. Видимо, увлекся.

Рома на всякий случай записал его данные. Глядишь, пригодится. И принялся шерстить свой ноутбук на предмет неучтенных дыр, оставленных «подарков» и прочих неприятностей.

От этого увлекательного занятия его и отвлекла Ольга, только-только пришедшая с работы.

– Эй, гений компьютерный, ты обедать будешь?

– Буду! – обрадовался Рома.

– А завтракал? – подозрительно спросила Ольга.

– Э-э-э... Ну, в некотором роде. Там колбаска была...

– Понятно. Не завтракал. Нарушаем режим, значит?

– Нет-нет... Я только так, чуть-чуть. – Рома «нарушать режим» стеснялся. Ольга поставила вопрос жестко: либо Рома подчиняется распорядку и процедуру лечения не нарушает,

либо она фиксирует его в лежачем положении надолго. – Я еще чай пил...

– Чай он пил, – проворчала Оля. – Иди давай-ка на кухню. Сейчас будет что-то вкусное.

– Момент! – Вкусное Рома любил.

Пока он, осторожно придерживаясь за стену, ковылял к кухне, раздался звонок в дверь.

– Я открою, – сказала Ольга.

Она стояла очень близко к двери. Рома не успел ей помешать.

62.

«Дежа вю», – подумал Рома.

Дверь открывалась медленно, как в дурном сне.

А за ней...

«Знакомые все лица!» – Роман подался назад, под ногу подвернулись Ольгины тапочки, он запнулся, потерял равновесие и с грохотом упал на пол.

– Рома... – Ольга шагнула к нему. Потом вспомнила, что дверь так и осталась открытой. Обернулась.

В проеме стоял высокий мужчина. Плотно сжатые тонкие губы, злые глаза и длинный горбатый нос. Орлиный профиль.

За его спиной маячили бритые «бычки» в черных куртках.

– Здравствуйте... – сказал Нос. После этого в квартиру ворвались черные куртки.

Коротко взвизгнула Ольга.

Роман успел швырнуть в кого-то маленькой табуреткой, случайно подвернувшейся под руку. Затем мир полыхнул ярким пламенем, слева направо, скрипнули гадко зубы, стало больно и во рту солоно. Чьи-то крепкие, как железные, пальцы грубо заломили ему руки за спину. Куда-то поволокли.

– Пустите, суки! – в темноте нокдауна заорал Рома, цеп-

ляясь за хваткие руки-крючья, как за якорь в этой вертящейся черноте. – Пустите! Убью!

Кто-то хохотнул, но притих. Вообще, если не считать топота множества ног, крика Романа и Ольгиного визга, было тихо. Бойцы не проронили ни единого звука с тех пор, как ворвались в квартиру.

Роме связали руки. В рот запихали какие-то тряпки. А после того, как он вслепую всадил-таки пяткой во что-то мягкое, придавили ноги.

Затихла и Ольга.

– Воды дайте...

Холодный душ смыл темную пелену с глаз.

Рома лежал на спине, на своем диване. Какой-то здоровяк ковырялся в ноутбуке, потрошил сумочку с дисками, другой сидел у Ромы на ногах, остальные планомерно переворачивали комнату вверх дном. Хозяйки не было видно.

Рядом на стуле, аккуратно сложив руки на коленях, сидел Нос. Пристальный взгляд темных глаз. Кривящиеся губы. Эта бешеная пляска на лице страшно контрастировала со спокойной, почти застывшей позой.

– Времени у нас мало, – отрывисто произнес Нос. – Но достаточно. Чтобы ты пожалел, что на свет родился. Потому я спрашиваю, ты отвечаешь. И все целы. Что неясно?

Рома выпучил глаза.

Бугай, сидевший у него на ногах, вытащил кляп.

– Что неясно?

– До фиги всего неясно! – Орать было больно, во рту что-то мешалось. Рома сплюнул. Кажется, зуб.

«Жалко, – пробежала мыслишка. – Но раз времени у нас мало, то имеет смысл покуражиться...»

– Ни хрена вообще неясно! – заявил Рома. – Кто ты такой, неясно! Что это за гоблины с тобой? Какого черта тебе надо вообще? И какие у меня есть гарантии?

– Список большой, – согласился Нос. – Давай-ка мы его укоротим. Сразу.

Бугай, сидевший на ногах, лихо размахнулся, и здоровенный кулак впечатался Роме куда-то в верхнюю часть живота. Под солнечное сплетение.

А-А-Ах!!!

Заорать ему не дали, на рот тут же легла чья-то потная ладонь.

– Ну как? – поинтересовался Нос, гримасничая. – Проходит желание все знать?

– Не-е-ет... – прохрипел Рома из-под ладони.

Нос судорожно, как филин, моргнул, и следующий удар последовал уже в пах. На этот раз Рома не мог говорить дольше. Нос терпеливо ждал. Остальная команда продолжала переворачивать квартиру. Кто-то уже потрошил диван, гремели на кухне кастрюли. Что-то упало и со звоном разбилось.

– Больно? – тусклым голосом поинтересовался Нос, когда Рома отдышался.

– Ага...

– Тогда скажи мне. Пожалуйста. Где находятся диски?

– Какие?

Ребра обожгло острой болью. Рома почувствовал, как что-то хрустнуло. Боль впиалась в мягкое, в живое, да так и осталась, словно заточку всадили.

– Торопишься ты, – досадливо пробормотал Нос, обращаясь к ударившему Романа «быку». – Торопишься.

Он некоторое время смотрел на корчащегося Рому, а потом вдруг стремительным, почти неуловимым жестом хлестнул «быка» по лицу. Пощечина была настолько сильна, что здоровяк кувыркнулся с дивана и загремел на пол.

– Дурак, – прошипел Нос.

– Прости, прости, – забормотал бугай, возвращаясь на место.

– Ну что, герой? Готов дальше беседовать?

Рома отрицательно покачал головой. От боли кружилась голова.

– Это плохо. Потому что времени, как я сказал, мало. Я тебе сейчас расскажу историю. О вашей глупости. Сначала вы, Как идиоты, ввязались в нелепую ситуацию. Но это было ваше дело. Но потом вы вляпались еще глубже. И ухватили то, что вам не принадлежит. Затем глупость на глупость. Надо было сразу избавляться от груза. А теперь поздно. Надо отдавать. Видишь? Я все знаю.

– Ни хера ты не знаешь! – прохрипел Рома. Боль в ребрах отпустила. – Сука.

Бугай занес руку для удара, но покосился на главного. Второй раз получать такую оплеуху ему не хотелось.

Задержкой воспользовался Роман. Почувствовав минутную свободу, он сжался, чувствуя, как болью отзываются мышцы, и что было сил пнул бугая пятками в лицо. Тошнотно, влажно хрустнуло, и «бычок» исчез из поля зрения. Следующим движением Рома навалился на главаря. Собственно, навалиться не получилось. Получилось упасть. Лицом Носу в колени. Однако этого хватило.

Для того чтобы вцепиться в ногу зубами и стиснуть челюсти, много и не нужно.

– Уберите! Уберите его! – На Рома сыпался град ударов, кто-то пытался вывернуть руки, забыв, что они связаны спереди. Какой-то умник додумался оттянуть назад голову. – Что ты делаешь?! Урод! Он мне мясо выдерет! Уберите! Челюсти разжимайте, челюсти!

Рома рычал, мотал головой и отпустил, только когда в глазах потемнело от удушья. Чьи-то крепкие пальцы сдавили горло.

Потом его долго били ногами. Но он уже ничего не чувствовал. В темноте было уютно и спокойно...

Очнулся Рома привязанным к стулу и мокрым. Напротив стоял бугай с ведром.

– Очнулся...

Роман поднял голову и понял, что видит только одним глазом. Второй то ли заплыл, то ли был выбит... Тела он не

чувствовал.

В поле зрения появился Нос.

– Переходим к форсированным действиям, – заявил он. Рома с удовольствием отметил, что нога у него перебинтована и из-за белизны проступает кровь. – Сейчас я спрашиваю. Ты отвечаешь. Неправильный ответ и...

Он щелкнул пальцами, и здоровяки приволокли в комнату за волосы голую Ольгу.

– И ее начнут насиловать, – закончил Нос. Его лицо корчилось, прыгало, дергалось. – А тебе я буду ломать пальцы. Где диски? И где те убудки, с которыми ты был? Ну!

– Далеко. Уехали.

– Плохой ответ, – сказал Нос.

Ольгу повалили на диван. Она закричала, забилась. А чьи-то крепкие пальцы ухватили Ромин палец. Через секунду заорал и он.

– Плохой ответ! – перекрикивал его Нос и совал в лицо какую-то бумажку. – Куда они уехали? Куда? Говори быстро! Сюда! Сюда уехали? Что это за координаты?! Куда они уехали!

Второй палец треснул сухим карандашом.

Рома уже не мог ничего ответить, просто орал, видя единственным целым глазом, как бьют женщину на диване.

В голове билось страшное: «Не могу! Не могу!»

Он понял, что в следующую паузу расскажет все. Потому что... больше не может.

– Это? Это место? – орал Нос.

И уже ничего не соображая и не видя ничего, кроме окровавленного Ольгиного лица, Рома заорал:

– Да-а-а-а-а-а!!!

В крике улетала душа.

Он видел себя, измочаленного, со страшным изуродованным лицом, искуроченными руками, проломленными ребрами... Комнату. «Быков», остервеневших от крови. И страшного, страшного человека с орлиным носом, впившегося взглядом в бумажку.

А потом...

А потом оглушительно бумкнуло! Загрохотало в прихожей!

Мимо пронеслось что-то черное, и только через несколько секунд Рома понял, что это входная дверь. Один из «быков» присел у входа в комнату и принялся в бешеном темпе палить в коридор из пистолета. Бандиты заметались. А Нос сделал что-то невозможное... Он разбежался и нырнул в окно, вперед головой. Брызнули в разные стороны осколки.

Потом стрелявший здоровяк вдруг начал заваливаться на спину, в ужасе зажимая ладонью кровь, и в комнату влетели люди, на спинах которых Рома увидел золотую надпись «ФСБ».

Больше он не видел ничего.

Мир удалялся... Удалялся... Вытягиваясь в длинный, темный коридор со звездочкой света. Впереди.

63.

– Вы «Скорую» вызвали? – поинтересовался врач с густыми, черными усами и блестящей лысиной.

«Волос в усы ушел...» – подумал Калугин, а вслух ответил:

– Я.

Вызывал на самом деле кто-то другой, но в данном случае это было не важно.

– Что с ними?

– Парень в коме. И очень плох. Ребра переломаны, одно легкое проколото, переломы, сотрясение... Крепкий, молодой организм, другой бы уже богу душу отдал. А этот нет. Цепляется.

– А женщина?

– Сильный удар в голову. – Врач пожал плечами. – Без сознания. Сотрясение. Но жить будет точно. Вы молодец, что нас сразу вызвали. Парня с того света достали. Даже не достали, а так... придержали душу.

Врач вздохнул, похлопал себя по карманам, нашел сигареты, закурил. И поинтересовался внезапно:

– Вы не помните, он в ботинках был?

– Кто? – Калугин не сразу понял.

– Ну, паренек этот? Когда вы его нашли... В ботинках?

– Н-нет... – Володя припомнил кошмар в квартире. – Нет.

Без ботинок. Босиком. А что?

– Плохо. – Черноусый врач затынулся. – У меня примета. Если кто поступает с травмами, но без обуви, то не жилец. А если в ботинках... жить будет. Никогда не промахивался. Был случай – мне мужичка привезли, из машины доставали. Весь переломанный-перекрученный. Страх один. Но в ботинках. Наши уже в морг оформлять повезли. А я говорю, нет, погодите! И точно! Живой оказался. Выходили... Так-то...

– Ну, вы этого парня в морг оформлять не спешите. Все же... – сказал Калугин.

– Само собой, само собой... – пробормотал усатый, выкинул недокуренную сигарету и забрался в машину. – Как что будет известно, я вам сообщу...

– Да, да, конечно.

«Скорая» рыкнула и, оставив после себя облако выхлопных газов, растаяла в зимних сумерках. Издалека донесся вой ее сирены.

Калугин вдохнул запах сгоревшего топлива, неприятный, терпкий, и подумал:

«По сути, парня изуродовали из-за бензина. На всю жизнь, поди... Весь мир свихнулся и напоминает подсаженного на дурь наркомана, только вместо героиновой иглы игла нефтяная. Нарик за пайку готов на что угодно. Так и человечество готово позабыть все на свете. Высокие слова, идеи, мысли. Гуманитарные одежды на бешеной обезьяне.

Суки...»

Калугин поднялся наверх. В разгромленную квартиру.

– Ну что, Леша, – обратился он к Иванову. – Еще раз опоздали?

– Не пойму я, Владимир Дмитриевич. – Иванов горестно сидел на лестнице. – Не пойму.

Лампы дневного света придавали его лицу зеленоватый оттенок, подчеркивая круги под глазами. Превращая молодого мужчину в старика.

– А чего тут не понять? – Калугин привалился к стене. – Обыграли нас, Лешенька, обыграли. Опять. Если бы мы с тобой жили в Японии, то пора было бы хакари делать.

– Приеду в Управление, – Иванов сжал кулаки, – я этого Рогинова порву! Порву, суку!

– Да, подгадил нам техник... Сучий сын, продажная душонка. Один человек, а какие последствия?... Вот и задумывайся теперь над ролью личности в истории.

На площадке появился участковый с двумя перепуганными гражданскими.

– Понятые...

Калугин сделал жест, проходите, мол.

– Ладно. – Владимир Дмитриевич отлепился от стены. – Давай, Леша, пройдемся еще раз. И поедем клиентов допрашивать.

– Да толку... По рожам видно, «бычки» тупые. Таких специально растят. На убой... Многого они не скажут, просто

потому, что не знают.

– Ну, хоть душеньку потешим. – Калугин хрустнул пальцами. – Я после того, что они тут учинили, очень настроен... по-деловому.

64.

В бане всегда хорошо. А когда в нее залетаешь с мороза, да уже не в первый раз, то и подавно.

– Эх! Пар столбом, дым коромыслом! – Дверь коротко скрипнула, и внутрь, пригибаясь, чтобы не стукнуться о притолоку, заскочил Петр Фадеевич. В парилке тут же стало тесно. Раскрасневшийся от холода, волосы дыбом, хозяин дома заухал, стряхивая с себя остатки снега, и стал похож на лешего, по ошибке затесавшегося среди людей. Да и случись такое, Сергей не слишком бы удивился. Баня стояла поодаль от остальных домов, ближе к лесу. Да и выглядела как-то... чутьточку диковато. Грубые толстые бревна, все сделано с запасом, на века. В предбаннике вениками травы висят и пахнут так... Если закрыть глаза, то можно представить, что именно этим вкусным ароматом увядшего, спящего лета пахнет Время.

– Охо-хо! – заголосил Петр Фадеевич, плеская на камни. – Охо-хо!

Он запрыгнул на полок, пригибая голову.

– Эх, сейчас накатит!

И накатило.

Вдарило мокрым жаром, да так, что воздух из легких вышел и сжалось все до хруста в суставах.

– У-у-ух... – закричал Михалыч. – Ну, Петр Фадеевич, ты

дал... Ох, не выдержу!

– Терпи, терпи, Антоша! – закрыв глаза, голосил хозяин. – Терпи!

Сергей поймал себя на том, что начинает тихонько подвывать. Жар достиг своей верхней точки... и неожиданно полегчало. Стало легче, да и вообще возможно дышать. Воздух больше не обжигал горло, не скреб кожу кипятком.

– О-о... – простонал Михалыч, расслабляясь. – Хорошо...

– Вам хорошо, а нам подавно, – ответил хозяин.

Вообще пословицы, поговорки и всякие присказки сыпались из Петра Фадеевича, как из рога изобилия. Казалось, что на каждое слово у него найдется два, да еще и в рифму.

«Пора выходить, – подумал Сергей, чувствуя, как мягко начинает кружиться голова. – А то с непривычки распарит...»

Он сделал движение слезть с полки, но Петр Фадеевич остановил:

– Куда? Сергунька! Мы ж еще и не парились!

– Да я уже... – смутился Сергей.

– Уже – не гоже. Давай на полок! Антоша, веник!

Своими огромными руками Петр Фадеевич схватил сразу два веника.

И началось.

Удары сыпались на Сергея, казалось, со всех сторон. Только жарко шипели на камнях брызги да свистели березовые веточки в раскаленном воздухе.

Сергей что-то орал, но все тонуло в громком уханьи Михалыча да в какой-то варварской частушке, которую под ритм ударов горланил Петр:

Два эвенка переплыли
Через реку Енисей,
Полну жопу наловили
Окуней и карасей.

Переводан, другодан, на колоде барабан!

Говорит старуха деду:
– Я в Америку поеду,
Поступлю в публичный дом,
Буду жить своим трудом.

– А теперь меня! – завопил Михалыч, и Петр Фадеевич безо всякой остановки перекинул веники на его спину.

Моя милка ловит рыбу,
Рыба не дается,
Щас она кита подцепит —
Ох и навернется!

Переводан, другодан, на колоде барабан!

На Казанском на вокзале
Труп без головы нашли,

Пока голову искали,
Ноги встали и пошли...

Когда, вдоволь нахлеставшись и наплескавшись, мужики вышли в предбанник, то на большом, сколоченном из цельных бревен столе уже стоял настоящий самодельный квас. Не жгучая химия в бутылках, а тот самый, хлебный.

Хозяин отхлебнул из большущей кружки солидный глоток, крикнул и передал Михалычу. Тот пил долго, со вкусом, вздыхая. Сергей пил осторожно, со страхом городского жителя перед любыми холодными напитками.

– Хорошо... – прошептал Михалыч, откидываясь на бревенчатую стену. – Хорошо...

После недолгого молчания Петр Фадеевич спросил:

– Что случилось-то у тебя, Антоша? Я ж вижу...

– Ох, да влетели мы с ребятами... Не то по случайности, не то по глупости. Хотя случайность, она вроде пока нашу сторону держит.

– Да ведь ты не последний карась в пруду, знаешь, поди, с какой стороны бредень забрасывают.

– Знаю. Но на меня управа есть, да и не в деле я давно. Сам знаешь, Фадееч, я слово держу. Сказал, что завязал, значит, завязал.

– Да верю я, верю, – вздохнул Петр. – Чего приключилось-то? Говори...

– Сложно это объяснить...

– Ну, попробуй, ум хорошо, а два, оно лучше.

– В общем, есть у меня документ один. Важный. От того, в чьи руки он попадет, многое зависит. Думал безопасникам вручить, да у них, по ходу дела, у самих такая круговерть. Никакой уверенности нет. То ли ФСБ, то ли... еще кто. Очень уж, Фадеич, ошибиться боюсь. Сунешь не тому, кому надо, и привет. Боюсь. Потому и сюда кинулся.

– Чего так?

– Единственное место, где я хоть в чем-то уверен. Честно тебе скажу. Эту деревушку можно долго оборонять...

– О как...

– Да вот так... Уж ты извини, что вышло таким макаром...

Петр Фадеевич вздохнул. Налил из кувшина еще квасу. Осушил всю кружку. Крякнул от удовольствия.

– Тут, Антоша, получается загвоздка. Да такая, что хоть караул кричи.

– Я понимаю. – Михалыч смотрел в пол.

– Не понимаешь, – твердо ответил Петр. – За этой штукавиной придут. Кто-нибудь, да придет. Так ведь.

– Так...

– И что я должен делать? Как староста я должен тебя из деревни гнать, с ребятами твоими. А как отец своей дочери? Да еще как дед... Ну, так ведь тут не один я такой, люди вокруг. Понимаешь? Тут, брат, все не так просто. Тут думать надо. Время-то у нас есть?

– Есть... Наверное.

Петр вздохнул.

Помолчал.

Остывающая баня поскрипывала, словно живая. Снаружи ветер гонял снежные облака, а тут было тепло, уютно и пахло летом. Сергею хотелось закрыть глаза да так и остаться тут, по возможности навсегда.

– Что за бумажки-то? Важные? – наконец спросил Петр Фадеевич.

– Из-за таких войны случаются, – глухо, закрыв лицо ладонями, ответил Михалыч. – Ты меня знаешь, Фадееч, я бы с ерундой и сам справился. Или выкинул бы... Или отдал, все одно кому. Но это... Это...

– Оружие, что ль?

– Даже хуже.

– Что ж хуже?

Михалыч отнял ладони от лица. Посмотрел грустно на testa и ничего не ответил.

65.

Капитан Зеленкин как раз готовился смениться с боевого дежурства, когда на пульте надсадно закричала сирена.

«Вот уж некстати!»

Застучали клавиши, защелкали переключатели.

– Дежурный, параметры цели! – рывкнул Зеленкин.

– Товарищ капитан, – голос дежурного был растерян. –

Цель не определена...

– Дополнительное сканирование! Запрос по всем частотам. Прицеливание. Сообщите майору...

Пауза. Мигание индикаторов. Гул вышедших на рабочий режим генераторов. Мерцание мониторов. Писк детектора.

– Самолет. Принадлежность неопределенна. Заход через китайскую границу. Высота восемьдесят тысяч. На позывные не отвечает.

– Патруль в воздух. Ракеты на цель.

В помещение вошел майор.

– Что случилось?

– Самолет-нарушитель. Квадрат Б12. Параметры...

– Чей?

– Принято сообщение. Неисправность рулевого управления. Научный транспорт. Экспериментальная модель. Помехи сильные...

– Ясно. Сообщите этим экспериментаторам, что они при-

ближаются к запретной зоне и мы будем вынуждены открыть огонь. Сообщи, что на подходе наши истребители, и он должен подчиниться команде на приземление. – Майор поперхнулся. – Какой, к черту, научный транспорт на такой высоте? Принадлежность?

– Китай... – неуверенно ответил дежурный.

– Наши истребители где?

– Уже близко... Он разворачивается! Сообщение... Неисправность устранена... Возвращается на обратный курс...

Рука Зеленкина замерла над пусковым тумблером. Одним глазом он смотрел на майора, вторым на экран радара.

Время тянулось, словно резиновое. По лбу дежурного скатилась крупная капля пота.

– Масса самолета сейчас?

– Без изменений. То есть... Тонна минус.

Майор снял фуражку.

– Нарушитель пересек границу...

– И черт с ним. Зеленкин, сообщите пограничникам. В секторе Б12 что-то сбросили.

66.

Легкий вертолет второй час утюжил лес. Непролазная тайга, охотничьи тропы, трескучий мороз...

– В вашем направлении с востока движется снегопад. – Через помехи голос дежурного звучал отстраненно и глухо. – Если результата нет, то сворачивайтесь.

– Результата нет, – подтвердил пилот. – Снег. Вы уверены, что сброс произошел в этом районе?

– Станция слежения подтвердила...

– Ничего не вижу... Снег чистый. Все следы замело. Если они и были.

– Сворачивайтесь. Наряд тоже ничего не обнаружил... Утихнет буря, пошлем людей.

Вертолет, загребая воздух, резко ушел в сторону. Когда звук его моторов затих вдаль, под высокими, мачтовыми соснами зашевелился снег. Один, два, три... восемь, десять, пятнадцать сугробов почти одновременно взметнулись вверх. Откидывая в сторону блестящие теплоизоляционные накидки, из снега выбрались люди. Белые маскхалаты, шапочки, короткие лыжи-снегоступы. Бодро клацнуло оружие.

Ведущий вытащил из кармана небольшую ГПС-планшетку с картой региона.

Через несколько секунд группа была построена в боевой порядок.

Взмах рукой... Пошли.

С неба неторопливо посыпал снег.

67.

– Слушай, мужики, – крикнул Петр Фадеевич его слова вместе с паром улетели вверх, к хмурому небу. – Вы меня знаете, я вас знаю, потому много говорить не буду. Чего воду зря толочь, правда? Вот Антон. Мой зять. Вы его тоже знаете. Мужик он спражный, дельный. Много чего в жизни видел. Да и... В общем, я ему верю.

– Много говорить – голова заболит! – крикнул кто-то. – Ты по делу, по делу!

– Я и говорю... – Великан возвышался над толпой на целую голову, но этого кому-то показалось мало. Подкатили бочку, помогли на нее забраться. – Беда у него. Ищут.

– Власти?

– Власти. – Петр кивнул. – Да не наши. То, что его найдут, это к бабке не ходите. И так ясно. Рано-поздно, а сыщут. Бросить его я не могу. Остаться в деревне... Нельзя. Да и бросить нельзя! Если он не в те руки попадет... Беда будет. Оттого прошу я вас, братцы, кто может. Кто не побоится... – Он запнулся, а потом рукой махнул, как топором рубя концы. – Кто не побоится за землю Русскую постоять! Как раньше! Как всегда мы стояли! Берем ружья да на Вилки!

Толпа заволновалась. Пронесся ропот, чей-то звонкий голос, не то женский, не то детский:

– А ты-то куда?! – взлетел над людьми, завис и ухнул в

попынью шепотков, бормотания, покашливания да вздохов.

– Надо мне... – Глухое, в бороду. – Надо мне...

Люди обсуждали услышанное между собой. Кто-то размахивал руками, кто-то качал головой, хмурился. Только одна девушка, та, что спросила: «А ты-то куда?», плакала на плече у молодого человека с курчавой, русой бородкой. Остальные бабы стояли молча, сжав руки. Побелевшие от напряжения пальцы... Тревожные, беззащитные глаза, в которые мужики старались не смотреть. Мужское дело – решать, а бабье?... Наверное, ждать.

Государство может иметь армию, флот, космические станции, самые мощные в мире ракеты, но оно ничто без этих людей. Во Франции есть их ля белль Франс, в Англии – ее интересы, у Италии есть Рим, а у США есть флот. Но ни у одной страны мира, какой бы красивой, хитрой, великой, могучей она ни была, нету того, что есть у России. Русского мужика. Оболганного, извалянного в словесной грязи, униженного и уничтожаемого, но абсолютно непобедимого. По самой природе своей. По извечному русскому: «Эх...» Просто потому, что создан он богом не под копирку, не случайно и не по ошибке. А с умыслом.

А потому, если русский – то навсегда.

– Ладно! – Вперед вышел крепкий, лет сорока, мужик с проседью в волосах. – Когда идем, чего берем?

– Выступаем завтра! – крикнул Петр Фадеевич. – Берем, как всегда... Как на охоту... А сегодня, как соберетесь, ко

мне заходите. Вечерком. Обмозговать надо.

68.

Щелк...

– ...за время кризиса достигла максимума. Вчера силами русского Черноморского флота была предпринята попытка прорыва блокады Севастопольской базы. – Диктор, серьезный, хмурый, но уже не дергается. То ли пообвыкся с экстремальными сводками, то ли таблеточек наглотался перед эфиром. Калугин представил, какая сейчас в новостных агентствах происходит кутерьма. У него был знакомый телевизионщик, который признался по секрету, что лично видел, как режиссер новостей перед эфиром высыпает на пульт груды таблеточек. И к финалу сжирает почти все. Зато после эфира с ним можно делать что угодно. Просить повышения зарплаты, требовать отпуск, ругать в глаза... плевать. Бревно бревном. Особенности нервной работы. – Десантный катер «Ладонь» высадил группу моряков на одну из барж, блокировавших акваторию. Наши моряки попытались завести двигатели и отвести корабль. Однако вскоре после начала акции к месту действия подоспел катер «Богдан» Военно-морского флота Украины и предпринял попытки воспрепятствовать действиям наших моряков. В результате стычки пострадали моряки с обеих сторон. Баржа осталась на прежнем месте, без экипажа и движения. Однако к вечеру того же дня на ее борт высадились русские морские пехотинцы, которым

удалось отвести транспорт в сторону от фарватера. В ответ на это украинские моряки предприняли неудачную попытку вернуть баржу на место, а МИД Украины потребовал разъяснений по поводу присутствия морских пехотинцев на российской военной базе. Утром транспорт был атакован украинским спецназом, в ходе стычки двигатели плавсредства были повреждены и нарушена герметичность корпуса. Русские морские пехотинцы покинули корабль. Теперь баржи, перегородившие акваторию, находятся под контролем украинских спецназовцев. О каких-либо действиях со стороны русских моряков пока не сообщается. Комментариев от Министерства обороны России мы получить не смогли, однако пресс-атташе посольства Украины в Российской Федерации Юрий Ющенко сообщил нам, что Правительство Украины возмущено действиями российской стороны и требует объяснений. Представители блока НАТО официально заявили о своем недовольстве и недопустимости агрессии со стороны Российской Федерации в отношении страны – союзницы Северо-Атлантического альянса. Соответствующая нота уже направлена...

– Русско-китайский конфликт, – пробормотал Калугин. – Только там дрались за остров, а тут за фарватер.

Он хотел досмотреть новости, но зазвонил телефон.

Калугин с сожалением закрыл окошко прямой трансляции. В принципе использовать казенную технику в качестве телевизора было запрещено, но... мелкие нарушения есть

мелкие нарушения.

– Володя, – голос Битова. – Зайди срочно.

Калугин поднялся, задвинул кресло и, было, вышел, но в дверях почему-то обернулся. Пустой одноразовый стаканчик в мусорном баке, чистый стол, монитор в режиме ожидания, только поле дрожит над столом... Что не так?

Вдруг пришло понимание.

С рабочим местом все в порядке. Что-то не то с самим Калугиным. Какое-то странное чувство. Будто... он прощается со всем этим. Уходит, чтобы никогда уже не вернуться.

«Бред, – подумал Владимир Дмитриевич. – С чего бы?»

Он встряхнулся и направился к кабинету шефа, по пути пытаясь разобраться в себе.

«Вот скажут сейчас, заявление на стол... По собственному, за былые заслуги...»

Нехорошее чувство приближающейся беды.

Он открыл дверь.

– Звали, Антон Михайлович?

– Звал, звал... – Битов рассматривал какие-то листки, только-только вышедшие из принтера. – Закрывай дверь. У тебя новостей нет? Командировочные твои что-нибудь дали?

– Нет. Ответа жду с минуты на минуту...

– Не жди. – Битов махнул рукой. – Я, в общих чертах, уже все выяснил.

«Плохой признак... Если прыгать через голову начальника – плохой тон, то когда начальство скачет через твою го-

лову – это плохой признак. Ой-ой...»

– Вернутся, ты взгрей их по первое число. Работнички. А я, в свою очередь, региональному отделению пропесочу. Лодыри...

– Что случилось, Антон Михайлович?

– Не видел никто Лаптева в тех краях, более того, про его родственников нет никакой информации. А я знаю! – Битов поднял палец вверх и повторил с нажимом: – Я знаю! Что он там. Только эти наши... – Он запнулся. – Не важно, в общем. Знаю и все. Так что, Володенька... скатайся-ка и ты в край суровый, таежный. Так надо. И с собой возьми Иванова. Телевизор смотришь?

– Н-ну... Да.

– Про Севастополь знаешь. А я тебе расскажу про другое. Учения в Прибалтике помнишь?

– Да.

– Так вот, сегодня утром произошел инцидент на границе. Группа солдат перешла границу России. При попытке задержания – открыли огонь и ушли назад. Как это называется?

У Калугина запершило в горле.

– Война...

– Нет! Не угадал. Это называется недоразумения в ходе прохождения маневров. Пограничные недоразумения. Намеки. Понимаешь? Отвлечение внимания. Что-то важное назревает. Потому и на югах шухер, и прибалты наши осмелели. А самое интересное знаешь что?

– Что?

– В пограничном районе близ мест, где отдыхает сейчас жена гражданина Лаптева, которую, кстати, наши сотруднички проворонили, произошло нарушение воздушной границы. Чувешь?

– Ну, само по себе...

– То-то и дело, – перебил Битов. – Что не само по себе. Пограничный наряд обнаружил следы десанта. Обнаружил и потерял. Там буран, погодные условия сложные... В общем, потеряли. Оно и понятно, те, кто десант высаживал, под погоду рассчитывали.

– Погодите... Там же только Китай... Китайцы? – Калугин почувствовал, что в голове все путается.

– Хрена. Китайцы заняты Тайванем. Им скормили независимый островок в обмен на некоторую близорукость ПВО. Или за помощь в организации... Сам знаешь, какая инженерная база сейчас у азиатов. Самолетик-то неопознанный... В общем, не важно это. Геополитика, м-мать! Факт тот, что на место надо тебе лететь. В подмогу тебе будет Иванов...

– А если... – Калугин не договорил.

– На этот счет не беспокойся. Вызовешь подкрепление. Там неподалеку десантнички... Как это нынче модно выражаться, маневрируют. На всякий случай. Учения у нас, – с нажимом повторил Битов. – Учения.

Он принял из принтера еще один листок, сложил его с остальными и передал Калугину.

– Вот, все документы, которые тебе понадобятся. Вплоть до позывных и списка частот. Билеты на самолет, спецрейс через полтора часа. Что-нибудь неясно?

– Все ясно.

– Но... – Битов погрозил Володе пальцем. – Без надобности пушками не тряси. Аккуратно там...

69.

Утром встали рано.

Сергей даже не сразу сообразил, сколько времени. Вроде бы утро, а темень... После светлой городской ночи он никак не мог привыкнуть к этой темноте, где нет света улиц, муравейников-домов и бесчисленной рекламы.

– Вставай, вставай, скоро выходим, – похлопал Сергея по плечу Михалыч. – Вещи собрал?

– Еще вчера. – Голос спросонья был хриплый, будто простуженный.

– Давай, давай... Мы с тобой припозднились, остальные завтракают уже...

Но, несмотря на опасения Михалыча, вышли вовремя.

Михалыч, Гриша и Сергей двигались в середине небольшого каравана. В авангарде был Петр Фадеевич, замыкал группу отец Федор. Местный священник, несший на плече старенькую двустволку-вертикалку.

Шли на коротких, широких лыжах, без палок, просто переставляя ноги по снегу.

Сергей вспомнил, как собирались вчера в дом к Петру добровольцы. Рассаживались не торопясь, с достоинством. Внимательно слушали Петра.

– Такая история, братцы. – Петр Фадеевич развел руками, давая понять, что история закончена. – Мое предложение вы

знаете, уйдем в Вилки, там окопаемся, и хрен нас оттуда выкуришь. За деревню я не боюсь, тут, на случай чего, остается Фрол с братьями.

– А дальше? – задал кто-то резонный вопрос.

– Дальше... – начал было Петр Фадеевич, но Михалыч его перебил:

– Мне нужно время, чтобы связаться с единственным человеком, которому я могу в такой ситуации доверить диски. Запрос я послал. Но уйдет время.

«Когда успел?» – удивился Сергей и переглянулся с Гришей. Тот коротко кивнул, правда, мол.

– Ну, коли такое дело, то и вопросов нету, – пожал плечами коренастый мужичок со шрамом во всю щеку. – Просидим столько, сколько надо будет.

– Может быть, придется не только сидеть... – тихо сказал Михалыч.

– Ну, коли такое дело, – мужичок снова пожал плечами, – что ж поделать-то?

Выставили на стол здоровенную бутылку.

– Ну, раз с официальной частью покончено... – Петр Фадеевич потер большие, крепкие ладони. – Пора переходить к... неофициальному банкету.

Все задвигались, зашевелились. На столе появилась закуска.

Выпили первую. Вторую.

От выпитого в голове зазвенело. Сергей быстренько при-

кончил мясо с вареной картошкой и подложил себе добавки. О коварных свойствах местного самогона он уже был наслышан от Михалыча. «Ешь много, пей как хочешь. Но главное, кушай побольше... Иначе смерть».

Сергей и ел. Однако чувствовал, что проигрывает схватку с алкоголем. Медленно, но верно сдавая плацдармы, оставляя бастионы и крепости. Самогон оказывал удивительное воздействие, хотелось расслабиться, улыбаться и... петь. Такого эффекта от водки у Сергея не случалось.

По всей видимости, что-то подобное испытывали все сидящие за столом. Если в дом входили серьезные и даже суровые мужики, то сейчас лица переменились. Люди улыбались, весело разговаривали, вспоминали какие-то забавные истории. Кто-то на охоте испугался барсука, приняв его за медведя, кто-то, наоборот, медведя принял за барсука, стрелянул мелкой дробью, а потом не знал, куда деться.

– Братцы, – громко пытался убедить кто-то. – Ну не верите вы мне, так дайте я правду расскажу, ну, хоть Антону!

– Ой, да ладно заливать!

– Слышали мы уже... – прозвучало со всех сторон.

– Ну, правда же была! Правда! – Рассказчик махнул на всех рукой и, обращаясь к Михалычу, продолжил: – Иду я на лыжах. Зима. Погода, ну, как сейчас.

– Да холода были, под сорок! – поправил кто-то.

– Ну, под сорок, – согласился рассказчик. – Я не спорю. Иду на лыжах. Далеко ушел. А зверя нет! Ни следочка! Ну,

хоть тресни, хоть разорвись!

– Да не бывает так, ну, – хохотали вокруг.

– У вас, может, и не бывает, а у меня было! И долго шел, за балку... Потом краем болота, ну, где Кобытина корова утопла в позапрошлом году. Жуткие топи. Там и зверья и людей... Страшные места. Гиблые. Ей-богу, в самые лютые морозы воду не схватывает. Оттого, что мертвые снизу греют...

– Как же так? – воскликнул Сергей.

– Ну так... – Мужик развел руками. – Физика...

Интересно было то, что история про незамерзающее болото возражений не вызвала. Видимо, было что-то... Одно слово – тайга.

– Так вот, иду краем. Уже чертова горка показалась. Лысая, значит. А в тех местах завсегда разная чертовщина. И вдруг раз! Из лесочка, там березнячок такой хиленький, гляжу – на меня идет.

За столом кто-то прыснул в кулак.

– Ладно вам! Не мешайте! – возмутился мужичок. – Идет на меня кто-то в черном!

– Поди, сам черт! – в притворном ужасе всплеснул руками Петр Фадеевич.

– Ну. – Рассказчик покачал головой. – Я врать не стану, но поначалу сам так и подумал. А он шустро так шпарит. На лыжах. Снегоходы, точь-в-точь мои. А сам-то... Не совру, ну как пингвин.

– С клювом?! – опять воскликнул Петр Фадеевич.

– Да каким там клювом?! – отмахнулся мужичок и погрозил пальцем неведомо кому. – Во фраке!

Люди, уже не в первый раз слышавшие эту байку, захохотали так, что стекла затряслись.

– Во фраке, я вам говорю! Черный, фалды развеваются! А на голове...

– Ой, не могу...

– А на голове цилиндр! Я так и обмер. Ну, думаю, вот он, черт. Или смерть моя...

– А с чего смерть в цилиндре-то? – сквозь смех спросил Петр Фадеевич.

– Вот у нее и спроси, а я зазря врать не стану. Сказал – в цилиндре, значит, в цилиндре. И как мы с ним поравнялись, он на меня зыркнул так, косо, мол, шлятся тут всякие, и шапку свою приподнял Учтиво так. Здравствуйте, мол.

– А дальше? – спросил Михалыч.

Рассказчик пожал плечами.

– Ну... Я в свою сторону, он в свою. Поздоровались и разошлись... Но зверя...

Окончание рассказа потонуло в хохоте. Сергей тоже смеялся, рассматривая эти простые, честные лица, пышущие внутренним, настоящим здоровьем. В какой-то момент он пересекся взглядом с Петром Фадеевичем. Хозяин дома сидел во главе стола, будто Илья Муромец, огромный, сильный и по-доброму настроенный ко всему живому. Ухмыльнулся и хитро подмигнул. Сергей улыбнулся в ответ. На душе бы-

ло легко, спокойно. Так, как давно не было... Вокруг сидели люди, с которыми было надежно и легко.

– А правда, – неожиданно для самого себя обратился Сергей к сидевшему рядом отцу Федору. – А правда, что у вас шаман живет на горе?

– Правда, – согласился отец Федор, солидно кивая. – Из местных, старых. Таких, как он, и не осталось больше.

– Вы с ним, наверное, враждуете?

– С чего бы? – Удивлению священника не было предела.

– Ну... – Сергей неожиданно понял, что не может точно ответить на этот вопрос. В голове крутилось дурацкое: «Представители соперничающих культов». – Ну... Он же шаман.

– А я – поп. С чего бы нам враждовать? Аргыска мужик хороший.

– Кто?

– Аргыска... – Федор, видя недоумение на лице Сергея, пояснил: – Ну, Аргыс его звать. Спутник, поихнему. А понашенски, чтобы язык не ломать, Аргыска.

– Звучит как-то...

– А чего? Хорошо звучит. Он не обижается. Сам иногда себя так называет. Вот, мол, Аргыска сказал. – Отец Федор на мгновение задумался, а потом пояснил: – Ну, то есть это наши мужики думают, что он так про себя говорит. В третьем лице.

– А на самом деле?

– А на самом деле, это он так про своего духа-помощника. – Видимо, у Сергея была совершенно обалдевшая физиономия, потому что священник покачал головой и ударился в пояснения: – У каждого шамана должен быть дух, который ему помощник. В путешествиях. Ну, про Нижний мир, Верхний мир слышал?

– С-слышал...

– Ну, так чего ж ты мне тут морды корчишь?

– Да странно как-то...

– Чего же?

– Ну, вы же священник?

– Он самый.

– А про шаманские дела рассуждаете.

– Ах, вот оно что... – протянул отец Федор. – Так это, милый мой, ерунда. Я много про что могу рассказать. Что ж ты думаешь, раз человек коммунист, то и про капитализм он ничего не знает?

– Но вы так говорите, будто бы уверены... То есть, я хочу сказать, будто бы знаете, что это существует. Ну, там, Нижний мир... Духи-помощники...

– А почему бы и нет? – Отец Федор пожал плечами. – Если шаман опускается в Нижний мир, ну к примеру, видит там разных духов, разве это противоречит Писанию? Если мы возьмемся разбирать, например, небесную иерархию, разве не увидим там разных существ духовного плана? Вера, сама по себе, не отрицает шаманства. Вот, скажем, атеизм, да. Ка-

кие тут духи, раз и души нет? Душа – она основа всего. Убери душу! И не будет тебе ни ангела, ни беса, ни Нижнего мира, ни Верхнего. Одна только нефть, уголь и прочие природные ископаемые. А верни человеку ее, душу-то... И смотри сразу, как заиграл красками мир, как все дышит, живое... Во всем это божье начало. И раз уж старик Аргыска бьет в бубен и видит духов, то почему я должен его осуждать? Ничего дурного он не делает, против законов мирских и духовных не идет. Есть у него смелость с духами говорить, хорошо. Пусть. Лишь бы душа была... Плохо без нее. Без души-то.

– Но ведь сказано, что... – Сергей порылся в памяти. – Да не будет других богов... Перед чем-то там... Забыл. Извиняюсь.

– Эх. – Отец Федор вздохнул. – Да не будет у тебя других богов перед лицом моим. Так и сказано.

– Ну.

– Баранки гну, – добродушно прогудел священник. Голос у него был низкий, потому гласные растягивались, звучали глухо и архаично. – Перед лицом моим, понимаешь? А перед лицом его и нет других богов. Это как масло не масляное или там вода не мокрая. Не бывает.

– А духи? Он же не христианин!

– Да большая часть всей Земли не христиане! И что же нам теперь, крестовые походы учинять? Бона, к югу, Китай, сколько там народу? И почитай все – не православные. Что ж мне делать-то?

– А как же миссионерство?

– Да уж домиссионерились... Так всем поперек горла встали, что народ семьдесят лет безо всякой души жил. К Христу прийти надо, а не тащить крест туда, где его не ждали, да и не нужен он. Жизнь, она же разная везде. В Африке какой-нибудь или вот в Сибири... Везде по-своему... А души... Что духи? Ну, духи... Что ж им теперь, и не жить совсем? – Глядя на озадаченное лицо Сергея, отец Федор засмеялся. – Ну, даешь ты, в самом деле! Попа ущучить захотел?!

– Да, ну... Ведь язычество это! Ересь там...

– Где ересь? – удивился священник. – Аргыска-то?

И отец Федор захохотал, держась за живот.

– Ну, уморил! Позабавил! Аргыска – еретик! Ой, не могу!

– Да я серьезно не понимаю, – возмутился Сергей. – Как может священник рассуждать о всяких штучках этих шаманских?

– Ну, так ведь не я ж с бубном-то скачу, – снова засмеялся тот и, скорчивши забавную физиономию, вдруг забубнил какую-то тарабарщину, подпрыгивая на одном месте, видимо, подражая Аргысу. И после этого залился новым приступом хохота.

Удивительно. Но на такое поведение отца Федора никто внимания не обращал. Все по привычке к веселому нраву местного священника. Да и выпили уже порядком.

– Ересь, братец, – это атеизм. Бездушие – вот ересь,

страшная к тому ж. А шаманство, что ж в нем страшного? Шаманство – это не вера, это метод! – Федор поднял указательный палец вверх, подчеркивая значимость сказанного. – Так-то. За каким шутом мне бороться с тем, кто утверждает существование души, да и вообще мира нетелесного?

– Но ведь... – Сергей припомнил неистовую тарабарщину, исходящую из уст разного рода «божых людей», на разных сайтах, форумах и чатах. – Но ведь... грех...

– О, это ты юродивых наслушался. Есть такие. Молотят, сами не знают чего. Болтать, оно не мешки ворочать. Еще же думать надо...

– Оригинально... – пробормотал Сергей.

– И не говори. Я за эту оригинальность уже по шее получал. Потому и сижу тут, не рыпаюсь. Так-то. Давай-ка, нальем еще по одной... – Отец Федор потянулся к бутылке.

– А как же так, – не унимался Сергей. После выпитого страшно тянуло на разговор. – Вот вы священник, а идете с нами...

– И что же? – удивился Федор.

– Ну, как... Ведь стрелять придется. Может, и убить кого...

Отец Федор резко посерьезнел.

– Хоть и нехорошо... Но... Да нет... Неправильно говорю. Хорошо или нет, даже говорить нечего. Плохо. Убивать плохо, жизнь ведь она не просто так дается... А ты его пулей. Но во сто крат хуже, когда из-за страха и боязни Родину преда-

ешь. И Христос на крест идти не хотел. А пришлось. Крест он у каждого свой. Легким он не бывает. И нести его надо до самого конца. Не ронять. Предать Родину – это бросить свой крест. Если я не пойду, еще кто-то не пойдет, греха побоит-ся. Да так и получится, что мы все чистенькие в сторонке, а Россия наша... в крови да в гадости. Потому священник ты или мирской человек, а Долг перед предками своими, перед землей, он на первом месте. Иначе нельзя. Каждый мужик русский это знает. А если позабыл, то и напомнить не грех. А как еще напоминать, если не своим примером? Как же я буду людям в глаза смотреть, если в стороне отсижусь, когда они под пулями были? Как может священник в армии не служить? Ну, к примеру... Есть же целое движение, чтобы священников в армию не брать. Я против! Как так не брать?! В первую очередь! Негоже, я считаю, божьему человеку от испытаний бежать! Наоборот, в первых рядах должен быть. Иначе как же? Кто он такой иначе, как смеет к людям слова обращать? Ведь каждый православный должен следовать своим пастырям духовным. Церковь опорой должна быть для Родины. А не гнилыми мостками через болото...

Он помолчал немного, а потом вдруг спросил:

– Я смешно, наверное, говорю?

– Почему смешно? – удивился Сергей.

– Ну, Долг, Родина... Вам, молодым, это непонятно, может быть? Другие ориентиры в жизни?

– Какие?

– Шут его знает, деньги, может быть, задница, прости господи, своя, – он улыбнулся. – Или не своя...

– По-разному бывает... – ответил Сергей. – По-разному. Они замолчали.

– Федор! – перекрывая своим голосом разговоры и шум, сказал Петр Фадеевич. – Хватит мальчишке голову забивать! Давай-ка... Ну, знаешь, как люблю...

– Ладно, ладно, – проворчал отец Федор. Налил себе стакан самогона, лихо выпил, отдышался, а затем хлопнул ладонью о стол. – Сейчас...

Он вдохнул поглубже и низким, раскатистым голосом завел:

Черный ворон, черный ворон...

Остальные подхватили чуть тише:

Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не добыешься,
Черный ворон, я не твой...

За столом стало тихо, прекратились разговоры. Только низкий, громкий голос отца Федора вел:

Полетай ты, черный ворон,
К нам в далекий дом родной...

Мужская песня. Настоящая.

70.

...Теперь священник шагал позади всех, оглядываясь и прислушиваясь, серьезный и сосредоточенный. И не было в нем ничего от вчерашнего весельчака. Словно оставил он эту одежду дома, взяв вместо нее тяжелое ружье да полностью заполненный патронташ...

Снег под лыжами хрустел коротко и солидно. На третий час хода Сергей обратил внимание, что уже не замечает мороза. Через каждый час Петр Фадеевич командовал привал. И на пятнадцать минут тайга переставала двигаться, уходя куда-то за спину. Непривычный к такому долгому ходу Сергей вымотался уже в самом начале и теперь шел на автомате. В какой-то момент ему показалось, что это не он идет, а окружающий их лес движется. В голову отчего-то пришел Льюис Кэрролл, хотя у его Алисы все было наоборот. Там девочка и королева бежали, а пейзаж оставался недвижим. Но в мозгу застряло это нелепое сравнение...

Несмотря на то что ног Сергей уже не чувствовал, а спина, казалось, разламывается, он не утратил способности удивляться. Деревьям, высоким, огромным, отодвигающим небо далеко-далеко, снегу, такому пушистому, яркому, каким он никогда не бывает в городе, бесконечным звериным следам – вот параллельно тропе пробежали маленькие копытца, вот какой-то мелкий грызун что-то волок в свою норку под сос-

ной, а вот кто-то крупный, следы, словно у собаки... Так это же...

Сергей посмотрел на Михалыча, который шел рядом.

Тот кивнул.

– Волки шли.

– Волки?

– Да, наверное, трое. – Михалыч проводил взглядом цепочку следов, уходящих в сторону от тропы. – Только они так могут, след в след...

А еще Сергей удивлялся людям. Которые жили здесь, в такой невероятной дали от всякой цивилизации, от вещей и понятий, которые некогда казались такими важными, а теперь совершенно ненужными, лишними.

– А кто это там, за Петром идет? – вполголоса поинтересовался Сергей у Михалыча. – А то вчера вроде пили, а я никого не знаю.

– В голове-то не шумит?

– Нет. Даже странно. А я навеселе был, основательно.

– Вот то-то... – непонятно сказал Михалыч. – Травы, они... В общем, хороший самогон. А за Петром идет Саша-тихоня.

– Это хорошо, что тихоня... – пробормотал Сергей, глядя в спину Александру. Тот не многим уступал по телосложению Петру Фадеевичу. Был широк, толст, но не жиром. Мышцы да широкая кость. Небогатая курчавая бородка и удивительно голубые, почти синие глаза.

– Это точно. Удивительный человек. Здоровущий! Как-то раз коня на шею взвалил и нес. На спор. Если бы я своими глазами не увидел, то и не поверил бы. Жена у него зато тростинка тростинкой. И заботливая. Ты бы видел, как заботливо она ему воротник поправляет... На цыпочки становится, а он внаклонку и басит, да ладно, мол, Люда, не померзну, чай... Смешно. Силищи немереной человек.

– А тот, что справа?

– А это Димка Кожемяка. Он в соседнем доме живет, от Фадеевича. Бобылем. Я сколько его помню, все без бабы. Не сложилось у него как-то.

Сергей присмотрелся к Кожемяке, тот был безбород, с черными, коротко стриженными волосами. Глаза... странные это были глаза. Будто полынья ледком подернулась. Мертвая вода.

– Хорошо, а дальше?...

– Дальше, тот, что по левую руку, Егорка Малашкин. Он молодой самый тут, ну, кроме тебя, наверное. Тридцатник. Он рыбак хороший. В позапрошлом году вытащил сома. Тут запруда есть... – Михалыч замялся. – Если выживем, то покажу.

– Так серьезно?

– А ты еще не догадался? Я уже раз сто пожалел, что сразу не сдался властям. Ну, срок бы дали, и черт с ним... Не надо было меня, дурака, слушать. Это привычка гэрэушная, выпутываться до последнего. Я привык один работать, а тут...

В общем, ты меня прости, Сережа, если что. И запомни, если... в общем... отдашь им диски. И хер с ними...

Речь эта получилась скомканной, неискренней какой-то.

– Ты чего, Михалыч? С лавки ночью упал? – поинтересовался Сергей. – Поздняк теперь диски отдавать. Теперь только или пан, или пропал. Или мы их, или они нас. Третьего не дано. Так что если помирать, то всем кагалом. Это ты переутомился чего-то...

– Да, – тихо сказал Михалыч. – Наверное.

– Удивительное дело. Я ведь раньше таким не был. Мне жить хотелось, чтобы всего много. Деньги, бабки, игрушки всякие, цацки электронные. Я ведь всю эту бодягу закрутил потому, что денег жалко стало и труда, конечно, но в первую очередь – денег. Это потом уже стало ясно, что во мне все переменялось. Я когда этого Карасика все-таки встретил, когда сидели мы в том ресторане злополучном, ведь не знал, чего делать, не потому, что убивать его было жаль или еще что-то. Я не соображал, чего же мне от него надо. Деньги чтоб вернул? А потом что? Вроде как-то мелко получается... Сижу и думаю, а чего же теперь? Вот отдаст он мне бабки... Елки-палки, когда Карасик в бутылку полез, я поначалу растерялся, а потом, представляешь, обрадовался. На какой-то очень краткий миг, пока шобла эта из «Батута» не набежала. Обрадовался! Тому, что дело продолжается. Тому, что есть куда идти дальше... А то вроде бы раз – и кончилось. Зато знаю теперь, что самое сложное в мести.

– Что же?

– Закончить ее. Увидеть, понять, что вот сейчас, в этот момент, после этого действия, она кончается. Переходит в разряд дел свершенных. Это, оказывается, очень трудно.

Михалыч неопределенно хмыкнул.

– Ладно, кто там у нас дальше?

– Дальше, – Михалыч кивнул на бородатого, черноволосого с глубокими карими глазами мужика, исключительно сурового вида, – Миша Самойлов. Если Егорка поболтать любит, ну как всякий уважающий себя рыбак, то Мишка – он молчун. И охотник хороший. Стреляет... Ну, как положено, белку в глаз и навскидку. А еще, помню кто-то рассказывал, как он неделю медведя стерег. Терпение адово.

– Хорошо... А тот, седой весь?

– Это Сашка Рогаткин. У него два года назад жена на пожаре погибла. За одну ночь поседел. Мы сначала думали, что пеплом присыпало, а потом... Вот. Он тоже молчун. Сам понимаешь. В лесу пропадает сутками. Двор весь порос лебедой... С Аргысом дружбу водит.

– С шаманом?

– С ним, родимым.

– Интересно. Я вчера с отцом Федором парой слов перекинулся. Так он с вашим шаманом чуть ли не на короткой ноге. Странно...

– А чего странного? Федор он у нас прогрессивный мужик. С понятием. Для него вера – это не то, что в книжках

написано, заучил и талдычь бездумно. Для него все смысл должно иметь. А если это, скажем, для жителя пустыни писано, да еще черт знает в какие дикие годы... На кой черт сибиряку эта песчаная премудрость? Библия, она ведь что из себя представляет? Свод понятий, по которым можно жить, если нет под рукой ни учителя, ни наставника. Кодекс выживания, но не личного, а, скажем так, некоего сообщества людей. Потому и не убий, и не укради... А кое-где и око за око. В нее все заложено. И духовные понятия, и чистая физиология. Ну, скажем там. – Михалыч наморщил лоб. – Если женщина нечиста, то должно ей... чего-то там... отдельно жить и питаться. Как-то так. Это ж понятно, что для пустынников писалось, у них водичка – на вес золота, а тут, понимаешь, физиология. Потому все эти предписания такие строгие и прописаны так четко. И вот какой-нибудь деятель от большого ума зазубрит эту «мудрость» и давай бубнить. А все, что не по его, то суть ересь. Федор он не такой. И слава богу. Хоть поговорить есть о чем.

– И то верно.

– А вот тот, что в шапочке черной...

– Это которому Петр говорил надеть капюшон?

– Ага. И не надел, кстати. Это Костя Егоров. Костян. Десантура бывшая. У него всегда тельняшка надета. Жара, холод – плевать. Все одно, полосатый. И берет в кармане, голубой. Обязательно. Может, увидишь еще.

– Надо же...

– Какое-то темное прошлое у него. Я не расспрашивал. Но за что-то его из армии турнули. В какой-то очередной точке горячий он то ли не сдержался, то ли еще чего. В общем, каких-то военнопленных, важных, он до штаба не довез... Скандал был громкий, кстати, оттого он все бросил и в тайгу подался. Тут у него когда-то родичи жили. А тот, что сзади, вместе с Федором, – это второй наш «силовик». Василь Кулебякин. Если бы не он, то, может быть, Кольку... Ну, помнишь, братовья нас встречали, Коля да Семен?

– Помню, как такое забыть...

– Вот, если бы не Вася, то Кольку бы медведь задрал напроць. С тех пор у Кулебякина щека изодрана и на груди такие следочки, что в бане лучше вместе не париться, кошмары будут мучить ночью.

– Хорошенькая компания подобралась. Да плюс мы... Я прямо беспокоиться перестал.

Шедший рядом и прислушивающийся к разговору Гриша согласно что-то промычал.

– Не расслабляйтесь, – усмехнулся Михалыч. – Я вас уверяю, против нас... если кто и будет, то тоже далеко не подарки. Хотя компания действительно неплохая. Большинство неженатые. Мужики в лесу, как дома. Охотой живут... Да и возраст. Подходящий.

– Для чего?

– Для войны...

– Стой! – раскатисто крикнул Петр Фадеевич. – Привал.

Не переведа духу, дальше ворот не убежишь...

Он отошел назад, прислушался и подозвал Михалыча к себе.

– Чего, Петр Фадеич?

– Догоняют нас... – пробасил тот.

– Кто? – С плеча Михалыча начала сползать винтовка.

– Да ты не волнуйся так. – Петр усмехнулся. – Не спеши, коза, все волки твои будут... Эти догонщики по твоей части.

Как решишь, так и выйдет.

– Не понял...

– А смотри. – Петр указал рукой в варежке назад. Там из-за поворота дороги бодрым ходом шла женщина...

– Машка, – ахнул Михалыч. – Етить твою... Куда ж ты поперла, мать?! Ты что?... Ты?!

Тут его осенила догадка.

– С детьми что? – ахнул Михалыч.

– Да нормально все, – отмахнулась его жена. – Я их у Жуковых оставила еще на недельку. А еще я с тобой пойду.

– Чего?!

– Вопрос решенный, – рубанула Маша ладонью. – Вы и так уже половину дороги прошли. Стемнеет скоро... Ты же не отправишь жену ночью в одиночку через лес?

– Ты... Ты вообще соображаешь?! Ты ошалела совсем, женщина?! – Михалыч раскраснелся, таким его Сергей ни разу не видел. – Детей сиротами оставишь!

Его крики разносились далеко по заснеженному лесу.

Гриша с интересом наблюдал скандал, остальные мужики отводили глаза и отходили подальше.

– Машка если чего в голову вобьет... – пробормотал Петр Фадеевич, тихо улыбаясь. – Жена не сапог, с ноги не скинешь.

– Не кричи, – оборвала Маша своего мужа. – Я с вами пойду. Лишней не буду. Как стреляю, сам знаешь. А если что, то я себе всю жизнь не прощу, что ты без меня... В общем, решено.

Она обошла Михалыча и заняла свое место в колонне.

– Ну, без жены, как без шапки, – решил Петр Фадеевич. – Чего расселись! Двигать пора!

– Едрит твою налево... – вздохнул Михалыч. – Вот уж не было печали...

– Да ладно. – Сергей ткнул его в плечо. – Уж как-нибудь убережем.

Михалыч ничего не ответил. Только еще раз вздохнул.

71.

– Вилки, – сказал Петр Фадеевич и махнул рукой куда-то вперед.

Обалдевший от бесконечной дороги Сергей, замерзший, согревшийся и снова замерзший, окончательно переставший чувствовать ноги, поднял слезящиеся глаза.

За последние километры он перестал разговаривать, отвечал на вопросы односложно, в основном просто мычал, давая понять, что живой и все еще может идти. Сначала болели ноги, потом спина, потом все тело, а через некоторое время болевые ощущения пропали. Вместе с остальными ощущениями. То, что называется: ни ног, ни рук... В нашем случае еще и «ни спины».

Но он все-таки дошел.

– Вилки...

Мужики остановились, кто-то тяжело дышал, кто-то, на оборот, спокойно осматривался. Последний километр шли в гору. Вилки, старая, шут знает какого года крепость, стояла на большой пологой возвышенности. Эдакий титанический холм, поросший лесом.

– Ее еще Ермак строил! – гордо заявил Петр Фадеевич.

– Да ладно... – отмахнулся отец Федор. – Ермака в этих краях и не было совсем.

– Не хочешь, не верь, а я точно знаю, Ермак это строил. –

Петр подмигнул Сергею. – Мне профессор сказал. Историк.

– Знаю я этого историка... – проворчал священник.

– Не любо – не слушай...

– А и врать не мешай...

– Ладно, – сказал наконец Егор Малашкин. – Завелись!

Будет еще время язык почесать. Давайте-ка устроимся сначала. А то, понимаешь, завели треп, старик да поп...

– Все-все, – замахал руками Петр. – Идем-идем...

Караван пришел в движение. Егор еще что-то ворчал под нос, но его уже никто не слушал.

Крепость впечатляла.

Высокий, в два человеческих роста частокол из толстых бревен, три сторожевые башни и палисад по всей протяженности стены. Внутри стоял здоровенный бревенчатый дом, который сам по себе уже мог быть крепостью. Пройдя ворота, Сергей увидел, что изнутри стена была обсыпана землей так, что добраться до палисада легко можно было с любой точки.

– Внушает? – поинтересовался Михалыч.

– Не то слово. – Сергей на какое-то время позабыл про усталость. – Ты здесь был уже?

– Только слышал. Местные используют это место как перевалочную базу, когда на охоту идут. Зверья тут навалом. Так что есть где отсидеться...

Гриша, как всегда, молча рассматривал ворота.

– Чего думаешь, Гриш? – спросил Михалыч.

Тот пожал плечами и обозначил в ладонях что-то массивное.

– Понятно...

– Заходите уже! – крикнул Петр. – Обживаться надо...

Дом имел два этажа. Однако, когда Сергей вошел внутрь, он увидел, что второй этаж – это только видимость. На самом деле здание являлось просто крепостью в миниатюре. Никаких перекрытий, стеньг, внутренняя палисада, лестницы, окна-бойницы и крыша. Один большой зал, с огромной печью в центре и расположившимися вокруг нее лежанками. Запас дров, бадья для воды, большой стол и уютившиеся к нему скамьи.

Самойлов уже возился с печью. Дрова с треском разлетались под топором.

– Скоро тепло будет, – гудел Петр. – Скоро... Давайте устраивайтесь.

Он хлопнул Сергея по спине. Онемевшие мышцы отозвались болезненной дрожью.

– Устал?

– Не то слово...

– Ничего! – Бодрый Петр Фадеевич воспринимался как нечто не из этого мира. – Ничего! Согреешься, отойдешь, поедем как следует... В эту ночь на дежурство тебя ставить не будем...

Он говорил, говорил... Сергей слышал его голос, но не четко, через нарастающий гул в ушах.

– Присядь, – откуда-то издалека сказал Михалыч.

Крепкие руки подвели его к скамье. Ноги Сергея подогнулись, он сел... Потом подпер голову ладонью... А затем легко-легко провалился в угольно-черную темноту.

– Готов, – кивнул Михалыч.

– Умаялся... – сказала Маша, кивая на Сергея. – Как вообще дошел, непонятно. Отец темп держал самый медленный... Потому и тащились так, что я вас догнала.

– Да я понимаю... – Михалыч обнял жену за плечи. Вокруг суетились мужики, обустриваясь на ночлег.

Михалыч нежно поцеловал ее в висок. Прижался носом к ее волосам, вдохнул глубоко запах самой дорогой ему женщины.

– Ладно, ладно... – чуть отстранилась Маша. – Не время...

Она ушла, а Михалыч осторожно положил под голову Сергею меховую мягкую шапку.

72.

Из телефонных переговоров:

– Антон Михайлович?! Антон Михайлович?! Это Калугин!

Шорох помех, потрескивание.

– Антон Михайлович!

В сторону:

– Да етить твою мать! Что ж за связь?! Мы в каком веке живем?

Помехи. Через шум и треск:

– Калугин! Слышу тебя. Как из бочки говоришь... Давай медленно... Черт знает что... Ты по какому телефону разгова... – Щелчок. -...тебе же выдали... – Шорох. -...А ты что там... – Завывание.

– Да по спутниковому, по спутниковому!

Помехи. Глухое молчание.

– Ну, через коня же в задницу!

– О! Слышу тебя, Калугин. Сейчас лучше... Давай, что там?

– Никаких следов наших командировочных я не обнаружил. В этих краях их не было. Пропали. Не знаю даже, что и думать... Связь, простите, Антон Михайлович, говно! Если и у них такое было, то запросто можем разминуться.

– Об этом не заботься. Черт с ним, если разминешься...

– В остальном пытаюсь добраться до этой деревни. Местные органы обещали помочь, но сейчас нельзя. Пурга. Даже вездеходы не ходят.

– Хорошо, Володенька, хорошо. Постарайся! Постарайся, родной. А я тут тоже напрягусь. Ищу одного человека. У меня такое чувство, что только он нам поможет. И запомни, если Лаптева найдешь, не форсируй. Не форсируй! Если диски у него, не форсируй. Свяжись со мной, обязательно. Я с нашими военными в плотной смычке сейчас. Лаптев мужик отчаянный... Не верю я, что он по злему умыслу... – шорох.

– Пропадаете! Антон Михайлович?!

– ...летел. Если найдем, то... – Хрипы, писк. -...поможет только... – Шипение. – Понял меня?

– Ну... В общем и целом. Связь паршивая...

– И черт с...

Гудки.

– Что, Владимир Дмитриевич, спутник убежал? – поинтересовался Иванов.

– Да как он может убежать?! Он на геосинхронной орбите. Он не всходит и не заходит...

– Да я знаю. – Иванов пожал плечами. – Только, по ходу дела, он ушел.

– А... – Калугин открыл было рот, чтобы возразить, но против логики фактов переть было не с руки. – Да, видимо... Одно из двух. Или объявили войну и начали спутники сбивать, или он ушел... Хотя уйти он не мог. И про войну ни-

чего не говорили.

– Ну, есть еще третий вариант, – подал голос молодой лейтенант местной милиции.

– Какой? – спросил Калугин.

Они сидели в теплой, хотя и изрядно прокуренной комнате небольшого отделения милиции. Одноэтажное здание, где размещались эмвэдэшники, было занесено снегом, мороз щедро разрисовал узорами стекла, но внутри жарко горела печка. Милиционеры с интересом смотрели на неожиданных гостей, то и дело забегая под разными благовидными предлогами. Стрельнуть сигаретку, чайку попить. ФСБ в этих краях было в диковинку. Ни о каких командированных безопасниках никто и слыхом не слыхивал. Ситуация выглядела по-дурацки.

– Какой? – переспросил Калугин.

– Да места у нас тут... Особые. – Лейтенант поднял палец вверх и сказал со значением: – Аномалия.

– Какая такая? – удивился Иванов.

Калугин только вздохнул.

– Ученые приезжали, все тут излазили. С приборами, со всякими штуками... Бурили даже! Я вам, если хотите, потом покажу, где бурили. Хотя сейчас снегу навалило, не разглядеть ни бельмеса. Но весной интересно. Из скважины по весне вода прет! Прямо фонтаном. Говорят, какой-то особо мощный слой водоносный под нами идет. Аномально активный. Оттого создаются всякие токи. И помехи.

– Да какие, блин, помехи?! – Калугин бухнул на стол дорогой спутниковый телефон. – У вас связь есть?

– Есть, – спокойно согласился лейтенант.

– Какая?

– Проводная, конечно. – Невозмутимость милиционера начинала его бесить.

– У нас городок хоть и маленький, но за программу по телефонизации мы отчитались полностью. В каждой квартире, в каждой избе, в каждом месте, на перекрестке там... В общем, где положено. Обязательно телефон.

– Ну хорошо, а провод идет куда?! – Калугин хорошо знал программу телефонизации и был в курсе, что в значительной степени она была заточена под спутники.

– В соседнюю область. Оптиволокну тянули. Там никакой аномалии нет. Скучища одна.

У Калугина опустились плечи.

– И что, если провод перебить, то вы все отрезаны будете?

– Почему? Провод не один. Тройное дублирование. Мы, конечно, не столица, но тоже не лаптем щи хлебаем. – Лейтенант, казалось, чуть-чуть обиделся.

– А коротковолновики?

– Есть. Но они, сами понимаете, только до ближайшей военной части. На случай... А еще вот.

Он выдвинул нижний ящик стола и положил на бумаги крупную армейскую ракетницу и парочку ракет.

– Три красные – тревога. Три зеленые – отбой. Ну и там

еще есть система.

– Три зеленых свистка, – пробормотал Иванов.

– Ну... – Лейтенант пожал плечами. – Уж всяко надежнее, чем эти ваши...

И он презрительно кивнул в сторону спутникового телефона, окончательно замороженного местными аномалиями.

– И то верно... – вздохнул Калугин.

– Чаю хотите? – снова став приветливым, спросил лейтенант.

– Чаю так чаю...

– А еще люди у нас уникальные. Тоже аномалия, – обрадовался лейтенант возможности поговорить с гостями. – Вот старушки хотя бы. Не поверите. Один раз преступника чуть не отбили.

– Как это?

– А вот так. – Он налил в кружки кипятка, бросил по пакетику чая. – Залетные к нам наведались. Из соседней области.

– Оттуда, где никаких аномалий и скукота? – усмехнулся Иванов.

– Ага. Так вот, наведались и машину угнали. Двое. Ну, дураки, видно, попались. Сразу все ясно стало, кто-то их видел. Гоняли мы их, гоняли... Сцапали наконец. Прижали! Из машины выволокли, давай вязать. Так не поверите, сопротивляться начали. Пришлось прессануть... Так старушки наши, ну едва не разорвали. Нас. Ты, говорят, мол, власть, как хо-

чешь, а должен все по закону! Я им: мол, бабки, я ж при исполнении, я право имею! А они мне: нет, нельзя! Что это ты, мол, руки распускаешь?! И мужики, те тоже давай выть: ай, бабоньки, невиновный, силком вяжут... Подкрепление пришлось вызывать!

– Однако. Жалостливый тут у вас люд.

– Я ж говорю. – Милиционер снова ткнул пальцем в потолок. – Аномалия.

73.

Сергея разбудили выстрелы.

Он вскочил. Спросонья не разобрав, где находится, кувыркнулся через лавку. Больно ударился бровью.

– Спокойно, спокойно... – Рядом оказался Михалыч. – Все хорошо...

Сергей испуганно крутил головой.

– Все хорошо, мужики пристреливаются. Так надо... Извини, не хотел тебя будить, думал, мало ли, не услышишь...

– Пристреливаются... – Сергей вдруг почувствовал, как болит тело. Как невыносимо ломит кости и тянет мышцы, как позвоночник отказывается двигаться и колко стреляет болью в каждый сустав. – Ой, мамочка!

– Что? Болит? – спросил Михалыч с ноткой удовлетворения в голосе.

– Все. Все болит, – простонал Сергей.

– Это хорошо, – сказал Михалыч, наблюдая, как Сергей, согнувшись, возвращается на лавку. – Ты лучше на лежак двигай...

– Это куда?

– Вон... – Михалыч махнул ладонью. – Давай помогу...

– Да как-то неудобно. Все пристреливаются, а я валяться буду.

– О да, они без тебя не справятся, – Михалыч усмехнул-

ся. – Ты сейчас и пистолета поднять не сможешь. Так что о стрельбе на дальние дистанции лучше забыть совсем. Ты руку перед собой выставь...

Сергей попробовал и увидел, как дрожат пальцы.

– Вот так-то, – прокомментировал Михалыч. – Тебе потом Машка принесет отвара попить. Хороший, из каких-то тутошных травок.

– Я смотрю. – Сергей сел на край лежака, скрипнув зубами, стащил сапоги. – Тут все на травках да на всяких таких делах. Самогон, отвар... В бане тоже что-то там было.

– Ну так. – Михалыч помог раздеться. – На природе живут. Тем и хорошо...

– Тепло, – неожиданно сказал Сергей, оглядываясь.

– Печка...

– Это сколько ж я спал?

– Вечер, ночь и часть дня.

– А сейчас сколько?

– Скоро обед. – Михалыч потянулся. – Ты валяйся. Я тебя подниму, когда надо будет.

– Неудобно... – пробормотал Сергей, снова погружаясь в теплый сумрак.

– Неудобно на потолке спать и одеялом укрываться. Отлеживайся. Ты мне здоровый нужен. Развалину я и так найду, – через сон услышал Сергей.

Снова он очнулся, когда уже стемнело. В комнате горели

свечи и пара керосинок.

Мужики сидели за столом. Звякала посуда. Кто-то негромко рассказывал:

– ...сидим на реке. Отошли на лодках далеко. Под Знаменку. Там хоть и шумно бывает, но рыба идет. Все поставили. Сидим. Костерок. Палатка. Ну, выпили, понятно. Вечер. Красиво, мужики, слов нет. Вдруг шум. На соседний берег подкатывает тачка. Вся в огнях. Лодку выгружают. Здоровую! Не нашу. Пластиковые борта, размалевана, как баба. Музыка орет, в общем, настроение тихо портится. Мы с горя накатили еще по одной, сидим смотрим. Ну, эти тоже палатку раскинули, костер. Чего-то там шебурхаются. Видать, знаменковские. Или приезжие вообще. Может, гости.

Сергей прислушивался к тихому разговору, чувствуя, как отпускает напряжение. Как тело расслабляется и тает в глубине души страх... Тут было надежно. Несмотря на завывания ветра в трубе, несмотря на то, что снаружи бушевала снежная буря и никто не мог сказать, сколько она еще продлится и что будет, когда она наконец закончится.

– Сидим, в общем. Солнце садится. И вдруг – бултых! Вверх по реке. Мы в бинокль. А там, мужики, лось! Роги огромные. Ну, хозяин леса идет, не иначе. И на нас. Ну все, думаем, сетям крышка. Представляете, спасли нас эти, туристы. Они, понимаешь, тоже лося увидели. Прыг в свою лодку и давай ему наперерез... Идиоты, что взять. Один норовит веревку ему накинуть, а второй топором.

– Да ладно, – прервал кто-то.

– Ну, серьезно говорю, топором лосю бошку рубить со-
брались. А там, ребята, ну вы знаете, речка шустрая, песок
моет. И мель. Длинная. Языком таким из-за поворота идет.
Ну, что... Накинули они ему веревку. Давай тянуть. А лось-
то не дурак. Метра два в холке. Копытами отмель нащупал!
И как даст по ней. На их беду, аркан запутался в снастях. Я
вам скажу – неслись они быстрее, чем на моторе. Он на от-
мель да в лес! Мужики врассыпную. Лодка в кусты! За ло-
сем, стало быть. Ох и матерились. Ох ругани было! Этажа на
три, точно. На нас вышли уже в темноте. Потом с утра все
вместе пошли их посудину искать. Нашли, в кустах. Верев-
ка оборвана. Борта пробиты. Видно, лосюра на ней зло вы-
местил.

Кто-то засмеялся.

– А нечего. Зверь солидный. Уважения требует.

– Это точно. А у меня вот случай был, так совсем уж...

Комедия.

Сергей улыбался. Слушал немудреные охотничьи байки.
Было тепло.

74.

– Аномалия... Аномалия... – Калугин зло крутил спутниковый телефон. – Аномалия, твою мать!

Телефон реагировать отказывался. Табло аккуратно показывало предельный уровень заряда, но контакта со спутником не обнаруживалось и в помине.

– В центре океана, в пустыне берет! – Володя зло треснул по толстой палке антенны. – А в этой аномалии...

– Не берет, – подтвердил Иванов.

Калугин многозначительно посмотрел на коллегу, но ничего не сказал, только отбросил от себя бесполезный прибор.

– И буран этот... – Он подошел к замерзшему окну.

– Это не буран, – поправил его давешний лейтенант. – Это так, ерунда. Пуржит. Если грубых ошибок не делать и не пытаться заснуть в сугробе, то ничего страшного.

– Да куда ж, ничего страшного? Я на улицу выйти хотел, так едва не засыпало всего. Думал, соединение там лучше...

– Дело привычки... – Лейтенант пожал плечами и продолжил оформлять документы, клацая клавишами. Через минуту молчания он поднял голову и предложил: – А вы по нашей линии созвонитесь. Выход на область через единицу. А дальше как обычно.

Калугин поперхнулся.

«Заработался, – мелькнула шальная мыслишка. – Окон-

чательно заработался. Не дай бог Битов узнает...»

– Гхм... – Иванов прочистил горло, понимая, что начальству надо выйти из дурацкого положения. – А где у вас телефончик?

– Да вот, можете моим воспользоваться. – Милиционер пододвинул аппарат на краешек стола, поднялся и сказал: – Я выйду, чтобы не мешать...

Когда за ним закрылась дверь, Калугин устало плюхнулся в кресло.

– Все, Леша, докатился я...

– Да ладно, Владимир Дмитриевич. С кем не бывает...

Калугин только вздохнул. Он снял трубку, набрал единицу, потом задумался.

– Какой там у Битова номер?

Иванов невозмутимо открыл перед ним электронную записную книжечку.

Калугин покачал головой.

– Спасибо...

Он быстро настучал на кнопках длинную комбинацию цифр.

На том конце провода долго не отвечали. В тишине раздавались длинные, протяжные гудки.

– Провода, – уважительно выдохнул Калугин. – Просто и надежно.

– Да. Битов, – наконец раздалось в трубке.

– Антон Михайлович, это Калугин.

– Так... – голос начальства слегка дрогнул.

Володя буквально увидел, как шеф с удивлением смотрит на номер, с которого совершен звонок, и поспешил с разъяснениями:

– В этих краях связь сильно затруднена. Спутниковым телефоном воспользоваться не удалось.

– Линия защищенная? – неуверенно спросил Битов.

– Маловероятно.

– Тогда...

– Я понимаю, – ответил Калугин. – Думаю, что я должен вам сообщить. Нашел наших ребят. То есть одного из них.

– Что говорит?

– Ничего не говорит. Зарезали его.

В трубке повисло молчание.

– С остальными, предполагаю, то же самое, – продолжил Калугин после небольшой паузы. – Местные ребята отыскали. Случайно. Там полынья была... Тело вмерзло... Так и нашли. Остальные, вероятно, под водой. Судя по всему, недавно их порешили. Но других данных пока нет.

– Понял тебя. Спасибо. – Голос Битова был глух. – Что-нибудь еще?

– Нет. Жду погоды и тогда выдвинусь по известному адресу.

– Хорошо. Инструкции остаются в силе. И знаешь что... Попробайся спутник все-таки поймать.

– Вас понял.

– Действуй, – и Битов отключился.

Калугин аккуратно повесил трубку и задумчиво уставился на Иванова.

– Знаешь, Леша, чем плохо идти впереди?

– Чем?

– Постоянно надо оглядываться. Не наступает ли кто-нибудь на пятки.

– Это вы к чему, Владимир Дмитриевич?

– К тому, что у нас с тобой сейчас гонка за лидером. И мы вот-вот сядем ему на хвост.

Он встал, открыл дверь и позвал лейтенанта.

– Вы говорите, что буря улеглась?

– Так точно. Отпускает, – ответил тот, возвращаясь за стол и открывая документы.

– Значит, мы можем двигаться?

– Ну, в принципе... Если спецтехника...

– Будет спецтехника. – Калугин повернулся к Иванову. – Какие у нас там каналы для связи с десантурой?

– Ракеты? – ухмыльнулся Алексей.

– Ну, а менее brutальный вариант есть?

75.

Снег летел почти параллельно земле. Его несло могучим северным ветром, словно белую шрапнель. Ведущий часто сталкивался с тем, как люди поэтического склада, оказавшись в гуще боя, сравнивают шквальный огонь со свинцовой метелью. Тут, в Сибири, все было наоборот. Тут снег становился похожим на заградительный огонь. Мороз жег холодным пламенем. И даже воздух, такой сухой и чистый, буквально валил с ног.

Ведущий многое видел и бывал в самых разных местах. Но даже у него в какой-то момент мелькнула крамольная мыслишка о том, что тренировочный лагерь в Камбодже был сущим раем по сравнению с ЭТИМ.

В буреломе погиб сапер. Нелепо и глупо.

Поскользнулся на обмерзшем стволе.

Кто бы мог подумать? Но злая поговорка о том, что сапер ошибается один раз, оказалась верной. Необязательно на мине... Острый сучок вошел ему сзади, в затылок. С мертвого тела сняли снарягу, распределили по оставшимся и двинулись дальше. О теле позаботятся хищники.

Группа двигалась через снег, через поваленные деревья. Медленно, тяжело. Но тем не менее они шли. Это было важно. Потому что Ведущий знал, через некоторое время на их след упадут пограничники. И разыгравшийся буран играл

группе только на пользу. Он не дает возможности преследователям выйти на след. Да и нету этого следа...

Предприятие крайне рискованное, но ребята в Центре знали, что делали, когда просчитывали силу шторма.

– Можно идти, – сказал тогда Шеф. – Шансы есть.

Ведущий не мог припомнить, когда бы ему лгал Шеф. Сказано, что шансы есть, значит, надо идти.

«Хотя, – подсказал циничный внутренний голос. – Если Шеф кому-то и врал, то этих людей уже не расспросишь...»

– Над вами будет спутник. Русские о нем пока ничего не знают. Считай, что это только ваша машинка. Так оно и есть.

Шеф снова не соврал. «Машинка», она же спутник с длинным шестизначным кодом, исправно работала на группу, четко позиционируя их в бескрайнем море тайги, указывая дорогу и сообщая о наиболее заметных препятствиях.

Наверное, если бы не «Машинка», то было бы совсем плохо. В Камбодже, например, спутника никто не давал.

Так они и шли, через ветер, страшный снег и холод, под недремлющим оком своей страны, которая, если доверять написанному на деньгах, верит в бога.

Ведущему казалось иногда, что «Машинка» – это и есть бог, тот самый, в которого они верят, все до последнего человека. И он следит за ними, за маленькой группкой людей, служащих его народу.

От этой глупой, чисто мистической уверенности, которая охватывает, наверное, каждого солдата под огнем противни-

ка, становилось легче. Кажется, даже теплее.

Иногда Ведущий повторял про себя:

– Он видит. Он следит. Он видит...

Вот только Нос, агент встречи, никак не выходил на связь. И это было плохо. Именно Нос знал, куда нужно идти и где находится Объект.

А потом недремлющее око вдруг закрылось. Только мелькнула на планшетке равнодушная надпись – канал связи потерян.

Этого не могло быть. Совсем. Никак не могло быть... Но все-таки случилось.

И тогда стало по-настоящему страшно. Хотя казалось, что страх остался где-то далеко, в чертовой Камбодже, Колумбии, Ливане, Ираке... Ан нет!

Страшно.

И когда впереди показался черный забор и занесенная снегом черная стена избы, Ведущий чуть не заплакал от облегчения. Ему очень не хотелось оставаться там... в тайге, в одиночку.

Он спрятал бесполезный ГПС в карман. Махнул рукой.

Группа бесшумно обступила дом.

Где-то за пеленой снега, убиваемая, захрипела собака.

Снег летел почти параллельно земле. Он был похож на шрапнель – этот снег.

И ветер выл голодным волком.

За его воем, за канонадой белой шрапнели никто и не услышал...

Никто и не увидел...

Только подыхающий пес, со стекленеющими уже глазами...

Полз по белой простыне...

Туда, куда ушли страшные люди...

Прости, хозяин... прости, хозяин... прости...

А когда зло гавкнула «девяносто вторая» «беретта», слышать уже было некому. В замерзших глазах собаки отражалась метель.

Странное слово «Вилки». На карте, на очень подробной карте, снятой когда-то со спутника, виднелись только развалины.

Ведущий спрятал электронную планшетку в рюкзак.

Убивать местного, в общем-то, не входило в его планы. Но и оставлять свидетеля было глупо. Старик, вероятно, это понимал... Хорошо хоть до ружья добраться не успел.

Крепкий дед.

Из-под сыворотки ушел. Не каждый может вот так, побороть химию и напасть.

76.

Все случилось под вечер.

Ни о чем не подозревающее утро было деловым. Каждому человеку в команде нашлось занятие. Кроме почему-то Сергея.

– Сиди, не дергайся, – сказал Михалыч. – Мужики сами знают, чего им делать.

– Вот те на! – Сергей попытался было возмутиться. – Я, что ли, не мужик теперь?

– Мужик, мужик, – объявился неведомо откуда Петр Фадеевич. – Мужик не скотина, а и ту недолго испортить. Тебе, поди, дорога еще в глазах мерещится. Так что не шебухти, будь на подхвате. Ты нам, может, вечером здоровый понадобишься. А так сдохнешь и чего делать? Иногда отдыхать – оно для пользы дела важнее.

– Ну, совсем вы из меня инвалида сделали... – проворчал Сергей, внутри, однако, понимая, что Петр Фадеевич говорит дело. Тело слушалось с трудом, ноги и спина были будто ватные.

– Тогда вот, при Михалыче будь, – вдруг изменил решение Петр Фадеевич. – На подхвате.

– Годится...

Михалыч вместе с Сергеем двинулись на осмотр крепости.

Забраться на палисад оказалось не так просто. Земляная осыпь была покрыта пушистым снегом, под которым пряталась наледь. Сергей пару раз поскользнулся, упал.

– Нет, – проворчал Михалыч, в очередной раз вытаскивая Серегу из сугроба. – Так дело не пойдет. Может случиться, что бегом надо, а тут такая хреновина. Да еще с ружьем... Не ровен час, плохо кончится.

– Так чего ж тут, песочку посыпать?

– Песочку не песочку, а что-то думать надо. Пошли дальше.

Они все-таки выбрались на палисад и пошли по периметру. На башнях уже стояли часовые. Первым их встретил Егор Малашкин.

– О! Мужики! Ну, елки-палки, а я-то все стою, стою, и никого. Бона сколько людей было, а раз – и нету. Ну, чудеса, ей-богу, только и видел, что Петра, да Мишка Самойлов в лес утопал. А остальных и не видать. Чего ж, спят, что ли? Нет, ну тем, кто ночью будет, оно, конечно, спать надо, а то ведь если не выспишься, то и вставать на часы-то никак нельзя. – Словесный поток едва-едва только с ног не валил. Сергей даже не мог подумать, что от одного человека может быть столько шума и болтовни. – А ведь ночью-то, оно самое сложное и будет. Хуже разве что под утро. И мороз злой, и сон с ног валит, напрочь. На рыбалке-то легче. Там что... Сидишь и сиди, костерок, ушица, водочка. А тут же совсем другое дело. Вот ушицы я бы сейчас, эх, навернул бы. От

ведь как, поначалу она в охотку идет. А к осени ее, проклятую, уже и видеть не можешь! Ну, а зимой, ой как хорошо было бы, горяченькую, с перчиком да с лаврушечкой...

– Ты вообще сектор свой знаешь? – с трудом вклинился в это многословие Михалыч. – Куда смотреть, в кого стрелять?

– А как же. – Егор развел руками. – Бона туда. От сосенки корявенькой до вон той коряжины...

Михалыч открыл было рот, но Малашкин резво добавил:

– ...так за этим смотрит Кожемяка. А я от той коряжины до вот той березки. Это ежели днем. А ежели ночью, не видно ж ничего, я тут на стене две царапины сделал. Ну, как бы ориентир, что ли. – Он показал на свежие зарубки на бревнах, образующих периметр башни. – Нам в армии так сержант объяснял, мол, стоишь, а смотреть куда, не знаешь...

– Понял, понял, – замахал руками Михалыч. – Ружье покажи...

– А посмотри. Тебе оно виднее, я когда покупал, так не очень чтобы разбирался. Я ж рыбак, мокрая душа, мне ружье только для спокойствия, мало ли что. Да и нельзя в лесу без ружья-то...

Он говорил, говорил, Михалыч, чуть морщась, вертел в руках полуавтоматическую «сайгу», с широким, толстым магазином. Осторожно вытащил патрон с красной пластмассовой гильзой. Удовлетворенно крикнул, заглянув ему в горлышко.

– Патроны не жует?

– Нет, что ты?! – снова залился соловьем притихший было Егор. – Это мне один умелец подлечил, так что все работает, как часы, красота! Мне ж она без надобности часто, но отстрелять-то надо, потому выхожу с Мишкой иногда на охоту. Он ворчит, правда...

Михалыч перестал слушать. Вернул патрон на место и отдал ружье владельцу.

– Все! – сказал Михалыч. – Пойдем дальше.

И они двинулись по палисаду, провожаемые болтовней Малашкина.

– Ох и болтун, – пробормотал Сергей.

– Да, это есть. Но ты б его на рыбалке видел. Как воду заприметит, все, болталку отрубает напрочь. Будто другой человек совсем.

– Что-то не верится.

– А зря... – Михалыч остановился неожиданно, и Сергей едва не влетел ему в спину.

– Чего?

Но Михалыч молчал, настороженно вглядываясь в лес.

Чувство опасности передалось Сергею. И он медленно присел за толстые бревна частокола.

С плеча Михалыча поползла вертикалка «ИЖ». Аккуратно, точно в руку.

– Это я, – донеслось из кустов. – Смотрю тут...

– Миша? – осторожно спросил полковник.

– Я, я... – Кусты зашуршали, и на снег вышел... снеговик.

Белый маскхалат, какие-то ветки, будто бы невзначай прилипшие к этому искусственному снегу, делали силуэт человека полностью неразличимым.

Самойлов откинул капюшон.

– Ну и как там?

– Спокойно. – Михаил пожал плечами. – Только подойти к вам можно легко. Я, конечно, озаботился, но от умного человека...

Он развел руками. На плече мотнулась белая винтовка.

– Понятно, – ответил Михалыч. – Ладно. Ты долго там не торчи. В ночь пойдешь, наверное. Так, осмотришь только...

Самойлов махнул рукой, мол, не учи ученого, и исчез в кустах. Как и не было.

Следующим их встретил Кожемяка. Этот ничего не сказал. Скользнул холодным взглядом и все.

– Твой сектор... – начал было Михалыч.

– Знаю, – проворчал Кожемяка. – Бона... Только не видать ничего. Постреляют нас на каланчах этих, как рябчиков каких...

– Ну, может, и не постреляют. Смотря как стоять...

– Стоять, стоять. – Кожемяка отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Михалыч кивнул Сергею, и они двинулись дальше.

На последней вышке стоял сам Петр Фадеевич. Он задумчиво смотрел куда-то в лес, прищурившись и изредка вздыхая.

– Ну что, – поинтересовался он. – Обматерил вас Димка-то?

– Нет вроде, – Михалыч махнул рукой.

– Ворчливый он какой-то, – сказал Сергей.

– Да не обращай внимания. Как говорят, смирен, не речист, а на руку нечист. Он дельный мужик, одно слово, Кожемяка.

В чем особенность кожемяк, как дельных мужиков, Сергей спрашивать не стал. Раз говорят, значит, так и есть.

– А у тебя чего тут? – поинтересовался Михалыч.

– А ничего. Хорошо. Одно плохо в ночь, надо будет усиливать посты. В одиночку никак.

– Верно... Ну, посмотрим. Думаю, что получится.

– Хоть и нехорошо, да ладно... – непонятно ответил Петр Фадеевич и снова уставился в тайгу.

– А мы с тобой, Сережа, пойдем разберемся с подходами на палисаду. – Михалыч хлопнул Сергея по плечу.

Они осторожно, насыпь оказалась очень скользкой, спустились вниз.

– Ты бы мне задание какое-нибудь дал, – попросил Сергей. – А то я, как не пришей к чему-то там рукав, мотаюсь...

– Легко! Давай мне хворосту разного. Да побольше. Топорик вон там возьмешь...

Таскать и рубить хворост было не так просто, как казалось на первый взгляд.

Дело это оказалось серьезным и изматывающим. Вскоре

Сергей взмок и тяжело дышал, однако работу не бросал.

Когда он в очередной раз вошел в ворота, охраняемые Сашей Рогаткиным и Костей-десантником, то сначала не поверил своим глазам.

Во дворе, на расчищенной от снега площадке, стоял Гриша, сосредоточенный и напряженный. А напротив него, чуть пригнувшись и расставив руки, стояла Маша. Оба были одеты довольно легко, видимо, чтобы одежда не стесняла движений.

Неподалеку Михалыч с интересом наблюдал за происходящим.

– Машка, у него ведь челюсть...

Гриша махнул рукой, не мешайте, мол, и двинулся вправо. Маша не дала ему возможности сократить дистанцию и двинулась в противоположенную сторону. Они накручивали круги, ступая осторожно, плотно, чтобы не дать противнику даже малой возможности воспользоваться случайной оплошностью.

Сергей с грохотом свалил набранный хворост. И едва не упустил начало боя. А посмотреть можно было только начало, потому что все разрешилось слишком быстро.

Гриша успел пинком послать в лицо Маше комок снега и кинуться вперед.

Однако хитрость не прошла. Супруга Михалыча ушла в сторону, ловко ухватила Гришу под локоть, уводя в сторону удар кулаком. А дальше...

А дальше Сергей ничего не понял. Потому что в следующий момент Гриша уже лежал на спине и молотил свободной рукой по импровизированному татами.

– Руку ему не сломай! – закричал Михалыч. – Еще этого не хватало...

– Да хорошо все! – радостно откликнулась Маша. Она раскраснелась и явно вошла в азарт. – Под контролем!

– Знаю я... – проворчал Михалыч, глядя, как поднимается Гриша, отряхиваясь и возвращаясь на боевую позицию. – Чего встал, давай хворост!

Последнее адресовалось Сергею.

– Под контролем, – ворчал Михалыч.

– Да ладно, чего ты волнуешься, Гриша не со всей дури же лупит, – не понял причины волнения Сергей.

Михалыч фыркнул.

– Последний раз это «под контролем» кончилось двойным переломом руки.

– У Машки? – ужаснулся Сергей.

Михалыч посмотрел на него как на умалишенного.

– Сережа... Ты меня поражаешь иногда. Ну, посмотри на нее...

Сергей посмотрел.

– Ты думаешь, у нее может быть перелом руки? Нет, конечно! У ее спарринг-партнера! То же самое ведь говорила. – Михалыч краем глаза посмотрел на Гришу, в очередной раз улетевшего с «ринга» в сугроб. – Под контролем... Блин.

Он отвернулся от дерущихся.

– Ну, вот, собственно, готово. Оставшийся хворост можешь в дом отнести. К печке.

На каждую палисаду вела теперь аккуратная снежная лестница, укрепленная ветками. Надежно, хотя, может быть, и недолговечно. Но Михалыч и не собирался тут зависать на месяц. Чутье подсказывало ему, что лестницы или понадобятся в скором времени, или не пригодятся вообще.

Он посмотрел на часы. И повернулся к Маше.

Дождавшись, когда Гриша в очередной раз подтвердит проигрыш, Михалыч громко спросил:

– А обедать сегодня дают? Или кормят только отбивной по ребрам?

– Я ж сказала, – весело отозвалась Маша. – Все под контролем. Горячее готово и так далее...

– И то хорошо. – Михалыч вздохнул.

За обедом все молчали. Ощущение неясной приближающейся угрозы вдруг поселилось среди людей. В каждой операции наступает момент, когда адреналиновая волна, подпитывавшая людей до определенного предела, наконец иссякает и на смену ожесточенной решимости приходит упадок сил и тревога.

– Не фонтан, короче, – вдруг резюмировал Миша Самойлов. – Я, конечно, всякой дряни понаставил вокруг. Но для умелого человека это все раз плюнуть.

Ему никто не ответил.

Михаил вздохнул и, подхватив свой маскхалат, двинулся к выходу.

– Ты куда? – окликнула его Маша. – Чай еще...

Самойлов, даже не обернувшись, потряс в воздухе большим железным термосом.

Уже в дверях он сказал, будто бы ни к кому не обращаясь:

– Там присмотр нужен. Вернусь через три часа. Если нет, то...

Хлопнула дверь.

– Ну, когда Мишка по кустам шарит, это уже половину беды долой. – Петр кашлянул и потянулся. – Те, кто сменился, на боковую. Маш, постовым...

– Накормила вперед вас, – ответила Маша.

– Умница, что я могу еще сказать. – Петр Фадеевич встал, снова потянулся и направился к своему лежаку. – Спице, кто может, чую я, что ночка будет... Эх! В болоте тихо, да жить там лихо. Что-то вы, мужики, приуныли?

Никто не ответил.

Петр Фадеевич спал крепко. Решив что-то для себя, он уже не маялся колебаниями, неуверенностью. Если решение принято, то и сожалеть о нем смысла нет никакого. От этого ни пользы, ни толка не будет, одна маета. Поэтому даже разбудить его получилось не сразу.

– Петр! – Михалыч тряс тестя за плечо. – Петр! Вставай!

Наконец тот открыл глаза.

– Ну, ладно-ладно, душу вытрясешь... Случилось чего?

– Мишка пропал.

Петр тут же сел в кровати. Пошевелил плечами, глянул на часы.

– Чего сразу не разбудили?

– Хотели подождать, может, задержался где-то. Придет...

– Придет, – передразнил Петр Фадеевич. – Самойлов точный, как часы. Если сказал – через три часа, значит, через три. Буди всех. Случилось что-то...

В это время Самойлов из-под засыпанной снегом валежины, в корнях которой очень кстати располагалась брошенная медведем берлога, наблюдал за людьми, которые медленно, осторожно, тщательно выбирая место для следующего шага, двигались по лесу.

Поднимать шум, стрелять первым и потому подставляться под пулю Михаил не имел желания. Но и подпускать этих опасных даже на вид людей близко к стенам было нельзя. Получалась крайне паршивая вилка, где как ни крути, а на иголку напорешься.

– Тихо как-то... – прошептал Сергей.

– Тут всегда тихо, – ответил Михалыч. – Не город все-таки...

– Я знаю, что не город. Но все равно как-то тихо. Слিশ-

ком.

Они торчали на палисаде, укрывшись за частоколом, уже с полчаса.

Сгущались сумерки.

«Еще полчаса, и темень будет непросветная, – с тревогой подумал Сергей и пригляделся к фигуре часового, хорошо видной на фоне еще светлого неба. – Кто это так торчит на башне? С чего бы?»

Не успел он так подумать, как от темного силуэта совершенно бесшумно начали отлетать маленькие темные кусочки. И сама фигура задрожала, наклонилась...

«Да по нему же стреляют!»

– Михалыч! Смотри!

Откуда-то сбоку и чуть снизу от расстреливаемой фигуры с грохотом вырвался сноп пламени! И еще!

Кукла наконец упала, с грохотом обрушилась куда-то вниз, бревном перевалившись через край частокола.

Теперь стреляли уже со всех башен. Редко. Наугад. Никто не видел противника...

Михалыч, закрыв глаза, вслушивался в морозную темноту. Выстрел. Еще. Пауза. Снова выстрел.

И вот он...

Сухой треск выстрела. Другой, не охотничий патрон. Глухой удар пули в бревно. Еще один. Тяжелая, крупная, дозвучившая пуля, застревает в частоколе. И опять этот звук, будто кто-то негромко хлопнул в ладони. И снова пуля. Хлопок.

Кто-то пытается подавить стрелка на башне.

Михалыч рывком приподнялся над частоколом. Вскинул ружье. Два выстрела пошли дуплетом. Сергей хотел было высунуться, но получил по лбу ладонью.

– Куда?!

Михалыч выхватил из рук Сергея ружье. Сунул свою разряженную двустволку.

– Заряжай!

Перекатился на несколько метров в сторону. Замер. Вскочил. Один выстрел. Вниз. Перекатился назад. Встретился глазами с Сергеем.

– Что?

– Под стеной...

Он приподнялся, выпустил заряд вниз, каким-то невероятно длинным броском достал перезаряженное ружье у Сергея в руках и снова выстрелил за частокол.

Лег на палисаду.

Замерзшими пальцами Сергей торопливо выдергивал из дымящихся стволов гильзы.

Самойлову удалось замаскировать свой выстрел за грохотом пальбы, которая велась из крепости. Это была удача, особенно, если учесть, что пуля нашла цель. Человек в белом халате дернулся и вытянулся на снегу.

К нему стремительно и бесшумно рванулась белая тень.

Это было плохо, потому что этого бойца Михаил не видел.

И если бы тот не дернулся...

По-хорошему, после выстрела надо было с места уходить. Но... но берлога была очень удобной лежкой, а человек, спасающий раненого, был такой удобной мишенью.

Самойлов выстрелил второй раз.

И промахнулся...

Человек-мишень дернулся, обернулся. Что-то крикнул или нет, вторая пуля разбила ему голову.

Самойлов понял, что ждать больше нельзя.

Бежать! Уходить!

Он рванул наверх, расшвыривая лапник, к тайному лазу...

Что-то огромное, грохочущее, сильное подхватило его. Толкнуло вперед. Больно впиваясь множеством горячих когтей в спину.

Где-то в лесу оглушительно жахнуло. Сергей вжал голову в плечи.

– Граната, – прокомментировал Михалыч, пробираясь вдоль частогокола. – Давай за мной...

На башне, зажимая окровавленную руку, сидел Егор.

– Подцепили меня, подцепили, ну представляешь?! Подцепили! А как хорошо получалось! Куклу подставил! Сам отстрелялся! А подцепили! Ну, что ты будешь делать, льется и льется... Льется и льется...

– Серега, займись! – приказал Михалыч, толкая Сергею в руки красную коробку аптечки.

Михалыч высовываться не стал, прислушался. Где-то в лесу сухо треснула ветка. Затем что-то с грохотом обрушилось с большой высоты.

– Сработала обманка самойловская! – обрадовался Егор.

– Какая обманка?

– Да он там на одном дереве ловушку смастерил. Высокое, говорит, дерево, если там, мол, засесть, то много чего можно наделать. Он ведь чего так долго пропадал днем, он все там с ветками мудрил. Теперь не дерево, а одна сплошная западня. Мишаня, он ведь знает, что делает, это я вам точно говорю, лучше охотника и нету в наших краях...

Михалыч вдруг вскинулся, перегнулся через бревна и выстрелил вниз. Потом еще.

Сел и сплюнул:

– Не попал.

На противоположной башне дела обстояли хуже. В первые же минуты часовой был убит, и Петр Фадеевич занял его место. Где-то на стене остался Саша-Тихоня, который изредка простреливал лес картечью.

– Как там, Фадеич?

– Хреново, Тихоня. Кожемяку убили!

Саша выругался и выстрелил в лес.

– Ты б патроны-то поберег...

– У меня их, старых, навалом! Едва донес. Я обратно такую тяжесть не поволоку! Дай хоть душу отведу...

– Смотри...

Сашка-Тихоня ответить не успел. Петр Фадеевич только видел, как мелькнуло что-то в воздухе. Успел упасть на доски.

Грохнуло так, что заложило уши. Частично контуженный, он выстрелил в темноту. Упал. Отполз в сторону.

– Ох ты! – Михалыч зажмурился. После вспышки в глазах плавали радужные круги. – Черт! Кто-нибудь что-нибудь видит? Что там?

– Костя вроде бежит... – ответил Сергей.

– Куда бежит?

– Ну туда, к пролому...

– Что, стену пробило? – испугался Михалыч.

– Да нет! – ответил Егор. – Куда ж пробить, тут такой вал земляной? Ты думай, чего говоришь? Палисад разворочало! Эх... Ты...

Сергей сделал неосторожное движение, и Егор зашипел от боли.

– Осторожно...

– К стенам не подпускать!!! – закричал Михалыч.

В тот же момент по бойницам ударили пули.

– А вот хрен вам... – Михалыч вздрогнул, а потом закричал снова: – Светильники за стену!

Буквально через минуту из-за частокола в лес полетели яркие брызжащие искрами огни.

– Вот так лучше... – Михалыч посмотрел через бойницу. – Точно лучше.

Он огляделся.

– Возле ворот... – тихо прошептал Сергей.

Он не успел даже сообразить, что к чему, а Михалыч уже кубарем катился вниз по насыпи. Сергей прыгнул следом, более удачно.

Около ворот они оказались почти одновременно.

Сзади кто-то сопел, кажется, Гриша.

– Оттаскивайте...

Бревна то ли подгнили от времени, то ли просто изначально были сделаны более тонкими... Неизвестно. Но пули прошили их навывлет.

На снегу, прижав руки к животу, сучил ногами Василь Кулебякин. Огромный, сильный и очень тяжелый. Поднять тело Сергей с Гришей не смогли, потому, вцепившись в воротник, поволокли его к дому. Василь скрипел зубами, тяжело отрывисто дышал, но молчал.

Позади зашипело. Это Михалыч зажег магниевую свечу и швырнул ее через ворота.

В тот же миг воротина затряслась от частых, сильных ударов, посыпалась щепка, а Саша Рогаткин принялся прицельно лупить с башенки куда-то в лес.

– Саша, пригнись! – заорал Михалыч. – Саша, пригнись! Сядь, Саша! Сядь!

Бам!

Пустая гильза по пологой дуге уходит в сторону. Бам!

Пустая гильза...

Бам!

Слепая злая пуля взрывает снег метрах в сорока от ворот.

Бам!

Еще одна укладывается в ту же мишень.

– Саша, ложись! – По палисаде, пригибаясь, несется Костя. Ворот нараспашку, полосатый «тельник»...

Рогаткин успел выстрелить еще раз, потом бывший десантник прыгнул, и они вместе покатались вниз. Михалыч приник к смотровой щели.

– Попал?! Попал?! – Саша барахтался под придавившим его Костей. – Антон, скажи, я попал?!

– Кажется... Не видать отсюда. Снег, кажется, красный.

– Он зарылся! Я видел! Долго ждал! Да слезь с меня, Егоров, блин! Костя!

Михалыч обернулся.

– Костя...

Голубой берет наливался темным. Лицо десантника было безмятежно.

– Моя же пуля была... Моя... Что ж ты, дурак, сделал-то? Моя же... – прошептал Рогаткин. – Моя.

Час прошел в относительном спокойствии.

Вторая партия светильников уже отгорала.

– Отбились, что ли? – прошептал Сергей.

– Шутишь? – Михалыч смотрел в лес. Станный, остановившийся взгляд пугал Сергея. – Они просто нас пощупали. Штурма и не было еще.

– Да, но кого-то же мы подцепили из них.

– Повезло. Может быть, еще Миша в лесу успел...

– Думаешь, его тоже?

– Уверен. – Михалыч вздохнул, потом грустно усмехнулся: – Что, не похоже на бодрые боевики, где один против сотни?

– Не похоже...

– То-то... А у нас еще не самый плохой вариант. Трое убитых, один раненый. Да еще не просто так ушли, а кого-то с собой забрали. Сашка одного, судя по всему, у Миши ловушка сработала, ну и... стрелял же он по кому-то. Не верю, что просто так...

– Знать бы еще, сколько их.

– Вряд ли много. Во-первых, если бы много, то нас бы смели. Во-вторых, большое количество человек через границу не переправить просто так. Хотя... Вообще знаешь, хорошо, что мы тут, а не в городе.

– Почему? – Сергей вытянул шею и тоже окинул взглядом лес. Но тут же спрятался. Ему постоянно казалось, что за ним кто-то наблюдает, в прицел...

– А тут честно все. Мы стреляем. Они... Честно. А в городе, представь?! В городе мы бы находились в заведомо проигрышной ситуации. Масса гражданских, неудобные пози-

ции. Им-то, собственно, плевать на все это... Так что лучше тут, чем там. – И Михалыч снова повторил: – Честнее...

Они помолчали, каждый думал о чем-то своем.

– Что будет потом? – вдруг спросил Сергей.

Михалыч пожал плечами.

– Возьмут под контроль стрелковые позиции, подавят огнем фасад и начнут штурм. Если бы не эта палисада, они так бы и сделали. Сразу. А тут стрелять можно из любого места. Слишком большое количество целей. Так что возможны варианты.

– Да я не про то... – прошептал Сергей, но его никто не услышал.

Когда светильники стали один за другим взрываться снопами искр и гаснуть, Михалыч крикнул, чтобы бросили дополнительные. Хотя и понимал, мера только временная.

– Они их тушат, тушат! – кричал Петр. – Мать-перемать!

Он стрелял в лес картечью, стараясь накрыть точку, с которой кто-то прицельно бил по свече. Его примеру последовали другие, но помогало мало.

– Вот начинается веселье, – прошептал Михалыч, рассматривая деревья в прицел. – Начинается веселье.

Бух!

Восемь девятимиллиметровых шариков расщепили сосенку.

Бух!

Еще восемь легли чуть правее.

Михалыч кинул ружье Сергею, подхватил другое. Снова два выстрела.

Рядом, неприцельно, одной рукой, лупит через стену Машкин, он что-то кричит, кажется, матерное, злое. Сейчас все, что он может, – это обеспечить плотность огня. Перезаряжать помпу одной рукой ему тяжело, но как-то справляется.

А потом светильники начали гаснуть.

– Что теперь? – закричал Сергей.

– Еще свечей! Кидайте все, что есть! – проорал в ответ Михалыч.

Но было поздно.

Краткого момента темноты оказалось достаточно.

От ближних деревьев воздух прочертили две яркие стрелы, и ворота разлетелись в щепу. Грохот. Огненная вспышка и почему-то черный снег! Одновременно с этим оглушительно ахнули гранаты у стен крепости. Все заволкло белым, густым дымом.

Защитники сделали несколько выстрелов в туман и кинулись к воротам.

Сергей бежал вместе со всеми, не понимая ни цели, ни смысла своих действий. Он что-то орал, пытаясь на ходу перезарядить ружье. От волнения он даже не понимал, что пустые гильзы все еще торчат в створах. Все, чем он был, все, чем он мог быть, все его прошлое, будущее и настоя-

щее вкладывалось в это надсадное «А-а-а!». Нелепое, с раскрытыми в ужасе глазами, существо бежало вперед, туда, где взорванные ворота, затыкать брешь в обороне, остановить, встать на пути, подохнуть, но не пустить.

Кто-то, в пыли, гари и грохоте уже не понять, кто, встал на одно колено, прямо перед воротами. Прицелился. Выстрелил!

Передернул затвор.

Выстрелил!

Рядом с ним упал еще один человек.

Выстрел! Еще один! И снова!

– Жги! Жги! – Сергей с трудом узнал голос Михалыча. – Жги!

И в тот же миг ворота страшно вспыхнули. Чадное пламя взметнулось к небу, затрещало зло. И Сергей понял, это ворота в ад. То, что сейчас ворвется через них, не должно существовать, не может! Не имеет права!

Вдруг нахлынуло спокойствие. Он выкинул пустые гильзы, перезарядил ружье и вскинул его к плечу.

Из-за спины, как чертик из табакерки, выскочил Петр Фадеевич, швырнул какие-то пакетики в сторону горящих ворот. Из свертков тут же повалил густой белый дым, но перед тем, как все вокруг заволокло молочно-белой жгучей пеленой, Сергей увидел! Как через огонь лезут... Не идут! Не бегут! А лезут! Гадкие, страшные твари! Не люди...

Приклад коротко, дважды ударил в плечо.

Сергей перехватил «сайгу», как дубину, за горячие стволы, и кинулся вперед, в туман, где слышались крики да редкие выстрелы в упор...

Потом туман вдруг стал черным.

77.

– Ну как? – поинтересовался Гриша. – Головка бо-бо?

Сергей через мутную пелену разглядел его лицо. Раздутая скула, одного глаза не видно, заплыл, рассеченная губа сочится кровью.

– Паршиво, Гриш... – Сергей попробовал сесть. – Голова кружится.

Чьи-то крепкие руки легли на плечи.

– Ты лежи. Сейчас не критично. Валяйся. Пока можешь.

– Да, тебе лучше полежать еще... – раздался другой голос.

Женский.

– Маша?

– Да? – Ее озабоченное лицо появилось в поле зрения.

– Как там Михалыч?

Она пожала плечами. Что-то промелькнуло в ее глазах и пропало.

– Что? Что с ним?

– Снаружи он остался... – Это Гриша. – Снаружи.

– А мы где? – Сергей напрягся, сел. Правый бок словно огнем жгло.

– Осторожно. Тебе по ребрам досталось...

– Гриша... – Сергей осторожно попытался вдохнуть. Получилось. – Гриша...

– Ну, чего?

– А ты с каких пор разговорился-то?

– С вами не то, что разговаривать... С вами слепой прозреет... – проворчал Гриша, осторожно высматривая что-то в амбразуру.

– А серьезно? Чего молчал-то?

– Чего молчал... А чего базарить? Все в порядке было.

Вот и молчал.

– А сейчас?

– А сейчас херово все, чувак. Попадалово сплошное. Так хоть потрепаться, перед смертью.

– Так плохо? А где Михалыч?

– Контузило тебя, чувак. – Гриша сплюнул. – В натуре контузило. Снаружи остался Михалыч. Вот и хер весь.

Сергей осмотрелся.

Он сидел на краю лежака, внутри дома. Дверь была забаррикадирована. Около узких бойниц стояли немногие уцелевшие. Петр Фадеевич с перевязанной головой, Гриша и Маша. Отец Федор прикипел к маленькому окошку под самой крышей. Неподалеку от печки на кровати лежал Василь Кулебякин, его широко открытые глаза смотрели в потолок. «Умер», – опустошенно подумал Сергей, но в этот момент Василь моргнул. Кулебякин был жив. Но он медленно и тяжело умирал, сжавшись, сцепив зубы, чтобы ни стоном, ни лишним жестом не выдать той боли, которую испытывал.

– Что значит остался снаружи? – Сергей никак не мог восстановить последовательность событий. – Меня по голо-

ве ударили, что ли?

– Не то слово, – ответил Гриша. – Крепко приложили.

– Да скажи ты ему, – подал голос Петр Фадеевич от своего окошка. Он стоял, хмуро глядя наружу и опираясь на ружье. Сергей обратил внимание, что приклад оружия расколот. – Тянешь, тянешь...

Гриша вздохнул.

– В общем, там такая давка пошла. Я так и не понял, откуда те ребята выскочили во вторую линию... Не понял и все. – Гриша развел руками. – Те, кто сумел, сюда отошли. Петр кричал, мол, назад, в дом, в дом, мол... А Михалыч там и еще этот... Ему еще руку подстрелили.

– Малашкин...

– Наверное. А Рогаткин, кажется, слег. Он как раз там, ну, помнишь, в проеме стоял и стрелял. Когда ворота вспыхнули. Клево ушел мужик. По-настоящему. Кстати, я так и не врубился, с чего ворота загорелись. Как это вы ухитрились?

– Озаботились, – проворчал Петр Фадеевич. – Заранее.

– Я едва не обделался, в натуре. Как полыхнуло!

Петр Фадеевич крикнул.

– Слушай... Ты когда молчал... Как-то спокойней было, честное слово.

Гриша не обиделся. Только кивнул и пояснил севшим внезапно голосом:

– Волнуюсь я... Словесный понос. Извини.

Петр Фадеевич махнул, ладно, мол.

Стало тихо, только огонь потрескивал в печи.

Где-то наверху, по специальной площадке, осторожно ходил отец Федор.

Сергей поднялся на ноги и, покачиваясь, добрался до ближайшей бойницы. Выглянул. Темнота. Острый запах дыма. Он внезапно сообразил, что раньше этих амбразур не было. «Как же так? – нахмурился Сергей. – Не мог же я настолько все пропустить...» Но потом он увидел на полу, у стены, сваленные в кучу ставни и все понял. Неведомые создатели крепости предусмотрели многое.

Рядом оказался Петр Фадеевич. Протянул помповое ружье.

– Справишься, если что?

– Справлюсь, – Сергей повесил оружие на плечо.

– Там все заряжено по полной, только стреляй. Картечь...

Разлет широкий.

– Хорошо. – Сергей понял, что не верит в реальность происходящего. Все вокруг казалось дурным, страшным сном. В котором он застрял надолго. Может быть, навсегда.

«Я умру тут, – вдруг понял Сергей. – И не проснусь».

– Ну и ладно... – прошептал он.

Петр Фадеевич понял его слова по-своему.

– Антон живой, и Егорка тоже. Только... – Он обернулся, как показалось Сергею, в поисках дочери. – Америкосы требование выдвинули. Или мы диски им отдаем, или они наших режут. Два часа у нас есть. Так-то.

– Что-то щедро они дали...

Петр усмехнулся.

– А мы им сказали, что, мол, если с наших ребят хоть волос упадет, так мы эти диски в печку сунем. А они им, кажется, дороже матери сейчас.

– Пат.

– Чего?

– Патовая ситуация. Как в шахматах. И нам не дернуться, и им...

– Она самая.

– Но время-то на нашей стороне. Такую пальбу наверняка кто-то услышит... Да и им не просто, наверное, границу перешли. Наверняка их ищут...

– Ну, время, оно... Никогда не знаешь, на чьей стороне. – Петр Фадеевич огладил бороду. На повязке выступила свежая кровь. – Тут, знаешь, не все так просто. Выстрелы, конечно, может быть, кто и услышит, но пока до этих мест доберешься... Без спецтехники, считай, никак. Да и не услышит никто. Место глухое. А еще... Антошка, он долго не протянет. Ранили его. Так-то. Вот и смотри, на чью руку время играет. Договорились, что через два часа решение дадим, какое-то...

Он замолчал, потрогал расколотый приклад.

– Может, их действительно, того?

– Чего? – Не понял Сергей.

– Да диски эти...

Сергей почувствовал, какой вязкой стала слюна и как напряглись скулы. Петр Фадеевич, видимо, что-то заметил и отмахнулся:

– Да ты не понял, паря. Я ж не отдать... Я предлагаю в печку сунуть, а дальше, как вывезет кривая.

Сергей припомнил, что говорил на эту тему Михалыч.

– Нельзя, Петр Фадеевич. Пока эти болванки у нас, с нами разговаривают. А как только мы от них избавимся, сразу ненужными станем. Да и если отдадим... тоже. Так Михалыч говорил. А что там было после того, как я отключился?

– Драка, – просто ответил Петр. – Вишь, приклад совсем размолотил... Твердоголовые они, что ли?

И он отошел к своему окошку.

Через некоторое время вниз спустился отец Федор. Священнику досталось в свалке. Рука в бинтах, щека разодрана, дышит тяжело, с присвистом.

– Вот что, ребята, я вам скажу, – начал он, облокотившись на стол. – Их там не так много осталось... Ждать нельзя. Надо вылазку делать. Ребят наших вытаскивать.

Петр Фадеевич хмыкнул.

– Положат нас, у выхода, да и все.

– Дымы бросим. Еще ведь остались. Я сверху присмотрелся. Есть возможность. А ребятки наши за воротами. Подхватим и обратно... Время ведь уходит.

– Нам бы до утра дотерпеть, – вздохнул Петр Фадеевич. – Там мужики придут. Из деревни. Я попросил, чтобы при-

шли. На день... Для страховки.

– Не дотянем. И, главное, наши парни не доживут. И этим гадам тоже до утра резону нет тут торчать. Тоже, поди, не дураки подобрались.

– А я согласен! – вдруг подал голос Гриша. – Все лучше, чем тут торчать. Рывок сделаем, а там уж как пойдет.

– Не годится, – ответил Петр Фадеевич.

– Чего?

– Того, не годится. Как пойдет... Должно пойти по-нашему.

– Тогда смотрите... – Отец Федор решительно взял уголек и принялся чертить на столе схему.

Сергей отошел в сторону. У него кружилась и болела голова. Перед глазами все плыло.

– Как ты себя чувствуешь?

Сергей обернулся.

Рядом стояла Маша.

– Хорошо. В общем.

Она кивнула, глаза были растерянные, испуганные.

– Да ты не беспокойся, – неожиданно для себя сказал Сергей. – Мы его вытащим, и все будет хорошо. С Михалычем и не такое случалось, правда?

– Правда... – подтвердила она тихо. – Только это было давно.

Сергей не нашелся, что ответить, и Маша отошла к Кулебякину. Смочила ему губы мокрой тряпицей.

Сергей сел около окошка и принялся ждать.

Когда раздались первые выстрелы, они уже были готовы.

Откуда-то с улицы послышался низкий, тяжелый рык и короткие автоматные очереди. По верхушкам сосен полоснул белым светом прожектор.

– Из огня да в полымя! – заключил Петр Фадеевич. – Пошли, мужики, пора этот балаган кончать!

Он распахнул двери, швырнул оставшиеся дымовые шашки и кинулся вперед, в густой дым, паля на ходу.

Они неслись вперед, стреляя во все стороны, ни на что уже не надеясь. Сергей бежал вместе со всеми, не разбирая дороги и надеясь не заблудиться в этом страшном белом тумане. Только маячила впереди спина отца Федора да гудел в голове набат: «Кончать балаган!»

И Сергей бежал. Заканчивать балаган и наводить порядок. По праву мужика. Хозяина этой земли.

– Тащи! – орали впереди. – Тащи!

И выстрелы!

Кто-то, в дыму не поймешь, кто, выскочил, схватил Сергея за грудки.

– Серега! Дай ружье! Держи носилки! Пошел!!!

Снова выстрелы!

Шальная автоматная очередь прочертила воздух над головой.

В дыму тяжело, трудно дышать, дым обжигает легкие, гор-

тань, оставляет мерзкий привкус во рту.

– Антоша! Антоша! – Чей-то истошный вопль. Кажется, женский, не разобрать уже.

– Лежать всем! Суки!

Выстрелы!

Тяжелые носилки оттягивают руки.

«Только вперед! Кончай бардак! Только вперед!»

Он ввалился внутрь, не чуя под собой ног. По инерции пробежал еще метра три и упал. Сзади на доски с носилок рухнул Михалыч. Петр и Гриша задраивали дверь.

У Михалыча распухшее, посиневшее лицо. Кровь сочится изо рта.

Петр Фадеевич стреляет из амбразуры. Еще. Еще! Помпу клинит, и он отбрасывает ставшее ненужным оружие.

– Суки...

– Что теперь? – выдохнул Сергей. – Что теперь?

Ему никто не ответил.

– Ждем, – наконец сказал Гриша. – Второго не нашли. Убили, наверное.

На улице продолжалась пальба.

И вдруг, перекрывая грохот выстрелов, кто-то гаркнул на всю тайгу:

– Предлагаю сложить оружие! С вами говорит капитан воздушно-десантных войск...

– Вот дерьмо! – выругался Гриша. – Русские...

Снова одинокие выстрелы.

Приближающийся низкий рокот.

Техника?

– Десантура... – удивленно пробормотал Петр Фадеевич.

– Предлагаю сложить оружие! С вами говорит капитан воздушно-десантных войск...

Снова стрельба и тот же голос в мегафон:

– Да вы охренели совсем!

Бабахнуло так, что даже в доме все оглохли. Больше выстрелов не было.

Сергей подошел к бойнице, осторожно выглянул. Сквозь сожженные ворота ярко светил прожектор. То тут, то там в поле зрения попадали деловито суетящиеся люди в голубых беретах.

– Внимание! – донесся уже другой голос. – С вами говорит майор ФСБ Калугин. Предлагаю открыть дверь и выйти... Если среди вас есть Антон Михайлович Лаптев, то я должен передать ему сообщение...

– Не знаем тебя! – проорал в амбразуру Петр Фадеевич. – У нас диски, если что, мы их того! В печку! Понял?!

– Да и черт с ними... – после паузы раздался голос Калугина. – Если в печку... Так. Для Антона Лаптева передаю сообщение.

– Михалыч, Михалыч... – пошевелил полковника Сергей. – Слушай, родной...

– Рота Джамаля ушла в горы. «Заря» может вернуться.
Код возврата 16-743+15.

Все это Калугин прочитал по бумажке. Отложив в сторону микрофон, он пожал плечами и сказал Иванову:

– Знать бы еще, что это значит... Битов передал, говорит, что Лаптев сообразит.

– А если не сообразит?

– Хреново тогда, – Калугин вздохнул.

Они подождали немного. Потом Калугин снова взялся за микрофон.

– Повторяю...

В это время, внутри крепости, Михалыч разлепил губы и выдохнул:

– Наставник... Откройте...

Заскрипела тяжелая створка, и Маша метнулась к дверям.

– Врача!!!

Калугин стоял на раскуроченном взрывами палисаде.

– Твою мать...

– Что там? – крикнул снизу Иванов.

– Война... – тихо ответил Калугин.

Рассвело.

Раненых десантные БТРы увезли в госпиталь. Убитых паковали в черные, глухие мешки и тоже вывозили. Чужаков отдельно.

– Знакомая физиономия! – крикнул Иванов. – Владимир Дмитриевич, подойдите!

Калугин спустился вниз по разбитым, но все еще удобным

ступеням из утрамбованного снега и плотно переплетенных прутьев.

– Вот посмотрите. . . – Иванов протянул ему листик с портретом, который изображал человека с длинным носом. – Это тот, на которого наши «девочки» показали. Помните? После разгрома на квартире у Лаптева?

– Да-да, кажется, припоминаю. . . – Калугин посмотрел на лежащее перед ним тело. Потом снова на картинку. – Умницы, девочки. Да и художники тоже. Запиши себе, чтобы отдельно в рапорте указать хорошую работу этих рисовальщиков. Почти одно лицо.

На снегу, наполовину упакованный в черный пакет, лежал Носатый. Белое лицо, закатившиеся глаза и черные отпечатки на горле. Вдавленный внутрь кадык.

– Душили, – прошептал Леша. В его голосе Калугин услышал плохо скрываемое удовлетворение. – Душили. . .

– Гнать нас надо, Лешенька, из органов, – вдруг сказал Калугин.

– Почему? – Иванов даже руками развел.

– Потому что в хвосте плетемся, как старые лошади. Эти люди нашу работу сделали. Понимаешь? Нашу. Так что поедем мы с тобой в Москву получать заслуженную пилюлю от руководства. То есть получать буду я. . . Знаешь, Леша, есть такой жанр, комедия ошибок. А у нас вышла не комедия. Трагедия ошибок.

Иванов промолчал.

Калугин нагнулся, расстегнул застежку-«молнию» на мешке.

– Смотри, как интересно, Леша.

– Что?

– Одежда. Носатый одет в цивильное. Понимаешь? Те, – Калугин мотнул головой на остальные черные мешки, – те военные. Там и покрой, и снаряжение... Все понятно. А этот, хоть и снаряжен, но по-другому. Его одежда – это то, что может надеть гражданский, чтобы не замерзнуть и вместе с тем не привлекать к себе внимания.

– Так... – Иванов неуверенно посмотрел на шефа. – Так что же получается, он...

– Ну-ну...

– Он к ним присоединился, что ли? Специально приглашенная звезда?

– Что-то вроде. Уйти он должен был вместе с ними, это к гадалке не ходи...

– А старика в деревне они порезили?

– А кто еще? – Калугин удивленно посмотрел на Иванова. – Ты знаешь много людей, которые могут накачать человека сывороткой, а потом пристрелить? Экспертиза, конечно, ответа еще не дала, но я предполагаю, что сюрпризов не будет.

– А кто наших ребят порезал?

– Лешенька, из меня хреновый Шерлок Холмс. Очень хреновый.

– Понял...

– Но в рапорте. В рапорте, Леша, я укажу на него. – Калугин кивнул в сторону мертвеца. – В комментариях, конечно.

Иванов неопределенно хмыкнул и сделал выводы.

Бойкие ребята, грузившие тела в БТР, застегнули мешок и уволокли Носатого. Пора было трогаться. Забирать живых, приглашать психологов, медиков, следователей, составлять рапорты, писать отчеты, получать пинки. Жить дальше.

Около сожженных ворот крепости, усевшись в сугроб, сидел молодой человек. Поднявшийся ветер трепал его волосы. Издалека Калугину показалось... Снег? Он подошел ближе. Пригляделся. Потом присел рядом на корточки.

– Это вы, Сергей Столяров?

Молодой человек кивнул.

– Что ж вы, Сережа... – Столяров посмотрел Калугину в глаза, и тот почувствовал, как все слова застревают в горле непроходимым комком. – Что ж вы...

Столяров все смотрел и смотрел на Владимира Дмитриевича. А ветер трепал его волосы, словно хотел погладить, утешить. Холодный суровый русский ветер сгонял, стряхивал, да никак не мог стряхнуть этот снег, осевший на волосах у двадцативосьмилетнего парня. Снег, который называется сединой.

– Спасибо, – наконец выдавил Калугин и отошел.

Сергей позволил медбрату поднять себя на ноги и медленно, осторожно заковылял к ждущему его БТРу. Перед глаза-

ми все еще стоял исполосованный осколками, но ползущий по окровавленному снегу Самойлов. Вгрызающийся в наст широким охотничьим ножом. Изломанный Михалыч, шепчущий что-то на фарси. Плачущая Маша. Закусивший до кровавой пены губы Кулебякин. Выстрелы. Горящие ворота. Нелюди, прущие через огонь. И люди, вставшие у них на пути. Просто потому, что так... Потому что так решили сами. По праву русского мужика. Без которого и мир-то стоять не будет, а развалится, рухнет, обсыплется гнилушками, старый и немощный. Для этого мира есть слово «всегда», только пока русский мужик держит его на себе. Держит, сцепив зубы...

...И улыбается через не могу.

78.

Щелк!

«В ходе тактических учений блока НАТО произошло несколько пограничных инцидентов на всей протяженности литовско-российской границы. В том числе и нарушения воздушного пространства, окончившиеся плачевно для нескольких самолетов Бельгийских ВВС. В связи с этими инцидентами ведется расследование совместными усилиями как российской стороны, так и Особым отделом Северо-Атлантического блока. Генеральный секретарь Альянса принес свои глубочайшие извинения на официальном уровне. Семьям пострадавших военнослужащих будут выплачены...»

Щелк!

«Согласно официальному заявлению Министерства обороны: наличие русских подводных лодок в Балтийском море не является препятствием для вывода авианесущей ударной группировки США из...»

Щелк!

«В ходе переговоров между представителями украинской и российской сторон, прошедших несколько дней назад в Севастополе, удалось достичь соглашений, которые разрешили потенциальный конфликт. Переговоры проходили в теплой атмосфере взаимопонимания...»

Щелк!

«Академия наук Российской Федерации опубликовала ежегодный отчет, согласно которому слухи о нефтяном кризисе, готовом потрясти мировые рынки, сильно преувеличены. В распоряжении современной науки имеются средства, способные...»

Щелк!

«Слушайте новогоднее обращение Президента».

Желаете познать мир? Что может быть проще?!

Просто переключайте каналы телевизора.

Щелк. Щелк. Щелк.

Р. С. Пицца для размышлений

13.11.2002 – «Для того чтобы мировая экономика остановилась, достаточно поднять цены на нефть до **40 долларов за баррель**», – заявил эксперт из Deutsche Bank Адам Симински. Он отметил, что если цена поднимется до **80 долларов, то наступит коллапс**». По мнению экспертов, скачок цен на нефть произойдет в случае, если власти Ирака во время вероятного конфликта разрушат свои нефтедобывающие объекты.

Декабрь 2002 – Сенатор Чарльз Шумер выступил с инициативой объединения шести компаний-разработчиков для совместного исследования и создания топливных элементов,

получившей название New Energy New York.

28.01.2003 – В прессе начинают появляться мнения аналитиков о том, что война в Ираке отодвинет необходимость разработки месторождения на Аляске.

06.02.2003 – В Национальном музее архитектуры в Вашингтоне Джордж Буш выступил с категоричным заявлением, что США должны стать лидером в области разработки альтернативных источников энергии и таким образом **уменьшить зависимость США от иностранных поставщиков нефти**. Буш обещал на ближайшие пять лет выделить 1,2 млрд долларов на разработки альтернативных источников энергии, считая развитие этой области стратегически важной задачей для страны.

21.03.2003 – Война в Ираке – Министр обороны Великобритании Джеф Хун сообщил, что горит 30 нефтяных скважин. Уже вечером в пятницу глава британского штаба обороны адмирал Майкл Бойс заявил о том, что в Ираке горят лишь семь скважин. По его словам, нефтяные скважины на юге Ирака надежно контролируются коалиционными силами. Как передает AP, над тушением пожаров работают западные специалисты. «Королевские ВМС подтвердили данные о том, что нефтяная инфраструктура на полуострове Фао не разрушена».

... Накануне появилась информация о том, что в Басре горят не менее 15 нефтяных скважин.

Цены на нефть в 2003 году – приблизительно 29 долларов за баррель.

28.05.2004 – Китайское правительство намерено стимулировать использование альтернативных источников энергии. Уже в 2005 г. в стране может появиться закон, обязывающий распределительные компании закупать электроэнергию, выработанную на солнечных и ветряных станциях.

18.06.2004 – По данным компании «Бритиш Петролеум», мировых запасов нефти хватит еще как минимум на 41 год.

20.11.2004 – Иракские боевики осуществили сегодня очередную диверсию на северном нефтяном месторождении – они взорвали скважину в районе Хабаза, в 19 км к северо-западу от города Киркук.

Цены на нефть в 2004 году – приблизительно 38 долларов за баррель.

17.03.2005 – Запасов нефти в России на ныне существующих месторождениях осталось только на 10 лет, заявил в четверг глава Минприроды Юрий Трутнев в ходе заседания

правительства РФ. «Если ничего не делать, то запасов нефти на рентабельных участках хватит до 2015 года», – сказал министр.

23.03.2005 – Правительство РФ считает целесообразным повысить расчетную цену на нефть в 2005 году до 39 долларов за баррель.

22.04.2005 – Палата представителей Конгресса Соединенных Штатов проголосовала против предложения исключить из проекта закона об энергетике положение о начале освоения нефтяных месторождений в Национальном арктическом заповеднике на Аляске. (Ранее этот проект отвергался, как экологически опасный.)

...Кроме освоения Аляски, предложенные Белым домом меры предполагают развитие энергосберегающих технологий и атомной энергетики, а также расширение использования альтернативных источников энергии.

Август 2005 года – рекордная цена на нефть – 69,81 доллара за баррель.

26.03.2006 – Официальный представитель Министерства экономики и торговли Японии заявил сегодня, что к 2030 г. страна **сократит на 10% зависимость** своей экономики от нефти.

20.04.2006 – Президент Венесуэлы Уго Чавес (Hugo Chavez) угрожает **взорвать** все находящиеся в стране нефтяные месторождения в случае нападения США, сообщает AP.

... Чавес добавил, что именно иракская нефть была истинной целью военной операции США против режима Саддама Хусейна.